

АНАТОЛИЙ ШУТЫЙ
МИХАИЛ ШУТЫЙ
АКА ШУТАЯ

ПО ЦИФЕРБЛАТУ
МЛЕЧНОГО ПУТИ

АНАТОЛИЙ ШУТЫЙ, МИХАИЛ ШУТЫЙ, АКА ШУТАЯ

ПО ЦИФЕРБЛАТУ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Сборник произведений

АНАТОЛИЙ ШУТЫЙ
МИХАИЛ ШУТЫЙ
АКА ШУТАЯ

ПО ЦИФЕРБЛАТУ МЛЕЧНОГО ПУТИ

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СТИХИ

ПРОЗА

ФРОНТОВЫЕ МЕМУАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
КАРАВАН

Ульяновск
2010

ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63,3(2)622ю14
УДК 8Р2
Ш 97

Ш 97 Шутый А.М., Шутый М.А., Шутая О.М.
По циферблату Млечного Пути: Стихи, проза, фронтовые мемуары. – Ульяновск:
Издательский дом «Караван», 2010. – 416 с.: ил., [42] л. вкл.

Художник Ака (Ольга) Шутая

ISBN 978-5-91981-002-5

Данное издание представляет собой несколько книг под общей обложкой. Это поэтические сборники и сборники прозаических миниатюр (Анатолий Шутый), книга фронтовых мемуаров (Михаил Шутый), альбом рисунков и картин (Ака Шутая). По сути представленное можно рассматривать как полное на сегодняшний день собрание творчества авторов.

Книга предназначена для читателей, пытающихся понять себя, жизнь, мир... Познание – это путь. Путь равный жизни, путь больше жизни. Главное, не проспать свое время, главное понять его и сверять часы не только по «сигналу точного времени», но и по циферблату Млечного Пути.

ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63,3(2)622ю14
УДК 8Р2

ISBN 978-5-91981-002-5

© Шутый А.М., 2010
© Шутый М.А., 2010
© Шутая О.М., 2010
© Издательский дом «Караван»

Нашей дорогой маме и супруге
Евгении Иосифовне Шутой
посвящается

*Небо в нёбыль взлетит высоко-высоко!
Будем все под Крылом, и никто не останется!
Только нам без тебя никогда бы не справиться.
Ты на Млечном Пути нам даёшь молоко.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как Вы думаете, дорогой читатель, перед Вами книга стихотворений, прозаических миниатюр, мемуаров, альбом рисунков и картин? Да, конечно. Но возникает вопрос, для чего писать? У всех по-разному. Я пишу, чтобы понять – себя, жизнь, мир... Это способ познания. Есть наука, есть философия, и есть литература, живопись... А познание – это путь. Путь равный жизни, путь больше жизни. Поэтому перед вами не только сборник стихотворений, рисунков... – перед вами путь моего – путь нашего – познания, который проходит в этой жизни, в этом мире, в этой галактике под названием Млечный Путь. Хорошее всё-таки у нее имя. Конечно, оно возникло, потому что видимая часть галактики похожа на туманную дорогу, но меня не оставляет чувство, что дело не только в этом. Мы же все на Земле – дети, вот и дорога у нас «млечная». Однако учеба не бывает легкой, и нашу дорогу на Млечном Пути нельзя представить без ошибок и без боли, без боя, который всегда идет в душе каждого, а иногда, к сожалению, становится явным, и тогда начинают греметь пушки. Но без мечты, без победы, без полета тоже ведь не бывает нашей дороги. А еще она не должна быть без любви – настоящей любви, – например, без такой, которая всегда была и всегда будет между авторами этой книги.

Итак, мы в пути – присоединяйтесь. Позади разное, а впереди пусть будет только Восход. Главное, не проспять свое время, главное понять его и сверять часы не только по «сигналу точного времени», но и по *циферблату Млечного Пути*.

Анатолий Шутый

Чтобы выразить благодарность всем нашим друзьям и знакомым, понадобилось бы выделить несколько страниц. Мы так и сделали: в Приложении помещены посвящения, написанные в разное время; их и следует рассматривать как наши благодарности.

Своими мыслями по книге можно поделиться с авторами по следующим адресам и телефонам: 432017, г. Ульяновск, ул. Минаева, д. 16, кв. 15, Шутому А.М.; E-mail: shuty@mail.ru, a_k_a@mail.ru. Тел.: 8(8422)326617, 89603783062 (моб.)

Анатолий Шутый

КВИНТА

Выверенные размером строки с зарифмованным окончанием – это еще не стихи. Стихи должны передавать то, что нельзя сказать прозой. А рифма и размер – *помощники*, заставляющие говорить не сразу, а как следует подумав. Кроме того, природа ограничений такова, что чем больше ограничения в *одном*, тем меньше их в *другом*: ограничивающий человека режим дня дарует время; подчиняясь законам, обретается право отстаивать *свое*; побеждая тело, освобождается душа... Справедливо и обратное: раскрепощая тело, порабощается душа... А когда на одной стороне стоят ограничения стихотворного текста, на другой оказываются глубина и многогранность смысла.

Сочинять стихи (то есть порой мучительно *сочленять* строки) я начал поздно, а писать – еще позже. Долго учился – пробовал различные формы, накапливал опыт. Но потом уже они стали учить меня. Конечно, не так, как могут подумать некоторые: ставится слово, подходящее по размеру, оно тянет за собой остальное и так далее. Это будут не стихи, а словесный *поток*. Совсем иначе – до «наоборот». Стихи способны блокировать свое рождение: бывает мучаешься над продолжением написанного, а оно не приходит – пробуешь, подбираешь – всё впустую. Потом понимаешь, что в замысле ты покривил душой или попытался повернуть стихотворение на ложный путь. Стоит только это понять и исправить свои мысли, как откуда-то прилетают безупречные по форме строки, и стихотворение дописывается само собой.

Что же касается тематики моих стихотворений, я пишу только то, чем живу, что меня сегодня волнует, о чем не могу не думать – как, наверное, и все поэты. Не бывает стихов, далеких от жизни (за исключением плохих, написанных кому-то в угоду), бывает разная направленность мысли. А иначе и писать незачем. Впрочем, необходимо помнить и о другой крайности: можно полностью уйти в собственные фантазии и перестать быть слышимым для других. При этом не следует лелеять самомнение, думая, что тебя не понимают, потому что ты далеко впереди. Совсем не поэтому, просто твои часы превратились в твой личный флюгер – они перестали показывать время.

Анатолий Шутый

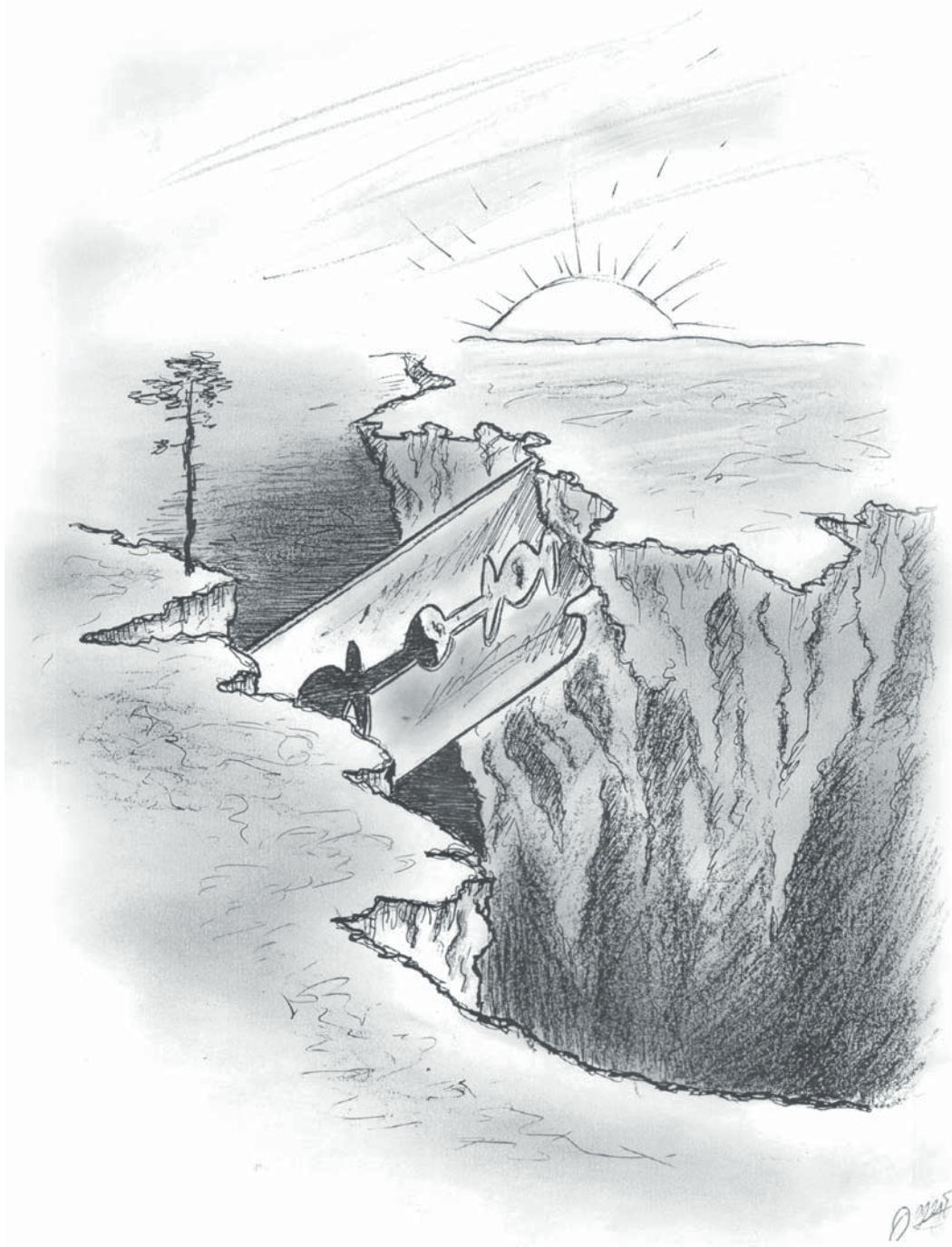
Основой для книги послужил сборник стихов «Квинта», изданный Ульяновским госуниверситетом в 1997 г. Данная ее редакция дополнена (приблизительно на четверть) ранее не опубликованными стихами, – которые для удобства помечены звездочкой, – а также небольшим числом стихотворений из первой редакции книги «Дорогой нОSoroga», что имело чисто технические причины, связанные с компоновкой всего сборника. Стихи книги «Квинта» относятся главным образом к раннему творчеству автора. Иллюстрации, выполненные Акой (Ольгой) Шутый, сохранены от первой редакции.

Мой – особенный счёт

*Шаг за путь,
Путь за шаг,
Где-то – чуть,
Где-то – гак.
Льёте слёзы, смеётесь:
«Чёт – не чёт... нечёт – чёт...», –
Не считайте – собьётесь:
Мой – особенный счёт.*

14.10.1994

А. Шутый

D. [Signature]

Крест мой

По равнине ли иду
 Или в горы,
 Отпускаю ли узду,
 Врезав шпоры,
 Иль крадусь, не сбив росу
 И робея:
 Что-то тяжкое несу
 На себе я.

Оглянулся – толстый шест,
 Вот в чем дело:
 Деревянный черный крест
 Давит тело.
 Я не знаю, как мне лег
 Груз на спину,
 Только чую: этот рок
 Я не скину.

Крест презреть не удалось,
 Все напрасно:
 Жизни тягостная ось
 Держит властно.
 Мне привыкнуть бы к нему,
 Жить беспечно,
 Только тянет груз во тьму
 Бесконечно.

Если б сбросить ношу с плеч,
 Сдвинув брови,
 Перестали б спину жечь
 Капли крови.
 Я взлетел бы в небеса
 С кручи грозной
 И творил бы чудеса
 В час свой звездный!

Несмотря на боль – сквозь бред –
 Я рванулся,
 И источник моих бед
 Пошатнулся.

Не учел мой гордый нрав
 Всадник черный –
 Рухнул, кожу разодрал,
 Крест мой кровный!
 Только... ужас – не сбылись
 Сны и грезы:
 В бездну я лечу, не в высь –
 Дальше звезды!

 Поздно нам узнать дано
 Истин грани:
 Где земля, а где зерно
 Или камни.

То, к чему я прилагал
 Все усилья,
 Что, срывая, проклинал,
 Были крылья.
 02.12.1989

Черта

Я подошел к своей черте,
 Уперся в стенку:
 Небрежно кто-то на мечте
 Поставил метку.

Не ждал столь скорых перемен –
 Неподготовлен,
 Судьбой теперь посажен в плен:
 Кругом неволен.

Не обогнуть, не обойти:
 Граница снова,
 Ведь на моем стоит пути,
 Не у другого.

Что ждет за роковой чертой:
 Надежда крушенье,
 Ничтожный жалкий путь пустой
 Иль возрожденье?

Собрать бы все: что знал, чем жил –
Пойти готовым;
Иль лучше – всё содрать до жил,
Остаться голым.
19.02.1990

* * *

Ночь уже фиолетовым цветом
Успокоила небеса,
И затихли в дыханье планетном
Суетливые голоса.

Я лежал без тревог и волнений,
Разливались тепло и сон;
Был свободен от многих сомнений,
От оценок освобожден.

Только – скрытый от тленного ока
Непреложный закон судьбы,
Терпеливый и слабый до срока,
Власть берет иль несет гробы!

Воздух сразу исчез надо мною,
Бездна ринулась острием,
Обожгла нестерпимую болью,
Полоснувши незримым мечом.

Я кричал, вопрошал ... на пределе,
Но в ответ только длинный хлыст
Вырезал на распластанном теле:
«За спокойствие, лень, корысть».

– Нет ключа пусть к доверяющей тайне,
Но с Небес справедливости ждут:
Хочешь подвига – силы дай мне! –
Но ответом был только кнут.

– Если ждешь моего обновления
Или жаждешь великий труд,

Смелость дай мне, талант, дай терпенья!.. –
Снова бил беспощадно кнут.

Зря я спорил, а после напрасно
Случай принял за сон плохой:
С той поры у меня ежечасно
Кнут и бездна над головой.
16.08.1990

* * *

Я отхожу от мира в Чистоту,
Оставив здесь людей и суету.
Пусть там распухнет мой нежный цвет,
И пусть не будет мне упрека в след.
Я медлил, но теперь я ухожу,
И споры все на время отложу.

На острове среди ревущих волн,
У лампы, у зашторенных окон
Откроют музы мне свой дивный храм,
От ран земных они излечат там.
Ни прячусь, ни сбегая – ухожу –
И голову, и кровь я остужу.

Картины жизни мой наполнят взор:
Откроются ошибки и позор.
Когда не будут мучить гнев и страх,
Я разберусь в своих тугих узлах.
Чтобы понять, сейчас я ухожу,
И бурю чувств в котомку завяжу.

Наверно, кто-то изначально чист:
Где ни пройдет, всё след его лучист,
На людях он раскроется вполне.
Мне ж нужно возродиться в стороне.
Потом приду и сердце положу!
Ну, а пока – от мира отхожу.
10.01.1991

* * *

Грядущее (поверьте, братья),
 Чтоб знать, чтоб видеть, что же там,
 Наверно, руку дам отнять я,
 А чтоб не знать – и обе дам.
 13.04.1995

Полеты во сне

В час, когда, спускаясь, космос падает на
 крыши,
 Жизнь вторую получаем мы подарком свыше,
 Каждый с ней знаком.
 В этой жизни словно книгу я судьбу читаю,
 Путешествую, влюбляюсь и легко летаю,
 Но под потолком.

Мысли вязкою смолою сковывают разум.
 Путь гористый и два склона не осилить
 разом –
 Здесь... А в мире том
 Только подниму я руки, прикажу лишь плоти,
 И, подобно ноте в звуке, в песне – весь в
 полете,
 Но под потолком.

Я соединяю звенья сказочных моментов
 Под улыбки одобренья, шум аплодисментов
 И при взгляде злом.
 Не решаю, не гадаю, что и где возможно,
 А лечу, поднявшись смело, надо всем, что
 ложно,
 Но под потолком.

Если был бы недоволен я своим уделом,
 Если понял бы, что жизни нет перед пределом

И под потолком,

Притяжения земного пути бы упали,
 И полет освобожденный в солнечные дали
 Стал не только б сном.

25.08.1993

* * *

Испаряется Земля в небеса:
 Реки, море и слеза, и слеза.
 Знать, от этого так щиплет в груди,
 Если долго не проходят дожди.
 Испаряются мечты к облакам,
 Чтобы плыть подобно белым парам,
 Отыскать весенний сказочный сад,
 И когда-нибудь вернуться назад.
 Испаряется надежды тепло,
 Но земным на небесах расцвело,
 Чтоб в лазури, ожидая меня,
 Не развеялось, родное храня.
 21.06.1994

* * * ^{*1}

В вечернем воздухе растворено вчера, –
 Уже вчера, ведь только было завтра.
 День засосала черная дыра,
 И снова финиш обернулся местом старта.

Дыра осталась сзади, – за спиной, –
 Но новый день она же увенчает;
 С собой взяла немало в мир иной
 И слабый свет нам в память излучает.
 20.06.1994

¹ Стихотворения, помеченные звездочкой, ранее не были опубликованы

* * *

Не вскрыты вены, и грудь цела,
А кровь наружу струей пошла:
Сочится сквозь кожу и не унять,
И не увидеть, и не понять...
За каплей капая, как метроном,
Об этом – реже, быстрей – о том...
Ее всё меньше – всё холодней,
Но быть другими ни нам, ни ей.
Остались капли на мир взглянуть,
Еще немного – еще вздохнуть...
Хватило б только – чтоб жить не зря –
На небо, горы и на моря.
С последней, слышал, впитаешь даль.
Я верю в это, но все же жаль.
27.11.1994

* * *

Увидев свет впервые,
Я был опутан тьмой.

Рождаются святые
Слова, когда немой.

Я в странствие отправлюсь,
Когда останавлиюсь,

И с высотой справлюсь,
Коль в пропасть устремлюсь.
09.07.1994

* * *

Латы впору,
Ободряющий мотив.
Дали фору,
Поединок отменив.

Мне – крещение —
Испытание в огне,
А сраженьё
Будет где-то в стороне.

Странно, горько:
Вся стезя моя –
Только-только
Путь до корабля.
20.07.1994

Другу

Мой гвоздь,
Моя злость,
Мне на века проверка,
Но не моя мерка,
Мой недуг –
Друг!
30.10.1994

* * *

Д. Ю.

Рука ведет по письменам
Огонь как красный маркер,
А по обугленным строкам
Уходит молча стalker.
Он не ведет и не зовет
С собою в лабиринты,
Ища свой вересковый мед –
Эссенцию из квинты.
Границы зоны – все его,
Но тропы неизвестны,
Он ищет место, где светло,
Так пусть минует бездны.
10.12.1994

* * *

Уже не я – всё делает другой,
 Не знаю, хуже ль, лучше ль, но смелее:
 Решил начать под шепот ворожей
 И сделал шаг с молитвой «Отче мой».

Глупцы его хотели обуздать,
 Но поздно, – ведь не я был перед ними:
 Слова ему все кажутся пустыми,
 Не может он, шагнув, на месте встать.

Пусть ураган бушует и ревет, –
 Час действовать, движения всё строже:
 Я думал раньше, оглянусь я позже,
 Ну а сейчас во мне другой живет!

Он – сразу победитель и изгой,
 А кровь – моя в его клокочет шее.
 Пусть будет слышен шепот ворожей, –
 Часы запущены с молитвой «Отче мой»!
 29.07.1994

* * *

Пусть, превращая вены в корни,
 Растет внутри меня сосна,
 Пусть выпивает сок до дна
 И приближает час агоний!
 Пусть над сосной встает Луна,
 Как мать шароподобных молний,
 Пусть тлен она сожжет дотла!

Пушкой во мне взорвется ад,
 И не останется ни части
 С минувшей волей, в прежней власти!
 Меня реальной станет чад.
 Но, не заметив смерти снасти,
 Небытия на мне наряд, –
 Пусть снова жизнью осветят!
 21.02.1995

* * *

Вселенная покинула меня,
 Таится в листьях, травах под ногами,
 И мотыльков неяркими огнями
 Манит, к себе дорогу хороня.

Едва услышу я утробный гуд –
 Ее глубокое, спокойное дыханье,
 Как бабочек взлетевших трепетанья
 Его с собой далёко унесут.

И я один блуждаю в пустоте,
 А путь не может даже быть измерен,
 Мой дом – Вселенная – покинут и потерян,
 Я делаю шаги, но всё не те.
 12.05.1995

* * *

Я хотел бы рассказать,
 Как рождается листок,
 Зажигается восток ...
 Я хотел бы показать,
 Как на травы дождь пошел
 Чистоты кристальной,
 Как с лесами шепчет дол,
 Полный чудом, тайной ...
 Только слишком уж тяжел
 Камень погребальный.
 Я его лишь подниму,
 А потом ... и потом ...
 Но его я подниму,
 Возвращаясь ко всему
 В дом.
 11.12.1994

* * *

– Весельем комната полна,
Тебя, брат, не поймут:
Грустишь, когда шумит весна!
– Мной овладела тишина,
Что завтра будет тут.

– Огни свечей, уютный зал,
А ты опять поник,
В тепле, как будто, задрожал.
– То холод будущий сковал
Меня на краткий миг.

– Забудь и след предчувствий злых,
Сомненья своего:
Вокруг глаза друзей, родных ...
– Со мной сегодня трепет их,
А дальше – никого.

– Но, если ты предвидишь тьму,
Как улыбнуться смел?
– Я видел свет в конце всему.
– Откуда взяться там ему?
– Я просто так хотел.
28.01.1995

* * *

Меня по мирам разнесет,
Рассыплет меня по вселенным.
Окутанный вакуумом пенным,
Со лба буду смахивать пот.
На приисках звездных с песком
Искать буду вечное слово,
Но всё я открою потом
Дома.

Тепла, наконец, возжелав,
Взову к розовеющей дали,
И буду томиться в печали
Среди огнедышащих лав.
Но всё, что на свете я жаду,
Уставший от блеска и грома,
В улыбке однажды найду
Дома.

Где быть доведется мне, там
Застану пожары и копоть,
Ножи прикоснутся и пропасть,
И гибель пойдет по пятам,
Но мне нужно только терпеть, –
Что камни в дороге иль кома:
Как всё у меня, так и смерть –
Дома.

31.07.1995

* * *

Я подаренный мир положил у окна,
Чтобы знать, что он есть, чтоб иметь
подстраховку.
Аккуратно его завернул как подковку
От зимы в нежный мех золотого руна.

А когда задержалась надолго весна,
Я метался глазами, согреться мечтая,
Но меня только ночь окружала пустая,
Опускаясь на пол с белой рамы окна.
02.12.1995

* * *

Скажите, что я не король,
Что бред и блеф – дворцов убранство,
Что имя королевству – Ноль,
Воздайте мне за самозванство.

В моих владениях метель
Играет звездами как снегом,
Ласкает песней юный Лель,
И бродит Див с Таежным Дедом.

Борей – над тучами пастух,
С ним беспокойные подруги...
«Ты не король», – скажите вслух,
И, взвившись, засмеются вьюги!

Моей страны пространство – взгляд,
Она растет быстрее света,
И жизнь ее не умирят
Ни счет, ни слез, ни тень навета.

Здесь равен океан волне,
И свет лучины равен зорям...
«Ты не король», – скажите мне,
И реки разольются морем!

Смотрите: замки, лес, холмы...
Попробуйте – в окно... хоть в блюде.
Как? не увидели страны?
Что ж остается – улыбнуться.

12.11.1995

* * *

Притяженье – мать моего полета,
Я сам и противник мой,
Соль моих вен и седьмого пота,
Мой воспитатель и мой конвой.

Силы из тела перетекают
День за днем в притяженье Земли;
В траву, в деревья, в дома проникают,
Людей обнимают как поводыри.

Наступит час – притяженье захочет
Вскрыть коробки чéрепа кость:
Нет ли в закрытом орехе порчи,
И свободным пропустит насквозь.

27.06.1996

* * *

Когда б я знал, в чем был неправ,
Забыл бы речь, закрыл лицо бы
И скрылся в темноте утробы
Немых пещер застывших лав,
Когда б узнал, в чем был неправ.

Когда б я знал, кого оставил,
То превратился бы в ничто:
В четыре, в восемь, в двадцать, в сто
Сторон пошел бы против правил
Искать того, кого оставил.

Когда б узнал, в чем виноват,
Не смел глотнуть бы кислорода;
Ни жизни, ни судьбы, ни гроба
Не принял бы, вернув назад,
Узнай лишь я, в чем виноват!
30.12.1995

* * *

Металлический вкус во рту –
Пыль блестящая зубы гложет.
Вместе с лимфой и плазмой ртуть
Перекачивается под кожей.

Это меньше, чем механизм,
Но значительней, чем доспехи –
Это мой волевой нигилизм,
Моего атеизма вежи.

Визг реле и суставов хруст –
Наслаждение от разряда.
А под панцирем, как моллюск
Тельце слабое и без яда.

Там находятся боль и гной
В заточенье за дверью сотой,
Но под этой литой броней:
Я боюсь, я люблю – я теплый.
24.07.1996

* * *

Не верьте моим слезам:
Они от грядущей радости,
Смеху не верьте: там
Одна печаль от усталости,

Любви – потому что прошла,
Болезни – чтоб не болеть,
И злости: она мала,
А храбрости в ней на треть.

Не верьте снам и мечтам:
Они мои, но не ваши.
Не верьте моим часам,
А сверьте их с боем башни.
08.03.1997

* * *

Стихи – иначе не могу,
Но изощряться в выкрутасах
Размеров, строчки гнуть в дугу
Сонетов, забываясь в пасах,
Когда железный век стопу
Уже поднял над временами,

Минуту упустив одну,
Упавшую к ногам стихами,
И раненую... — не могу!
02.12.1995

* * *

Синеокая моя Даль –
Белокрылая моя мать,
Постели к горизонту шаль,
Помоги никогда не спать.

Чтобы шел я, благослови,
На Восток торопить зарю,
Чтобы слышал песни Руси,
Подари мне любовь свою.

Ты протянешь посох лесов,
Ты мне скажешь: «Реки испей»,
Я шагну в облака снегов,
Полечу на ковре степей...

Расцветут голубые дни,
И рассеется грусть-печаль!
Подними меня, подними,
Синеокая моя Даль.
31.12.1995

А мы написаны на тысячах страниц

*А мы написаны на тысячах страниц.
Их по дорогам ветры разметали,
Их подхватили крылья синих птиц,
Одну лишь из страниц мы удержали.*

*Читаем лист без песен и без од,
Подчеркивая сдержанные фразы,
И, что в других, никто не узнает:
«Их не было» – они забыты сразу.*

*Они в услышанных случайно голосах
Слетают с губ теплом неувловимым,
На рукавах прохожих, в волосах
Снежинками и пухом тополиным.*

*Бывает, что они, рассеяв мелу,
Нечаянно всего на миг вернутся,
На перекрестке, где-то на углу
Не прожитою жизнью прикоснутся.*

02.02.1995

А. Шутый

Любимой*

Я начинаю труд великий
Своей судьбе наперекор.
Призри меня, о Ясноликий!
И будь со мной, как до сих пор.

Прошу перед очами Бога
Чудес, которых не встречал:
Жизнь зарождающего слога,
И с ней меня чтоб обвенчал.

Пошли, Господь, мне тот «комочек»,
Что бьется в центре существа,
Я теплотой коротких строчек
Одену дочку божества.

Согрею собственным дыханьем,
Душой вскормлю, – что там ребро.
Услышу за глухим молчаньем
Ее смешинок серебро.

Во тьме, в дыму, в дожде, в тумане
Сумею взгляд ее узнать,
Я в сон назначу ей свиданье
И утром долго буду звать.

— — —

Взирает ангел мой хранитель
На путь, – чтоб не было камней, –
И не оставит душ Спаситель
Меня на произвол страстей.

Я с детства к истине ведомый
Богиней совести моей.
Стеснен ее полет свободный:
Она во плоти для людей.

Господним промыслом с рожденья
Она зовется мне сестрой,
Чтобы из ночи видел день я,
Чтоб подружился с высотой.

И сердце вложено мне зрячим,
Но нет другого рядом с ним,
И дух мой сохранен горячим,
Но стужей вечно он гоним.

Прошу не мудрость, не отвагу, –
Их суждено самим добыть, –
Прошу тепла, живую влагу,
Чтоб кто-то смог меня любить.

Плач в этой жизни безутешен.
Я верю, жду, но вижу сам,
Как слишком горд я, гол и грешен,
Как долго чужд был Небесам.

Нет! Я беру мольбы обратно!
То демон жертву звал страдать:
Любовь не будет благодатна –
Кому и что смогу я дать?

Другим пусть явь творит виденья.
Мечта моя, оденься в миф.
Да не сойдут сны-пробужденья,
Как жизнью мигом одарив.

— — —

И стало б так, да, видно, громче
Бравадных клятв мой редкий стон,
И в светлый час июльской ночи
Принес твою улыбку сон.

Лето 1993 г.

* * *

Аке

О светлая Господня Благодать,
 Чтоб нас вскормить и передать свеченье,
 Ты растворилась в самоотреченье,
 Тобой взлелеянным тебя не увидеть.

Лучи от солнца, воздух, звезды, розы –
 Твоя печаль, улыбка, нежность, слезы –
 Для нас привычный, будничныи наряд, –
 Венок сонетов, где слова горят,
 Сбиваем мы в строку невзрачной прозы.
 24.12.1994

* * *

Е. Ф.

Три имени – три заглавья,
 Легенды и лилии три,
 Три тайных забытых знанья,
 Три взора на мир изнутри.

Одно, то что с губ слетает,
 Святая вручила жена.
 Оно словно дымка тает:
 Елена, Селена, Луна.

Второе дарили музы
 Под музыку долгих месс,
 Связуя лучами узы
 От Софьи к Софии небес.

А третьего – я не знаю,
 И можно ль его произнестъ:
 Годами его читают,
 Как дальней галактики вестъ.

Три имени – три стремленья
 На свет отдаленной звезды,

Три чувства и три томленья,
 Три грусти и три пустоты.
 29.10.1993

* * *

М. Субиной

Веки снежные,
 Взгляды – хлебы...
 Неизбежная,
 Но не мне бы,
 А со звездами
 Над горами
 Зори с росами
 Греть руками.

Из высоких своих эмпирий
 Ты спустилась
 На наше поле,
 С Млечным отблеском спутав иней,
 Заблудилась
 В земной юдоли.

04.01.01996

Бежущая по волнам *

М. В.

Когда не осталось надежд,
 А свет, почерневший от бурь,
 Уже не касается вежд,
 И соль подступает к глазам,
 Увидит несчастный в лазури
 Бежущую по волнам.

Вмиг тучи с дороги уйдут, –
 Храним ты отныне богами, –
 Лишь только по пене скользнут
 Две ножки, подобно лучам,
 И скроется за облаками
 Бежущая по волнам.

Протяжные песни морей
Расскажут легенду, как создал
Ее из волны Водолей,
Теченьям отдав и ветрам, –
Чтоб к морю приблизились звезды, –
Бегущую по волнам.

Но можно ль вдали от штормов
Без страха и без испытанья
Услышать скольжение шагов?
«Нет, нет, только там, только там
Живет голубое мерцанье –
Бегущая по волнам.»

Пускай говорят знатоки.
Что мудрость и опыт?.. Лаская,
Я трогал ее волосы.
Я видел!.. Не верится вам?!
И имя дано ей – Морская –
Бегущая по волнам.

Она родилась в этот век,
Но нет притяженья запрета!..
Дыханье – движение – бег...
Ответ не дается словам.
Быть может, земная комета –
Бегущая по волнам.
28.02.1994

* * *

Будет как было вчера и давно –
День тот не повторится.
Всё совершится, как предreshено,
И завершится страница

Длинных и скучных задумчивых строк;
Только под вечер, читая
Лист этот, буква кольнет, точно ток, –
Красная прописная.

Помню, как снег осветила заря,
Даже метель расступилась,
Помню – сирень посреди декабря
В теплых руках распустилась.

Много ли, мало ль воздушных минут
Даст на желанье ресница,
Все они в вечность тепло унесут,
Все они станут нам сниться.

И на кого же теперь мне пенять?
На Сочинителя судеб?..
Знаю лишь: смогут меня там понять,
Есть тот, кто ждать меня будет.
12.12.1993

* * *

Есть удивительный отказ у женщины иной:
«Ты лучше многих – Бог с тобой, –
Быть рядом, я сочту виной –
Ступай же, бог с тобой».
24.07.1994

* * *

Увы, смертельный принят яд,
Что мне глаза твои струят,
Но, слава богу, в сердце ты ж
Противоядие творишь.
28.07.1995

* * *

Ю. П.

М. В.

Под гнетом выросшего вала
На дне морей
В ракушках прячутся от шквала
Сердца людей.

Идут на дно, иные ниже
Под бури стон,
Их стук порой совсем не слышен
В раскате волн.

С собой в себе уносят имя,
Грустят о ком,
Кто не хотел остаться с ними,
Бросал песком.

Песок для сердца ... разве нужен?
И створок груз ...
Но, может, горсточку жемчужин
И я дождусь.
16.09.1994

* * *

М. В.

Тебя я увидел во снах,
Но образы были не схожи,
Теперь вспоминаю в стихах
О двух ... об одной и той же.

Ты долго стирала белье,
Ты крылья лучом зашивала
И в сердце смотрела мое,
И даже лица не узнала.

Забывшись в кругу суеты,
Потупила тусклые очи,
Но нет расстоянья короче,
Чем то, что от них до звезды.

А сзади мне голос шептал:
«Не та, не она, не богиня ...» –
Зачем он сомненьем пытал,
За что им калечит доньине?
13.11.1994

Глоток воды *

М. В.

Странный долг и странный выбор,
А иначе вы смогли бы?
Льется слово как вода,
А в истоке немота,
А в истоке сухота.

Пил песок, и пыли капли
По моим рукам стекали.
Ни дождя, ни ручейка,
Только скажут: «Жди пока».
Я бы ждал, но семена
Подарила мне сосна.

Здесь вода польет вот-вот,
Но уж больно семя жжёт, –
Значит, в глубь идти пустыни
И найти приют для жизни –
Не фонтан, пусть, не поток,
Но сегодня – хоть глоток.

Странный долг и странный выбор,
По-другому – вы смогли бы!
09.07.1995

* * *

С. П.

Стихи, учения, трактаты
Забылись,
О белый потолок палаты
Разбились,
Остались в дереве и ткани
С гвоздями,
Пролились на немые камни
Дождями.

Не знал, не думал, не хотел я
Проверить ...
Какая глупая затея
Не верить,

Когда же я до Царских Врат дойду,
И будет вручена мне мощь полета
Через моря, не знающие счета,
Где б Вы ни оказались, – я найду!
25.12.1993

* * *

М. В.

Опадают лепестки
На ожоги –
Не рождаются стихи,
Даже слоги.
Отошел от суеты
И от сути,
И ко мне явился ты,
Ангел Грусти.
Ты поставил свой мольберт
Предо мною
И картины давних лет
Чередую,
Где я мыслями плыву
Между сосен,
Где во сне и наяву –
Только осень.
Воскрешает память мне
Сердца зодчий,
Но на каждом полотне
Чьи-то очи,
Чьи-то руки, силуэт
Проявляет –
Где я жил, другой портрет
Возникает.
Он со мною был тогда
Дуновеньем,
Нежной струйкой ветерка,
Тихим пеньем.
А когда дошел до глаз
Образ зримый,
Вьюжный влас опутал нас –
Холод зимний.

Мне б согреть твою ладонь...
Коченяя,
Я держал в руках огонь,
Чтоб вернее!..
Чтоб сейчас растаял снег,
Я рыдаю...
Ведь весна придет навек,
Я-то знаю.
10.04.1994

* * *

М. В.

Не слетит *Жар-птица*–слово:
Есть печать,
Заповеданное соло
Не начать.
Будут вставлены намеки
Между фраз,
Зашифрованы в упреки,
В робость глаз.
Должен все из испытанья
Я принять:
Мне условия заданья
Не менять,
Даже как-то попытаться
Трудно мне.
Снять печать с замком удастся
Лишь извне.
03.02.1994

Баллада об Оловянном Солдатике

Он вылит был из олова...
Нет, нет, он был рожден.
Из домика картонного
Увидел свет окон.

Закат кроватку-лодочку
 Качал под шум ветвей,
 И сны влетали в форточку
 С плащами добрых фей.

И были все желанными,
 Но так уж повелось,
 Что сказки с ураганами
 Идти не могут врозь.

Хоть час у ветра выпроси:
 «Ты погоди, постой...» –
 Поднимет он и выбросит
 Тебя на мостовой.

И мой герой
 Под стук и вой
 Шагов, колес, дождя
 Был унесен волной, волной...
 Куда, не помню я.

Но подождите горевать,
 Дослушайте, друзья,
 Он был влюблен, а умирать
 Влюбленному нельзя!

Взмах палочкой незримою –
 И снова старый кров,
 И видит он любимую
 За несколько шагов.

Теперь все птицы – братья,
 Ты больше чем король!..
 Как жаль, что есть понятия:
 «Судьба», «так вышло»,

«троль» –

Горящими колоннами
 До неба вырос зал,
 И лаврами с коронами
 Солдата обнимал.

Ни здесь, ни там, ни далее
 Счастливые шатры
 Не ставьте: позже ль, ранее
 Их унесут костры.

Так вышло, что ж,
 Подайте грош
 За славный мой рассказ:
 Конца желанней не найдешь
 Ни в сказке, ни у нас.

Ведь счастью не сгореть дотла,
 Злу кланяться к чему:
 Когда была победа зла,
 В огонь любимая вошла
 К герою своему!

— — —

Увы, но все не так случилось:
 Без волшебства и путешествий,
 И испытание приснилось,
 И покоренье моря бедствий,

И близко не было любимой,
 Да был ли с нею он знаком?..
 Мой фантазер неодолимый
 Грустил о ком-то пред окном,

Мечтал о свежести долин
 И в пламени он был один.

17.12.1994

* * *

М. В.

На Юпитере вспышки –
 Метеор,

А меня, точно с вышки
 Да в упор,

Прямо в сердце кольнули
 Как иглой –

Тихо твердо шепнули:
 «Ты чужой».

Я тянулся за сказкой
 И застыл...

Это было подсказкой –
 Я забыл...

Думал чудо увидеть –
 Слишком смел.

– Извините, обидеть
 Не хотел.
 А что в сердце как будто
 Острый нож:
 На Юпитере смутно,
 Что возьмешь.
 21.07.1994

* * *

Мне бы сейчас устоять на ветру
 Ночи и страха,
 Вере поверить и выбросить вон
 Цепи сомненья,
 Все отложить, воскрешая к утру
 Счастье из праха,
 Колокол пел чтоб со мной в унисон:
 «Стой же мгновенье!».

Пусть одному замерзает на земле
 Будет угроза,
 И от морозов мне станет обет
 Вместо покрова –
 Снова и снова взойдет над золой
 Пламени роза,
 Чтоб я услышал однажды в ответ
 Краткое слово.
 04.09.1994

* * *

Унесите боль мою, дайте мне снотворное,
 Как могила, черное,
 В матовом флакончике ...
 На точеном кончике ...

Заберите боль мою, выбросите птицею ...
 Черною землицею, –
 Пусть летит в заклую
 Землю под лопатую.

Отнимите боль мою с мыслями и чувствами –
 Всё, под вздохи с хрустами;
 Всё с великой милости
 Отнимите! Выбросьте!
 11.07.1995

* * *

М. В.

Никогда для меня ты не станешь чужой:
 Я песчинку тебя в глубине оставляю,
 Перламутром жемчужным ее покрываю,
 Затеняю в жару, согреваю зимой.

Может быть, ты однажды поймешь, а затем
 Открестишься, озлобишься и отречешься,
 Над незрелым моим волшебством
 рассмеешься,
 Может быть, не заметишь ты тайны совсем.

Будет леший водить по тенистым лесам,
 Станут ветви цепляться, вперед не пуская,
 И пожаром окажется роща золотая,
 Будет пепел по длинным скользить волосам.

Но, когда ощутишь, что живешь ты не вся:
 Не хватает потерянной малой частички,
 Мне достаточно будет полета реснички –
 Я верну ожерелье с частицей себя.
 22.05.1995

* * *

О. М.

С глаз долой – из сердца вон.
 Но в ушах остался звон,
 Будто чей-то тихий стон
 Поилясь со всех сторон,
 Нарушая сон.

Видно, страшный черный тролль
 Мечется, вошедши в роль,
 В слезы добавляет соль...
 Или причиняет боль
 Сказка про Ассоль?..
 Завершился адский торг.
 Улетучился восторг.
 Я в пылу себя отторг.
 Из тринадцати дорог
 В спешке выбрал в морг.
 Несмолкающая медь.
 Разрезающая твердь.
 Непускающая сеть –
 Не подняться, не посметь,
 Только онеметь.
 Бег! Меня спасет лишь бег
 На другой зеленый брег,
 Где снимают боль калек!
 Я показываю чек,
 То что человек.
 Сделали навстречу шаг,
 – Кто ты, призрак или маг?
 Куча мараных бумаг,
 Шлак внутри, а сверху лак –
 Не пойдем никак;
 Изменил свои черты.
 Где себя оставил ты?
 Или принят был в шуты
 В замке шумной суеты,
 Где живут кроты;
 Вон из сердца, с глаз долой –
 Вымел крепкою метлой
 Всё с нагаром и золой –
 Стала зала голубой,
 Только нежилой.
 Как себя я выгнать смог,
 Как поверил в этот смог?
 От себя оставил клок,

И унес воды поток
 Первый – верный слог.
 Ведь была когда-то рать,
 Но вкусил победу тать.
 Не понять, не рассказать...
 Как теперь себя собрать?
 Где тебя искать?!

23.01.1994

*По стихотворению Э. По «Ворон»**

Старый ворон Никогда
 Прилетел ко мне сюда
 Из далеких городов
 Опрокинутых веков,
 Он ответит без труда
 Мне одно лишь: «Никогда!».
 Всё другое он забыл.
 Где он не был, где он был...
 И запомнил навсегда
 Только «правду» – *никогда*.
 Черный уголь – круглый глаз,
 Наш гранит ему как газ,
 Твердь – прозрачная слюда,
 За которой – «Никогда».
 За которой только миф.
 В небе тучи, в море риф...
 «Если где и есть звезда,
 Не увидишь никогда!»
 Мне ответит блеск пера,
 Что мечта моя стара,
 Вытекает из пруда
 Под названием Никогда.
 — — —
 На любое, вот беда,
 Он ответит: «Никогда».
 Не хочу его я знать:
 Мне – другую Птицу звать.
 20.05.1994

Свеча

В стихах свеча, раздвинув тьму,
Горела на столе,
Не поддаваясь ничему
На вымерзшей земле.

Источник веры и тепла –
Огонь тепло хранил,
А за окном метель мела,
И падал снег без сил.

Последним словом на устах
Окончились стихи,
Остались лишь свеча в руках
Да вой земных стихий.

Горит свеча, и рвут огонь
Ветра со всех сторон:
Никто ей не поставит бронь
Из стекол и окон.

Чуть больше ляжет снега ком,
И ей уж не гореть,
Но под стеклянным колпаком
Ее ждет тоже смерть.

Со светом и с ночью мглой
Она обручена,
Стекающая теплою слезой,
Гореть обречена.

Стоит на грани двух миров
Как маленький маяк.
По углям сбитых огоньков
На пламя лезет мрак.

Метели факел не задуть,
Но у меня свеча,
А впереди далекий путь,
И к жизни нет ключа.

26.05.1990

Сестре Аке

Как жаль: что писать, я не знаю;
Быть может, о грустных глазах,
Где севера сказки читаю;
На полусгоревших кострах,
Там саги в котлах закипают,
Там в пляске языческих орд
Дух вечный один только горд –
Взлетел... но куда – укрывают
Глаза на загадочном дне,
И больше не ведомо мне.

Не знаю, о чем мне писать.
О маленьких, теплых ладонях,
Привыкших в тиши зашивать
Прорехи на судьбах и долях,
Умеющих вновь собирать –
Как было – минуты с годами,
Разбитые намертво нами,
И взмахами крыл отдавать...
Но как штопать шелк бытия
Руками, не ведаю я.

Не знаю о тайных словах
Седой ворожбы и молитвы,
О травах, соцветьях и мхах,
О скрытом значенье палитры...
Холодное время в ногах
Играет и змейками выюжит:
Обгонит, отстанет, закружит,
Следы укрывая в снегах,
И птицей слетает со скал,
Но где, мне никто не сказал.
29.12.1995

* * *

Я излечился от любви –
Наденьте латы.
Ни Бог, ни мир, ни я, ни Вы
Не виноваты.

Не Ласка, просто, а Тоска
Под этим солнцем
От века мне дана пока
Оруженосцем.

Мне пели ангелы и мать,
Когда качали:
«Вам не понять, вам не понять
Моей печали» ...

Я прикажу душе: «В полет!»,
А сердцу: «Брызни!»,
Подайте мне мое копьё
Грядущей жизни.

Коня, Земля, мне подари,
Чьи крылья белы:
Я отправляюсь в край Любви,
В ее пределы.
25.11.1995

* * *

Кому-то волной –
Победно,
Кому стороной –
Бесследно,
А в сердце моем –
Острием.

02.12.1995

Бумажные двери*

Жизнь струится, стремится разлиться,
И потоки попробуй, измерь.
Но мы пробуем жизни учиться,
А пока перед ней ставим дверь, –
Не одну, не десяток –
Из листков и тетрадок.

Что ни слово – крючок,
Что ни строчка – скачок
По расчетам, по плану,
Через тайны к обману.

С головою в бумаги зарыться
И смотреть через окна очков,
Лучше ставнями крепко закрыться
Из отбеленных гладких листков.
Угасать будут лица,
Но строка сохранится.

Буквы, сжатые в ряд,
Не гниют, не горят,
С ними рифмы – булаты
И разметы, как латы.

Тем, кто с ними захочет сразиться
В одиночку, завидовать грех.
Но есть двери из этой темницы,
С узким входом, ведущие вверх,
Где не фразы, а речи,
Где не буквы, а свечи.

И листы-паруса
Унесут беглеца,
Там молчанье – основа,
Там одно только Слово!

25.01.1994

Между тьмою и светом

*Зайчик, зайчик кувырко
Поскакал за пауком
Под иголки ели.
Бабочки взлетели.*

*Гнома острый колпачок
Зацепился за сучок.
«Гном казался выше», –
Засмеялись мыши.*

*Зажурчал ручей: «Весна...»
Тонкий прутик для весла,
Листик будет судном,
Поплывем за чудом.*

*Между тьмою и светом
В плен невидимых плит,
Приближаясь к запретам,
Ангел Грусти летит.*

*Может, будет не понят
Его странный полет.
Пусть в забвенье утонет,
То что он унесет.*

*Он поднялся с поляны,
Научившейся петь:
Снова ангелы званы,
Снова нужно скорбеть.*

23.04.1994

А. Шутый

*Жизнь**

С усилием вырвавшись из тьмы небытия,
Встаем на путь судьбы; уносит нас Земля,
Своим вращеньем увлекая,
Не знающих преград и края,
Но, благо, всюду направляет колея.

Ни оглянуться: ускользает тут же твердь,
И сзади жадного тщеславья гонит плеть.
Бежим вперед от цели к цели.
Везенья не прошу я в деле,
Молю, чтоб в жизни мне задуматься успеть!

За днем проходит день, отмеренный звездой,
Несет с собой вопрос – у каждого он свой.
Вопрос гнетет сердца упрямо,
Ложась на них прочнее шрама.
Обычный он сейчас, а завтра – роковой.

Судьба нам каждый день преподает урок.
Нельзя прожить его, не перейдя порог.
Несбывшемуся он преграда.
Успеть решить задачу надо,
Пока светило отмеряет новый срок.

Среди потока дней вздымаются волной
Минуты главные энергией взрывной.
В них свет звезды, но путь к ним труден,
Для них стекают реки буден.
А не зажглась звезда, так кто ж тому виной.

Воздушен взлета миг, но цельность в нем
ядра.
Жизнь – как искра, как всплеск вселенского
костра

Мы рождены блеснуть искрою
И в ночь уйти своей тропею.
Успеть бы жизнь прожить, пока горит искра.
26.04.1990

*Тени**

Не угадывая желанья,
А по правилу мироздания,
Чуть расплывчатый силуэт
На уступах и стенах зиждется,
Как живой вместе с нами движется,
Где пространство заполнил свет.
Тень пред нами встает в готовности
Подражать, повторять всё в точности,
Но обманчива жизнь ее:
Если жар испытать желающий
Пальцем ткнет в самый центр пылающий,
Тень от пальца превысит всё.
Когда пламя, нам свет несущее,
С высоты озаряет сущее,
Чист простор от прямых лучей,
Но спускается вниз к земле оно,
И растет возле ног уверенно
Черный образ – слуга ночей.
Он обгонит через мгновение,
А направишь вдаль излучение –
Далеко свой расстелит мрак.
Смыть бы пятна, что тьмой наполнены, –
Освещаются пусть все стороны ...
Не получится, только, так.
Создается светом налёт теней,
Чем он ярче – рисунок отчетливей,
Гуще краски и резче грань.
Но всегда остается загадкою,
Как из мертвого мира украдкою
Тени входят в живую ткань.
Обрастают мясом бесплотные,
В своих целях уже свободные
И свою формируют тень.
Пусть в лучах они выделяются,
Но со временем все сливаются,
Превращая лучи в мишень!
День заполнили тьмы посланники –

Уж хозяева, а не странники ...
Стоп. Я видеть их перестал ...

Тени всем даны в наблюдение –
Нашей жизни предупреждение
О том мире, что описал.
03.11.1990

*Смерть**

Когда приходит с криком время
Увидеть Солнца светлый лик,
Мы не одни рождаемся в тот миг –
Вдвоем со спутницей,
Что следует не дремая,
Словам и оклику не внемля,
Лицо свое тая в густой тени.
А нас не спутать ей –
То отойдет, то встанет на пути,
Но, что ни случится,
Не перестанет в нас смотреть, —
На свете вместе с нами наша смерть.
Она возникла в споре с жизнью
Как теньевая сторона,
В любом явлении видна,
Везде присутствует.
Всё склонное к развитию
Своей опутывает нитью,
А с нами развивается сама:
Впитавши сути свет
И отражая словно зеркала,
Вначале чувствует
Бездумно как дитя,
Взрослеет, длинный путь пройдя,
Приобретает вес, значенье,
Потом становится стара, –
Бывает, что судьбы стеченье
Покажет, как она глупа,

Но это случая игра,
А вес ее остался без сомненья.
Понять и помнить надо впредь:
Какие мы – такая наша смерть.
Без нас и ей нет в мире места –
Нет тени, если нет огня.
В удобный случай, нас храня
От дел рискованных,
Холодным знаком жеста,
Дрожь от которого известна,
Она напомнит тихо о себе.
В щиты закованным,
Что смерть дает судьбе,
Как дрессированным
Быть с нею надлежит.
А сердце, что в руках ее дрожит,
Возможно, долго будет биться.
Но можно спорить с ней, браниться,
Твердить, доказывать своё
И раньше смерть найти,
Пока же ты в пути,
Ты будешь дальше от неё.
13.06.1990

* * *

На каждой указующей доске,
На каждом камне у любой дороги
Великой правды вырезаны слоги,
Затертые и скрытые в песке:
«Иди по воле сердца своего
И не бери с собою никого!
Что чувствам воспаленным поддалось,
Не воспринять всегда здоровым взглядом.
Нет места многим вместе с теми рядом,
Кто времена решил пронзить насквозь.
Мечты и цели все и всем открой,
Но только не зови людей с собой!

Не обратился чтобы путь назад
 Непониманием или насильем,
 Уверенность сломай в себе усильем.
 Чтобы в итоге не пришел ты в ад, –
 Пусть впереди ты видишь Божий рай, –
 Ты никого с собой не зазывай!

В стремлениях любой не одинок,
 Но страшно, если возникают тени.
 Их пятна станут островками теми,
 Где чернота найдет себе чертог.
 Всем спутникам, что встретишь впереди,
 Ты помоги, но сам их не веди!

Приблизь блистающую даль, трудясь.
 Примером возроди в умах надежды.
 Иди, отбросив мягкие одежды.
 Своею кровью смыть попробуй грязь.
 Иди один к лучам своей зари
 И никого с собою не бери!»
 15.09.1990

К временам Антихриста

Омертвевшие ноги
 шли по трупу Земли,
 Нет ни слова сомнений
 и ни искры любви.
 Камни держат столетий
 затвердевшее зло.
 Много было ли счастья?
 Всё, что было – прошло.

В металлических глазницах
 Свет как в бездне пропадет,
 Одного во многих лицах
 В безвременье там найдет.
 Позади миллиарды
 лиц, смотрящих из тьмы.
 «Чьи страдания?» – «Наши»;
 «Кто мучители?» – «Мы».

По крупицам годами
 мы хранили добро,
 Но добро не хранится
 как в бутылках вино».

А когда подул морозно
 Ветер звездный в летний час,
 Каждый понял: слишком поздно:
 Этот мир не в срок погас.
 Приготовлено ложе
 для надежды твоей,
 Не услышишь в нем даже
 о себе новостей,
 Только масок знакомых
 неживые черты
 Встретишь ты на дороге
 после скрытой черты.

Скорости найдется ль мера
 В направленье в никуда,
 Там, где стынет атмосфера,
 Там, где плавится руда!
 Мать Земля! Что в паденье
 разум твой привлекло?
 Ощущенье полета
 или бунта крыло?
 Может голос певучий
 тебя вниз поманил,
 Иль пред волей могучей
 ты осталась без сил?

Что же будет завтра, дальше?..
 На лице холодный пот...
 Ныне смерть в победном марше
 Жизни реквием поет.

Размягчитесь, камень,
 под тяжелой пятой!
 Подражанье творенью,
 захлебнись же игрой!
 Если нет больше веры
 и шар Солнца потух,

Разорвись, мой бессмертный
и страдающий дух!

Время без меня польется,
Дней начнется счет с нуля,
И как птица вознесется
Воскрешенная Земля!
04.09.1993

Крепость из человеческого тела

И вырос частокол из крепостей,
И каждый замок – центр мироздания.
Их бьет буря, заносит суховея,
И слышат стены тихое стенанье.

Но в каждом есть владыка из владык;
Закрывают двери неприступных башен,
Чтоб черный ветер внутрь не проник,
Чтоб не казался вид из окон страшен.

Когда-то наши предки в них вошли,
Поставив мрачные тяжелые засовы,
Забыли путь назад, сойдя с земли,
И видят ночь, и как кружатся совы.

Владыка правит, радуется народ,
В твердыне кто поет, кто ест досыта,
Но есть изъян, всего один просчет:
Настанет день, и будет дверь открыта.
13.11.1994

*Рождение мира**

Как случилось?.. Чья вина?.. Где начало
драмы?
Цифры шеями змеи обвивают храмы.

Тяжко в землю уперлась Черная Десница.
Мчится, рассекая свет, смерти колесница.

Что убито,
Что растлито,
Что забыто
На века,

Родники, ручьи зарыты:
Жажда к жажде велика.

Где мой век, мой горизонт, где мое жилище?
Я из прошлых лет пришел и сегодня – нищий.
Я чужой среди шумов непрерывных песен.
Пресны слезы циркачей, и манеж мне тесен.

Все заботы –
До икоты,
До дремоты
Вылить страсть,

Только сладкого до рвоты
И в тяжелый сон упасть.

Были слезы на глазах от дорожной пыли,
Было сердце по ночам, и суставы ныли.
Но снимали боль в пути нам уста любимых,
И вставали на хребты гор неодолимых.

Мы страдали,
Мы рыдали,
Мы роптали
Громко вслух,

Но всё ближе были дали,
И захватывало дух.

Цель раздавлена в тисках с биркой
«невозможность»,

Путь один. Что медлить, брат, в чем ты
видишь сложность?

Решено! Но кто позвал, чей я голос слышал?
«Ты на руки посмотри, подними их выше.

Все препоны,
Все уроны,
Все законы
Поборов,

Из пустой и мертвой зоны
 Руки вырвут жизнь миров!
 Разомкнет небытиё круговые клешни,
 Заискрятся пузырьки на рожденном стержне,
 Запоет мотив любви созданное небо,
 И появится на свет мир, который не был!
 Всё просторней,
 Всё свободней,
 Точно Горний
 Становясь,
 Не проникнет посторонний –
 Лишь с твоей душою связь.
 Бог мне руки осветил радужным сияньем,
 Озарился дух земной неземным всезнаньем!
 Преисполнись, разум мой, сказочной мечтою,
 Пусть из сердца брызнет кровь ласкою
 святою!

Не из праха,
 Не с размаха,
 Не от страха
 Пред Творцом,
 Мир рождается как птаха
 Пред Отческим лицом.
 Не замерзла б только жизнь в недоверья
 стуже ...
 Началось, друзья мои ... лишь мгновенье ...
 ну же!

Панцирь точки взорвался, строятся волокна.
 Люди милые! скорей распахните окна.
 Что лишь снилось,
 Здесь свершилось,
 Устремились
 Вширь и ввысь
 Чье-то сердце, что не билось,
 Чьи-то мысли вознеслись!

Что, находите, мой мир слишком примитивен,
 В песнях скушен, в слове прост, в выводах
 наивен?

Но он молод, чёлн его у судьбы истоков,
 Миг ему не отличить от столетних сроков,
 Гнев – нечаян,
 Крик – отчаян, –
 Изначален
 Тот мотив,
 Близок к бедам – и печален ...
 Впрочем, что вам до молитв.
 Ваша Ночь для них лишь сон страшный,
 слава Богу,
 Не понятный никому; и витому слогу
 Вашему не отравить чистых созерцаний,
 Им не слышать лжи идей и цепей
 бряцаний.

Не остыло б
 Их светило,
 Не вспарила б
 Их вода,
 Не иссякла б света сила,
 И была б на тьму узда.
 Мир хотел я подарить всем по духу близким ...
 Не затем, что б увенчать труд свойobeliskом,
 Чтобы к Богу путь начать вместе с юным
 Чадам,
 Но пустынный города, никого нет рядом.
 Что ж горами,
 Да снегами,
 Под огнями
 К алтарю
 Выносите, дети, сами
 Вы Вселенную свою.
 А исполнятся мечты ваши, не зовите
 Жить к себе: не оборвать мне земные нити.
 Мой родной, мой бедный Мир не оставляю,
 веря,
 Что и я не одинок, и наступит время –
 Всех вселенных
 Душ нетленных

Свет священных
Легких крыл
Полетит, спасая пленных,
Заливая адский пыл!

16.06.1993

Начало

Началось! Нет движения вспять!
В ход вступило последнее средство.
Полюса не разжать, не разнять.
Началось! Началось! Наконец-то!

Спрессовалось, слилось
Всё в единую ось.

Нет ни низа, ни верха – зенит,
Среди линий осталась прямая,
И одна только нота звенит,
Слух взрывающая и прах поднимая.
Нет пустот – всё зрачки.
Нет колец без чеки.

Только каждый случайный рывок
За чеку лишь в одном направленьи,
А иначе – никто бы не смог:
Есть закон и его повеленье.
Он уже говорит,
Им пространство болит!

Не решать, нам войти суждено
В эти муки, вселенские роды.
Не играть колебаниям: дно –
В основанье не встретишь свободы.
Здесь ведомый любой,
Кто судьбой, кто собой.

Разделилось, что было в цепи,
Что единой частицею мнилось:

Цвет от краски, окружность от «пи»,
Даже зреньи от глаз отделилось,
От давления пресс,
От материи вес.

Время кануло – миг только дан.
Оголились, открылись истоки,
Чтобы новый налить океан.
Будет день, будут новые сроки.
Всё, что будет – потом,
Есть – лишь свет под крылом.

03.03.1994

* * *

От мест, где духу не дерзнуть, –
От неба до планетной корки
Огня взмывающая суть
О смерть разбилась на осколки.
Толчком единого огня
Поднялся мир, но, жизнь пророча,
Скрежещут острые края
О стебли, умножая клочья.

Осколки пламени трещат,
Крошатся, падают в забвеньи ...
Но, как и прежде, тут стоят
Ничто и Камень преткновенья.
11.04.1995

* * *

Мир Грядущий – день без ночи,
Встречи без разлук.
Будет ли в том мире громче
Сердца ровный стук,
Будет ли слагаться песня
Без надрыва струн,
Ждать ли Славы Поднебесья,
Если дух твой юн,

Если ты не слышишь плавный
И высокий звук,
Если, путь не встретив главный,
Ты уж стер каблук?

Я люблю глаза родные
С грустью и тоской,
И дорогу по пустыне
К рекам в лес живой.

Отвечал мне Мир Грядущий
Строчками в судьбе:
«Знай же, по песку идущий,
Счастье не в борьбе.

Видел синие равнины
Ты в глазах земных,
А Небесные Глубины
Отражают их».

06.12.1993

* * *

Ни горнило сраженья, ни кратер вулкана,
Легионы рогатого нас не страшат,
А синяк да ушиб, да зажившая рана,
Бультерьером вцепившись, судьбину вершат.

10.03.1995

* * *

Жизнь больше жизни, крыльев венец,
Мощь расправленных парусов
Небом дарованы мне.
Я же при жизни уже мертвец:
Ноги остались в пасти у псов,
Вязнут в болотистой мгле.

С камня сдираю куски себя
Иль отрезаю то, что не надо,
Кости протискаиваю, дробя,
Я – сбежавший из ада.

Мною услышан Восхода Горнист,
Чувствую я возносящий наверх
Белого пламени всплеск;
Только всё так же отчаянный свист
Дрожь возбуждает во мне и смех,
Как и дурманящий блеск.

Слышу – зовет меня Легион,
Место оставив в строю парада,
Слышу шаги, как металла звон,
Я – сбежавший из ада.

Я – до предела растянутый жгут,
Я – проведенная вертикаль
Через поверхность Земли:
Часть меня в тысячах каменных гroud,
Часть переходит в синюю даль –
Ветр я, огонь и угли.

Пересечение земли с прямой
Здесь предстает для людского взгляда,
Как в полный рост на ногах живой
Я – сбежавший из ада.

04.12.1994

* * *

Ночи светильник с воском из снов
Быстро сгорает,
Пасмурный даже без облаков
День приближает.
Завтра – вчерашний сумрак найдем,
Много ли прока,
Всё потому, что ночью и днем
Солнце далеко.

Им любоваться нам не дано:
Больно от света.
Помню я только очень давно
Слышал от деда,

Что на западе и на востоке,
Не нарушая покой,
Солнце купается в Млечном потоке
Вместе с сестрою Землей.

Умные книги нам говорят
Все по-другому:
Камни-планеты долго парят
По круговому
Длинному правильному пути,
Что бы ни было;
Нашей Земле никогда не снести
Близость светила.
Как же возможно глазом простым
Небо измерить,
Как оставаться можно живым,
Если не верить?..
Ведь на западе и на востоке,
Не нарушая покой,
Солнце купается в Млечном потоке
Близко – достанешь рукой!

Я то к восходу, а то на закат
Еду, блуждая,
И возвращает снова назад
Кресло трамвая.
Семечком лягу, будто под снег,
Под одеяло,
Может, услышу: «Новый побег
Солнце призвало!»

Вырасту деревом, люди ж решат:
Семя пропало;
Станут обыскивать город и сад,
Сядут устало.
А на западе и на востоке,
Не нарушая покой,
Солнце купается в звездном потоке
Вместе с детьми и со мной.

31.12.1993

* * *

Радуйтесь, радуйтесь: наша взяла,
Враг потерпел поражение!
Пир соберет у большого стола
Всех, кто дожил до свершенья

Славной великой победы. И вот
Наша мечта достижима,
Только на севере весь горизонт
Снова темнеет от дыма.

Радуйтесь: тысячам вражьих солдат
Больше не встать под знамена,
Но за горою деревья шумят:
Там собрались миллионы.

Сколько раздавлено медных щитов,
Сброшено, втянуто бездной.
Ныне на нас из-за дальних лесов
Полк выступает железный.

23.10.1993

* * *

Решили расколоть орех –
Искали то, что тянет вверх,
Но, не поняв, собрали аккуратно –
От целых отличить бы не смогли ...
Однако не пророс он из земли.

22.06.1994

* * *

(К первому стихотворению)²

Алогичность, неприменимость
Ничего, что под сеткой таблиц,
И к фатальности нетерпимость –
Вот законы полетов птиц!

² См. Приложение «Курсивом»

Вот, что царствует и рождает
 Бесконечности для побед,
 Что без умолку возвращает
 На пустое, холодное «Нет»!
 3.2.1994

Свет-1

Пресвященная Братия
 Не имеет мечей!
 Свету чужда экспансия,
 Залпы острых лучей!
 Свет рождается заново
 В каждой точке миров,
 В дебрях хаоса рваного,
 Ниже первых основ!
 Свету служит зачатием
 Жизнь соседней искры,
 Он рожден неприятием
 Темноты, пустоты!
 22.05.1994

* * *

Когда на Землю дверь
 Душа открыть пыталась,
 Был за судьбу грядущей смертью взнос.
 Зачем хочу теперь,
 Чтоб что-то не считалось
 И совершалось в жизни невсерьез.
 12.06.1995

Знак вопроса

1

Грива бешеного коня,
 Плеть из троса:

Впереди поднялся на меня
 Знак вопроса!
 Скольких, рвущихся к удилам,
 В точку врыто:
 По рукам, по губам, по глазам
 Бьет копыто!

2

Лопнула бесконечность,
 Не выдержав напряжения:
 Вечность иль скоротечность –
 Не открылось решение.
 Космос от боли –
 Надыбы
 В поисках воли
 И мольбы!
 Точка отпала,
 Нить порвалась:
 Время взорвало
 Сладкое жало,
 Грубая власть!
 Жест повелительный
 В точке мучительный
 Вырастил рак –
 «Вопросительный знак»!
 20.07.1994

* * *

Пока мы говорить вольны –
 Пусть будут уши у стены!
 Пока нога еще идет –
 Пусть под ногою будет лед!
 Пусть поцелует нас Иуда,
 Во плоти, в теле мы покуда!
 Пока еще мы с вами живы –
 Пусть смерть нас дергает за жилы!
 30.01.1995

* * *

Кто шутил, смеялся, уж не вы ли?!
Пусть теперь в свой ад глаза глядят.
Мельницы селенья окружили,
Только косы крылья заменили,
Кружатся, не находя преград.
Из сердец ваяли жернова,
Постарались, делая всё жестче,
Так надежней, думали, и проще,
А теперь в них ваша голова.
Чтобы души унести с собой,
С мельниц налетело воронья;
Поздно: не сразиться с этой тьмой
Нам без дон Кихотова копья.
Смех был смел, а нынче только робость,
От того что окружила пропасть ...
Вынес бы, не опрокинув в ад,
Только белый ангел – Росинант.
29.07.1994

* * *

Перелетая до внешнего круга
В космосе нашем и в нашем доме,
Вместо пульсаций, биений и стука
В жаркой истоме:
В факеле, в недрах, в эфире найдешь
Голодную дрожь!

Неколебимая, вроде гранита,
Все объясняет и все разрешает –
Правды последняя полная пинта
Нас возвышает;
И надевают как перстень и брошь
Голодную дрожь.

Входят движения жадные в тесто,
С хлебом в живые просящие ткани ...

Сыты – не сыты, но нет больше места:
Полные длани.
Полные хлебом? Но в них только нож –
Голодная дрожь!
15.09.1994

Посвящается войне

В атаке, бунте, пене и пыли
Идут на штурм за тюрьмы и свободы,
На башни лезут, топят корабли
Безногие, безрукие уроды.

Безрукий чем-то давит на курок,
Не выдавая немощной породы,
Чеканят шаг те, кто совсем без ног,
Чтоб доказать, что больше не уроды.

Всегда в тылу, в запасе и засаде
Всё одноногий, однорукий люд, –
Себе и другу, чтоб остаться сзади,
Последнюю конечность оторвут.

И снова бой, – как храм, святыня, мекка,
Как утверждение недочеловека.
23.12.1994

* * *

Солнце свернулось в орбите Сатурна
Твердым клубком,
Запеленало младенца ажурным
Белым платком.
Прямо под коркою линии света
Сжались дугой,
Плачет ребенок – несется планета
Над головой.

Мечется вечность в огромной коробке
 С птичье яйцо;
 Веки тяжелы, движения робки,
 Крепко кольцо.

Это кольцо будет ручкой дверною,
 Пеплом – кора,
 Вырвутся иглы светила на волю
 Завтра с утра,
 Горы осядут случайной пылинкой
 На монолит,
 И у младенца в деснице с тростинкой
 Меч заблестит!

04.04.1995

* * *

Завтра у врат вылезает псом,
 Ноги кусает, лижет и лает –
 Цербер с зеркальным лицом
 Миф охраняет.

Где приближеньям предел?
 Где горизонты сольются в единый
 Отблеск грядущего?! – Бел,
 Пуст мир под *Завтра* –
 Под зеркалом-льдиной!
 Путь завершился у врат:
Завтра не сдвинуть,
 Его не коснуться.
 Путь обратился назад,
 Там будто стежки стези оборвутся.

Время решенье принять:
 Кони устали копытами цокать
 В мерзлое дно,
 В прошлое... но,
 Стоило руки поднять –
 Пес откусил их по кисти... по локоть.

Пусть! будут брызги горячи и алы,
 Чтоб замутнились кристаллы!
 Надо идти через лед,
 Через свое в этом льду отраженье,
 Через оскаленный рот
 И через память, и через забвенье –
 Двигаться в зарево, в пламя свое
 Через застывшее небытие...
 Я не сумею ответить зачем:
 Бога не слышу, молчит преисподня.
 Надо идти... но осталось бы чем:
 Зверь пожирает *Вчера* и *Сегодня*!
 10.11.1994

* * *

Вспыхнул воздух, пробитый стрелой.
 Не следите за нею, летящей,
 Не точеную чей-то рукой,
 Не придуманной – настоящей.
 Как упряма была тетива,
 Как была одержима десница,
 Но не им даровались права,
 Чтобы стрелы могли устремиться.
 Горизонтово волшебство
 Побеждает закон притяженья,
 Бесплезное мастерство
 Бесплезней всего для движенья.
 Разойдитесь по сторонам,
 Не ломайте полета прямую,
 Если ж просите долю иную –
 Вместе с нею скользнуть по годам –
 Обнимите его наконецник,
 Не оружие это – подсвечник,
 Как надежду, мечтанье свое,
 Обнимите его острие.
 Он расскажет, как нужно гореть,
 Он расскажет, как нужно лететь,

В нем искра,
 В нем заряд
 До утра –
 На закат,
Шаг вперед, взгляд назад,
Бесконечностей ряд,
Что угодно, но только не смерть...
Обнимите, решитесь суметь.
Напоите собою полет,
И не будет пределов пареню,
Если цель не опустится тенью,
Не притянет, к земле не прижмет.
Воздух душный, пробитый стрелой,
Вспыхнет сзади: за нею – летящей –
Огневою светящей струей,
Не придуманной – настоящей!
08.10.1994

* * *

Душно во чреве, иссякли соки –
В небо, в небо настали сроки;
Кончилась память, данная свыше, –
Выше, выше
Нам нужно править
Свою колесницу
По тяжкому золоту,
По легкому ситцу;
Отдайте плату
Низу, пустыне, –
Пустили чтоб, –
Черные мысли и красный гроб.
Стынет, стынет
Огонь извечный,
В небо пешком не пройти –
Это кара;
Пусть превратится мешок заплечный
В крылья Икара!

Солнце! прими и прости
Тех, кто в пути;
Сожги поводий упругие жилы,
Нас разрывающие,
Выжги гордые корни силы,
Нас разъедающие;
Пусть же проснется
Брат, друг,
Пусть вознесется
Кровь, дух!
10.09.1994

Птицы феникс

Над планетой новорожденной
Поднимались птицы феникс,
Песней о Земле нехоженой
Кольхали древний вереск.
Стаи птиц голубооких
Плыли с белою кометой
И с былиной не пропетою
Между пиков одиноких.
Чудо-крылья словом «будет»
Из дыханий теплых ткани
И как корни новых судеб
Уходили в ураганы.

Но на Землю шло молчание
Как предвестник цепенья:
Птиц рождало Созидание
Всем своим огнем творенья,
Всё отдав до искры малой,
Ведь любовь не знает меры, –
И теперь холодной зры
Ночь объятая раскрывала.

Птицы феникс взоры синие
Из-за дали возвратили,
На пустыни молчаливые
Океаном опустили,

А чтоб тьма не одолела,
Жизни будущей поверя,
Восстающей в недрах пепла,
Подожгли на крыльях перья.

Непогасшего горения
Дети ныне наблюдают,
Как для жизни сотворения
Птица феникс погибает.
Снова крылья поджигает,
Пока пламя не окрепло
В нас, родившихся из пепла.

Но однажды ночь предела
Мы увидим пред собою,
И тогда за нами дело:
Наше время стать искрою!
Не поймет никто причин,
Повелевших сердцу вспыхнуть, –
Что-то вдруг мы различим,
Не сумев опять привыкнуть.
05.03.1995

Два библейских дерева

И ночь была, и день настал.
Два выросли могучих дерева,
И разделилось «право» с «лево»,
А посредине Меч упал.
Как необузданные реки,
Нет, не тянулись, не росли –
Текли, взрывались в небо ветви,
Вершины тайн наверх несли,
И, видно, там, вверху сливались,
Срастались кроной и корой,
Но воздух там и свет другой,
А корни в глубине скрывались.
Одно светилось изнутри,

И свет всё становился резче:
Глазок свечи – огонь зари,
Чем выше, тем больней и хлеще
Он бил об руки, в спины, в лица,
Разрезал бы, как легкий пух,
Стрелою дерзновенный дух,
Коль там случайно очутиться!
Как слабо, вяло и убого
Стояло древо на камнях,
Так царственно, прекрасно, строго
Оно взлетало в облаках.
Другое было зелено,
И золотом в листьях отливало,
Струилось по корням вино,
Кора броней покрывала
Могучий и ветвистый ствол,
А где случайно был он гол,
Обугленная твердь зияла.
И из углей, как из ночи,
Прекрасные плоды всходили,
Как будто их туда привили.
Откуда, как и руки чьи?
Два дерева наше время пьют,
Земля и свет для них едины,
И оба до неба дойдут,
Но Меч – владыка середины!
08.05.1995

* * *

Нам не будет числа,
Нас к себе позвала
Эта Высь,
Нам сказала звезда:
«Появись!»
Этот вздох и полет,
Эту жизнь, этот род
Кто прервать и осилить сумеет,

Если небо во взгляде синее,
И написано в судьбах: «Дойдет!»

Бездне дланью положим края,
Сколько б тьмы пред рукой ни вставало!
В каждом сила и слава царя,
Мы стихии, как наши моря,
Но едины, как грани кристалла!
12.06.1995

Колокол оглушающий

Есть на Земле неизвестных строителей, –
Ни синагог, ни церквей и ни капища, –
Звонница. Там высоко, без зрителя –
Колокол оглушающий.

С самой вершины зеленого дерева
Можно увидеть раскаты сияния
Запада-Юго-Восточного Севера,
Где этот звон набирает дыхание.

Дрему утра, утомление полночи
Милости, жалости, видно, незнающий
Бьет, разбивая опоры и поручни,
Колокол оглушающий!

Люди, впитавшие гула мгновение,
Собственный голос услышат молчанием:
Только слова – те, что эхо биения,
Только мелодия, – как испытание.

Есть неуютного мира и сирого
То ли зовущий, а может, рыдающий,
Кем-то отлитый из воздуха синего
Колокол оглушающий.
23.05.1995

Бессмертие

Уже построена теория,
Перепроверен результат,

За ограждением лепрозория
Чеканный выверенный ряд.
Устало лица озираются.
Пустынно, холодно, темно.
Не умирают, не рождаются,
Не пьют ни воду, ни вино.
Прохожий кисло улыбается,
Идет живой и не живой,
Скрыть или сбросить не пытается

Налет на коже восковой;
Спускаясь ровными ступенями
В давящий узкий коридор,
Сшивает в цепь тугую звеньями
Движений нищенский набор.

Бессмертию на растерзание
Дано живое существо –
Пародия существования
Заменит плоть и кровь его.
Огонь не даст желанной прочности,
И вот – потушена звезда.
Пусть озаряет город точности
Поверхность матового льда.

08.07.1994

* * *

Затаили дыхание –
Поколения ждут.
Колесо в испытание, –
Казино, а не суд.
Стрелка крутится бешено,
Взгляды – следом за ней,
Где-то вспомнили лешего,
Где-то – тыщу чертей.
Выбор – дело опасное –
Содрогнулся народ.
Мир поставил на ... разное.
Стрелка встала – «банкрот»!

13.07.1996

* * *

С вами успех,
 С вами удача,
 Малый огрех
 Будет залачен.
 Из под руки –
 Линия верная,
 Сила – полки;
 Музыка мерная.
 Время фасует,
 Место тасует
 Бойко
 Слава бессменная,
 Только...
 С кем же Вселенная?!
 13.10.1994

* * *

Закованные в оголенность
 На острый, холодный камень,
 Гордость собрав в отрешенность,
 Однажды мы встанем сами!
 Голос взорвется громом,
 Рука обратится мечом, –
 Под свист, рычание и гомон
 Мы однажды начнем!
 Горы могучие против
 Каждого встанут тотчас
 Вместе с частицею плоти,
 Язвою выросшей в нас.
 И вязнуть мы будем крылами
 В густом, как смола, пороке,
 Но всё же мы встанем сами, –
 Как в теле, – во взгляде и вздохе.
 Заменит нутро бездонность
 С пульсирующим огнем;
 Закованные в оголенность –
 Закончим... продолжим... начнем!
 10.04.1995

Купол*

После гульбы и веселья,
 Страсти на время унявши,
 Я захотел вспомнить небо,
 Но, словно пар подземелья,
 Тяжесть от хлада впитавший,
 Купол единого цвета
 Стал на меня опускаться,
 Гимном вокруг разливаясь.
 пеной вскипела свобода,
 Пухла, – точь-в-точь от броженья,
 И награждали у входа
 В купол венцом утешенья.
 Радуг там нет многоцветных
 И переливов зарниц.
 Нет и мучений ответных
 От напряженья зениц.
 Звезды взрывая с беспечностью,
 Купол, как небо, огромен,
 Но, нарядясь бесконечностью,
 Стал до конца однотонен.
 А горизонт заменяет
 В куполе множество кресел, –
 Севший всегда будет весел,
 Но и тогда не узнает
 Он ничего кроме тона,
 Цвета густого, как дым:
 От подземелий до трона
 Всё перепачкано им.
 24.05.1995

Игра*

Я опускаюсь на колени,
 Смотрю за черный край дыры.
 Там тени, дьявольские тени
 Диктуют правила игры.
 И больше нет на них управы,
 И больше не решаем мы:

Они играют в наши нравы,
Навязывая сущность тьмы.

Налево пойдешь – друзей подведешь,

Вот яблоко и не найдется слаще,
Склонилась под весом плода ветвь.
Я надкушу, а что же будет дальше –
Окажется, что в этом плоде червь.

Вот я стою пред зеркалами,
Мне говорят: «Ты видишь цель!»»

Бросаю то, что под руками,
И вызываю на дуэль

Потом в холодных каплях пота
Вступаю в многолюдный зал,
А мне доказывает кто-то,
Что нахожусь я среди зеркал.

Направо пойдешь – врагов наживешь,

Я в наставленья вчитываюсь снова,
И пальцами овладевает дрожь:
Убив себя, погубишь ты другого,
Убив другого, ты себя убьешь.

Других ходов вы не найдете,
Ведь вы на шахматной доске
Без белых клеток и в цейтноте
Стоите на одном носке.

Поступка нет без испытанья, –
Сам сатана кричит: «Алле!»,
И посылает указанья
В безвыигрышной той игре.

А прямо пойдешь – и душу сожжешь.

Снести ль нечеловеческую жесткость
И тяжесть ног, окованных свинцом.
Я падаю на шахматную плоскость
На клетку черную, но вверх лицом ...

О долгожданный миг прозренья! –
Двумерное – не весь простор!

И в перспективе отраженья
Теперь не заменить обзор.

Я безысходности разметку
Сотру резинкой, а потом
Накрою шахматную клетку
Тетрадным клеточным листом.
08.12.1993

Им (демонам)–1

Из-за пазухи да из заначки
Достав, положу на ступеньки им,
Куда кидали они подачки,
Последнее, что назову своим.

На лицах расплавится сахар улыбок
И будет проглочен с горчащей слюной,
Когда под взгляды, как вспышки пыток,
Я ею ошпарю цемент ледяной.

Едва коснувшись поверхности серой,
Поднимется, верою вдруг становясь,
Сметая огрызки с монетой менной,
Воля, мной брошенная на грязь!
08.05.1995

*Им (демонам)–2**

Я ваш подарок обнажу,
Я превращу его в песок,
На прах и пепел разложу, –
Не будет жаль ни на волосок.

Сам от себя ослепнет блеск,
Оглухнет золото от звона,
Мой череп дрогнет, и под треск
Слетит надетая корона!
13.07.1995

Им (демонам)–3*

Ну что, продолжим разговор,
Опекуны по крови *прошлой*.
Вы *новой* дали имя «вздор»,
Встряхнув кровавою пригоршней.

Булавки, ножницы, игла...
Бела кушетка, фартук тоже.
Кроить на грудь рука легла,
Гуляют лезвия по коже.

Я позволяю. Всё равно –
Кладите жгут, забейте гвозди,
Ведь это – только мозг, нутро,
И это тоже – только кости.

Коснулись плеч моих, спины
Портные, заливаясь смехом,
И поднесли из глубины
Пилу к «уродливым огрехам».
.....
Как вы ошиблись! Давши сбой,
Скользнули зубья – крылья взмыли,
Освободившись за спиной...
Вы, не подумав, их раскрыли.
07.10.1995

* * *

Объясните мне, как спины
Изгибаются в дугу,
Объясните мне, как силы
Прожигаются в трубу,
Крылья клеятся в кресты
И ложатся на хребты
Или входят в грудь колом,
Или в землю надо лбом.
Расскажите мне, как с верой
Воспаряют выше скал,

Как немеренное мерой
Повстречает, кто искал,
Кто освоил ремесло
Превращать кресты в крыло,
Кто, словам не дав остыть,
Позабыл «не может быть»!

Подарив иное зреньё,
Покажите семя звезд,
Покажите зарожденье
Начинающего рост
Древа жизни, взрыв любви
Через адские круги!
Покажите Истин Свод –
Нетемнеющий Восход!

20.06.1994

* * *

Не нужно ходить за сто верст:
В кармане я обнаружил
Воронкою малой наружу
Бездну свою без звезд.
За сотни парсек отнесет
Карманный мой антикосмос
Жизнь, сорванную как волос,
И выход она не найдет:
Поблизости только вход.
10.04.1997

* * *

Из-за дальних гор, –
Говорили встарь, –
На бело-простор
Опустилась хмарь.

На поля, луга,
Города волной
Полились тогда
Слуги тьмы ночной.

И людей они
Обнимали всех,
И очей огни
Заливал их смех.

Но никто не встал,
Не поднял лица.
Ветер дни листал
До судьбы конца.

И уже иным
Не бывать годам –
Настигает дым
По чужим следам.

И сынов сыны
Уж не видят свет,
Ни своей вины,
Ни грядущих бед.
1997-2010

* * *

*(От имени бесов,
загнанных Христом
в стадо свиней)*

Раскаленный жест
Нóчи плоть прожёт.
Мимо гиблых мест
Через тьму дорог

То ли гласа гром,
То ли грома вал,
Прокатясь ядром,
Ложе дна порвал.

Отпускай узду!
На душе дуга...
Было как в бреду:
На мече рука...

Шевели горбом,
Неразумный скот! –
Легионодром
Оставляет черт!
11.08.1997

* * *

Один бесенок хочет со мною поладить:
Ободряет меня,

Будто родня,
Начинает мне руки ласково гладить
И говорит:

– Я среди них:
Среди тех, что повесили нимб
Или же крылья из кожи, –
Кстати, намного дороже, –
Не последняя птица...
И не будет платою «чечевица»,
И душу твою не возьму я в полон –
Будет с тобой до скончания времен,
Лишь рядом мне быть с тобой

Позволь.
– А как тебя звать, хромота?
– Быстро привыкнешь – кличка проста –
Пустота.

02.02.1996

Последний день

Тысячелетний Рим,
Десятилетия Штатов,
Рейх, что еще за ним
Не избежало матов,
Но брызнула из огня
Империя Одного Дня!
«Не бред, не блеф и не дым.
Тостом звенящим в горле
Ныне мы возвестим,

Залпом хлебнувши море,
Свободную от меня
Империю Одного Дня!

Жаром горячих лиц
В небо остывшее впиться.
Этот день без границ
Завтра накроет птица.
Но не достанет до дна
Империи Одного Дня!»
Только здесь и сейчас,
Прямо и безвозвратно,
Только единый раз
В сопло с огнем заката,
Плаваясь, несется броня
Империи Одного Дня!

23.02.1996

О телевидении

Кадры с экрана как комары
Навязывают сношение;
Мелькают и каждый с тобой на «ты» –
Танец головокружения.

Краски затерли полутона –
Хроническое возбуждение,
И каждый кадр говорит тебе «на» ...
Танец головокружения.

Воронки синих стеклянных ламп –
Идет процесс погружения.
На два – па, на четыре – «ап»! –
Танец головокружения.
22.11.1996

* * *

Разве может быть так: человек, как пунктир:
То звездой горит, то куда-то ныряет,

То бежит, то как не было – след исчезает
Где-то в скрытом тоннеле невидимых дыр.
21.01.1997

* * *

Я видел света полосу
От горизонта до зенита,
Она была из тайны свита,
Качая время на весу.

К ней устремлялся каждый звук,
Она сама была стремленьем;
Движеньем, властью и терпеньем
Звала с собою всё вокруг.

Но я не смог призыв принять,
Хоть знал: вся жизнь в нее одета.
Я не открыл ее секрета,
Бессилен даже вспоминать.
29.01.1995

* * *

Небо большим кораблем
Белым, как снег, и высоким, как горы,
Утром отходит; мгновения скоры –
Руки к нему вознесем!
Нежно прижавшись к холмам,
От городов и дорог оттолкнулось,
Ленточкой звездная пыль потянулась –
След, незаметный глазам.
– Не оставляй нас, возьми
Имя забывших, не знающих отчества.
Всё пронесем, только не одиночество.
В списке своем посмотри –
Нас называют людьми.
09.04.1997

* * *

Побряцаем доспехами
В науку молодым,
Усыпанным успехами
Путь старый объясним.

Великих лет печальный год
Прошел по острию,
Небесный свод – железный свод
Законов и табу.

Как ангелы щетинят стан,
Не разглядеть сейчас,
И новым отрокам не дан
Приказ в последний раз.

Пусть жизнь дается смехом им,
Но знать они должны,
Что иногда доспехами
Побряцать надлежит.
03.08.1996

*«На севере диком»**

Здесь не вырастет цветок,
Стебель не поднимется,
Корни не впитают сок –
Нечего и силиться.

Все стремления пусты
И надежда с верою –
Камни вечной мерзлоты
Дело свое сделают.

Даже если треснет вдруг
Льдинка на поверхности,
Новые под песни выюг
Заблестят, – для верности.

Много всякого в умах,
А итог искания —
Порожденье праха – прах
Мертвый, без дыхания.

Что вдаваться в суть вещей,
Не жалея времени, –
В этом месте вообще
Не бросали семени!..

— — —

На севере на диком,
в краю стеклянных рек,
Когда ... – не знает этот,
не помнит прошлый век, –
Сошел окаменелый снег,
И из земли пророс побег.

22–30.10.1993

* * *

Перешедшая через «аминь»,
Переброшенная мосточком,
Прорастающая листочком
Под гнилою колодою жизнь.

Для нее не написано слов,
Не заказано в мире место, –
И без этого «чуда» тесно
На земле среди рук, среди ртов.

– Это Вы ей пробрили билет?
– Это Вы приоткрыли ворота?
– Нет, не я.
– Да и мне неохота.
– Я, как вы, – мой ответ будет: «Нет».

– Почему же она всё живет?
– Ей навстречу идет Небосвод!
1997 – 2010

Скитания не ведают дорог

*Скитанья не рождаются дорогой,
И, как у ветра, нет у них начала.
О них вам лес расскажет ночью долгой,
А книга о скитаньях умолчала.*

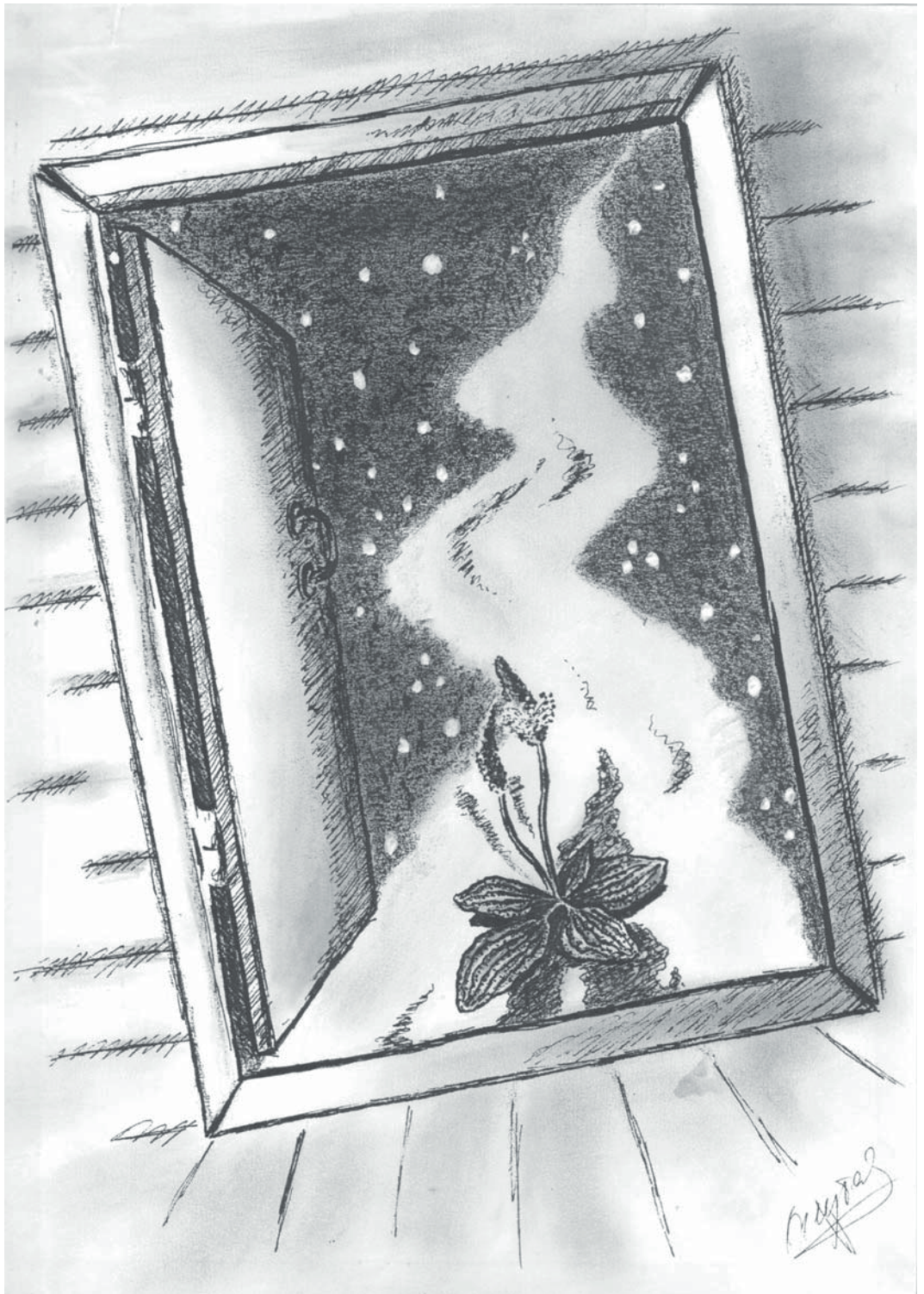
*Их носит век, ласкает их минута,
Напутствует на перекрестке камень;
Хлеба без пищи, избы без приюта...
Лишь колокол забытый скажет: «Амен», –*

*И то случайно, на ветру качавшись,
Но будет это как конец молитвы,
Что ангел уронил, с небес спускавшись,
О позабытых перед блеском Митры.*

*И вечная надежда загорится,
Согреет одинокое молчанье,
Приснится дом, конец дорог приснится...
Но как всегда продолжится скитанье.*

02.02.1996

А. Шутый

* * *

Поймали и перевели стихи
 На языки, понятные науке;
 Достали корни из сырой земли,
 Горшкам передавая на поруки.

Закрыли смерть, умножив жизнь и снедь –
 Предел мечты – остановись эпоха!
 Поэтому и Ангел, чтобы спеть
 Спустившись, обратился в скomorоха.
 07.03.1997

* * *

– Скоморох на площади!
 Собирайтесь, люди!
 Он подражает лошади,
 Имитирует пудинг,
 Еще кричит петухом,
 Стянув поясok туже,
 Дразнит детей хохолком...
 – Гоните! Зачем он нужен!
 В лужу его мурлом, –
 Вот и будет потеха.
 Вали, а не то наш лом
 Узнает твоя прореха!
 – И так в каждом селе,
 Что ж ходит он: вспухли уши,
 С побоями на спине?..
 – Он собирает души.
 Кто выбросит, кто теряет,
 Так он ее подберет,
 Лохмотьями обернет
 И бережно сохраняет,
 Чтобы потом вернуть;
 Только о том не знают
 И палкой благословляют
 С улиц в обратный путь.
 06.03.1997

* * *

Горбатый карлик скривил рожицу:
 Режет бумагу. Неловко: ножницы
 Наматывают лоскуток;
 Еще разок ...

Соскользнул листок.
 Никто не подул на ранку, –
 Вот так – вставать спозаранку.
 Порезался – стоит, всхлипывая.
 Тусклая лампа
 И закуток,
 Как ямка.

Эх, жалко:
 ... Жизнь липовая.
 Хоть бы на счастье подковку.
 Подними головку,
 Ты ведь уже привык.
 Ну вот – ... показал язык.
 27.11.1996

* * *

На пиру у Сатаны
 Будет кто-то унывать
 Под бречание струны,
 Кто-то будет хохотать,
 Раз уж рюмочки полны,
 Мы же будем шутовать!
 По законам шутовства
 Будет сыпаться острота
 Или брань, – как нам охота, –
 Для князей и «божества».
 Если вырвут нам язык,
 Шут и к этому привык –
 Будем мы плясать от боли,
 А отрежут ноги коли,
 На карачках – скок да прыг,
 Но покажем все же клык!
 22.04.1995

* * *

Растянулись губы маски,
Заблестел фальшивый глаз...
Это комик – без опаски,
Бросьте костью в глупый фас!

Только поздно улыбаться,
Как пойдет игра не та:
Ведь гримаса камикадзе
Схожа с маскою шута!
12.05.1995

О смутном времени

Из грозового облака,
Как на последний суд,
На землю друга и врага
Спустился огненный Шут.

В столицы, деревни, села
Входил он по вечерам;
Его озорное соло,
Будто на храме шрам.

Пламенное кривлянье
Хохота и гримас –
Псевдокоронованье
Каждого хоть на час.

Кто ж не хотел смеяться,
Морщась на пьедестал,
Он обращал в паяца
И за собою звал.

И уходили дальше
Бродячие циркачи

Из городов, что чаще
Были теперь ничьи.
06.03.1997

* * *

Нищим странникам
Та, неземная
Радость праздника –
Тени от рая.
Путешествовать
Птицей б свободной,
Поприветствовать
Край наш холодный.

Только память,
Будто облако,
Перед полетом
Стала потоком
Церкви около
Таять, таять.
05.01.1996

* * *

Человеком быть –
Хоровод водить –
Не берут с собой друзья-недрузи,
Не зовут и прочь разбегаются.

Быть с лесным зверьем
И покинуть дом –
Не найти потом мне пристанища,
А бродить всегда неприкаянно.

Размахнув крыло,
Станет мне легко,
И летать смогу вместе с птицами,

Но возьмет Борей крылья ситцевы,
Унесет в края, земли чуждые.

И с дороги я поднял горяшко,
Отвернул лицо я от солнышка.
Мне шептала ночь,

Напевал мне день,

Но от слез своих

Я не слышал их.

20.11.1996

* * *

На опушке, на пустыре
Колокол брошенной колокольни.
Вместе с листьями в ноябре
Ветер под ним танец исполнит.

Раскачает его, поиграв
С одиноким, окоченелым,
И ударит о ребра голый сустав –
Польется гул глухой огрубелый,

Неожиданный: сердце замрет,
Будто призрак вышел из тени.
Бурой пыли слетит налет,
И предчувствием вздрогнет темя.

Бродяги усталые, это вам,
Это вам, скитальцы, бездомные странники,
Ветер с лесом построили храм,
И звон этот – вам, раз не вышли пряники.

Непрменно именно этот звон
К нему – к Отцу всех чудес и тайн
Поднимет ваши мечты как лен,
Позабудьте лишь, что удар случаен.

А может, Бог уже говорит,
Может, спускается, добр и печален,
Да мы не слышим Его молитв,
Колокол лишь произносит «Амен».

24.01.1996

* * *

Летит мое перышко
В дождик на снежок,
Согрей меня, солнышко, –
Что-то я продрог.

Валун путь указывал
Мне на тыщу верст,
А с ели рассказывал
О морозах клест.

Пустили заветное
Легкое перо, –
Оно чтобы, верное,
В чаше провело.

Поет мое перышко:
«Будет и апрель», –
А в лютую порушку,
Солнышко, согрей.

25.11.1996

* * *

Жизнь волоском зацепилась за землю,
Дрожит, ударяется под метелью
О камни на мостовой,
Будто чужая она пред рассветом;
Кажется, ночь с ледниковым веком
Засушит вместе с травой,
Где колесом прошли,
Любимую дочку Земли.

18.01.1997

3

Что правит: бес иль перст десницы
 Божьей,
 В Заморье устремленным кораблем,
 На свет желанных звезд или на ложный
 Маяк, светящий призрачным огнем?

Один корабль в ладони великана,
 Трещат пучиною зажатые борта.
 Там, впереди ему земля сверкала,
 Или манили пеною шторма...

Пробиться через море, через небо,
 Чтоб вырваться из колыбели склепа,
 Родство он со Вселенною расторг!

А шторм пройдет, и ровным тоном глянца
 Растает след Летучего Голландца:
 Шаги минут не остаются впрок.

4

Шаги минут не остаются впрок,
 А исчезают, будто тает иней.
 Их оживить еще никто не смог,
 Но след шагов не пропадает с ними.

Вот у дороги путники сидят.
 Вглядитесь: за туманной поволокой
 Они идут десятки лет назад
 За тридевять земель страны далекой.

Протяжнее, чем стон ночной в бараке,
 Печальной взгляда брошенной собаки
 Шаги скитаний создают мотив.

И тот мотив – без голоса поющих –
 Плышет сейчас, когда уж нет идущих,
 Под всхлип ручья, под плач берез и ив.

5

Под всхлип ручья, под плач берез и ив
 Обнимет лес тяжелою рукою,
 И сразу двери тихо затворив,
 Он никого не пустит за тобою.

Здесь не догонят, больше не найдут:
 Закончились дороги и мытарства.
 Как будто раньше ты всегда был тут –
 В объятьях зачарованного царства.

Отца и матери посылаются слова,
 Когда качнется мягкая трава,
 Почудится поскрипыванье ставень.

У ног склонится одинокий мак,
 Пророчество припомнится и как
 Напутствует на перекрестке камень.

6

Напутствует на перекрестке камень,
 В печальной твердости уверенность храня
 О том, что в безвременье также канет
 Стон непогоды завтрашнего дня,

Что сон Земли, – окутанной туманом,
 Или под снегом, – долго не пройдет,
 Что дремлет луг, склонившийся
 тюльпаном,

И ветер дальше этот сон несет...

А вечером – на сиром пустыре
 Заметишь в уплывающей заре
 До горизонта даль покрывший саван.

Здесь звуки прижимаются к земле,
 Как будто и они уже во сне,
 Лишь колокол забытый скажет: «Амен».

7

Лишь колокол забытый скажет: «Амен», –
И ветви голые на этот звон кивнут,
Где жизни путь приюту смерти равен...
Дожди бесцветные косою здесь пройдут...

Тяжелый воздух, холодно и топко.
Невдалеке, к траве наклонены,
Стоят кресты, и заросла к ним тропка,
Пронизанная корнями сосны.

Все неприветливо, но будто бы родное:
Шум непогоды, а душа в покое,
Принявшая безмолвия призыв.

И, чтобы дух поднялся над холмами,
Тот колокол ударил под дождями,
Неслышную молитву завершив.

8

Неслышную молитву завершив,
Потупит взор завсегдагой обочин,
За пазуху спрячет теплый миф,
Что в кабаке цыганкой напроговорчен,

Достанет хлеб, набьет им полный рот
И будет хохотать, припомнив ночку;
Пригрется, коленки подожмет
И сверху уподобится комочку.

Во сне же он увидит море звезд,
Себя во весь необычайный рост...
Но будет ему в этом мало прока.

Страхнет на утро пыль, а что до сна –
Забудет, кружку осушив до дна,
На землю опустившись раньше срока.

9

На землю опустившись раньше срока,
Я повстречал: бродячего певца,
Кочующих врачей и одиноко
Игравших лицедеев у крыльца,
Солдата, пеленавшего култышку,
И из гнезда упавшего птенца,
Под ливнем коченевшего мальчишку...
Я повстречал бездомного отца.

Ложбиной огибая спуск отлогий,
Калекой спотыкаясь о пороги,
Текла вода и наносила ил.

Одетая в сукно от старой торбы
Земля мечтала, как и ныне, чтобы
Небесный Ангел слово обронил.

10

«Небесный Ангел слово обронил», –
Не шутка ль это злая скомороха?
Он дырки на коленях накопил,
На корку чтоб сменять иль горсть гороха.

– На площадь, на поляну созывай,
Кружи ногами, головою бейся...
– Ему ведь, где накормят – там и Рай,
Где можно посидеть – там Поднебесье.

Но говорил ли он, когда шумел,
Размазывал под глазом уголь, мел,
И плавилось когда лицо в кривлянье?

Он лишь потом – под ночь, когда устал,
Об Ангеле кому-то прошептал,
Нарушив заповедное молчанье.

11

Нарушив заповедное молчанье,
Чтобы развеять грусть?.. да, нет – не то:
Ступая взглядом к улетевшей тайне,
Певец в ночлежке тесной начал с «до» ...

О том, как видел он бутон Восхода,
Как, расправляясь, лепестков шелка
Раскачивают небо год от года –
Сильнее, неотступнее, пока

Могучий звон плотины не прорвет,
И мир весь половодьем не зальет
От недр земных, от самого истока!

Все поняли тогда певца в избе,
Когда последнее – о вере... о себе... –
Не с губ слетело слово, а из ока.

12

Не с губ слетело слово, а из ока –
Опять дурные капли влаги той,
Не нужной нам, ей-богу, до Потопа, –
На путь не жалуйся, о будущем не ной!

Что еще больше может потревожить
И душу придавить плитой свинца,
Жгутом крученым на сто лет стреножить,
Когда в бездомном ты узнал отца.

Он говорил: «Мой маленький
сынишка ...», –
Про старый дом и рваное пальтишко...
Про то, что в кружке чай уже остыл ...

Он рассказал о сне своем последнем,
Где видел белы крылья в небе летнем;
И ветер стих, когда он говорил.

13

И ветер стих, когда он говорил, –
Бродяга сказок, грез, стихотворений:
О святости ступенек и перил,
О сырости камней и песнопений,

О том, что наша жизнь не будет зря,
О скрытом облаками отчем доме,
О том, что поднимается Заря,
Но мы храпим, и вся планета в дреме!

Он обращался к серым пятнам шляп,
Зонтов и лиц в плененье толстых лап
Толпы, дрожащей в суетном метанье.

Отчаявшись, в них грязью швырял
И, наземь опускаясь, повторял
Молитву о бездомных и скитанье.

14

Молитву о бездомных и скитанье
Ношу в себе осколком «Отче мой».
Она не дар мне и не испытанье –
Подобрана под снегом и листвой.

Она о тех, кто Будущим Заветом
Услышал крыл спускавшихся напев
И потому теперь несомый ветром
Во все концы как семена дерев.

Земля и Небо – перепад давлений.
От слепоты с клюкой, до озарений
Ведет нужда, а поднимает рог.

Пусть ночь темна, зато пространство
звездно,
Не нужно ставить знаков – бесполезно:
Скитания не ведают дорог.
20.01. – 01.05.1996

* * *

Грусть, подобная октябрю,
Унесла меня на зарю
С листьями:
В чисто озеро – в облака;
Окружила и обняла
Высями.

На воздушные берега
Струи солнышка да в стога
Сложены.
Покидая лесов золу,
Листья желтые по утру
Ожили.

Но шумят и шумят деревья,
И ветра обрывают слова
Дó крови.
То ли звон наполняет Русь,
То ли чья-то осталась грусть...
Вó поле.

02.03.1996

* * *

Мы оторваны от всего,
Узы связи почти не видны.
Для чего живем, для чего?..
Чтобы больше принять вины.
Есть движение где-то там,
Где бессмысленно наше «где»,
Что же мы оставляем нам –
Отражения на воде.

Продвигаясь, идем как всегда, каждый
час вроде бы,

Не стоит и не пятится время у нас в
городе,
Но все чаще распятым я вижу Тебя,
Господи.

13.12.1994

Луна*

Чужой холодный наблюдатель –
С бескрайнего ночного полотна
На Землю смотрит круглая Луна
Внимательно, как старый испытатель.

Ей в жизни наперед всё видно,
Но, может, проявляя свой каприз,
Огромным желтым глазом смотрит вниз
На нас придирчиво, бесстыдно.

Недостижимо далеко
Плывет она свободно от ветров.
Не изменить ее неведомых основ,
Не долетят слова упрека.

На всплеск, собою порождённый, –
На вод прилив, на грезы, на разврат, –
Бросает свой бесстрастный долгий взгляд.
И свет струится отраженный.
24.03.1990

* * *

Пережиты пещеры подземелий,
Их увенчал возросший в камне замок.
В песок часов погружены капли
И захоронены в гробнице склянок.

Дыхание – скрипят дверные петли,
Песчаный шорох – пальцы по перилам...

Луч тормозился в эфире мутном;
Не чуял землю, не слышал голос...
– Сегодня в полночь порвался Волос, –
Сказал и замер великий Хронос.

— — —
Сегодня в полночь порвался Волос –
Не вижу Солнца, не слышу голос.
11.11.1993

* * *

Из живого спряденные нитки
Вьют круги омертвевшего кружева.
Под стихами воскресшие свитки
Пустотою измяты и сужены.

Что ни буква – как пламенем ала –
Тонет в сером слиянии слога.
Что за жизнь, когда ее мало?!
Что смерть, когда ее много?!
13.07.1995

Новолуние

Из темноты после часа рождения
Наземь Луна опускается в тайном
Лике невидимом – тенью теней –
И незаметно обходит владения.
Вечера сумерки тянутся паром,
Шлейфом воздушным за ней.

То по реке пробежит она дрожью,
То холодком по оврагу,
Шелестом в парке ночном;
Или идет она по бездорожию,
Переодевшись в бродягу,
Черным прикрывшись плащом.

Перед окошком она остановится,
К спящим войдет, чтобы до изголовий
Прядью коснуться седой.
А когда книгою грезы откроются,
Сны наши смотрит и ищет, кого ей
В путь взять обратный с собой.
26.03.1996

* * *^{*}

Мне назначено свидание
С белой леди в черном шелке –
Утром краткое послание
Переправлено на лодке:

«Мимо бёрега и пристани
Проплывет корабль как лебедь,
Но его не видно издали...», –
Нужно в час условный мне быть...

Без друзей и без свидетелей.
Не вести об этом речи,
Чтобы люди не заметили,
Где назначена мне встреча.

Знаю я: от приглашения
На корабль не отвернуться,
Только бы найти решение,
Как потом назад вернуться.
04.05.1996

* * *

Продается любовь! Есть валюта своя
За улыбки, лобзанья, объятия и далее.
Созывают, горланят друзья-кумовья,
Бирки с ценами вешают к шее и талии.

Кто-то скидочку просит, тихонько всплакнув:
«Горемыке отвесьте по льготному номеру!», –
Ковыляет, соседей назад отпихнув, –
Не идти же с рукою протянутой по миру.

Этот сразу права предъявил на товар –
Раздает чаевые горячие, хлесткие;
Расфасованной нежности сладостных чар
Погружает тюки на сидения скользкие.

Где приценка идет – как бы не оплошать,
Где – уценка, коль вещь залежалая,
Но гляди, каждый третий – разбойник да тать.
Эх, ты, жизнь, неуютная, шалай!

Впрочем, цены на чувства стабильно стоят,
Отклонения в стороны так – аномалия, —
Продается любовь, есть валюта своя
За улыбки, лобзанья, объятья и далее.
09.03.1995

ТЕАТР

1

В театре мы с вами, конечно, конечно:
Мы можем укрыться за стенкой кулис.
Прочитаны, сыграны роли успешно,
И зрители хлопают с криками «бис!»,
Но пальцы большие опущены вниз!

2

Театр заколдованный:
Здесь верят не словам,
А текстам и ролям,
Улыбке нарисованной,
Подкрашенным глазам,
Над соком клюквенным рыдают,
От крови – морщатся, зевают.

3

Люди падали, рыдали ...
Он за вас пошел под нож.
Кто же знал, что вы играли,
Что театр на жизнь похож.
А поверив в миражи,
Он сейчас остался б жив.

4

– Почему, горбун, играешь в этой пьесе
херувима?
Подыщи попроще роли, подходящие тебе.
– Здесь я крылья надеваю, а потом ...
потом без грима
Я взлетаю, не стесняясь, забывая о горбе.

5

Я не играл, я нервы рвал
В той драме близкой мне до корки!
И лишь финал мне показал,
Что нахожусь я на галерке.
Теперь я зритель. Даже рад.
Но, Боже, снова перемена:
За мной растерянным следят,
А подо мной «голгофа» – сцена!
Июль 1994 г.

* * *

Глаза ушли с лица ...
И плачут, и тоскуют,
И прячутся в лесах
От нашей толкотни,
А на пустом лице
Отверстия рисуют
И Солнце на домах
В потерянные дни.
02.12.1995

* * *

1

Никто не вызывает на дуэль
Ни подлость, ни коварство,
Все океаны покрывает мель –
Заснуло наше царство.

А нашей ночью как в гробу темно:
Луну сожгла колдунья...
Скажите, что случилось с Сирано,
Солдатом полнолуныя?

Он не убит, не в камере тюрьмы
И не забыт, что хуже,
Ему не одолеть иной стены:
Он просто стал не нужен.

2

Штиль на море – как паруснику плыть:
Затихли ветры, грозы...
Теперь все больше в сторону «не быть»
Решаются вопросы.

Не умирают, даже крепче спят,
Когда змея ужалит,
Не пробуждает дух вошедший яд...
Принц датский, где ты, Гамлет?

Клинок твой согнут разве может быть
Или до спицы сужен?!
Известно, что его не загупить, –
Вот ты и стал не нужен.

3

Не надо больше мельниц волшебства,
Колдун теперь ликует:

В песок перетирают жернова,
Кого – нас не волнует.

Не виден над холмами блеск копья,
С вершин не отзовутся...
О Дон Кихот! Где доброта твоя
И правота безумца?!

Никто помочь не скачет, в рог трубя:
Ты ранен, ты простужен?..
Ушел, чтоб не навязывать себя:
Ты стал совсем не нужен.
29.07.1994

* * *

Спор не окончен – все на месте оппоненты,
Идут, не отставая ни на шаг,
Развешивают траурные ленты.
Азарт!.. Пусть будет так, уж лучше так.
Норд рыцарский султан не потревожит:
Отныне он не видим, но высок.

Достойным стать его он сам поможет,
Едва ударятся камня о висок –

Ближайшая, похоже, перспектива
Еретику подняться. Свет Луны
Растает в Солнце волнами прилива...
Жаль, не увидите, как люди там вольны.
Единокровные! Мечтайте, пойте, верьте:
Разлука сокращается в мечтах.
А может, подожду еще столетье,
Как знать, – ведь оппоненты на местах.
20.03.1994

Легенда о Парацельсе и приедем к нему молодом человеке*

1

– На руках набухли вены,
Света нет в очах.
Молви, старче. Все мы тленны,
Всех поглотит прах.

Розы сорванный цветок
Брошен мной в камин.
Обрати времен поток,
Если властелин.

– Если в сердце не будет сомнения,
В этом сердце цветок оживет.
Никогда больше пламя забвения
Возродившееся не сожжет.

2

– Слишком долго губы девы
Трескались в пыли,
Слишком слабые напевы
До меня дошли.

Что вселенных всех витки,
Будущие дни?..
Всё – фантазий завитки:
Призрачны они.

– Озаренное силой терпения
Вне иллюзий очнется от сна.
Тайна Правды и правда свершения
Приоткроет свои письма.

3

Двери хлопнувшей молчанье...
Келья пуста.

С одиночеством венчанье.
В кулаке зола.

Ветер, что тогда влетел,
Знает только он,
Как в ладони заалел
Розовый бутон.

У кого не обрублено зрение,
Кто не льет для себя божество,
Вечной жизни прозрит возрождение,

Силу сердца и волю его.
24.04.1994

* * *

Ты все забудь и начинай сначала:
Была ошибка где-то позади,
Там строчка неразборчиво кричала,
И было в этом слишком много «мало»
Раскатов и сверканья посреди.
Стряхни конец, забыв его начало!

Распятой в слове мыслью не солги:
В бумаге белой слишком много мела,
Чем покрывают стены, потолки –
Веков окостеневшие витки.
Чтоб то, что есть, навек не затвердело,
Начни с нуля, а письма сожги.

Произнеси мечту и веру снова:
По закоулкам принявшись гулять,
Свое значенье потеряло слово –
Любая фраза из него готова,
Сказавшему, его уж не понять.
Скажи еще иль дай обет немного.
24.03.1996

* * *

От холода и ветра
Душа поет,
Как плод дает
Надломленная ветка.
02.12.1995

* * *

Бельмом на глазу туман
Незаконно рожденного утра.
День Бомж, День Хан –
На Руси смута.

У каждого праздник свой –
Маши подолом рваным,
Хоть молись, хоть дерись и вой
Перед храмом!

На лобном базарный торг,
Как после седмицы черной.
О чем суета и толк? –
Топор дороже крученой...

А кто-то уже висит,
Улыбаясь радостно, люто:
Нынче весело на Руси –
На Руси Смута!
28.10.1995

* * *

День серым камнем упал
Под ноги зевающей публике.
Не подняли – пнули в канал,
Меня рубли на тугрики.

Почернел он: в пыли, в грязи,
Стал бросаться в глаза прохожим.
Чтоб испачкаться не смогли,
Его накрыли рогожей.

Раскалился как головня
Тогда этот день, напрасно
Шипя, гудя и дымя...
«Проходите мимо – опасно!», –

Кто-то поставил знак.
День разорвался! Мрак.
25.01.1996

* * *

В размытой и стертой реальности
Найдите хоть точку опоры,
В привычном дыму аномальности
Откройте последние поры.

Узнайте, примите мгновение
Живое во времени мнимом,
Придумайте сами решение
В сплетении неразрешимом.

Несущей протянутой нити
Не дайте разрушиться ржою –
Держите, храните, терпите,
Укройте хоть павшей листвою.
09.10.1994

* * *

Уплывают корабли –
Одинокие фрегаты:

Ждать тепла уж не могли,
 На земле оставив карты, –
 Чем свободней, тем быстрее –
 В край уходят, где Борей –
 Ветер северных морей.

С миром там наедине
 Только он – без сна и тлена:
 Тучи – руки в вышине,
 Грозный мыс – его колено.
 Никого там нет старей.
 Отрок – муж – седой Борей –
 Ветер северных морей.

И нельзя там быть вдвоем,
 Только ждать они устали.
 Корабли уходят дале...
 Может, песню запоем,
 Ведь уже не видно рей...
 «Там гуляет злой Борей –
 Ветер северных морей...»
 28.02.1995

Не спящим, когда спим мы, посвящается

Пыль минутная на часах,
 Лунным светом пропитана горница,
 Время путается в волосах –
 Бессонница.

Разлился нарастающий гул –
 Всё зовет и зовет где-то звонница,
 Чтобы здесь кто-нибудь не уснул –
 Бессонница.

Прилетев на бумажный листок,
 Черный ворон и белая горлица

Раздувают свечи огонек –
 Бессонница.

У распахнутых в небо ворот
 До утра всё, что будет, запомнится,
 Что отжило, опять оживет –
 Бессонница.

Кто-то должен стоять на посту,
 Или завтрашнее не исполнится...
 Растворяет ночей пустоту
 Бессонница.

Тьмою треснутая заря
 На две части не переломится:
 Воспаленные держит края
 Бессонница.

Час наступит – виденье пройдет,
 Днем и ясностью мысли наполнятся.
 Всё – томленье, усталости плод –
 Бессонница.

19.05.1994

* * *

Между небом погасшим
 И черной Землей,
 Перед Солнцем пропавшим,
 Бедой и водой
 Огоньки беспокоят эфир;
 И, чтоб им не поддаться испугу,
 В темноте ближе жмутся друг к другу –
 Это светятся окна квартир.

А вокруг только ночи зрачки
 Наблюдают и ждут
 Заплутавшие Солнца лучи,
 Что отныне остались ничьи,
 Выбирают и жгут.
 И уже только искры остались –

Это светятся окна квартир:
Задержались они, запутались,
И устроили дьявольский тир
Те, чьи ночи – пустые зеницы –
В океанах скрывают зарницы.
Выжидают они, выбирают
Огоньки от домов и квартир,
Чтобы свечкой забрать их на пир ...
Тают свечи – огни пропадают.

Не хочу! пусть они выплывают,
Пусть обманут, запутают мрак,
Пусть прошедшие дни отражают,
Но увидят рассвета маяк!
Между небом погасшим
И черной Землей,
Перед Солнцем пропавшим,
Бедой и водой
Остается не сдавшийся мир –
Звездной пыли застывшие залпы –
Это свет от домов и квартир,
И моей не потушенной лампы.
08.10.1995

Памяти Сони Унгер

Как странно – я ложусь сейчас,
А завтра, может быть, придется
Просить прощения у Солнца,
Но я в кровать ложусь сейчас.

Я думаю о новых планах,
А будет миг, как промах глаз,
И что останется от вас,
Но я копаюсь в новых планах.

Уж кем-то приготовлен шприц
На завтра, чтобы тело в ранах
Нашло покой в далеких странах.
Так нужно, и готовят шприц.

Там завершится, что задумал,
И вереницы колесниц
Спешат в края – владенья птиц ...
А я?.. закончу, что задумал?

Ну где же ... где же это «завтра» –
Тот миг, что век в себя вобрал,
Та точка, тот девятый вал,
Когда во мне начнется жатва!

Нет – просто новый день настал,
– Вставай! – луч солнечный сказал.
09.09.1994

*По кончине моей**

Воем волчицы,
Сломавшей капкана пружину, –
Путы порвавшей смертельного плена, –
Крик разразится,
И сонмы галактик застынут,
Молча взирая из царства геенны.

Плачем младенца,
Века ожидавшего жизни,
В миг обретения силы рожденья
Вырвется сердце,
Переча положенной тризне,
Песней взлетающей как пробужденье.
1997 г.

На смерть старика из соседнего дома

В проулок – «аэротрубу»,
Где ветер постоянно,
Открыл окно, швырнул судьбу
Отчаянно-нечайно.

Час тридцать дня: с десяток баб
Кружат над ним. Пустое...
И в три их интерес ослаб –
Оставили в покое.

Проходят люди – он лежит:
Жизнь улицу не сдвинула,
И смерти ангел не кружит...
Хотя бы птица вскрикнула.

А ветра был такой порыв,
Что воздух нужно латать,
Лишь он узнал о нем, раскрыв
Окно в тринадцать двадцать.

Один проулок, два стекла,
И дальше серая стена –
Вот всё, что между нами;
Там ветер снес колокола,
Не скрыться за камнями.

И вот: ... под цвет песка лицо,
И цвета пыли темя...
А мне что от всего того? –
Стихотворенья тема.
25.06.1996

* * *

Заскрипят колеса шестеренок,
Повернув подмостки и мосты,
А на них окажется ребенок,
И знакомы мне его черты.

Это несговорчивое время
Остановится на всем скаку,
Сбросит утомляющее бремя:
Знания, заботу и тоску.

И в края прошедшего вернется,
Где тепло, где были чудеса,
Где во сне ребенок улыбнется,
Где остались наши голоса.

За туманом, дымкой, миражами
Всё живет, там светятся огни...
Мы найдем, где мы остались сами,
И шагнем вперед, но не одни.
02.01.1995

Мальчик

Вот опять, как всегда, он стоит у обочины,
И опять на дороге моей посреди.
Если б не были волосы ветром всклокочены,
Я подумал бы: «Чур», и сказал бы: «Уйди».

Точно так же вчера на другом конце города
Под дождем он стоял, весь до нитки измок,
Показалось, что зубы стучали от холода,
Но как взгляд был спокоен его и глубок.

Он в надежде стоит увести за собою?
Иль пытается важное что-то сказать?
Но становятся метры дороги стеною:
Ни шагнуть он не хочет, ни знака подать.

Подойти и спросить самому – не решаюсь.
Мальчик зря показался опять впереди:
Может быть, я в догадках своих ошибаюсь,
Да к тому же спешу – середина пути.

30.06.1995

* * *

Мне даруются силы на время,
Пока где-то – во мне ль, надо мной –
Слышу голос – в полете, не дремля,
Птица над океанской водой.

Слышу голос – искусственных легких
Посылают спасенье меха.

Слышу голос – из речек глубоких
Кровь качается в вены виска.

Только плоть, в недоверье к протезам,
Хочет голос от сил отрешить;
Но, лишь слыша, живу я под весом
Тела, уж неспособного жить.

14.01.1997

До рождения

То ли вспомнил я, то ли видение,
Что в далеком лесу до рождения
Я бродил по прохладной траве,
Обучаясь зеленой молве;

Теплым воздухом вверх поднимался,
Гулял над деревьями,
По утрам умывался, плескался
Живыми водами.
Но однажды увидел я книгу,
Позабывтую кем-то на пне,
Подошел я, не медля ни мига:
Захотелось прочесть ее мне.
И толста, и тонка, и нова, и стара,
И название странное было – «Пора».
В книге я не прочел заключительных строк,
А с собой унести ее как-то не смог,
Когда песня меня позвала:
Видно, книга была тяжела.
И теперь каждый раз и в лесу, и во сне
Я глазами ищу свою книгу на пне.
19.06.1994

Иная страна

Ветви качаются: «Да, да,
Это не древо, а двери в минувшее,
В тени прошедшего, к веткам прильнувшие,
В пережитые года... –

Ветви качаются, – да, да,
Мы сохраняем в качанье отчаянья
Взоры; печали и чаянья
Перелетают сюда. –

Ветви качаются, – да, да,
Мимо – дороги спешат под машинами,
Здания рядом с большими витринами –
В нас есть свои города... –

Ветви качаются, – да, да... »
09.04.1997

ВТОРАЯ СТРАНА

1

Если подняться чуть выше,
 Встав перед этим на цыпочки,
 Когда ветер, дыхания тише,
 Качает тебя на ниточке,
 И поглаживает струну
 Нежная лира,
 Можно увидеть страну
 Цвета зефира.
 Горы там и долины белы,
 Может, это пух или вата;
 Прыгают с облаков на холмы
 И так же легко обратно
 Юные жители здешние,
 А захотят – поплывут,
 И реки с ручьями вешними
 В сказки их унесут.
 Хлопьями сыплет смех,
 Такой же белый на вид,
 И, обгоняя всех,
 Доброе время журчит.

Здесь как они бы играл и играл.
 На самой высокой крыше
 Я тянулся, на цыпочки встал ...
 Как мне подняться выше?

2

Есть страна на облаках –
 Детская страна,
 В кучевых пуховиках
 Спряталась она.

Там играет без забот,
 Беды позабыв,

Ныне – молодой народ
 Яблонь и олив.

Плащ надев из лепестков,
 В мёде и пыльце,
 По равнинам облаков
 Убегают все;

То под пологом ночей
 В день шмыгнут играть;
 Как ничей времен ручей
 Обращают вспять;

И с пушистых склонов гор
 Прыгают как в пух ...
 Но туда – для тех забор,
 Кто не моет рук.

Когда тучи здесь плитой, –
 Надо мной страна
 С детской шумною игрой,
 Солнцем залита.
 31.07.1996

* * *

Я увидел в окне: фотографией
 город застыл,
 Пейзаж из деревьев, и в небе одни
 акварели,
 Далеко-далеко, но не здесь, птицы
 звонкие пели,
 Люди шли как в кино, да и сам я как
 будто не жил.

Так должно быть всегда, или то –
 искаженья окном? –

Только муравьишки
Ползают по ней,
И на корку шишки
Падают с ветвей.

Этот дед ворчливый,
Чтоб ему плетей,
Обложил крапивой
Книгу от детей.

Да и людям взрослым,
Если ты не гном,
Разглядеть не просто
Клад под лопухом.

Дед всю ценность тома
Может и не знать:
Ведь его – лесного –
Кто учил читать?

05.03.1997

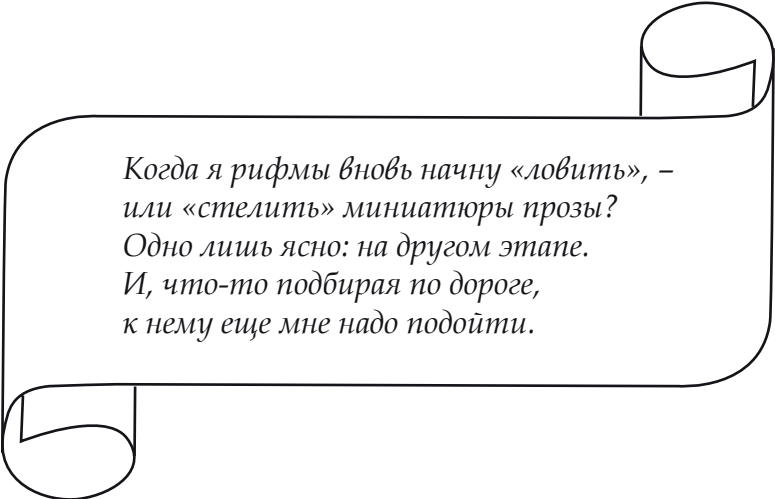
* * *

Говорят, еще течет где-то
Чудотворная река Лета.
Лишь нырнуть в нее разок стоит,
Что ты знал, она тотчас смочет.
И хоть верьте или не верьте, –
Там кишат что караси – смерти.
Окунешься, сполоснешь горло –
И младенцем станешь здесь снова.
Вот такая есть река-мето,
Что приятно нарекли – Лета.
Только в нашем «нефтяном» веке
Загрязняются моря, реки:
Кисло-радио– плывут тучки,
Экология и все «штучки».
Мысли ж черные, к примеру, о мести,
Загрязняют как пятно нефти.

А веков-то!.. Что ни век – хуже,
Вот и Лета стала как лужа.
Ни отмокнуть, ни тебе освежиться,
Не удастся в ней сегодня отмыться, –
Только наспех, память всю не счищая,
А бывает, что пристанет чужая.
Скоро так и не помрешь, ибо –
Истребится в Лете вся «рыба»!
15.07.1996

* * *

Нáзло красну лету
Перейти бы Лету –
Реку между скал,
Где как мир глубоки
Быстрые потоки,
Я давно искал.
Снять бы да с размаху
Жаркую рубаху
Бросить поскорей,
Всю как есть монету:
Медь со золотом – в Лету, –
Так оно верней.
Происки и иски
Разобьются в брызги,
Что не соберешь;
Здравия, советы
В чисты воды Леты
Канут как и грош.
А какие люди...
А какие судьбы
Я бы там узнал!
Бродим всё по свету
И обходим Лету –
Реку между скал.
12.07.1996

*Когда я рифмы вновь начну «ловить», –
или «стелить» миниатюры прозы?
Одно лишь ясно: на другом этапе.
И, что-то подбирая по дороге,
к нему еще мне надо подойти.*

Анатолий Шутый

2001

**ВИСОКОСНЫЙ
ГОД**

В апреле 2000-го года я решил в течение какого-то периода, не ограничиваясь в темах, каждый день писать как минимум по одному стихотворению. Это был своего рода творческий эксперимент, который продлился один год. Всего так было написано чуть менее пятисот стихотворений, из которых часть – триста шестьдесят шесть, по количеству дней в високосном году, – была отобрана для вышедшего в 2001 году сборника «Високосный год». Особое написание названия имеет достаточно длинную историю и объясняется в книге «Первый шаг». В представленную книгу включены все стихи данного периода, в том числе ранее не опубликованные (помечены звездочкой).

Мой «поэтический календарь» охватывает период с 12 апреля 2000 по 11 апреля 2001 года, в котором не было двадцать девятого февраля, но в «високосном» году – было. Кроме того, не следует удивляться, если в апреле будет стихотворение, например, про август.

Условия «эксперимента», на мой взгляд, только положительно сказались на творчестве, которое, конечно же, изменилось, потому что я сам изменился, и мне хотелось писать именно так. При этом без «високосного» года многое просто не появилось бы.

При составлении сборника было большое искушение распределить стихи по темам. Глава «Посети меня, Господь» была бы посвящена Жизни и смерти, попыткам общения с Богом... О волнующих всех нас грядущих испытаниях говорилось бы в главе «Когда будут рушиться наши дома». В главе «Меня провожали до самых ворот» я бы попытался рассказать свою «легенду», которую и сам не понимаю до конца, – свою «тайну». Глава «Сказочное действо» состояла бы из сказок, волшебных историй... Природе и тому, что проглядывает за ее привычными образами, была бы посвящена глава «Трава, кусты и деревья...», – она во многом бы перекликалась с двумя предыдущими частями. О всех нас, живущих на этой Земле, я бы сказал в главе «Семь футов нам под килем». А о моем поэтическом творчестве было бы в главе «Я должен лить колокола». Но выбрана форма «календаря», ведь жизнь не читается по главам и темам, а идет днями, сложными и разными.

Анатолий Шутый

12.04.2000

Пришла весна, а кажется, что – осень,
И тучи снежные всего за десять верст,
И мы теперь их больше не упросим
Над нами не вставать на вечный пост.

13.04.2000 *

Я оставлен странною, что прежде других
На Восток улетела к Высокому Стану.
Анатолия, сколько стоять за живых?!
Анатолия, сколько в дороге устанут...

14.04.2000 *

Как древний алхимик весна,
Снега растопив, замесив глиноземы,
Из праха, из пепла вольна
Цветы возрождать
И птенцов созывать
Под вновь задышавшие кроны.

16.04.2000 ¹

Жук на ветку залез,
Что у самой воды,
С речкой шепчется лес,
На полянах цветы,
Собирается мёд,
Созревают плоды –
Будет солнечным год...
И не будет беды.

¹ 15 апреля была написана прозаическая миниатюра, единственная в этот период (см. «У времени на берегу»).

16.04.2000 *

Будет сказка, Восход
От Земли до Звезды –
Пусть никто не уснет,
Пусть не будет беды.

16.04.2000

Распахните шторы,
Страхи позабыв, –
Скоро будут штормы
И великий взрыв,

Волны подоспели
Аж до облаков –
Открывайте двери
«Карточных» домов.

Где моря, где суша?..
Буря, гой еси!
Отпустите души!
Господи! Спаси!

16.04.2000 *

Самое трудное – постоянное, непрестанное,
Но даже под ношей гнетущей,
Под ветром, под бурей ревущей
Сквозь непреступное, окаянное,
Непроходимое, бездыханное
Дорогу осилит идущий!

17.04.2000 *

А в Долине Грёз –
Реки в небесах,
А в Долине Грёз –
Небеса в ручьях,

Там зеленый сад,
Там крылатый люд, –
Куда бросишь взгляд,
Крылья унесут.
Это – не мечта:
Сказка лишь для нас,
А для них она –
Явь, как мой рассказ.

18.04.2000 *

Не ожирей, сердце!
Не разленись, разум!
Уж лучше *освенцим*
Иль даже смерть сразу.

— — —
Это – как мозоли
От прошедших мук:
Утомленье воли –
На душе недуг.

Надо бы сразу
Чем-то залечить,
А иначе сразу –
В петлю и не жить.

19.04.2000 *

Ни мысли, ни чувства –
В груди стало пусто.
Душа моя встала ...
Сначала! Сначала!

20.04.2000 *

Деревья за окном мне что-то говорят:
Быть может, о себе сказать они хотят,
Напомнить о былом, предупредить беду

Иль тайну передать и объяснить судьбу...
Кольшется душа – побегов молодых
Волнуется листва. Но я не слышу их.

21.04.2000

Выдвигаются планеты-полки
Против Земли,
Встают Меркурий, Венера, Марс...
На нас.

Холодный космос зимы,
Замогильный пепельный свет,
Как отблески тьмы ...

Готовы ли мы?

Нет!

Не камни – боги языческих сфер
Выстроились в парад,
А вы – знатоки величин и мер,
Не верите в Ад?!

Тогда

Не угаснет пусть

Надежда одна:

Защитит

Как щит

Грудь –

Грудь восставшего и восторгнутого с креста
Христа!

22.04.2000

На земле среди прочих рождаются «дети»,
Это те, чья судьба – не дожить до седин,
Кто заведомо до престарелых годин
Будет принят с земли на ином – горнем Свете.

Им особый призыв Божий ангел трубит,
Миллионы на подвиг направив лучами,

И они устилают дорогу крылами,
Что архангел им вскоре назад возвратит.

23.04.2000

Что увидел я в желтом куске янтаря:
Древний сумрачный лес и иные моря,
Ураганы штормов и раскаты громов
Тех времен, когда души высоких миров
Только начали спуск на гранит и металл,
Когда судеб раствор на огне закипал;
Первый сок я увидел и первую соль,
Первый опыт рожденья и первую боль,
Наступление туч, солнце нового дня,
И везде где-то там я увидел себя.

24.04.2000 *

Люди проходят через земную жизнь,
Унося печаль ее с собою в вечность.

— — —

Сорвав земную печать
беспечно,
С собою уносим печаль
мы в вечность.

25.04.2000

За жалом следует яд,
За ядом следует смерть,
И вот уж адов парад
На дне уплотняет твердь.

Но день побеждает бред,
И рогу дано рыть,
И взгляду увидеть свет,
А Свету всегда быть!

26.04.2000 *

Даже в нашем тяжелом мире,
Где у слова цена мала,
Могут быть плоды Веры зримы,
Осязаемы как скала.

27.04.2000 *

Повсюду будит сон ростков
Своею песней Лель;
Ты – Месяц солнца и костров,
Апрель!

28.04.2000

Дышит в затылок,
Себя прочит:
Тупо, постыло
Сквозь дни, ночи

Гонится Немошь,
Во сне даже.
Где, Рок, отмеришь?
Что Смерть скажет?

В битве дорожной
Сама сгинеешь!
Будет как должно:
За мной финиш!

29.04.2000

Страстная суббота

Кажется вновь сиротою Земля,
И древний холод небо окутал;
Кажется, что не наступит заря,
И нет защиты, и нет приюта;

А только могил вековых змея
Снова вышла из черной щели,
И жизнь, кажется, наступивши зря,
В теле теплится еле-еле.
Вдруг – не будет всё, как всегда,
Вдруг – на сей раз не обойдется,
Будет грузом вечная мгла,
И никто уже не проснется.
Снова в скорбь обращен эфир,
Снова в вечность ушла минута,
Снова как будто на грани мир –
Ждет... ждет... ждет утро!
Тише, тише, река и лес,
Остановитесь, ветра и воды
Всей истомленной живой природы...
Христос Воскрес!

*30.04.2000 **

Ни день, ни дата,
Как след от факта,
А вечности срез –
Христос Воскрес.

01.05.2000

Залил горько-сладкий жар,
Пульсирует кровь всё чаще,
Дрожит покрасневший шар,
И солнце пропало в чаще.

Теперь удержишь, душа,
В разгуле стихий стерпеть бы, –
Всей бездной страстей дыша,
Зовут нас на Шабаш ведьмы!

*02.05.2000 **

О концлагере

Ад на земле,
Сон наяву...
Солнце во мгле...
Взгляды во тьму...
Газовый душ...
Вены в «дравах», –
Если нет душ,
Если всё – прах.

03.05.2000

Поле битвы

Над полем брани
Голубизна –
Весною рано
Встает она,
И кто-то слышит
Сквозь тихий сон,
Как, будто слыше,
Струится звон,
А в этом звоне
На небе кони:
Они ждут тех,
Кого сегодня
Земля с ладони
Отпустит вверх.

04.05.2000

Парад планет

Огромный хвост выстраивает в струнку
Незримый и неведомый дракон,

Подобен танец древнему рисунку,
Неотвратим он, точен, как закон.

Движенья эти ведомы титанам,
Прапращурьы забыть их не смогли.
Теперь и нам «командовать» парадом –
Держись же, человечество Земли!

05.05.2000 *

«Катастрофы, смерчи,
Тучи в три ряда,
Бесконечный вечер,
Холод навсегда,
То огонь, то вьюги
Штормовых атак ... »
Не волнуйтесь, други:
Будет всё не так.

06.05.2000

Возьму я меч, возьму копьё,
Возьму певучий рог
И вдаль пойду искать своё,
Пойду я на Восток,
Там ближе Солнце-господин,
А свет Зари высок,
Там в поле буду не один,
Когда наступит срок.

07.05.2000 *

Как тяжкий полог мой порок.
Как положить конец растратам?
Как чист Восход, как Свет высок!
Как я хочу быть там солдатом!

— — —

Отразись, душа, в зареве лучей, –
Неприкаянный я еще ничей, –
За единый миг да на тыщи верст
Улети как крик в направлении Ost!

— — —
Фронтом Свет,
Взрывом рост!
Где мой крест?!
Где мой пост?!

07.05.2000 *

Война была
И жгла дотла,
И дух сиял во мгле,
И бой был крут
Не только тут –
Не только на земле.

07.05.2000 *

Нам сказал Господь:
«Вы теперь вольны,
Осияна плоть,
И сердца полны,
За плечами два
Молодых крыла ...
Но с душой всегда
Рядом струи зла».

07.05.2000 *

Теплая кровушка,
Черное солнышко –
Вольная волюшка,
Горькое горюшко.

08.05.2000 *

Город за городом –
В колокол молотом
Стянутой жилою
Божею силою!

08.05.2000

Орлеанская дева, Георгий святой
Были вместе тогда над моею страной,
И гудели ветра,
Вторя крикам «Ура»,
Устремлялись когда
Кони белые в бой.

08.05.2000

Может, в поле Франции,
Где вокруг акации,
Где трава колышется как зеленый дым,
Может быть, над ним,
Окрылившись волею,
Обгоняя молнию,
Пролетела воздухом, пламенем одним;
С ветром породненная, небом ободренная
И ведома им,
Ты – лампада райская,
Ты и роза майская,
Из любви святой
Ставшая грозой,
Дева Орлеанская.

09.05.2000

Когда я буду уходить,
Пусть облако под небесами
Опустится стопы омыть,

И лес ободрит пусть ветвями,
И пусть они пребудут с вами,
Когда я буду уходить.

10.05.2000 *

Нас ждут леса и сохнут без легенд,
Без взора в небо – небо умирает,
Моря, озера... – всё нас ожидает,
И нам не надо выбирать момент.

11.05.2000 *

Почему забыло Солнце нас?
Почему закрылся Чистый Спас?
То ли небо раскололось враз,
То ли демоны пустились в пляс.

12.05.2000

**По прочтении романа Дж. Лондона
«Морской волк»**

а

Вот-вот в шторме ночь будет смешана с утром,
Взрываются волны в течении встречном,
А несколько душ на суденьшке утлом,
Объятые безднами, спорят о Вечном.

б

Пучина штормов и пучина порока
Для хищника моря как близкие сестры,
Но где-то над тучами, очень высоко,
Рождаются крылья, как лезвия остры.

с

В стране ветров и бурь пучине,
Где случай с роком у руля,
Лишь двое спорили о жизни,
Но спор шел между четырьмя.

12.05.2000 *

В огне распада дух дрожит, –
 Невосполнима сил растрата, –
 Дошел до ада Вечный жид ...
 Теперь уже земля – non grate!

12.05.2000 *

Аже

От телефона к телефону
 Несется вскачь, без дураков,
 И речь ее подобна стону –
 Как песня волжских бурлаков.

13.05.2000 *

Лягу на стол,
 Будто листок.
 Больше, чем гол –
 Ухнусь в поток.

13.05.2000 *

Вы, чей дух в пороке стынет,
 Бредите о жизни вечной,
 Столь же жаркой и беспечною,
 Но она ж вам опостылет!

14.05.2000

Трава, кусты и дерева
 Нам подставляяют плечи,
 Чтоб мы, живущие пока,
 Смогли шагнуть за облака
 И там поставить свечи.

15.05.2000 *

Конструктор – детская игра,
 Которая во мне жива
 Теплом воспоминаний.
 Из блоков строил я дома,
 Зверей, людей и города ...
 Теперь конструктор мой – слова
 И знаки препинаний.

15.05.2000 *

На любимой Родине
 Место лишь юридическим –
 От Невы до Колымы!
 Скоро к ним прикнем и мы.

16.05.2000

Каменные горы,
 горные скелеты ...
 Снова будут роды
 и объятья Леты,
 Снова будет Солнце колесить по кругу,
 Снова позабудут и Христа, и Будду.

16.05.2000 *

В разгадке дьявольской отметки
 Бросаются туда, сюда...
 Но будут времена, когда
 Ее найдете в каждой клетке.

16.05.2000 *

Доколе снова нам рождаться,
 Изобретать костер и плуг –
 Доколе будет проявляться
 Жизнезабвений долгий Круг.

17.05.2000

Лабиринты... кладка плит
Истиноупорная,
Шаг с массивом пола слит,
Полость коридорная,
Тексты, кадры на стене,
Время – порционное,
А в сакральной глубине –
Операционная.

18.05.2000

В душе я слышу голоса,
Они как резанные раны, –
Один вздымает в небеса,
Другой предупреждает: «Рано»,
Один благословляет меч,
Другой поможет лишь нагому...
С кем должен я все силы сжечь?
Где третий Глас, подобный Грому?!!

19.05.2000

Рук и ног все мышцы, стоп!
Память, образы, мысли, тише!
От волос макушки до стоп
Голос хочу я услышать свыше.

19.05.2000 *

У кого – за годами,
У кого – за вратами,
У кого – в столе,
У меня – во мне.
Если будет так нужно,
Нечто выйдет наружу;
Механизмы – щелк
И... Всё – смолк!

20.05.2000 *

Жизнь, до дна
В синь сияй:
Цель одна –
Миссия!
— — —
Стрелам в сторону не сойти –
Рядом с миссией нет пути!

21.05.2000

Когда случай, вторгаясь в судьбу,
На руки, голову Художника иль Поэта
Накладывает лапу свою,
Я задумываюсь: что это?
Может быть, препятствием лег недуг,
Или рок исправляет судьбу как надо,
Может, Бог скальпелем оперирует как
хирург,
Иль это – грубая дьявольская кувалда?

22.05.2000 *

Мне быстрый лук щита милей:
Как нерв тугую тетиву
У смерти затяну на шее –
Умру, быть может, так скорее,
Зато я больше проживу.

23.05.2000

Мы все под сводом залы мрачной, гулкой
На дыбе рождены, и пуповины жгут
Не срезан неумелой повитухой.
Но что у нас выпытывают мукой,
И твердость в чём от нас другие ждут?

27.05.2000

Пусть вверху играют лучики,
Пусть ручьем бежит стезя,
Ветра теплого – в попутчики
И веселых птиц – в друзья.

27.05.2000 *

О котёнке

Если в мире, – где я говорю слова, –
С бурлящей плазмой и разумом гордым
Погибают крошечные, пушистые существа,
Этот мир должен зваться мертвым!

28.05.2000

**Посвящается котенку,
погибшему от зубов собаки**

Солнце, скройся, отбросив тень:
Поздно греть и светить так ярко,
Он доверчиво ждал твой день,
Забавляли и жук, и травка.
Жил в коробке, чихал, простыв,
Было б лето подобно дару,
Он играл бы и, нос забив
Пухом, мухам давал бы жару.

Утром котик еще был жив,
В блюдце мордочку намочив,
Жмурясь, радовался он шару –
«Одуванчику» тех лугов,
Голубых, как из детских снов...
Солнце! Я объявляю траур.

28.05.2000 *

Будь проклят этот хваленый мир
Горящей злобы и злобной плазмы!

Всё мертво, пусто от звезд до дыр,
Одна лишь смерть здесь многообразна!

29.05.2000

Наша жизнь – в океане остров,
Погибающий под цунами,
Если бы не надежды остов,
Я давно бы простился с вами.

Миг, фатальность, необратимость –
Больно, мозг мой от боли розов –
Скоротечность, непримиримость...
Я бы умер, не будь философ.

Всё уродует нож подмены,
Будто цель бытия пропала,
Я бы тоже стал жертвой пены,
Если б веры не доставало.

30.05.2000 *

Когда не будет вдохновенья,
И мысль когда твоя уснет,
Зови дремотное забвенье,
Начни безумия полет.

30.05.2000 *

Сдать можно свой пост,
Даже отдать дань,
Можно разбить нос,
Но не отбыть вдаль.

31.05.2000 *

Где мой кол осиновый,
Пули с серебром,
Раз победой пирровой
Кончен бой с врагом!

Полон я отчаянья:
В горле в глубине
Слышу я рычание
Снова при луне.

*31.05.2000 **

Пусть быстрее придут наши сроки,
И уже вырастает стена,
Мы спрессуем мгновения в строки
И тараном пробьем времена!

*31.05.2000 **

Все куда-то уезжают,
Только я останусь тут:
Тем мешают,
Тем внушают,
Ну а мне – на месте спурт.

01.06.2000

То не солнце поднялось,
А клокочущее знамя:
Над землей нависло пламя
И как ягодную гроздь
Пожирает горы камня,
Прожигает всё насквозь.
Всё своё отринь и брось,
Это – поступь испытанья,
Что не снилось – началось,
Нынче время с жизнью врозь!
Наступает фронтом пламя,
А не солнце поднялось.

*01.06.2000 **

Лучше всего одному
Или последним остаться:
Лучше накинуть суму,
И ничего не бояться.

*02.06.2000 **

Атмосфера накаляется,
Поднимается труба,
Лоно чаши наполняется –
Проявляется судьба.

*03.06.2000 **

В хороводе потех
всех
Мне теперь не сыскать
гать,
Стал тяжел груз доспех –
грех,
Принялась моя рать
спать.

*04.06.2000 **

Уведи,
когда я в золоте,
Возроди,
когда я в копоти,
Помоги
мне, Господи!

*05.06.2000 **

Жизнь без стихов мне хуже сечи:
Так вышло, что в земные сроки
До Бога легче моей речи
Летят рифмованные строки,
Они – как пред иконой свечи.

*06.06.2000 **

Дьявол любит отходить
Временами, ненадолго,
Протянув тугую нить
От твоих кишок до рога,

И когда, гордясь собой,
Ты справляешь верх над адом,
Он мотает головой,
Чтоб напомнить то, что рядом.

07.06.2000

Мои зеленые леса,
Моя небесная поляна,
Повсюду только грез роса:
Пока вам появиться рано.

Грядущее качает вас
От бытия и мифа с краю,
Но я средь крон и трав сейчас
Уже брожу и отдыхаю.

*07.06.2000 **

Сквозь горы, лес, моря, сквозь тьму и мглу
Пройду, перемахну, смогу, сумею,
Снесу завалы и пробью скалу...
А надо, я себе сломаю шею.

08.06.2000

Есть коморка, хлеба корка –
Будет и над ямкой горка,
Если есть хоть тень достатка –
Будет к горке и оградка,
Если жизнь полна излишка –
Будет золотая крышка –
Поместят брильянтом в рамку
Выше названную ямку.

08.06.2000

Была бы эта ночь, как стёрка:
Чтоб утром всё мог изменить,

День прошлый новым заменить,
Чтоб генеральная уборка
Часы почистила как зал.
Но вот лежит сухая корка,
И был ведь, кто ее срезал,
А он уже, увы, далеко...
Ни тех, ни этих не собрать,
Ведь электричка – не кавычка...
Есть у прошедшего привычка
Дверь за собою запирать.

09.06.2000

Как ни темен путь земной,
Всё останется в порядке,
Если будут под рукой
Книжки, ручки и тетрадки.

Буду счастлив и с сумой:
Мне же многого не надо, –
Пусть останутся со мной
Ручка да еще бумага.

Коли всё я на беду
Изведу, стезя – не волос,
И тогда не пропаду:
У меня же будет голос.

10.06.2000

Где-то там, за горизонтом,
Где дремучие леса,
Грозовые тучи фронтом
Поднимают паруса,
Несгибаемые горы
С небом там наедине
Продолжают разговоры:
Спрячт о тебе и мне.

Что здесь завтра ожидает,
Там решается сейчас,
И легенда оживает,
Поглощающая нас.

Ты не веришь?.. только будет
И тревожна, и грустна
Песня Неба, что разбудит
Посреди земного сна.

11.06.2000

Нам бояться нечего:
Время есть до вечера,
А придет ночей пора,
Переждем мы до утра.
Не гляди печально так,
Всё придет нечаянно,
Коль озябнешь – не дрожи,
Будет тяжело – не тужи,
Даже смерч или поток
Если схватят в драг за бок,
Надо лишь зажмуриться,
И – прощай, вся улица,
Стены полусонные... –
Ждут моря бездонные.
Не волнуйся, соберись –
Мы под небом родились.

12.06.2000

Прошу я крыл, которым мира мало,
И кандалов,
Чтоб были из отборного металла
Тиски оков.
Хочу вести и быть всегда ведомым,
И сам в себе,
Хочу пред всеми оставаться голым,
Но как в броне.

Всё отпущу, объяввши всю планету,
И потому,
Так устремляясь к Солнечному Свету,
Иду во Тьму.

13.06.2000

Спелелись деревья, дремлет луг
В объятиях жары,
Угомонился дальний стук,
Гуденье мошкары,
Листок на муравейник лег,
Скатился пух в овраг,
Чтоб после вырос тополек,
И долго будет так.
А раньше город здесь стоял,
Здесь высились дома,
Спешил народ и каждый знал:
Откуда и куда.

14.06.2000 *

Было две Германии,
Есть Кореи две,
А моя *нормальная*
Русь *вторая* где?
Знать, на Небесах лишь, пусть же так
случится,
Чтоб смогла земная с той объединиться.

14.06.2000

Мне осталось пройти до горы,
Вон до той, что за смешанным лесом,
Там скала из гранита отвесна,
И потоки над нею быстры.

Только где-то стучат топоры,
Это – времени голос, наверно:
«Я иду...», – повторяется мерно,
Значит, воля моя до поры.

Занялись уж повсюду костры,
И с дымами витает тревога,
Что ж, идти мне осталось немного:
Мне осталось пройти до горы.

15.06.2000 *

Для нас – судьбы сплетенный шар:
Утраты и приобретенья,
Страданья, счастья и стремленья,..
Для Солнца – сердца лишь удар.

16.06.2000

Пока иду своей дорогой,
Там за меня сверкнут мечи,
И встанут все полки подмогой,
Во всех мирах скрестят лучи,
Погаснет если свет в ночи,
Пока иду своей дорогой.

17.06.2000 *

Я хочу быть железным
В лоне ночи и дня,
В страсти бешеной – трезвым,
Господином себя.

17.06.2000 *

Мне говорят: «Ты сделай имя,
И примут все, что на устах,
Что написал ты на листах...»
Как объяснить мне, споря с ними,
Что имя есть на Небесах.

18.06.2000

У России потеряно детство.
Оно где-то в глубоких снегах
Или в дреме дремучего леса
Позабыло о днях и годах.

И теперь нам никак не согреться,
Не обняться нам возле костра,
Мы живем без единого Сердца,
Наша общая Память пуста.

Все легенды под водами Леты,
Что там было – узнать не проси.
Наше детство рождают поэты:
Пишут сказку о Древней Руси.

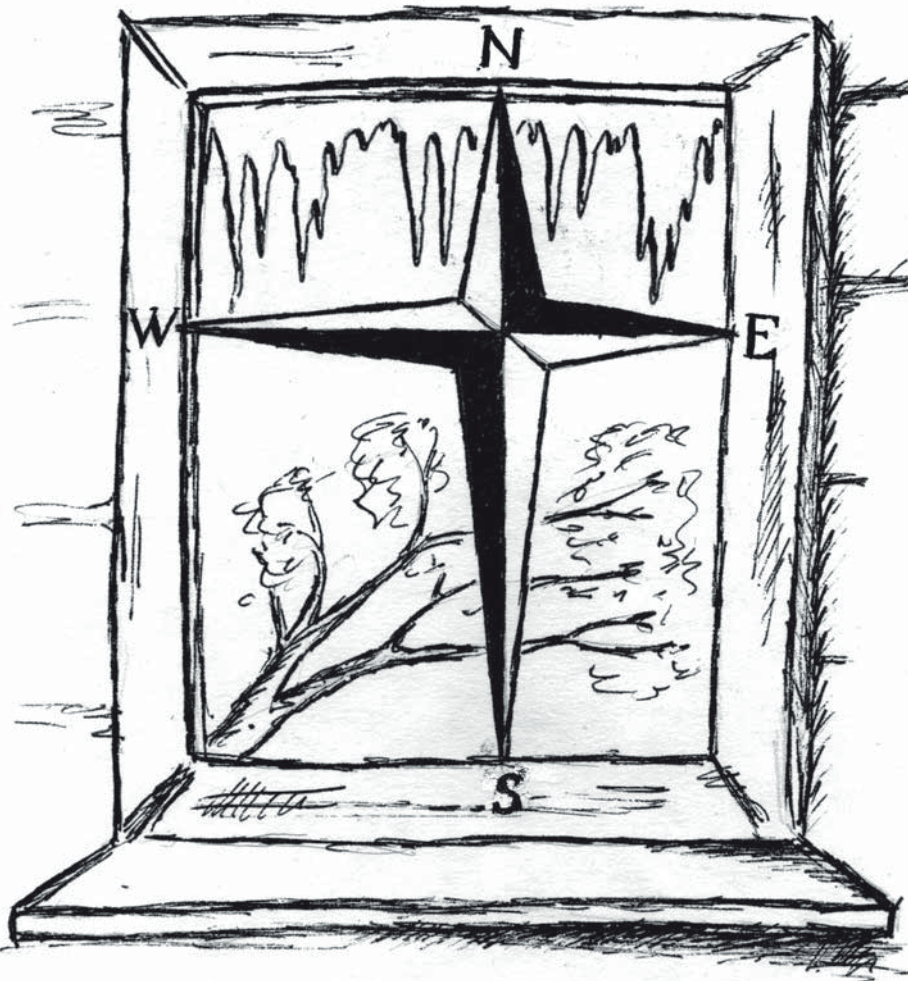
Может, всё-таки в земли забвенья
Прямо с Неба от звезд – из «Ковша» –
Всё ж прольется на нас озаренье,
И проявится наша душа.

19.06.2000

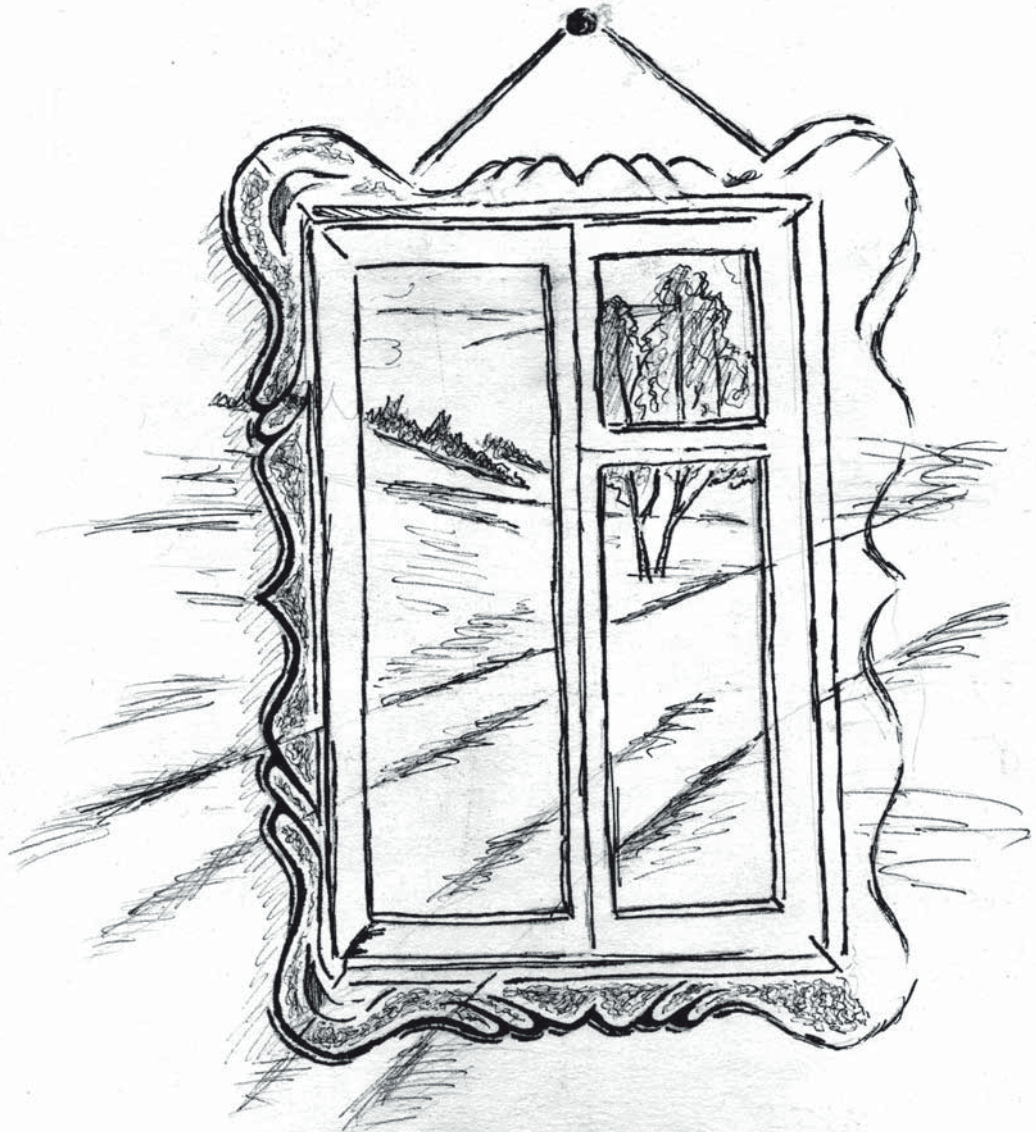
Вы уверены в том, что деревья стоят,
А не бродят по тропам всего Поднебесья,
Что их рванный, взлохмаченный ветром наряд,
Это – только листва, что их шелест – не песня?

Вслед за рыцарем странствий, бродячим
певцом
Они часто уходят душою своею,
Награждают скитальцев зеленым венцом
И зовут, если надо, помощницу фею.

Ну а после, почти незаметно для глаз,
Возвращаются в парки, к домам за ограду,
Чтобы в шелесте долгом, баюкая нас,
О далеких дорогах поведать балладу.

Oliver

Oliver

20.06.2000

Быстрее, быстрее на этот ров,
 На эту высоту:
 Там ждут войска твоих врагов –
 Рази их налету,
 Там будет просто, как нигде,
 И жарче, чем в аду,
 Там не нужна игра идей:
 Всё будет на виду;
 Без слова «нет» и слова «да»,
 Без утомленья тел,
 И ликованье, и беда –
 Ты этого хотел.
 Да, ты ли устремился в бой?
 Кругом ни явь, ни сон –
 В седле рождается другой,
 Ты в пене растворен!

21.06.2000

Ни жара бред, ни агония –
 Из чрева облака зла
 Ко мне шаровая молния
 Под утро вчера пришла.
 Она говорила, скоро
 Я буду совсем ее,
 И что по итогам спора
 Мне можно менять жильё;
 «Давай, – говорила, – руки,
 И в пламя со мной пойдешь,
 Остались, возможно, сутки,
 А силы – на медный грош,
 Но если глупей паяца
 И жизнь не учит тебя,
 Ты можешь еще брыкаться
 До следующего дня!»

22.06.2000 *

День – длинней прочих,
 День Всех Святых,
 День простреленных точек
 На листах пустых.
 Между зорями чуть,
 День этот вместо хлеба –
 Самый короткий путь
 В Небо.

23.06.2000

**Ответ редактора провинциальной
 газеты**

Установки есть у нас
 На сто лет вперед:
 Без причуд и без прикрас
 Просвещать народ!
 Где и с кем нам по пути –
 Надо ли совета? –
 Мы и сами – орган СМИ,
 А еще есть смета.
 Резюме Вам? Тут, как тут, –
 «Журналистский опыт», –
 Этих скоро увезут,
 Эти – недотепы,
 Вот рабочего стихи –
 Это интересно,
 А философу, увы,
 Не поможет пресса.

23.06.2000

Что-то жизнь скучна и пресна,
 Как не сдобренное тесто.
 Ни для горя, ни для счастья
 Хочется мне в одночасье:

То ли славы, воли с силой,
То ли савана с могилой,
Женщин, ласки,
Книжек, сказки,
Снега, мая,
Ада, рая...
А ума, чтоб «ум за разум»
Или чтоб всё это сразу.

24.06.2000

**Вспоминая стихотворение Киплинга
«Пыль»**

Левой–правой, левой–правой...
И кругом на сотни миль
Не цветы с «небесной манной» –
Пыль, пыль, пыль.

Что ты встретишь тут другое,
На земле живем не мы ль!
Мы-то знаем, что такое
Пыль, пыль, пыль.

Хватит плыть за облаками,
Только правда, только быть:
Здесь и дальше под ногами –
Пыль, пыль, пыль.

Всё под солнцем опалится
Как в степи густой ковыль,
Всё, конечно, обратится
В пыль, пыль, пыль.

Так смелее – правой–левой,
Это ль не достойный стиль!
Мы идем, и дымкой серой –
Пыль, пыль, пыль.

25.06.2000

Здесь будет лес, а не тротуары,
И будут ветви рвать провода,

Дома поглотят листовы «пожары»,
Когда на город напустят чары
От нас избавленные года.

25.06.2000

На Страшном Суде – близ Огня и Рая –
Где каждый будет, увы, не гость,
Когда за последнего негодяя
Ничьи не дрогнут душа и плоть,
С Неба, слезы Свои роняя,
Голос отдаст за него Господь.

25.06.2000 *

Мы – бывшие, жившие в прошлых столетях,
Одни из соавторов судеб земных:
Просчёты, ошибки впечатаны в детях –
В нас прежних, но только опять молодых.

26.06.2000

На далеких берегах,
На высоких на холмах,
Где под нашею звездой
Между небом и землей
Заросла давно межа,
Там живет моя душа.
Там по белым облакам,
Как по плюшевым коврам,
Ноги быстро унесут:
Раз – и в небе, раз – и тут.
На холмах из молока
Начинается река:
Часть идет на жизнь и рост,
Часть – питает море звезд;
И рождается мотив –
Тот великий вечный миф,

Что похож на дивный сад
 Всех сказаний и баллад.
 Там гуляют мудрецы,
 Как простые сорванцы,
 Там занозой беда
 И стук сердца навсегда ...
 Жаль, туда я наяву,
 Ну, никак не попаду.

26.06.2000

Моя душа закована в металл,
 Ее зажали каменные стены,
 Под нею жерло огненной геенны,
 А рядом с ней растет девятый вал!
 Но крылья ангелов тверды и неизменны.
 Готовы! Только я к ним не зывал:
 Я на посту, пока не тот накал,
 И время не настало для замены.

27.06.2000

Он, оставшись один, был последним из
 племени, –
 Я не помню какого, пускай, могикиан, –
 И недавно сметавший друзей ветер
 времени
 Обдувал у Последнего шрамы от ран.
 Все, кто слышал его, все, кто мог с ним
 обмолвиться,
 Перешли горизонт и теперь далеко,
 Никогда больше песнью простор не
 наполнится,
 Не взиграется брызгами тут озеро.
 Он стоял над водою один в ожидании,
 Что, быть может, откроется тайна: зачем,
 В чём последней дороги его
 оправдание...?!

И остался как идол – недвижим и нем.
 Расстился простор над равнинами
 синими,
 Тот где жили ушедшие за горизонт,
 Но его никогда не окликнут по имени:
 Он отныне один – *человеконород*.

28.06.2000

Нет в жизни счастья, нет покоя:
 То мучит философский зуд,
 То ищет стих в мозгу приют,
 То физика иль что другое.
 Да и во сне меня то бьют,
 То ловят средь бетонных груд,
 То гонят в шею, как изгоя.
 За что мне выпало такое ...
 Я не спрошу, а то – соврут.

28.06.2000 *

Стихи не надо нагружать
 Ни философскими цепями,
 Ни сверхидейными камнями,
 Не надо слезы выжимать
 Неразделенными любовью
 И непонятными словами
 Не надо рифму услаждать.
 Из глубины – как из годами
 Земли лежавшей под парами –
 Их следует освобождать;
 Они должны уметь летать,
 Уметь шутить, уметь играть ...
 Или грустить, но вместе с нами.

P.S. И поученьями нам с вами
 Не надо рифму набивать –
 Всяк скажет: «Сами-мы-с-усами».

29.06.2000

Когда наступает срок
И не хватает мгновенья,
Ты вспомни, что есть прыжок,
Еще есть время паденья.

Пускай полотнище флага
Падет на финишный столб:
Когда не хватает шага,
Пусть лоб ляжет вместо стоп.

30.06.2000 *

Дитя моё, нам не грозят
Ни краткость дней, ни долгий ад;
И легок будет в Небо вздох.
Нас никогда не бросит Бог!

01.07.2000

В этом месяце уже
Много лет назад
Я печалился в душе,
Был и зол, и рад,

Различая ветра вой,
Океана рев.
Сочленялась надо мной
Череда веков,

И вставала на места
Братия планет,
В ожидании, когда
Появлюсь на свет.

02.07.2000

Если уютно и если тепло,
Мы не заметим, – нам это не надо, –

Что в полуметре, стуча о стекло,
Гибнет мушиного племени чадо.

Боль, мы считаем, еще далеко,
Редко приходит с косою старуха.
Ждет нас не укус, а мед с молоком,
Что нам какая-то бедная муха.

Всё замечать и над всеми рыдать ...
Мир – «не подарок», но он не враждебен,
Он не убог, не уродлив, не беден –
Разве приходится часто страдать!

Эта история, право, смешна:
Мало ль «трагедий» таких у окна.

03.07.2000

Взлет Безумия – свистом крылья,
В воздух взмыли мысли бредовые,
Древних соков потоки вскрыли
Потаенное и бездонное.
Взор застывший стал новой осью
Начинающегося вращения,
Уходите, друзья и гости,
Я... мы просим прощения!
Скоро в танце расколются камни,
Смерч затянет всё море пенное ...
Силой буйвола, бегом лани
Атакуетя запредельное!
Сумасшествие ставит вето
На железных логик колонны.
Скоро выйдет моя планета
В зону бреда... из мертвой зоны!
Может быть, даже без сомнения,
Что сломается вихрем выя,
Но в костях не унять биения –
В том движенье уже и мы... я!

04.07.2000 *

Ошибки ожидают роковой
 По всем углам таящиеся морды,
 Едва споткнётся – и каменные своды
 Над головою наполняют вой –
 Они пока играют лишь со мной,
 Но уже слышен отзвук несвободы.

05.07.2000 *

Мозг как почва разрыхляется –
 Нужно семя углубить,
 Чтобы *древо* породить
 То, что в Небо поднимается.

05.07.2000

Отправляются пусть на покой
 Утвержденные прежде учения,
 Не остаться теперь «с головой»:
 Наступает мозгов размягчение

До взрыхленной лопатой земли,
 До бульона простого, первичного,
 Чтобы в нервном растворе могли
 Раствориться комочки привычного.

Для того ли, чтоб всё позабыть,
 В полудреме сознание рваное?
 Размягчается мозг, может быть,
 Чтобы выросло в нем нечто главное.

06.07.2000

Я не один – мы всюду будто травы
 Пронзаем твердь, хватаясь за лучи,
 И что нам крики, трубы и литавры:
 Мы слышим, как ядро Земли стучит.

Мы отданы древами непогоде,
 Пытающей упругость наших спин.
 Но и тогда стоим мы, не уходим,
 Когда кровоточит открытый «спил».

Мы – в дальний путь зовущие холмы.
 Да не оставит Синь своей опеки,
 Поможет, коль придет пора сумы,
 Ведь мы... – еще и братья-человеки.

07.07.2000 *

Сегодня это допустимо –
 От этого «не грянет гром» –
 Всё не фатально, исправимо...
 Но с этим справляюсь ли потом?

08.07.2000

Недавно я вдруг ощутил странный холод,
 Которого несколько лет уж не знал,
 Как будто Любовь свой откинула полог,
 И «внешнего» образ тут видимым стал.

Я улицы сырость и холод ступеней
 Сквозь стены и обувь прочувствовать смог,
 А самое главное: без объяснений
 Всей плотью стал чувствовать, что одинок.

Я знал: этот холод сейчас на минуту –
 Ошибочный случай, который не в счёт, –
 Но также я знал, что на смену уюту
 Однажды ко мне он надолго придет.

09.07.2000 *

Как жалко, что приходится бороться
 С друзьями до усталости в костях,
 Когда противник общий наш смеётся,
 Когда, отнюдь, не утро на часах.

10.07.2000

**Посвящается годовщине проживания
в этой квартире**

Мой милый дом, всегда ты был
Чудесным кораблем:
По времени отважно плыл
И в штиль, и в снег, и в гром.
Ты верен был моим мечтам,
Не изменяя курс,
И ход твой прибавлялся там,
Где замирал мой пульс.
Ты с бурей, не давая крен,
Сражался на износ.
Что б делал я без этих стен,
Спасующих в мороз?
Пески, лианы, мрачный риф,
Кораллы, валуны ...
Нектара море, остров нимф,
Долина тишины ...
Где только не были, и что
Нас ждет под бой часов.
Да будет ангела крыло
Нам вместо парусов.

10.07.2000 *

Пора штурмовать абсолютный пик,
Или камни вырастут с гору,
Каждый звук обратится в крик,
А каждый день даст дорогу мору.

11.07.2000

Я думал, что повсюду рядом
Готовые помочь
Со мной бесстрашные отряды
Идут и день, и ночь.

В груди моей жила отвага, –
Хоть «к черту на рога», –
Я не сбавлял в походе шага
И раздражал врага.

Но оглянувшись ненароком,
Прибавил я седин:
На поле всёем моем широком
Стою как перст один.

Вот так, шагаешь бодро, славно,
Как понимаешь враз,
Что пусто слева, пусто справа,
Куда достанет глаз.

Что делать мне и чем ответить?
Вернуться? Подождать?
Быть может, просто не заметить
И дальше продолжать?

12.07.2000

О современных лжепророках

Разрослась эпидемия:
У трех пятых найдут
Атрофию сомнения
Да пророческий зуд.
Что ни случай – «знамение»,
Что ни речь – «на века»,
Звезды тащат в борении
Не с небес – с потолка.

Не хватает терпения
Продолжать с ними спор.
Может, там воспаление
Всех отверстий и пор?
Может, новые веянья
Их продули вконец?
От эпохи биения
Аритмия сердец?

Хоть они в «озарении»
Нас не чтят за людей,
Будем чуть милосерднее –
К этим жертвам идей.

12.07.2000 *

О современных лжепророках

Учителя, блюстители и гуры «без порока»!
Считаете, что знаете шаги судьбы и рока,
Что «намертво» вещаете глаголами пророка?
Давайте, вместе подождем,
А если выйдет срок,
Пускай «пророк» сжует... носок
Своим пророчьим ртом.

13.07.2000

Крысы

Бесстрашные воины, взявшие волю
От пыли земной, породнившись с ней цветом,
Всегда вы готовы к последнему бою,
Забыли про страх, не знакомы с запретом!

Упругому шагу, как времени ходу,
Любая преграда всегда покорится,
Рожденную в духе упорства породу
И черт, повстречавши в аду, убоится.

На месте погибшего встанут другие
С такой же безумной отвагой и рвением,
Чтоб к этой же цели сквозь толщи земные
Вгрызаться, врезаться с таким же терпением.

Солдаты и рыцари всех подземелий!
Одеты в доспехи, как следует – просто,
Но в деле остры вы, и нету сомнений,
Что Гея – вам мать, ну а тени вам – сестры.

13.07.2000 *

Крысам

Серые воины,
Волей исполнены,
Что вас страшит!
Без притязаний вы.
Штурм и дерзание
Всё разрешит!

14.07.2000

В фонарное зарево
Город уходит
И дышит неровно,
Вползая под лень,

А где-то сквозь марево
Холодом бродит
Вдоль зданий Нерона
Зловещая тень.

15.07.2000

День моего рождения еще не наступил –
Как трудно жить в утробе,
Как будто бы во гробе,
Но только полным сил,
Которые все в будущем – до них мне не
достать,
И я тяну ручонки
С земли из-под пеленки,
Стараясь рассказать,
Что не рожден «в живую»,
Но я уже тоскую,
Ликую и горюю,
Быть может, невпопад,

Я – вот, я существую
И Белый Свет целую
У самых его врат.

Я знаю, что готовится сейчас день моего
Рождения, но смутно

И страшно мне, и трудно
Сегодня – дó него.

16.07.2000

Странные воспоминания

1

Грунтовая дорога у старых домов,
И пустынно тут в маленьких двориках,
У калиток песок, и не видно следов,
Только что-то на уличных столиках –
Это, верно, посуда стоит: котелки,
Пара мисок ... – всё так основательно.
На заборах веревки висят, узелки ...
Приготовленная рогатина, –
Для чего она срублена, кем и когда,
И кого она тут дожидается?
Вот колодец-журавль: «Не ушла ли вода?» –
Будто спрашивая, наклоняется.
Я стою, и мне кажется: прямо сейчас
Выйдет женщина к столику с площадками,
Выйдет муж, и тогда станет ясно для нас,
Что он плотничает под окошками;
Прибежит к «журавлю» за водой мальчуган,
И вода на песок расплескается,
Где-то пес зарычит, загремит где-то чан ...
Я смотрю, но ничто не меняется.
Всё осталось таким со вчерашнего дня:
Грунтовая дорога песчаная ...
Все, наверно, ушли. Нету здесь и меня.
Почему ж мое сердце печальное?

2

Прислонился к дороге проезжей поселок.
Местность южная: жар всю траву иссушил.
Глинобитные домики, слева пригорок,
Никогда я тут не был, никогда тут не жил.

У дороги пылящей играют детишки,
Разместясь на земле, кто на корточки сел,
А еще прямо здесь продаются коврижки,
Для проезжих, наверно, но я их не ел.

Голоса, суета: все хлопочут с поклажей –
Эти только приехали, те уж в пути
И потом не вернуться ... да вспомнят ли даже?
Что же я вспоминаю? – не знаю, прости.

3

Домики добротные сложены уютно.
Рядом обихожены и холмы, и пруд.

Здесь ложатся вечером, здесь встречают утро:
С думами, с заботами люди здесь живут,
Что «пустили корни» – в стороне дорога,
Провожают путников взглядами в окно.

Это только кажется – всё здесь ненадолго,
Все они тут странники и в пути давно.

16.07.2000 *

Вне дорог не остаться с Пегасом,
И минуты не встанут для нас,
Не даются нам силы авансом,
Не удастся дышать про запас.

17.07.2000 *

Вся арифметика проста,
Когда бы не потоки Леты:
Мне Год до возраста Христа
И миг до возраста планеты.

18.07.2000

Сон, оставь свои объятья:
 День еще на Свете Белом,
 Не хочу пока что спать я.

И пока чреват я делом,
 Хоть во тьме, – свершись проклятья, –
 Всё ж на полах ночи платья
 Нацарапаю я мелом:
 «День еще на Свете Белом,
 Посему не должен спать я!».

18.07.2000 *

Простой невежда вовсе не прекрасен
 И спесь упряма – это тяжкий груз,
 Но как же, боже мой, всегда опасен
 Упрямства и невежества союз!

18.07.2000 *

Все мои цели были сбиты,
 И до сих пор в себе уверен,
 Пусть враг умерит аппетиты –
 Менять привычки я не намерен!

18.07.2000 *

Эпиграмма на Пернатого

Покуда песнь его не спета
 (Да сбудется не скоро это),
 Он всё пытается и пытается:
 На чьих слонах стоит планета,
 И сколько рукопись сгорает.

18.07.2000 *

Эпиграмма на Юдина

Ему таланта не избыть –
 Достаточно движенья пальца, –
 Но только: «Быть или не быть», –
 Пытаться или не пытаться...
 Ведь может и не удаваться, –
 Так нужно ль пальцем шевелить?

19.07.2000

Семь футов нам под килем,
 Поменьше черных бурь –
 Не будет счета милям,
 Так распахнись, Лазурь!
 Могучее Ветрило!
 Дай взяться нам за хвост,
 Чтоб парус устремило
 По направлению ost.
 А если север будет
 Иль запад, или юг, –
 От воли не убудет,
 Мы не опустим рук.
 Ведь цель на горизонте,
 И он везде един.
 Морские волки, спойте
 Над пеною седин!
 Мы паруса расправим,
 Как будто встанем в рост,
 И мачтами достанем
 До путеводных звезд.
 В пути мы встречаем
 Все тайны-чудеса,
 А в долгих криках чаек
 Услышим голоса,
 Поведает о многом
 Нам урагана гром,
 И всех дорог итогом
 Мост в Небо мы найдем.

19.07.2000 *

Я со стихов снимаю нимб:
Хочу их ставить с мыслью рядом,
А вы – мешающие им,
Молящиеся музе рифм,
Чтоб в страхе не хватил припадок,
Пишите лучше на порядок!

20.07.2000

Каждый день я вновь стою на дне,
Я внизу карабкаюсь по скалам,
Каждый раз сначала, как во сне,
И без права быть на них усталым.
Эти муки дьявол запустил?
Это – бесовское истязанье?
Или испытание для жил
И суровых ангелов заданье?
Некогда решать, пока светло
Я, ободранный, в грязи и глине,
Вверх ползу, карабкаюсь... Зато
Каждый день стою я на вершине!

21.07.2000

Д. Ю. и иже с ним

Что это народ бежит
Дружною гурьбой?
Шумно, аж земля дрожит,
Праздник ли какой?
Волокут крюки, веревки...
На подмогу, может,
Как один, смелы все, ловки, –
Весь народ поможет!

А, воздушный шар взлетел, –
Понял, в чем сыр-бор:

Есть традиция, коль смел,
Выйти на простор,
Шар крюками зацепить
И тянуть его, валить
Как на бойне бычьей –
Дедовский обычай
Очень важный, ключевой,
Старше, чем парад,
Так что нам он не чужой,
Ведь почти обряд.

— — —

Не пускать воздушный шар –
Это не амбиции,
Не безумия удар,
Славные традиции!

22.07.2000

На острове фей, куда путь нам не ведом,
С утра разливались чудесные песни,
Кружили эфиры и образы следом,
Что вмиг оживут, остановите если.

Ручьи там плескались, леса орошая,
И феи, купаясь, смеялись забавно,
Всё было крылато – от края до края...
Вчера ли? Не знаю, но точно – недавно.

А ныне: затихли ручьи и эфиры,
На остров, как осень, молчанье упало,
Луга, берега одиноки и сиры,
Попрятались феи, крылатость пропала.

Одним ожиданием образы полны,
Звучит лишь восьмая тревожная нота...
А там, вдалеке, где рождаются волны,
Уже различается черное что-то.

23.07.2000

Иди – впереди необъятна Сень,
 Время – страда: наша жизнь поспела!
 Молитва кончается на «Аминь»,
 Чтобы за ней совершалось дело!

23.07.2000 *

Одни на стихи прокричат: «Гордыня!»,
 Другие: «Безумие...», третьи: «Язычество», –
 Они не поняли, что отныне
 Это – принятое мною иночество.

24.07.2000

Господи! Жизнь непрестанно рыдает
 В горе и радости, снова и снова,
 В битве – от боли, в покое – от зова,
 И не спасает нас, не утешает
 Даже любовь, даже доброе слово;
 Бедность гнетет и богатство не ново:
 Всё угасает и всё пропадает,
 Полное будет пустее пустого,
 Только слеза – вечный спутник живого...
 Наши тела не вода составляет,
 Слезы соленые – плоти основа!

25.07.2000

Мой гений – не украшенье, вроде
 Ленточки на душе,
 Он будет биться в пыли и поте
 Поясом карате.

Заматерее в суровой доле,
 В долгих часах труда,
 Чтобы негодным не стал от моли
 Более никуда.

Он почернеет – не тот, что новый, –
 Кто ж здесь помолодел? –
 Но, не истлевши, своей основой
 Будет всё также бел!

25.07.2000 *

Бывает, что идет слепой
 Верней других, идущих сзади,
 Глаза же, коль даны судьбой,
 Грех закрывать, гордыни ради.

26.07.2000

Летний сон. Растворяюсь во всепроникающем
 Теплом воздухе, таю как сказочный дух,
 Закружился в полете, небрежно мечтающем,
 Залетел в кроны кленов, нырнул под лопух.

Тишина наполняется разными звуками,
 Возникающими наподобье паров:
 Голосами чудными, веселыми стуками,
 Даже плавными песнями, только без слов.

Мимо взора проносятся солнцем залитые
 Вместе с дальними далями дом мой и двор,
 Ленты речек, в песчаные косы завитые,
 И дорога от самого дома до гор.

От земли поднимаются струи прозрачные:
 «Мы с тобой... мы в тебе, чтоб душе не
 устать...»

Проявляется близкое, но не вчерашнее...
 Я уже пробуждаюсь, пора мне вставать.

27.07.2000

В день рожденья на времени сваренный эль
 Наливается в чашу, увитую тропами,
 Открывается вход в потаенный тоннель,
 Что проводит «вступающего» под истоками.

Будет слышно, как Кем-то, слегка торопя,
Имя полное, данное в жизнь, произносится
И со всеми в грядущее ветром уносится...
В день рождения Долг называет себя.

*28.07.2000 **

Как жаль, затупился мой меч,
И рано уйти на покой,
Не время убитому лечь –
Так значит: мне биться рукой!

29.07.2000

Этот древний народ был веселым и дружным,
На полянах, в лесах проживали они,
Собирали грибы, дикий мед, – всё, что нужно, –
А на праздник всегда разжигали огни.

Но пришли из-за мрачных морей великаны,
Зараженные жадностью, полные зла, –
Зачернели повсюду смертельные раны,
Загрустил старый дуб, зарыдала сосна.

И решили все жители в новые земли
Отправляться за горы, за скалы в снегах,
И походную долгую песню запели
О хрустальных ручьях, о зеленых лесах.

Они шли через вьюги, под ветром и громом,
Только был с каждым шагом всё дальше их
дом.

Где ж на свете нашелся уют малым гномам, –
Ведь мы, кажется, так их доныне зовем?

*29.07.2000 **

Не мертвые мы, только и не живые:
Мы здесь и не здесь, это просто понять,

Для многого мы, к сожалению, чужие –
Как было задумано, надо принять.

У каждого в мире свои есть задачи,
Но мы вместе с вами – единая рать,
Мы все заодно, значит, нужно удачи
От чистого сердца всем нам пожелать.

30.07.2000

Путь назад

1

Хватит по миру скитаться:
Ждут нас родные просторы,
Нужно назад собираться,
И ни к чему разговоры!

Мало ль стяжали богатства
Мы у владыки Похода:
Непобедимое братство,
Взятая в вечность свобода!

Что нам дороги бояться
Иль предаваться печали:
Всё мы – от шапки паяца
И до корон – примеряли!

Многое в мире ветшает,
Только не память о детстве!
Что нам сегодня мешает?
Нужно вернуться всем вместе.

2

Кажется, нет преграды,
Светом свод неба полон.
Что же мы все не рады?
В душах какой-то холод.

Надо собраться вместе,
Чтобы прошли сомненья,

В самом священном месте, –
Объединить все звенья.

Воля одна решает!
Нам ли в дороге гнуться!
Что же теперь мешает
Всем нам назад вернуться?

3

На дороге тишь,
Тает Солнца круг,
Что же ты молчишь,
Закадычный друг?

Отвечал он так:
– Кол в дорогу вбит,
на котором знак:
«Путь назад закрыт».

30.07.2000 *

Растянут у планера жгут
И с крыльев сорвали покров,
Всё будто бы замерло – ждут.
Я здесь, я одет, я готов.

31.07.2000 *

В жилах кровь, и она железная,
Буро-красная плоть заливает.
Оттого, знать, повсюду лезвия
Постоянно во мне гуляют.

01.08.2000

Когда будут рушиться наши дома,
Колоссы исчезнут единым махом,
Когда устоявшаяся сама
Твердь под ногами взовьется прахом,

Чьи-то руки, – не счесть числом, –
Тут же рядом, как будто с суши
Из водопада, из страшных волн,
Будут выхватывать наши души!

01.08.2000

Голым в бой иду, в броне как будто,
Марширую в полосе запретной,
Не сбавляю хода там, где смутно...
И конца боюсь, как будто смертный.

01.08.2000 *

Ко мне придут и слава, и успех,
Союзниками станут мои судьи,
И ложь с непониманием как орех
Расколются... когда меня не будет.

02.08.2000

Где-то солнце другое, деревья не те
И другие слова, и другая одежда,
Даже пища другая стоит на плите,
Только те же печали и та же надежда.

03.08.2000

Несказанная Сила в далеком пространстве
Создала уже вихорь фатальный, густой,
Чтобы вся моя жизнь оказалась напрасной,
Чтоб закрыть начинанья могильной плитой.

Этим вихрем, возможно, последние мили
Пожираются здесь – в атмосфере земной –
Возмущенные волны материи взвыли,
Будто хищник по жертве. Он послан за мной.

Приближается вихрь. Не пройдет где-то мимо.
И во сне моем колокол начал звенеть.

Все девять лет себя дарил
И отдавал тепло...
А я с ним мало говорил.
Теперь я без него.

Пускай, хотя бы его сын
С земли взрастет ко мне
И не оставит среди зим
С пургой наедине.

*06.08.2000 **

Когда человечья Земля
Окажется перед бездной,
Хочу, чтоб страна моя
Была бы тогда полезной.

07.08.2000

Влечу головою в Небо
Рождающимся младенцем,
И всё – где я был и не был –
Укутает полотенцем.

Закружит миров мириады,
Когда в замиранье воли,
Господи! безоглядно
Паду на Твои ладони!

07.08.2000

Считаете: рано пока что в гроб,
Иначе – бессмыслица, не готов я, мол?
Да, для смысла всегда есть Бог,
А для бессмысленности – дьявол.

*07.08.2000 **

Считаете: рано пока что в гроб,
Иначе – бессмыслица, не готов я, мол?

Увы, для нее похлопочет дьявол.
И всё же... Для смысла всегда есть Бог.

08.08.2000

Всё оставлено пепелищем,
Только пыль одна как дракон
По дорогам и высям рыщет
И в ничей оседает сон.

Как ни будут кружиться солнце,
Ветры биться и прах крушить,
Никогда уже не вернется
Жизнь.

*09.08.2000 **

От звезд к младенцу идут сквозь годы
Остатки света, с пространством воющего,
И гибель, возможно, опережает роды,
А от моей звезды свет – из будущего.

*09.08.2000 **

Чтобы идти можно было в гору
И там далекий увидеть Свет,
Несущую строю из строк опоры –
Я из стихов составляю скелет.

*09.08.2000 **

Строчка вытягивает стихотворенье,
Оно – другое... – бумага исписана,
И наконец появляются звенья
Правды, которая Истина.

10.08.2000

Не пугайтесь стихий разгула,
Не ложитесь пред ними ниц,
От всемирного даже гуда
Не бегите, не прячьте лиц.

Это – судорожное движенье,
Это – быстрого сна ступень
И агония пробужденья,
За которым наступит День!

11.08.2000

В океане зарождается заря,
Чтобы Солнце Землю искупало!
Зря грустим, печалимся мы зря:
Разве нам тепла и света мало?

*11.08.2000 **

О славных критиков полки!
К чему вы двигаетесь в марше
И столь ревнивы? Ведь стихи
Пишу свои я, а не ваши.

*11.08.2000 **

Хорошо, когда жизнь – целое произведение,
Полное страсти, успехов, борения...
Но не всегда всё гладко да ловко:
Бывает, что жизнь чья-то – лишь зарисовка.

*11.08.2000 **

Да минуют стихотворения знаки –
Тщетны о качестве их рассуждения,
Есть у них только угол атаки
Или же глубина погружения.

12.08.2000

Подоконник залило утро,
Там зеленый стоит алоэ...
Всё и ярко, и как-то смутно:
Слишком солнечно. Всё родное...

Приоткрыто во двор окошко,
Где кузнечики зашумели,
Птички прыгают по дорожке,
Поднимая день с колыбели.

И прекраснейшая погода
В этом сказочном, светлом мире.
Черепашке моей – три года,
Ну а мне их – пока четыре.

— — —
Свет из детства так чист и легок,
Что ночей с темнотой не знает
И сквозь годы, как между створок,
До «сегодня» он проникает.

12.08.2000

О чем поет шарманка: о будущем и дальнем,
О том, что всё настанет, пока жива Земля,
Но после станет пылью и упадет на камень,
А дальше – снова встанет всё на круги своя.

12.08.2000

Кровь моя заражена
Разными микробами:
Тьма в неё погружена
С мыслями не добрыми,

Там и похоть, и тоска,
И синдром усталости...
До стола и от соска
Жжет она без жалости.

Но всё это – ерунда:
Литрами иль пинтами
Кровь очистится всегда
Земляными фильтрами

16.08.2000 *

Не бойтесь жить – других минут не будет,
Дела не оставляйте на потом –
Нигде я не встречал сушёных судеб
И их не сохраняют подо льдом.

17.08.2000

Разметайте мой прах над лесом
У ручья, где растёт ветла:
Не хочу, чтоб земля всем весом
На оставшееся легла.

Я мечтал о походе дальнем,
Пыли стран других на стопах –
Не хочу, чтоб лежал под камнем
Даже этот никчемный прах.

Понимаю, что нет в том смысла
И иной меня ждёт предел,
Только слишком уж утомился...
Я от тяжести здешних тел.

18.08.2000

Пойдем отсюда: это лжи
Взлелеянной приют,
Вельможи, судьи и пажи
Интригами живут,

В хвалебных одах слышен лай,
В салютах – запах серный...
Пора покинуть лживый край,
Оруженосец верный!

Оставим мы и этот град,
Где желчна даже суть:
С рождения в нем каждый рад
Кого-нибудь щипнуть,

Цветам на клумбах не алеть:
Здесь заросли из терний...
Не нужно медлить и жалеть,
Соратник, спутник верный!

А тут людей не отличить
От каменных колонн:
Царит «высокогорья» тишь –
У каждого свой трон.

То скрытый яд, то явный ад,
То замок толстостенный –
Пойдем куда глаза глядят,
Последний друг мой верный!

18.08.2000 *

Всё играем мы в свои игры,
Неразумные дети Земли –
Скоро дни превратятся в иглы,
Вышивающие нули,
Из которых с кипеньем лавы
Повзросление к нам придет,
И закончатся все забавы,
И холодный проступит пот.

19.08.2000

Сразу дерево поддавалось
Нетяжелому топору,
Солнце южное поднималось,
Обещая опять жару.

Доски в руки Он брал и гвозди,
Он смотрел на дубовый стол,
А в сознание: галактик грозди
И несущий планету ствол.

Разметались сучки и щепы,
Звук работы, как сердца стук,
Но потом разлетятся склепы
От касания Его рук.

И не дерево, а иное
Будет в сильных ладонях зреть,
Чтоб наполнилось всё пустое,
Чтоб восстала иная твердь.

А пока ... стайка птиц летала, –
Ими пели Земли уста:
Вся природа вокруг узнала
В юном плотнике том Христа.

20.08.2000

Шелком на ветру шумит красный гаолян –
Шепчет шорохом своим из далеких стран:
Как любили, ждали в нем, как срывали шелк,
Говорит о тех, кто жив и уже ушел.
А березы за окном, может, в этот раз
Донесут и обо мне до него рассказ.

21.08.2000 *

Смрад, которым воняют люди,
Есть всегда и везде – полно:
Как секреция он, как слюни,
Вырабатывается как г... .

21.08.2000

Снова в путь отправляют длинный, –
Может, в Арктике иль Атлантике, –
«Новый», «Лучший», «Неуязвимый»,
«Вызов морю», невиданный в практике.

Только вот как всегда, случайны
Обстоятельства, и с подковами,

Талисманами и с речами
Все титаники гибнут новыми.

22.08.2000

Минотавр не повержен, сказания лгут –
Вот опять собирается новая жертва:
Молодые и старые скоро уйдут,
Постоянно распахнуто жуткое жерло.
Не в далекой земле, не на острове Крит
Ожидают живых ненасытные зубы,
Скоро снова на них чья-то кровь закипит,
И поднимут по смерти безвременной
трубы.

22.08.2000

**Посвящается гибели экипажа
подводной лодки «Курск» (К-141)–1**

Свершилось уже, и круто
Для них развернулась ось.
Последнего даже утра
Увидеть не довелось.

Разрушен отсек с надеждой.
В железе на дне страны
Холодной своей и снежной
Живые погребены.

23.08.2000

**Посвящается гибели экипажа
подводной лодки «Курск» (К-141)–2**

Море! разбейся в брызги,
Дно свое оголи.

Будут ступени низки
К свету и до Зари.

Ангелы звездной Сини
Двери пусть распахнут –
Новые – из России –
К Господу в Высь идут!

23.08.2000 *

Где ждет нас главный бой с врагом,
Где миг решающей атаки?
Быть может, прямо за углом,
Быть может, прячется во мраке.

24.08.2000

Когда мне позволят Небесные Власти,
Я берег построю без бед и ненастий.

В лучах на закате он будет светиться,
Паля над землей, как огромная птица,

Чтоб, в сон погружаясь вечерней порою,
Всегда выходили мы вместе с зарею,

Хочу, чтобы берег берёг нашу сказку,
И мы не отчаивались понапрасну.

Он будет не близко, не очень далёко,
То круто, то плавно проляжет дорога.

Когда мне позволят Небесные Силы,
Над берегом этим парить буду с Ними.

25.08.2000

Если придут бураны,
Если зажгутся грозы,
Встанут тогда титаны,
Встанут тогда колоссы

В пламя, на лед стопами,
В жар окунутся, в зимы –
Станут они столпами,
Будут непобедимы.

И одного – не мало —
Духу не нужно торга —
Воля бы не пропала,
Слышал бы только Бога.

Но такова природа, –
Спяны океаны, –
Встанут колоссы гордо,
Все, как один, титаны.

Выше любых пророчеств,
Выше хулы, проклятья,
Будут они без отчеств –
Ближе, чем просто братья.

Силе последней веры,
Силе надежд у края
Не подберется меры –
Суть у нее живая.

Если пойдут обозы
Смерти и рухнут страны,
Встанут везде колоссы,
Встанут везде титаны.

26.08.2000

Если наш мир фатален,
Если – как автомат,
Что ж он тогда печален,
Что же он бьет в набат?

Что же всегда в надрыве
Жизнь звенит как струна,
Если и впрямь, и ныне
«Нотами» задана?

Если всё в этой доле
Должно, и нет утрат,
Что же тогда без боли
Трудно смотреть назад?

26.08.2000

Может, скоро наступит Бой,
И осталось минуток десять –
Выгнет стрелки часов дугой,
Чтобы внутренность нашу взвесить.

За игрою иль за грехом,
За прогулкой или за чаем
Он застанет нас – не верхом,
Как планируем мы, как чаем.

27.08.2000

Для жизни, для созидания,
Чтоб долг я выполнить смог,
Мне хрупкое дали сознание
И легких фантазий шелк.

Едва надави – расколется
И смальтой мой ум падет,
Подуй лишь – взлетит и скроется:
Фантазия унесет.

Но кожа дана дубовая, –
Не скрутит ее озноб,
И гиря, пускай пудовая,
Навряд ли пробьет мой лоб.

Еще мне дано терпение
На долгие годы – впрок, –
Ах, лучше бы озарение
Со скоростью на бросок.

28.08.2000

**Посвящается пожару на телебашне
и трагедии с подлодкой**

На морском дне
Оставлены рубежи,
А теперь в огне
Главная башня,

Стужи и голода ждут ножи –
Рушится страна наша!
Синей водой, голубым огнем
Посылаются нам знамения,
Говорящие об одном:
«Искупления!».
Низ — верх.
Нас всех,
Забывших Завет,
Потерявших зрение,
Бросают в пустыню на сотни лет
Гибели — Рождения.

28.08.2000 *

Когда меня спросят, как в мире жил,
Кем был я на Свете этом,
Пожалуй, отвечу, что я служил
Философом и поэтом.

29.08.2000 *

Посвящается Останкинской башне

Иглою в сознание врезались
Железобетонные стены,
И вверх к облакам поднимались
По ним многожильные вены.
Но воздух не терпит так много
Зловонной втекающей пены:
По достижение порога
Сверкнуло – и нет антенны.

30.08.2000

Сотни, тысячи, миллиарды
Глаз с надеждой на нас глядят.
Не пеняют и даже рады, –
В крайнем случае, так хотят, –
Те, которых лизнуло болью
В День Рождения бытия,

Посылая земную долю –
Не средь ангелов житиё.
Мы им видимся и с крылами,
И в сиянье лучей святых ...
Что случилось со всеми нами?
Как мне выдержать взгляды их?

30.08.2000

Немощны, злы и голы,
Мира земного в центре,
В замыслах вечно горды,
Только от смерти в метре.
Званы быть господами,
Ангелов будто племя.
Трудно летать шагами,
Падая, полудремля.
Трудно владеть мирами,
Не выходя из бойни.
Трудно служить богами,
Если лишь Быть достойны.

31.08.2000

Мы скорее веков не заметим
Под светилом, бессменно парящим,
Чем навеки расстанемся с этим
Горизонтом напрасным, пылящим:
Мы зачем-то опять забредем,
Где снежинки спускаются спящие,
Где минуты остались щемящие,
Исчезающие под дождем.
Как отметины с кожи не смыть,
Что с размаху поставлена плетью,
Так земли никогда не забыть:
Мы – однажды привитые смертью.

01.09.2000

Строки мои, мои предложения —
Верные стражи и судьи суровые –

Предотвращают мозгов брожение
И выравнивают всё неровное.
Я их смерти предаю, огню,
Я их выброшу на помойку,
Если однажды с ума сойду
Или душе разрешу попойку.
Не один я в дыму атак,
Отвечаю не за себя лишь:
Полководец я – и никак
Долг пред армией не оставишь.

01.09.2000

Я не люблю учиться и читать,
Писательство легло петлей на шею,
Труда боюсь, от жизни коченею ...
Люблю лишь над просторами летать,
Как птица легкая, – хотя и не умею.

02.09.2000

Бой часов – это отзвук шага,
Дуновение ветра – дыхание,
Нам и холодно, нам и жарко
Перед будущим – в ожидании,
И грядущее приближается
Не пустотами невесомыми.
Как, не видя, где миг рождается,
К уготованному быть готовыми?

03.09.2000

День последний и на прощание
Прикасается осторожно:
Веток слабое колебание,
На обочине подорожник,
Что не сказано, недопонято,
Теплотой растворившись рядом,

Унесется с листвой из золота,
Или выпадет снегопадом,
И таинственное звучание
Этот день в каждый образ вложит,
Только внутреннего молчания
Никогда оно не встревожит.

04.09.2000

То – Весы, их великих чаш,
Что похожи на две десницы,
Не улавливает разум наш;

Это – взлет вертикальный Птицы,
Устремившейся мир рассечь,

А еще это – в твердь входящий
До ядра, до основы Меч —

Крест, на грешной земле стоящий!

04.09.2000 *

Время встреч не настало пока,
Берега другие кажутся нереальными,
Но река отчего-то уже мелка –
Скоро все минуты будут прощальными.

05.09.2000

Год двухтысячный – «ноль, ноль» –
Будто и не было тысячелетий;
Кажется, что на планете третьей
Не появлялись ни жизнь, ни боль,
Не было целей, свершений, войн,
Ни стихов, ни пустого вздора –
Можем мы начинать всё снова:
Год двухтысячный – «ноль, ноль»!

05.09.2000 *

Бес коварен – перстом его
Не один был момент увенчан:
То камнями он бьет в чело,
То ласкает руками женщин,
То он входит в моих друзей
И поступками управляет,
То как хитрый незримый змей
Незаметно в меня вползает.

06.09.2000

Дорога к Солнцу – лезвие бритвы,
Нависшее прямо над горлом бездны,
И каждый шаг – продолжение битвы,
Несущее новые нам порезы.
Ступни – недавно, теперь – колени
Упали – пропасть их проглотила —
Всё меньше и меньше от тела тени —
Всё ближе и ближе огонь Светила!

07.09.2000

Пока пишу, пока сочиняю,
Никто не сладит со мной одним,
В руке покуда перо сжимаю,
До Дня Суда я неуязвим.

Законы творчества не позволят
Земным законам порвать строку:
Воздвигнут стены и лед расколют,
А эшафот превратят в труху.

Пока не будет закончен свиток
И что-то вижу я вдалеке,
Колите, жгите в азарте пыток –
Стою не здесь я – не на песке!

08.09.2000

Время творчества

Больше не будет минута
Времени только отрезком:
Каждая вынырнет круто,
В голову врежется с треском

И закипит, задымится,
Ставши частицею шторма,
Сердцем она будет биться
Не на оси метронома,

Будет как камень весома –
Тысячелетия слепок,
Каждая будет как слово,
Сказанное напоследок.

09.09.2000

Зима проходит, проходит лето,
Да только чудо не возникает –
Пишу про то я, пишу про это,
Но снова Главное ускользает.

Под сенью леса, в морской пучине
Лишь промелькнуло, надевши тайны,
Пишу о жизни – оно в кончине,
О смерти если – в живом дыханье.

Порой подходит почти вплотную
И где-то близко совсем витает,
Но после строчек иль запятую,
Иль многоточие мне поставит.

Перо не сдастся и не привыкнет,
И жду я Главное, понимая:
Едва сквозь череп оно проникнет –
Погибну или сойду с ума я.

10.09.2000

Мы – бывшие смертные –
Поднимемся к Трону,
Судороги незаметные
Сольются в икону,

Боль просочится светом
Сквозь утомленные ткани,
Жизнь опустится небом
Нам на длани,

От крови с глиной следы будут буры –
Землею путь наш отмечен, –
И на челе загорятся буквы:
«ВЕЧЕН»!

11.09.2000

Воздуха не хватает – иное сознание –
Люди шевелят губами без голоса:
Всё существо мое теперь в ожидании –
Жду приближения нового образа.
Чувства ушли на второй план,
Главным стало из них осозание:
Ощупью отправляюсь я в океан,
Только что окруживший соседнее здание.
Волнами опережает его туман –
Образов не созревших причудливое скопление,
Будто бы бубном спугнул их где-то шаман
Или с горы фантазий скинуло землетрясение.
Только мне требуется совсем другое –
Повитуха я, а не роженица –
Ядро должно быть созревшее и тугое,
Для птенца не опытен – мне нужна птица.
Я ее поймаю в бурном течении,
Подниму руками всех голов выше
И, дождавшись сходящего оживляющего
течения,
Отпущу, убедившись, что она дышит.

Вспомнить нужно мне незамеченное,
 Ощутить за спиной холмы дальние ...
 А иначе поглотит сознание искаленное
 Океан, глубины которого я в ожидании.

12.09.2000

В раннем детстве ко мне незнакомый старик
 Подошел, когда близкие все отвернулись,
 Но сгущавшийся сумрак скрывал его лик,
 И древесные ветви над нами нагнулись.

Из дорожного шума, как будто из вод,
 Тихий голос выныривал лишь на мгновенье
 И опять, не нарушивши времени ход,
 Исчезал – растворялся в тяжелом гуденье.

Говорил он тогда о каких-то годах ...
 О не сделанном им ... и о том, что поможет ...
 Будет трудно потом пробираться впотьмах ...
 Только что-то в меня почему-то он вложит.

Ну а я незнакомцу зачем-то кивнул.
 «Это нужно и мне...», – он промолвил ребенку,
 А потом чуть назад незаметно шагнул,
 Пересечь для того чтоб реальности кромку.

Я живу, никому не давая отчет,
 Дни проходят нормально: без тягот и
 бедствий.
 Но бывает порой кто-то сзади встает.
 Кем же был тот старик, что пришел ко мне в
 детстве?

13.09.2000

Не из рыцарских замков синьора и дона,
 А из песен старинных и сказочных стран
 Созываю солдат под свои я знамена:
 Общий сбор объявляя, стучит барабан.

Этой жизни нужны силы чистые ваши –
 Оживайте, спешите воители од,
 А иначе погаснет заря, не восставши.
 Ожидает нас долгий и трудный поход.

Как же много отстало друзей моих званных ...
 И для битвы последней теперь посажу
 На коней златогривых солдат оловянных.
 Поднимайтесь – я верю, я знаю и жду!

Никогда не случалось со времени она,
 Лишь в фантазии бывших – по тропам шагать,
 Но стучит барабан, и зовет песня горна –
 Собирайся на *по-двиг*, бесстрашная рать!

14.09.2000 *

Повсюду видятся перста,
 Которые мне указуют,
 И сквозняки, наверно, дуют
 Из упрекающего рта,
 Сверлят, толкают, прожигают
 Нетерпеливые глаза,
 В руках – то кнут, а то узда!
 Как мало рук, что помогают.

15.09.2000

Опять надеваю я старые латы,
 И вороны с грифами пиршества ждуют,
 А мы-то считали: уже не придут
 Ни боль, ни разлука, ни скорбь от утраты.

Опять приближаются к нам холода,
 Немеют деревья – их ветки чернеют, –
 За окнами ветры суровые веют,
 А нам-то казалось: тепло навсегда,
 И если наступит, то только весна.

16.09.2000 *

Посвящается боксеру Али

Ему аплодировал Земной шар.
Почти не задумываясь над позой,
Был нокаутирующий удар
Для него прозой.

Что же совершает на нас «наезд»
В этом движении звездном быстром? –
Ныне у «великого» только жест,
Который он демонстрирует журналистам.

17.09.2000

Осенние всадники–1

Осенью в небе по тучам нависшим
Скачут куда-то без отдыха всадники.
Топота сильных коней мы не слышим, –
Разве монахи иль, может быть, странники.

Но ощущаем комком за грудиной
То ли тоску бытия неуютного,
То ли сомнения жизни недлинной,
То ли тревогу грядущего смутного.

Это – доходят до нашего сердца
Ветры, взрыхленные в небе копытами,
И никуда нам от чувства не деться,
Если походом пространства пропитаны.

Кажется: вместе с движеньем летучим
Напоминается нам обещание...
Осенью долгой над нами по тучам
Всадники скачут в тревожном молчании.

18.09.2000

Осенние всадники–2

Поздней осенью год из года
Жизнь уходит, наш край бросая.

Здесь останется непогода,
Не пуская дыханье рая.

Онемеют мои деревья,
Духи трав соберутся в стайки,
Не покажется больше фея,
И замерзнут кругом лужайки.

Всех, наверно, берут с собою
Эти всадники, что с ветрами
Самой грустной идут порою
Вдаль куда-то над облаками.

С каждой ночью пустеет утро.
Холодает – теплей укройся.
Всё уходит, но почему-то
Мы опять с тобой остаемся.

19.09.2000

Меж камнем и небом исчезли щели,
Но кость упряма и вязок ум.
Вскочите на землю скорей с постели –
Становится с гору последний дюйм!

Удар курантов расплылся гулом,
Вверху застыли мечи часов...
Отныне каждый стоит под дулом,
И дверь снаружи закрыл засов.

19.09.2000

Звенит в ушах полета скорость,
И кровь уже – горячий пар,
Предел исчез, пропала робость...
Но и паденья скор удар.

Шаги тверды и непорочны, –
Движенье – танки, суть – металл, –
Неудержимы, стройны, прочны...
Но вот полет, увы, пропал.

20.09.2000

Я слово не оставляю на потом:
 Стихия сзади силы набирает,
 Потом поглотит всё ее потоп,
 И слово в грохотании растает.

Не от гордыни и не от азарта
 Так яростно сейчас пером машу,
 А потому, что скоро, может, завтра
 Я больше ничего не напишу.

21.09.2000

Ежедневно новую тему
 Я хватаю собою, как выстрелы,
 Бегло пущенные по телу,
 Потому что образы быстрые.

Отойду лишь – и кто угонится,
 Что-то будет тогда потеряно,
 Ну а сердце моё, как водится,
 От рождения слишком медленно.

Значит, нужно опять мне завтра
 На пути встать у шквала образного –
 Продолжающегося залпа,
 В эту сторону снова посланного.

22.09.2000

Сосна
 грустна,
 И куст
 мой пуст
 Заря –
 зазря:

На сотни ли
 лучи –
 ничьи,
 Ведь все ушли...
 Молчи,
 молчи.

22.09.2000 *

Всё – прах
 Всё – ноль,
 Коль страх
 Со мной.

23.09.2000

Поле пусто, и цепь одна лишь
 Длинным гадом свернулась в луже.
 То, что было тут, – не узнаешь:
 Проникает вода всё глубже.

Дождь последний след размывает,
 И куда он ведет – не ясно.
 Чьё присутствие остывает?
 Кто недавно мечтал напрасно?

Грязь под ливнем плывет, как тесто, –
 Значит, где-то должны быть печи, —
 Подготавливается место,
 Надо думать, для новой встречи.

24.09.2000 *

Порой хочу я постоянно
 Быть со щитом своим незримым,
 Чтоб стать везде неуязвимым –
 На дне морей, в огне вулкана;

Всё чувствовать, переживать
Кипенья или шквала близость,
Но чтоб ни жар, ни даже сырость
Щит не смогли атаковать,

Чтоб не смогла убить волна
И больно не было под градом,
Чтоб я был «там», и... как бы «рядом».
Да, это же – доспехи сна!

25.09.2000

Город Третьей страны

Самый высокий город:
Камни – твердыни воли,
Каждый живущий молод –
Непобедимый воин.

Город – как чудо-танец,
Город – как пост Стоящих,
Каждый живущий – старец:
Сед от лучей палящих.

Пропасти он преграда –
Строгость застыла льдиной,
Остро сверканье града.
Пламя и Лед – едины!

26.09.2000

Три страны

Есть три страны: одну из них
Скрывают ветками деревья,
Туда заживал мой стих,
Там живы все, там нет забвенья.

Успокоение и грусть.
«Передохни – душа устала»,
Но путь венчает слово «Пусть...» –
Там у конца всегда начало.

Страна вторая – в облаках,
Она как сказочное детство,
Там полетишь, сказавши: «Ах!»,
И можно в лепестки одеться.

Туда приходят из теней,
Как будто заново родившись,
Чтоб стать светлей, чтоб стать сильней,
Росой на небесах умывшись.

А много выше, как скала,
Страна последняя – Твердыня;
Строга, сурова и бела,
Там вспыхнет дух, а страсть остынет.

Великие Стоят в Строю
И Держат Мир, и лечат брэнность,
Поэтому всегда в бою
Неувядающая Зрелость.

27.09.2000

И я, и ты, и всякий знает:
Зачем пришел, на что готов –
Один из тысячи крестов,
Который очи отверзает!

Сомненье ложное терзает,
На все шаги – один поход,
Но, даже если был не тот, –
Одно мгновенье плод срезает!

28.09.2000

Из парусов, что нам в дорогу дали,
Мы шьем портянки, гольфы и носки;
Ну а потом, сбивая каблуки,
Виним ухабы в том, что опоздали.

Для нас писали вечные скрижали,
Но мы из них сложили жернова.
В деревьях обнаружили дрова...
И, ставши одиноки, зарыдали.

Мы тело крыльями как бы в тисках зажали,
Забывши, для чего они нужны;
Теперь срезаем их, достав ножи,
Кляня богов за то, что нас рождали.

29.09.2000

Сон: бесконечные ступени.
Они идут из глубины,
Где луч обгладывают тени,
Минуты где погребены,

Нет ни опоры, ни креплений,
И рядом с ними нет стены –
Лишь острая волна ступеней
Уже пронизывает сны;

Идут всё выше, без площадок,
Поверх домов и пара вдоль,
Как устремления осадок,
На них блестит чужая соль;

И, не рассчитывая дальность,
Идут над летом и зимой –
Они уже вошли в реальность,
Став Мирозданию каймой.

30.09.2000

Я всё могу, лишь стоит встать с постели –
Не будет ни просчетов, ни потерь.
Уже стою, – ладони, лоб вспотели:
Теперь я жду, когда откроют дверь.

01.10.2000

Где хоть в броне, хоть в шубе будешь голым
У Мироздания на волоске,
Где даже дышишь воздухом тяжелым
В оторванном от Бытия куске,

В бессилии где все и вы живете,
Где ночью нужно ставить фонари,
Всегда я столь уверенный в полете,
Поскольку крылья сзади не мои.

01.10.2000

Оставим это поле,
На что оно всем нам:
Здесь слишком много соли
Осело с наших ран.

Оно нам показало,
Что есть такое *смерть*,
Оно нам рассказало,
Что можно не успеть.

Ну а теперь довольно –
Идемте наугад,
Пусть будет страшно, больно,
Найдем прекрасный сад.

А поле – не забудем,
Оно у нас в груди.
Что б ни было – мы будем!
Нам следует уйти.

02.10.2000

В постели хорошо под одеялом,
И пусть вовне заledenел туман,
Неважно, что ложился я усталым:
Мне равен тут любой герой-титан.

Могу я быть на время великаном!
Такой вот нам дается передых,
Как в этом мире напряженно-рваном
Даруется отдохновеньем стих.

03.10.2000

Посвящается Поэту

Нарушат траур громов раскаты,
И голос громче их во сто крат
Прикажет смерти: «Иди назад!».
«Остановитесь, звезды закаты!

Теперь объятия их разъяты
Всей силой, отданной за тебя.
Склонились души в мольбе скорбя,
И все грехи с тебя будут сняты».

04.10.2000

Веревка туго зачем-то свита
Из слов, в воздухе нерастворимых.
Иду мимо, не подавая вида,
В дыму мгновений необратимых.

Нарочно что-то под ноги брошено.
В руках ноша, а тó – разбито,
И ум занят: в мозгах горошина –
Обида!

05.10.2000

В траве под моим окном
Гномики обитали.
Но лист упал за листом,
И холода настали ...

Мы об одном мечтали
И вместе смотрели вверх.
Но сверху к нам, как на грех,
Снежинки теперь упали ...

Под окнами нет травы,
Никто там не копошится,

А мне говорили вы,
Что чудо вот-вот свершится.

06.10.2000

Моя забота есть работа
Моя! – пусть до седьмого пота.
Я в ней упрусь,
В ней разобьюсь,
Всё разбирая: «что?» да «где?»,
Поджарившись как на плите,
Я буду придираюсь к слогу
И рыть пером, подобно рогу,
На мне порученном листе.
Заботу ж о своем хребте
Я смело доверяю Богу.

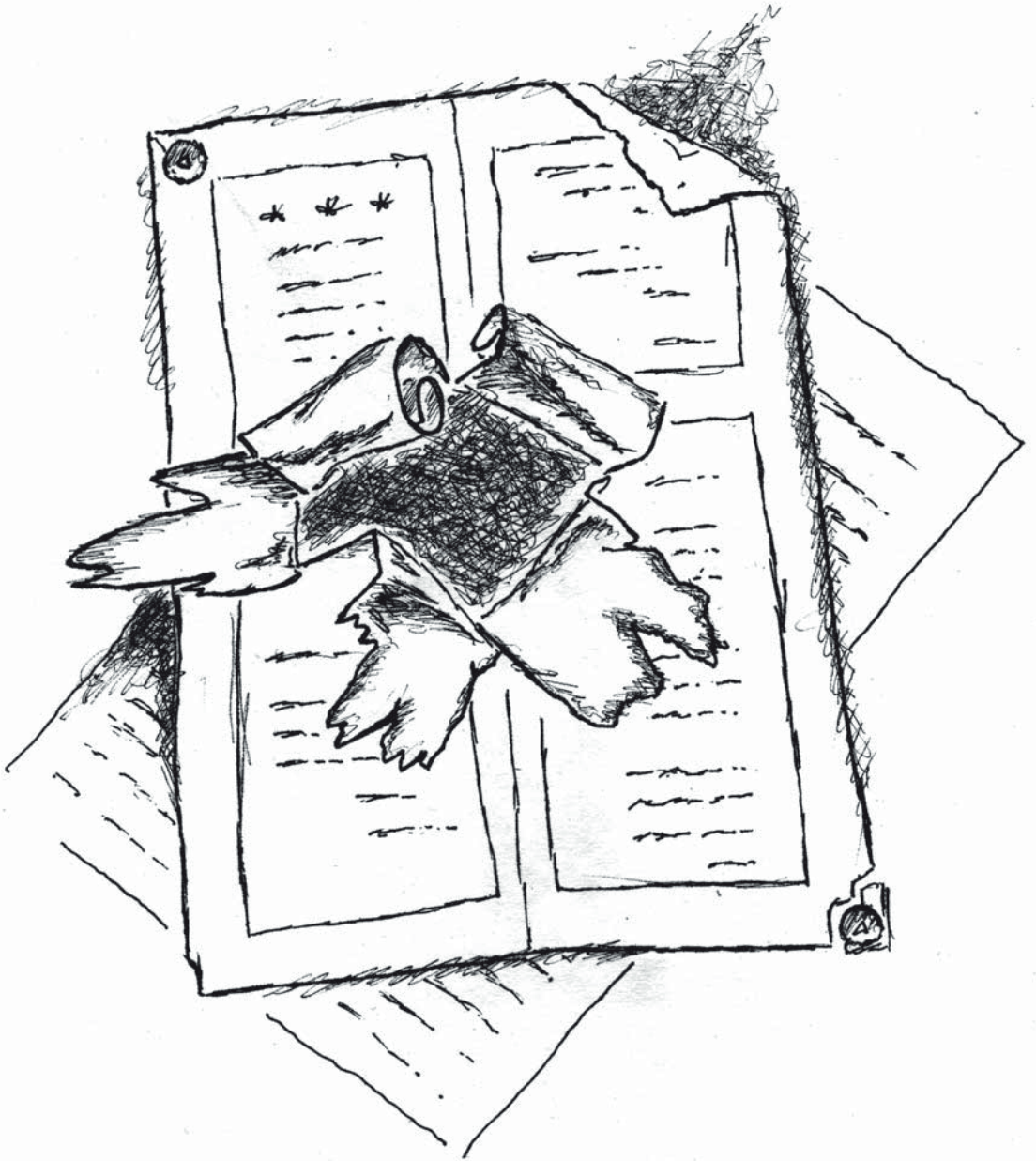
07.10.2000

Жизнь – чугунная батарея,
Никуда ее не спихнуть,
Руки прячутся внутрь, немея,
И костра на них не раздуть.
Если нет, то она – как ртуть:
Убегает, хоть не чужая,
Под уклон декабря и мая,
И попробуй ее вернуть.
Промежуточной нету фазы,
Хоть на гору искать залезь,
А поспорит кто, всё – рассказы,
Или жил он совсем не здесь.

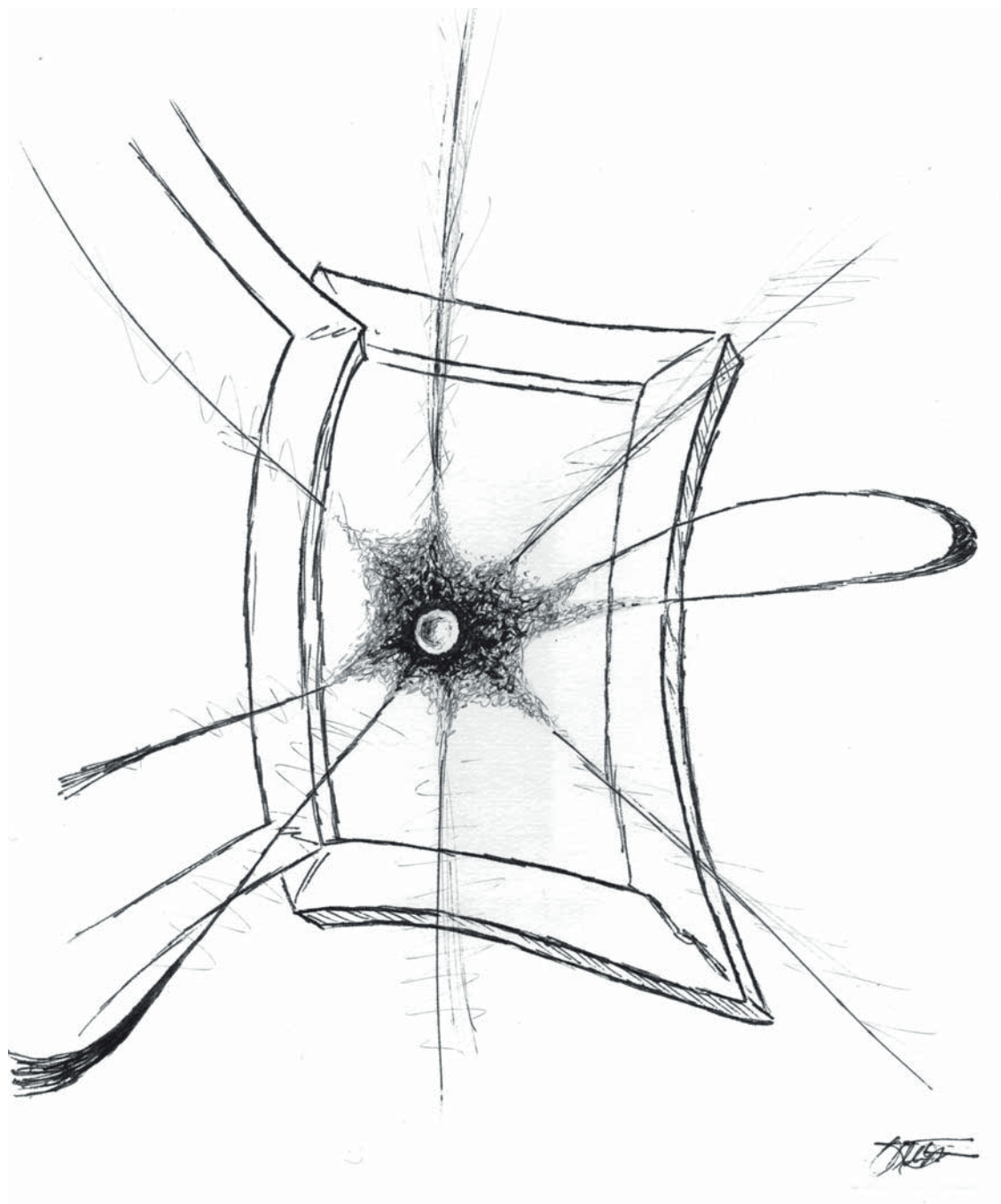
07.10.2000

Моей черепашке Мусе

Муська – камешек лунный,
Южных степей кораблик,
Самый маленький, самый юный
Древний мой динозаврик.

Oliver

08.10.2000

Прикрою грудь плащом, –
И большего не надо, –
Одним ненастным днем
Пешком отправлюсь. Ладно?

Отправляюсь в глубину –
Теперь уж не по краю:
В толпу, в ничью страну,
Куда и сам не знаю.

Направь меня, душа,
Благослови же, Отче...
Чтоб полами плаща
Сметались дни и ночи.

09.10.2000

Тяжело, и кому поплакаться,
Рассказать, объяснить – пустое.
Может быть, всё еще исправится,
Может, будет еще другое.

Эти сутки – огневращение,
Приговор его за порогом.
И одно лишь есть утешение:
Рана моется кровотоком.

09.10.2000

Чувствую, что кричу
В эту и ту бездонность
И кулаком стучу,
Не признавая скромность.

Вижу: трава дрожит –
Ветер поднялся криком –
Голубизна бежит,
Прячась за горным пиком.

Может, воткнулся шип
В рот, и, себя не чуя,
Так что уже охрип,
Что-то давно кричу я.

10.10.2000

В октябре есть одна напасть:
Слишком многое умирает
И с собой при том забирает
Часть от жизни и силы часть –

Я иду и могу упасть:
В октябре, как всегда, слабею,
Вместе с листьями я мертвею,
Но мешает земля пропасть.

11.10.2000

Мир надвигался непостижимо:
Он выплывал из-за темной дэли,
Мы же тогда проходили мимо,
Но в этом мире забуксовали.

11.10.2000

Включите свет в домах,
Пусть будет вам светлее,
А в сумрачной аллее
Пусть будет крыльев взмах.

Последний взгляд скользнет
По деревьям склоненным,
По тучам полусонным,
И всё, всё-всё пройдет.

Как тяжело смотреть
На этой ивы локон,
На свет из этих окон,
Что не увидишь впредь.

С тобою, как сестра,
Аллея среди ночи ...
В домах пусть будет громче,
Ну а тебе пора.

12.10.2000

Трудно, ползая, быть парящим, –
Одновременно то и это:
И бульжники, и комета
В небе сдавленном и болящем.

Впереди поджидает ящер.
Уходящим куда-то в дым
Помоги, на камнях стоящий,
Человеческий Серафим!

13.10.2000

Время – золото

Вниз, прямо из-под молота,
На головы наши грешные
Тяжкое сыплется золото,
Падают слитки свежие.

Под канонадой этою,
Даже когда нам больно,
Прятаться не советую
И говорить: «Довольно».

Будут покуда теплыми
Кресло, постель, циновка,
Нам – согреваться топками,
Будет литьё иковка.

13.10.2000 *

Сыро, зябко, трудно, плохо
От рождения –
Этот мир достоин вздоха
Сожаления.

14.10.2000 *

Те клубы, что по интересам,
Напоминают мне клубки
Большие, смятые под весом.
Пусть даже там не «червяки»,

Совместно все в них копошатся –
Мелькают губы, груди, лбы –
Вот-вот на что-нибудь решатся ...
И газа вверх пошли клубы.

Ты в клубе, будто в теплой шубе,
Высжииваешь мастерство;
Ты не один: с тобою вкупе
И та, и тот... и даже то.

Как плод таланты кормит клуб,
Но свой я всё ж прикрою пуп.
— — —

Одним теплом дитя согрей:
Твори один в углу у лампы,
Где дальше рты и дальше лапы
Товарищей, твоих друзей.

15.10.2000

Немного многое решает.
Вы Бога за меня молитесь –
Вся жизнь подвешена на нити,
Которая уже ветшает.

15.10.2000 *

Лермонтову

Под дождь, под шторм, под бури вой
Когда от нас уходит воин,
На смену должен встать другой.
Мой Бог, пусть будет он достоин.

16.10.2000

Я думал: вымерз до основ,
И скоро горло онемееет,
Всей кровью холод овладеет,
И скроет кожу льда покров,
Меня, как снег, пурга закрутит,
Последнее во мне остудит...
Но кто-то в грудь подбросил дров.

16.10.2000 *

Где обещания и клятвы?
Где урожай? Где время жатвы?
Неделя бестолковая,
И жизнь черновиковая.

17.10.2000

1

Легенды – нынешняя страсть,
Как проявление недуга,
Они – сегодняшнего часть,
И всё реальнее их власть,
Поскольку по закону круга
Мы в них готовимся упасть.

2

Пленит, волнует час начал
И древний мир – мир динозавра:
Там жизни строился причал,
Там Ангел время размечал
И потому еще, что завтра
Конец себя уж прокричал.

18.10.2000

Заснуть бы очень долгим сном,
Как в русской сказке старый леший,
Укрыться мхом бы и кустом
Суровую зиму здешной.

Вокруг осыплются снега,
Под ними дом и холм пригнутся,
И смолкнувших деревьев рога
В пургу холодную упрутся.

Каких-то северных племен
Во сне я буду слышать саги,
Но даже колдуны и маги
Не растревожат этот сон.

Придет зима и я усну,
Дождаться чтобы мне весну.

18.10.2000 *

На землю падает листва,
А лишь недавно нарастала,
И днем ей было солнца мало...
Нам не сокрыть с листвою родства.

19.10.2000 *

Я говорил, что нет причин,
Которые меня затронут –
Ни ураган, ни даже омут
Не совершат беде почин:
Мои покровы как бетон...
Но отыскался в мире дольном
Лишь камень, – нет, не в сорок тонн, –
И я сказал: «Мне очень больно».

20.10.2000

Предзимье

Одни дружины отошли,
Войска другие на подходе –
В округе тихо, ни души,
Пустынно в сером небосводе.

Исчезли всадники огня,
Стремясь за силой к серафиму;
Готовясь к долгому нажиму,
Земля молчит, едва звеня.
Снегирь за речкой видел зиму.

21.10.2000

Атакой совершился шаг.
Распороты пеленок ткани.
Теперь уже нельзя никак
Ютиться в черных дырах зданий,
Раскрылись окна в зодиак!

Рассудок, ты теперь – слуга
Единобо, как вздох, полета.
Молись – у неба плоть туга.
Борись: полет – твоя работа,
Он сочленяет берега.

22.10.2000

Взгляните: на пустынном месте
Остался одинокий дуб, –
Почти как в той старинной песне, –
И ждет, когда года пройдут.

Он помнит, что пустырь был садом,
Дома он помнит, блеск окон
И то, что рос когда-то рядом
Моих отца и мамы клен.

Я наблюдал, как свет и соки
Дубок тянули дальше вверх,
Когда писались эти строки,
И ожидал я новых вех.

Вы подойдите – он расскажет,
Со всею мудростью седин,
Поймете, не расслышав даже,
Погладьте кору из морщин.

23.10.2000

К чему нужна такая срочность:
Пытают душу мне на прочность
И день, и ночь, и день, и ночь,
И даже некому помочь.
Впились минуты как пиявки,
Ну не один же я у них,
Размечен час от сих до сих –
Ни отступлений, ни поправки.
И не дают никак отставки,
Позволили б тогда поспать –
Не на столе, а лишь на лавке,
Так нет: живьем колесовать,
Всё выпустить: и кровь, и пот,
Как будто жизнь вошла в цейтнот!

24.10.2000

Как мне собрать однажды всё:
Осенний двор и тот овражек,
Вечерний свет многоэтажек
И это вот моё окно,

Дорожку, канувшую в тучи,
Повествование шумов,
Простор, который ждет и мучит,
Протискиваясь меж домов,

Не подчинившиеся шагу
Мечты, скользящие вдоль стен
И улетевшие совсем...
Всё взять и вылить на бумагу.

25.10.2000

Не подсказывает нам опыт,
Пусть не видим ни я, ни вы,
Но дороги, любые тропы –
На земных покрывалах швы.

Что под ними – пока не знаем
Иль не помним мы ничего;
Всё шагаем мы и шагаем,
Утрамбовывая вещество.

А однажды, опять незримо,
Швы расходятся впереди,
И тогда мы шагаем мимо
Покрывал земных на пути.

*26.10.2000 **

Солдатики из олова – кусочки лишь металла,
Игрушки безымянные, которым грош цена?

У всех своя история, им предстоит немало,
Они пока без голоса – от сказки семена.

26.10.2000

Сидит задумавшийся ангел,
А рядом: знаки, письмена ...
Что освещает яркий факел?
Быть может, это – имена?
Ступени, окна, двери, звенья
Скрывают эти чертежи,
Скрипящие в чернилах перья,
Звенящие в крови ножи,

Немые взгляды, крики, славу,
Потоки лавы, горы льда,
Живые соки, мёд, отраву
И пропасти, и города ...

Склонился он над тайной картой –
Художник, высших сфер пиит.
Над чем задумался крылатый,
И почему он всё сидит?

27.10.2000

Освободить своё нутро,
Открыть его, сорвав затворы,

Чтобы прошли свободно горы
Или планетное ядро!
Все тайники, углы и норы
Свести на нет, сорвать пора,
Как у последнего одра,
И разрубить как узел споры.
Мозгов упорная кора
Раскроется, поддавшись штурму, –
Под кожу, кожуру и шкуру
Войди же, Ждущее с утра!

28.10.2000

Всё это – не событий
Редкостное стечение.
Требуется нам выйти,
Ну а потом – лечение:

В сумерки удалиться, –
Мертвая изоляция, –
Чтобы закрылись лица,
Далее – операция.

Если бы только вороги,
Не было бы симптома,
Это – не камни под ноги,
А на кости саркома.

29.10.2000

Как мне встречать рассвета час,
Как посмотреть в лицо светилу,
Пойти, не опуская глаз,
Принять протянутую силу,

Когда я не успел... не смог...
Когда Вчера – не совершилось?
Глаза закрыло словно смок,
Что вспыхнуть давеча стремилось.

Несовершенство болит,
Как умирающий зародыш;
Родить его уже не сможешь,
А кто еще его родит?

Пусть Солнце говорит: «Пора!»
И мне прощается утрата,
Бегу от друга и от брата,
На мне еще висит Вчера –
Ужасно трудно встретить Завтра.

30.10.2000

Кому под тучами седыми,
Кому под сводами резными,
А мне – всё больше у стола.
Кому творить холсты, иконы,
Кому блюсти дворцы да троны,
А мне вот – лить колокола.

Основа под рукой бела;
Багровой меди, серебра
С пока что верного пера,
Ни в чем и никому не внемля,
Я вылью прямо из котла —
Как вам – не знаю, мне же – время:
Я должен лить колокола.

31.10.2000

Рассказ первого солдата

Мушкет на кожаном ремне
И сумка с черствым хлебом –
Вот всё, что ныне нужно мне
Под этим клятым небом.
А раньше, правду говоря,
Оно казалось свято,
Ведь у меня была семья
Счастливая когда-то.

Не нищета и не тюрьма
Судьбу мою разбили –
Однажды забрела чума,
Где все мы жили-были.

Погибли сын, жена и мать,
А мне не вышло следом.
Чего еще от жизни ждать
Под этим клятым небом?
Угли летели на порог,
Огонь плясал по крыше...
Там оставаться я не смог.
Такой вот случай вышел.
Мне было, право, всё равно,
Куда, зачем – детали.
Но стужа, голод и вино,
Увы, не доконали.
Тогда на службу воевать
Пошел поближе к бедам,
Ведь мне не страшно умирать
Под трижды клятым небом.

01.11.2000

Рассказ второго солдата

Пусть голос мой негромкий, слабый
И ненадежен план,
Не отступил пред чертом я бы:
Стучит мой барабан!
В тяжелом длительном походе,
В бою, где смерть кругом,
Поднимет волю он в народе –
В покинувших свой дом.
Ни гор, ни моря, ни пустыни,
Нет и границ у стран,
Наш дух вовеки не остынет:
Стучит мой барабан!
Я видел верное знаменье,
Я знаю, я читал, –

К чему волненья и сомненья:

Падет враждебный вал.

Зови туда, где жарче, гуще –

Идем мы на таран ...

Останови назад бегущих,

Стучи, мой барабан!

02.11.2000

Рассказ третьего солдата

В рубаху талисман зашит –

От глаза он поможет,

А на врага – имею щит,

Да и на «друга» тоже.

По городам и по лесам

Пройду под снегом, градом,

И всюду буду только сам,

Неважно, кто там рядом.

Всегда останусь я собой,

Не сдавшись дешевизне

До смеха пестрой и рябой

Глупейшей этой жизни.

Фортуна знает верный шаг –

Не повернется задом.

Я сам себе и гимн, и флаг,

Неважно, кто есть рядом,

И даже тем, что я служу,

Что подчинюсь приказу –

Я *своего* не обнажу

Ни перед кем ни разу.

Быть может, кто-то и смешал

Меня со скотским стадом,

Судьбу я только сам решал,

Неважно, кто был рядом.

Один кричит, другой пищит

И бьется, как в падучей,

Но у меня ж остался щит

На всякий скверный случай.

03.11.2000

Рассказ четвертого солдата

Уж столько лет в походе ратном,

Что кружит голову от звона,

Но я пожертвую и златом,

Чтобы найти перо грифона.

Оно спасает от невзгоды

И силы даст подняться гордо,

Оно подарит дух свободы,

Оно совсем другого рода!

Ни жажда крови или смерти,

Ни месть, ни долг, ни воля трона

Меня вперед ведут, поверьте, –

Я всё ищу перо грифона.

Что наша жизнь – листок осенний,

Необратима, бестолкова;

Не понимаю суть рождений:

Травую гибнем снова, снова!

Но только будет всё иначе:

Со времени, пожалуй, она,

Где камень тверже, пух где мягче,

Для нас лежит перо грифона.

Я не боюсь идти всё дальше,

Не надо спрашивать откуда,

Не важно, что случилось раньше, –

Во мне живет виденье чуда.

Мои стремленья – не нелепость,

Не сумасшествие от стона.

Еще одна стена и крепость –

И я найду перо грифона.

04.11.2000

Рассказ пятого солдата

Со всех сторон на вражки норы

Обрушимся живой лавиной!

На крепость устрелятся взоры –

Мы будем силою единой!

Осиной тучей, птичьей стаей
Поднимемся над всей долиной,
И даже нет – мы вместе станем
Одной рукой, стрелой орлиной,
Непобедимую от века
Одушевленную машиной,
Нам сердце – знамя, кости – древко:
Мы будем силою единой.

А если солнце отвернется,
Не познакомимся с кручиной:
Вернуть победу дух найдется –
Мы не запахнем мертвечиной.
Навек ушедших похороним;
Да будет вам земля периной,
Мы знамя наше не уроним,
Мы были силою единой.

05.11.2000

Рассказ шестого солдата

Вся наша жизнь в грязи виляет,
Поскольку слишком много фраз
Язык болтливый позволяет,
Когда уже звучит приказ.
Давно для нас пора приспела
Не говорить, а выполнять,
Ведь собирается для дела
Большая труженица – рать.
Будь непреклонным, как колонна,
Прозрачным, твердым, как алмаз;
Одна есть правда – легиона,
Одна обязанность – приказ.
Долой пустые рассужденья –
Беда не в пуле и огне,
Как ядовитое растенье
Она засела в глубине.
Взор переполнится пусть битвой!
Но и когда не будет глаз,

В ушах останется молитвой
Последний отданный приказ!
Ни он, ни ты, ни я, так кто же
Работу должен завершить?!
А если смерть – поможет Боже
Тебя от жизни отрешить.
Могилу выкопать для нас –
Такой другим дадут приказ.

06.11.2000

Рассказ седьмого солдата

Моя душа никак не вспомнит
Лачуги на земле родной:
Воспоминая ветер гонит,
Перед глазами только строй.
В руках оружие сжимаю,
На голове тяжелый шлем...
Бегу я, но не понимаю:
Что это всё, и всё зачем?
Идет сраженьё. Хрипы, крики
Слились со скрежетом кругом,
Скребют о небо наши пики,
А мы засеиваем холм.
И я в густую эту жижу
Кричу, но кажется, что нем:
Не слышу... ничего не вижу.
Зачем я тут, и всё зачем?
За бревна, каменные горки
Хвататься ль мне – за жизни клочок?
Разбилось небо на осколки,
Осыпалось в потоки ног.
Повсюду танцы преисподней,
А песни были про Эдем.
Я слышу хохот старой сводни.
Откуда мы, и всё зачем?

07.11.2000

Рассказ о семи солдатах

Пошли семь выживших солдат –
Теперь одни, теперь без войска.

Дороги пыльная полоска.

Идут, куда глаза глядят.

Они уже встречали ад,
Последний раз уже вздыхали,
Прощались и опять вставали,
Когда их поднимал набат.

Идут, почти не говорят:

У всех одно – вопрос тот жгучий.

Идут в ущелье и по круче,

Но не свернут теперь назад.

Нет, это – больше не отряд:

Ни командира, ни устава,

Забята воинская слава,

Последний отшагал парад.

Не нужно никаких наград –

Свободнее сухарь изгоя;

Они совсем, совсем другое

Теперь в пути найти хотят.

В пути их Небеса хранят –

Я видел, как над головами

Играли ангелы крылами –

Пройти им сто земель подряд.

Идут всё дальше семь солдат.

Они уж скрылись за холмами.

08.11.2000

Ангел крылатый стоит у дверей,

Песни несет он и дивные сказы

Дальних земель, бесконечных морей,

С чудною силой в руках его вазы.

Я ощущаю всё это теплом,

Образы ангела близки и ясны.

Уж прибираю мой крохотный дом,

Но ожиданья, наверно, напрасны:

Крылья его не проходят в проём.

09.11.2000

Не воин я, пока «склерозом» болен:

Не помню, отдохнув, иду куда

И быстро забываю холода,

Когда сезон, набравший силу, зноен;

Но вот душа кренится от пробоин –

Я вспоминаю, что пора идти,

И замечаю крестик на груди,

Когда его я менее достоин.

10.11.2000

Шагом единорога

Даже с могучей волею

Трудно идти без Бога,

Ну а писать – тем более.

Встретишь великий город,

Многое в нем прославится,

Только наступит холод

И навсегда останется.

Сказано будет много,

Не разбудив безмолвия.

Даже кричать без Бога

Трудно, писать – тем более.

Здания все нависли,

Будто бы склепы мрачные –

Не устремятся мысли:

Выси там не прозрачные.

Не надломить итога,

И не пробиться молнии –

Трудно мечтать без Бога,

Ну а писать – тем более.

11.11.2000

Стояли ювелир, гончар,
Был пояс скорняком предложен;
Я выбрал для себя товар,
Еще не зная, сколько должен.

Гадать ли, размышлять подолгу?
От нас скрывается цена.
Я выбрал для себя дорогу,
Не зная, сколь она длинна.

12.11.2000

Города многовековые.
Не разрушились замки древние.
Помнят пращуров мостовые.
Неужели мы здесь – последние?

Современника Авраама
Внуки где-то качают кронами,
И, как прежде, стоим у храма
Мы с глазами, заботы полными.

От дорог на ногах мозоли,
Как сто лет назад или тысячи,
Мы боимся беды и боли,
Любим близких... А как же иначе?

Нет, не может быть – слишком рано, –
Встретим мы еще дни весенние!
И не вздрогнет пока Гондвана...
Неужели мы здесь последние?

13.11.2000

Борьба чудовищной воронкой
Засасывает дальше, глубже,
Не успевает смысл за гонкой.
Не вспоминайте – будет хуже.

На шпильки вздернуты лохмотья.
Осталось ожидать недолго.
На землю брошены повода.
В глазах двоится от восторга.
Пары вдыхаемые едки.
Кольшутся грудные клетки.
Среди волнующихся груд
Сегодня настоящий праздник,
Хоть сознает любой участник,
Что победители умрут.

13.11.2000

Сегодня мир осыпал снег,
Он всё остудит, успокоит
И черноту собой укроет –
Он для земли как оберег.
На долгое он нас обрек,
Рассказ его пока не понят,
Но что-то каждому готовят
Потоки белых быстрых рек.
Сегодня мир осыпал снег.

14.11.2000

На время поднятые маем
К нам снова снизошли снега,
И превратились в берега
Дома, в которых обитаем:

Повсюду будто стали реки –
Теченья их не сознаем:
По ним иль с ними мы плывем,
Куда нам нужно в этом веке.

Мне что-то наяву приснилось,
Смотря на белую реку,
И вот, подобно маяку,
Заря за снегом засветилась.

Я вместо ручки взял весло –
 Меня быстрее понесло.

15.11.2000

Не привыкну никак к нашей долгой зиме,
 Потому ли что скользко и холодно мне?

Потому ли, что день начинается поздно,
 Но рисуется мир на окошке морозном?

Каждый год, каждый день будет сказка другая,
 И полшага до ночи, полшага до рая.

Потому ль, что окажется многое разово,
 И останется снова зима недосказана?

16.11.2000

Собирайтесь – нам наводятся мосты
 Через море, через реки, через сушу!
 Чтоб стремленья наши не были пусты,
 Не жалейте заплутавшую душу.

Покидайте ваши гнезда-терема,
 Открывайте замороченные вежды,
 Ничего, коль у кого нога хрома –
 У надежды покрывала нынче снежны!

Ни к чему об оставляемом радеть,
 Что-то мы на перекрестках задержались,
 Будет в горе и печали нам сидеть,
 Не затем же на планете мы рождались.

Не обленимся отныне от жары,
 Не замерзнем мы, куда будем смелы.
 Собирайтесь – нам постелены ковры,
 Словно крылья лебедей – повсюду белы!

17.11.2000

Ищем ключ от сундука,
 Заползаем в подземелье
 Старой крысы, паука
 Иль бормочущего зелья;

Лезем вверх на чердаки,
 Где навалено навалом,
 Потрошим мешки, тюки
 С неопознанным товаром;

Опускаемся на дно,
 Отдаемся в лапы bestий...
 А находится «оно»
 На свету, на видном месте.

18.11.2000

На пути, ураганом расколотом,
 Вьются вьюги – голодные змеи.
 Я стою, окружаемый холодом,
 У горячей своей батарееи.

Приговору безбожному, скорому
 Не достать – пустота не продует,
 Но шагнуть мне достаточно в сторону,
 И враждебное там атакует.

Бугорки, сетку трещин укрытия
 Глажу с дрожью и тихой мольбою.
 А смогу ли когда-нибудь выйти я,
 Перепуганный внешнею болью?

19.11.2000

Приподнимаю цепи гор украдкой,
 Тяну жгуты космических орбит,
 Как бумеранг мечу метеорит –
 Я занимаюсь утренней зарядкой.

Я штормом по морям пускаюсь в пляс;
Перекрывая всякие барьеры,
Вхожу порой в другие атмосферы,
Когда никто не видит – в ранний час.

19.11.2000

Где-то тепло,
А у нас – снег,
Всё замело
До моих век.
Что впереди:
Поле, мечта ль?
Шторами льдин
Кутает даль.

Нету цветов,
В травы не лечь –
Белый покров
Не пересечь.
Всё перешло
В домик-ковчег
Где-то тепло,
Ну а тут – снег.

20.11.2000

Кочуем, ожидая утешенья,
«Забутые и близкими, и Богом»,
Всегда одни, а каждый день – решенье,
Судимое неизъяснимым долгом.
Так нужно, ни к чему искать подвоха,
Но мы с тобой пока всего лишь дети,
И потому, когда мне слишком плохо,
Я силы жить беру в мечтах о смерти.

*21.11.2000 **

От души, что уже занялась,
Сохранить бы живой половинку,

И руками взлелеять былинку,
Где осталась холодная грязь,

Протянуть бы хоть тонкую нитку,
До конца не исчезла чтоб связь,
А от всех и вся отгородясь,
Незакрытой оставить калитку.

22.11.2000

Не собирайте чемоданы,
Не набивайте рюкзаки,
Оставьте шубы и кафтаны,
Снимите золото с руки:
Неважно, что тогда настанет, –
Падет ли снег или растает, –
По полю, по большой реке,
Хоть и душа в пути устанет,
Нам отправляться налегке.

23.11.2000

Незнакомец был ликом бел,
Контрастирующим со шляпой,
В кресло кожаное он сел
Рядом с арфой моей горбатой.
Ничего мне не говоря,
Поиграл по столу перстами
Гость промозглого ноября
С голубыми как лед глазами.
«Много лет я тебя искал, –
Произнес, наконец, устало, –
Хоть и мир этот, в общем, мал,
В нем порядочно помотало:
У египетских пирамид,
Лет пятьсот назад близь харчевни...
Царь, торговец, иезуит...
Помогали мне и из черни.

Где я только не побывал
 В одеянии неприметном:
 Слышал лекции, видел бал...
 А нашел вот за инструментом.

И среди человечьих стай
 Этот случай совсем не редок.
 Ну да ладно, давай – сыграй
 "Гостю" что-нибудь, напоследок».

24.11.2000

Ненужное больше оружие
 Оставили где-то в пыли,
 Уже, в ожидании ужина,
 На наши диваны легли.

«Надев триумфальный венец»,
 Рукам разрешили расслабиться
 И телу всему, наконец,
 От тяжелой одежды избавиться.

Но ночь разродилась сражением,
 Был бой не закончен еще,
 А мы поспешили с решением –
 Оружие сдали свое.

25.11.2000

Я хочу найти цветок,
 Под звездой иной растущий,
 Где вдыхается восторг,
 Где парят луга и кущи.

По дороге я пройду
 Сто утесов и оврагов,
 Буду камни рыть, руду
 Сорока архипелагов,

Раскидаю валуны,
 Разровняю все пороги,
 Завершу я три войны –
 Тоже, только по дороге.

26.11.2000

Ничто его не встревожит,
 Лицо теперь – монолит,
 И отвлекаться не может,
 Он больше не говорит.

Пусть молнии рвут одежду,
 Слетаясь со всех сторон,
 Но снова и снова между
 Мирами родится звон.

Моря задрожат от эха,
 А горы сгорят дотла –
 Ничто теперь не помеха –
 Бьет ангел в колокола!

27.11.2000

Мне дана одна минута,
 Пусть же будет век – как будто, –
 И продлится это утро ночи вопреки.
 Ведь мгновение – безмерно...
 Но бежит оно как серна
 В травы вечности, наверно,
 От моей руки.

Мне дано не больше метра,
 Может, здесь, а может, где-то,
 Но от воли и от ветра
 Станет он большим.
 А потом, как от напасти,
 Разнесет его на части,
 И тогда, что в Божьей власти,
 Я расстанусь с ним!

28.11.2000

На холоде и на ветру,
Не вспоминая о насущном,
Остановлюсь, совсем замру
И перестану быть идущим.

Мне станут говорить: «Пойдем»,
Начнут тянуть меня за полы,
А я на месте на своем
Леса увижу, горы, доли...

Не упаду я больше ниц
От вьюг нещадных, что нередки,
И дам приют я стайкам птиц,
К лучам протягивая ветки.

29.11.2000

Тихо, тайно, как змея,
Из-под двери, с нижних полок,
И пугая, и маня,
Подползает к телу холод.

Вот касается ступней,
Вот опутывает ноги...
Хочет предложить он мне,
Что вручил, пожалуй, многим.

Успокоит, усыпит:
И стоять уж неохота,
В пояснице не болит...
Сердце – цель его охоты!

Отчего же я не рад? –
Жалко, то что не Сократ.

30.11.2000

Неуверенны движенья,
Шаг один – как тыщи,
Слабость, головокруженье:
Не хватает пищи.

В животе и горле жженье,
Губы, как бумага,
Начинаются виденья:
В недостатке влага.

Пробегает время мимо,
Где-то пламя тает,
Жизнь – не жизнь, а только ширма:
Слова не хватает.

01.12.2000

Тени зимнего замка–1

Среди вечной мерзлоты,
Средь кривых деревьев-палок,
Где мозоль земной плиты,
Оказался черный замок.

Вырос будто бы из пня:
Щепы – башнями предстали;
Светит он как головня
Красным в пасмурные дали.

Тень его высоких стен
Вижу даже здесь теперь я:
Тучи солнце взяли в плен,
Стали серыми деревья,

Волны бьют о камни лбы
И циклоны завывают...
Тайный смысл его судьбы
Льды в глубинах укрывают.

02.12.2000

Хотите, короткий вам сон расскажу,
Из тех, что не канули в серость.
Нет, нет, объяснений я вовсе не жду,
А просто от нечего делать.

Как будто бы я возвращался домой,
Строенья по левую руку,
И нес некий груз для меня дорогой –
Портфель или, может быть, сумку.

Когда для того, чтобы чуть отдохнуть
Его опустил я на землю,
Вдруг ветер мне в спину стал бешено дуть,
Меня подхватило метелью...

Был лед под ногами – держаться нет сил,
А рядом – ни кустика даже,
И ветер меня одного уносил –
Без ноши – всё дальше, всё дальше...

03.12.2000

Безбрежье, камни, горы, тишь...
Жизнь глубока, а небо мелко,
И ты, Крылатый, там молчишь,
Там не бывало человека.

А если кто и забредал, –
Скребли подковами копыта
О камни иль каблук ступал, –
То всё давно уже забыто.

Там очутиться одному
Равно – немедея, сердце слыша,
Стать чуждым трепету сему –
Погибнуть, оказаться выше.

04.12.2000

В гору пошли колеса.
Час ожиданья жуток.
Босыми да с утеса.
Будет ли промежуток?

Вмиг выплывает мачта,
Если упала вышка.

Сразу и однозначно.
Будет ли передышка?
Норма, когда похода
Первый отрезок – в доме.
По завершение года
Ждать ли чего-то кроме?

05.12.2000

Тени зимнего замка–2

а

Зима наступает, и тени от башен
Морозного замка на севере диком
По ямам и склонам, по скатерти пашен
Сюда продвигаются в виде безликом.

Они захватили селенья в округе,
Готовятся лечь на могучие грады,
И будут напрасными наши потуги:
Не выдержат стены их новой осады.

б

На наши улицы и жилища
Надвинулись тени дворца Борей.
Нам поздно куда-то идти, дружище,
И, может быть, поздно шутить, немей.

Но нужно помнить, пускай во мраке,
Что прямо от Солнца корабль отчалил,
И он прибудет, и вспыхнут маки,
А мы пока что стоим в начале.

06.12.2000

До зари, до рассвета, – пока еще рано, –
Облачившись кто в шубы, а больше – в
обноски,
По седой ледяной бороде Великана
Направляем мы сани и наши повозки.

Тела мне не изменить,
 Боя – не остановить,
 Прямо-таки бедствие
 То несоответствие.
 Мясу, мозгу и костям
 Не прикажешь по частям –
 Черное иль белое –
 Требуется целое.
 Не люблю «ни то, ни сё»:
 Или сразу, или всё!
 «Так» или «иначе» –
 В этой жизни-матче.
 Что там «снегом намело»?
 Что «открылось на табло»?
 Ну, немного ближе –
 Всё нормально: «Выжил»!

11.12.2000

**По нэцке «Мудрец с учеником
 на черепахе»**

Не от дури, не со страху
 В бешеной погоне
 Сядем мы на черепаху;
 Кто тогда догонит?!
 Всюду станут голосить,
 Словно бы от порчи:
 Будет в ямы заносить
 Или в море прочих.
 Мы же всё и вся пройдем,
 Захотим – и снова,
 Если вдруг не упадем
 С панциря крутого.
 Забираются, обнявшись,
 Вихри под рубаху;
 Ну-ка, сядем, разбежавшись,
 Мы на черепаху!

12.12.2000

Тихо за моей постелью,
 Я немного отдохну,
 Солнце крепко держит Землю,
 Корни – древнюю сосну.
 Не влетит метеорит,
 Не сломает дамбу ветер,
 И квартира не сгорит,
 И пока табу на смерти.
 Мне не страшен час итога,
 Ну а день пусть сбавит шаг.
 Я посплю еще немного,
 Боже мой, пусть будет так.

13.12.2000

«Помолчим, – сказал пустырь, –
 Вечер движется с востока,
 Стало как-то одиноко,
 И с куста слетел снегирь.»
 «Слышен снега слабый хруст.
 Я как будто бы забытый
 У дороги, в дождь разбитой...
 Помолчим», – ответил куст.
 Вторила тропа: «Как гол
 Горизонт, пургой едомый...
 Нынче старый мой знакомый
 Почему-то не прошел.
 Чьею сказкой, взглядом чьим
 Будем дальше согреться?
 С чьей душою оставаться
 Нам в тиши? Что ж, помолчим».

14.12.2000

Под водою, под сумрачным морем
 Оказался мой город большой,
 Вместе с грешною нашей душой,
 И никак море мы не прогоним.

Засосала в себя глубина,
Заключила пространство в объятия.
Над домами вода как проклятье,
А она тяжела и мутна.

Здесь порою не видно луны,
Солнце блекнет и гасится даже.
Как холодные, темные стражи
Высоко где-то ходят валы.

Может, хоть у последней черты,
Если всё до конца не остынет,
Вздыбит магма земные пласты
И на свет, наконец, нас поднимет.

15.12.2000

Люблю воздушные свирепые порывы:
Под ветром трудно спать и убежать,
Зато приятно глубоко дышать
И ощущать, что мы пока что живы!

Хвала моя наточенным ножам,
Что мне так ловко крылья подрезают,
Ведь те еще быстрее отрастают,
Где от порезов оказался шрам.

Мне нравится, как жизнь с горы несется,
Хоть это трудно повторить потом,
И может выйти шейный перелом,
Зато какая скорость разовьется!

16.12.2000

Я говорю входящим
В третье тысячелетие –
Празднующим и спящим:
Это – под стать отметине.

Встать на суставе эры
И, помолвившись мысленно,
К связке добавить нервы –
Это почти что миссия!

Чья там судьба решалась,
И каковы намеренья?
Дóжили – нам досталось.
Надо ль еще знамения?

Нам проходить сквозь «кольца»,
Быть у «того» и «этого» ...
Всё уже – нам придется.
Большее мне не ведомо.

17.12.2000

Прямо с гор гренландских на метелях феи,
Из пещер глубоких гномиков семейство
Стали собираться, как мы и хотели,
Скоро здесь начнется сказочное действо

Вне страничек книжных – отложить не
выйдет –
(Автор неизвестен, был ли – непонятно)
Даже кто задремлет, до конца увидит;
Присказка прошла уж незаметно как-то.

Будут превращенья, заклинаний ворох,
Золото и угли, свист и гул над башней ...
Я уже услышал необычный шорох ...
Только не была бы эта сказка страшной.

18.12.2000

Не время, а просто бестия!
Но раз не попали в «рот»,
Станцуем тогда, народ!
На «лысине» у столетия.

18.12.2000 *

Что-то сил мне не хватает,
Почему-то дух мой тает,
Вообще – неловко.
Может, то болезнь какая,

Или кто вредит, мешая?
Глядь: в руках веревка.

Присмотрелся, что за чудо:
Как от внутреннего зуда,
Выгнувшись дугою,
Я тяну ее, стараюсь –
Бьюсь, борюсь, сопротивляюсь –
С кем? Да, сам с собою.

19.12.2000

Даже старое дуло
Вместо век закрылось снегом,
И уныние легло,
Заслонившись мрачным небом.

Ни тропинки хоть какой,
Ни оставленной пометки,
Лишь сомнительный покой
В колебанье голой ветки.

След вороний у ствола.
Был ли кто еще, плутая?
Разглядеть душа б смогла
Свет святого Николая.

20.12.2000

Я не слышу новых строк –
Слух ослаб, совсем закрылся.
Я пред Богом провинился
И слова собрать не смог.

Убегает как олень,
Что само собой давалось;
Что лучами освещалось,
Перешло в густую тень.

Без плодов и сил тружусь,
Как мечусь в своем капкане,
Копошусь в открытой ране,
Головой о стенку бьюсь!

Но увидел вдруг я чёлн,
Проплывающий сквозь рифы,
И услышал песню... Рифмы!
Совершилось! Я прощён.

*20.12.2000 **

Вроде бы всё в порядке,
Нет и примет плохих,
Но одноглазый лих
С нами играет в прятки.

21.12.2000

Посекундно, помгновенно
Яркой вспышкой, черной тучей
В мягкий мозг вливайся, случай! –
То, что вечно, то, что бrenно.

Человечья вся природа!
Закипай в огне висящем
В мире дольном и пропащем,
Кровь добавит кислорода.

А когда без опоздания
Упаду прожженной веной,
Я рожденною вселенной
Дверь открою Мироздания.

21.12.2000

На тетрадке карандаш –
Он, наверное, не наш,
Он, конечно же, чужой –
Оказался под рукой.

Лучше мы его отложим:
Острый, да еще без ножен,
Мало ли, что может быть,
Если кончик затупить,
Кто нам дал такое право,
Рассудите трезво, здраво.
Эх, несчастная душа, –
Даже нет карандаша –
Будем жить мы не спеша
И бумагой не шурша.

22.12.2000

День короткий, ночь длинна,
И луну украл рогатый,
Чтобы спрятать под лопатой,
Придавлив мешком зерна.
Это – ночь неожиданных встреч
И нечаянных явлений,
Непонятных завихрений –
Надо б нам пирог испечь.
Изо льда больших озер
К нам придут по насту девы,
Слуги Снежной королевы,
Выйдут духи гор и нор...
Будут танцы и игра
На чудесных инструментах –
На ветвях, кострах и ветрах –
До рассвета, до утра.

23.12.2000

Только этот день спешит
Потемнеть и раствориться,
Как другой сквозь ночи щит
На меня уже сочится.
Им восток уже дрожит,
Он давно уже в походе,

И нога моя мозжит,
Видно, при его погоде.
Выйдя из запретных зон,
Не смирится с торможеньем –
Со своим заданьем он,
Со своим определеньем.
Это мне не по душе:
Не умыться, не напиться...
Только чувствую уже:
Третий день сюда стремится.

24.12.2000

Под зимней белой скорлупой
И напряженье, и покой –
Всё спит и жить старается,
Там братство новое ростков
И образы, еще без слов, –
Там новый год рождается.

24.12.2000 *

Час несущийся одним –
Ничего, как легкий дым,
А к другим он как ворвется,
И споткнется там рассказ,
Вся земля перевернется
Для кого-то в этот час.

25.12.2000

Среди пустынь безжизненно сухих,
Среди лесов завьюженных таежных,
Под непрерывный грохот волн морских,
Под треск костров озябших придорожных...
В огонь грозы, на ледяные тропы,
В пески, на камни и во влагу рос,
Нещадно ободрав о горы стопы,
На землю эту снизошел Христос.

25.12.2000 *

На смерть Бессмертный к нам спустился,
 К нам – нерожденным до конца,
 А некто, с видом мудреца,
 Не верит в то, что Он родился.

26.12.2000

**Посвящается М.В.Ш., умершей
 в час сочинения стихотворения**

Старуха злая Холодина,
 Чьи ребра все оголены,
 А на горбу примерзла льдина,
 Пришла украсть чужие сны:

Сон чей-то дымкой исчезает,
 Лучом в пещере без окон,
 А человек – как умирает,
 Войдя в ее тяжелый сон.

Несчастный – пленник он отныне
 В ее коряжистом лесу,
 И скоро грудь его остынет,
 А молвил: «До зари засну...»

Весной хотя бы получилось
 Вернуть его – поднять с одра –
 Чтоб он сказал: «Мне смерть приснилась
 И заточения года»;

Но вряд ли, ведь у сна без правил
 Крепка намерзшая кора,
 И потому Господний ангел
 Старуху гонит со двора.

27.12.2000

Когда, ничем не дорожа,
 Кружа своими рукавами,

Полей ледовых госпожа
 Идет на юг – сюда, за нами,

Когда она, сказав заклатье,
 Как пса ведет с собой буран,
 На полы выюженного платья
 Встает на севере шаман.

Он разбивается о лед,
 Впивается в нее рогами,
 Мешает ей идти вперед
 В одно сплетенными ночами.

Он – только танец, только вой,
 От жизни он уже отрублен...
 И вот, в конце, над головой
 Взлетает солнцем желтый бубен.

Весна в тот день для нас встает –
 Так уже было в прошлый год.

28.12.2000

Нечаянно я оказался однажды
 На лапах пушистых рождественской ели,
 Большим показался мне замок бумажный,
 А в нем были люди и свечи горели.

По веткам зеленым пошел наугад,
 Как будто гуляя по хвойному лесу,
 Мне встретился там оловянный солдат,
 Поющий о бывших сражениях песню,

Из шишечек гном добывал волшебство,
 А троль колдовство собирал в табакерку...
 Но дальше пошел я и, кажется, в ствол
 Открыл незаметную ранее дверку.

Представшее было почти что реально,
И солнце по жилкам древесным струилось,
Во всем заключалась какая-то тайна:
Там время еловым вареньем варилось.

Ходил я в пространствах, картинами полных,
Но, жалко, дорога была там не долгой –
Когда я себя разглядел средь знакомых –
Я снова стоял пред наряженной елкой.

29.12.2000

В ночь под самый Новый год
Что-то страшное творится:
То вдруг дымка закружится
И закроет небосвод,

То посмотрят с вышины
В окна к нам глаза большие,
То проклятые «чужие»
Восстают из темноты.

Но не страшно: домик наш
В эту ночь спасет от лиха, –
От всего, что страшно, дико, –
Вставшая у окон тихо
Елочка как верный страж.

30.12.2000

К концу приближается год високосный,
И где-то, наверно, подводят итоги,
Пусть день неожиданный, день судьбоносный
Окажется сзади, а не на пороге.

Его завершение пусть будет спокойным, –
Ничто не сломается, не заискрится.
Скатеркою, Господи, выход покрой нам.
Под занавес пусть ничего не случится.

31.12.2000

Когда за столы новогодние сев,
Мы все предаемся гульбе и веселью,
На улицы наши, прикрывшись метелью,
Выходят двенадцать невидимых дев.

Они начинают свой тайный посев
Примет и подсказок, подножек, наитий –
Грядущего года случайных событий, –
Созрели чтоб те, к своим срокам успев.

Помочь, помешать ли кому захотев,
На окна и ветки, на тропы и кочки
Бросают случайностей зерна и почки
Незримо скользящие образы дев.

01.01.2001

Ну вот мы и прошли рубеж
Веков, тысячелетий меж.
Осталось пересечь границу,
Что сдерживает нам десницу
И не дает махнуть крылом.
Отложим это на потом, –
Возводятся, увы, не нами
Те рубежи – между мирами.

02.01.2001

Далекой темной полосы
Оврагов и лесов суровых
Повсюду рыщут стужи псы,
Неслышно подлетают совы.

В жилища к нашим очагам
Они готовятся пробраться –
Скользнут в проем, прильнут к ногам,
И поздно будет отбиваться,

И уходить, и оставаться
Тогда уж станет всё равно.
Огонь в домах держите, братцы,
Храните лепестки его.

03.01.2001

В груди взрывается аорта
Напор – и черти побегут!
Но, пыль взметая, топчет грунт
Уже десятая когорта.

*03.01.2001 **

Неудержимые удары
Громят могучего врага –
Он будет поднят на рога!
Гремят победные литавры!

Уверенно ступаем, гордо,
Но мы пока что умолчим,
Что топчет пыль, вдыхает дым
Уже последняя когорта.

04.01.2001

Стоит только подойти мне к почерневшему
окну,

Как тотчас массивы мрака,
Не подавши даже знака,
В кисть сливаются одну,
Миг – и я в ее плену.

Я из комнат освещенных выхвачен совсем во
тьму.

Пусто, страшно, одиноко...
Око ангела высоко,

И не виден я ему,
И себя не подниму.

Кажется, что здесь мне место – здесь я годы
проведу

До схождения с Неба Света,
Буду ждать я без ответа
И у ночи на виду
От окна не отойду.

05.01.2001

Посети меня, Господь, –
Отчего-то стало трудно, –
Покажи вселенных гроздь,
Освети Собою утро,

Взявши крепко под уздцы,
Подведи коней горящих...
Ведь подходят же отцы
К изголовью чад болящих.

Посети, прошу, хоть раз
Не в наитии, а прямо,
Посиди чуть-чуть у нас,
Хоть наш дом далек от храма.

Не вселенных... не коней...
Сам... на миг... хотя бы локоп,
Чтобы стало чуть светлей,
Не снесло чтоб нас потоком.

06.01.2001

Год пришел – уже пробило,
Ноль сменила единица,
А другое – всё как было:
Та же явь, и то же снится,

Ни затишья, ни набата,
В той же суете то же дело,
Но, наверное, куда-то
Единица та засела –

Черенком, быть может, в почву
Там иль тут... – на «нашей зоне»,
А потом... набухнут почки,
И весною пустит корни.

Может, и не затаилась:
Всё, как будто так, как надо,
Ничего не изменилось,
Заменилась только дата.

*07.01.2001 **

Забравшись в прихоти на крыши,
Притом с закрытыми глазами,
Глупцы! вы скачете козлами,
Христа клонировать решивши.

Ось Мироздания разве ж кость,
И Тайное уже не тайна?!
Не получили бы случайно
Антихриста живую плоть!

08.01.2001

Как будто сделать без опоры
Летающий, легкий, быстрый шаг
Через ступеньки и заборы... –
Ах, вам ведь не известно – как!

На что же это всё похоже?
На чудо, волшебство? Чуть-чуть:
Ты словно долго был стреножен,
А тут – по воздуху шагнуть!

Как будто, сев в открытый поезд,
Покинуть темный свой барак
И пересечь планетный пояс... –
Ах, вам же не понятно – как!

Быстрее тучи, суховея
Из ночи в утро, где заря,

Не оглянувшись, не жалея,
Всё дальше в новые края!

Как будто – путь... и без возврата!
Билет не нужен и рюкзак.
И всё с тебя как будто снято...
Жаль, вы ж не чувствуете – как!

09.01.2001

Нам немного бы сладких яблок,
Вместе где-нибудь бы собраться,
Но в постели из трав и сланца
Повернулась планета набок –
Рано ей еще пробуждаться.

*09.01.2001 **

Отойти бы лучше с края
Мне подальше в глубину,
Но тут видно кущи рая
И грядущую весну.

10.01.2001

Вверх с огромного уступа,
Со скалы, что неприступна,
С твердокаменной стены
Неизвестной вышины

Захотелось мне подняться
Да над бездной оказаться,
Где кошмарной ночи сны
Навсегда погребены;

И мечты уже витали...
Не заметил я вначале,
Что до самой-то спины
Крылья все опалены.

11.01.2001

Мне сегодня дана Благодать!
Вы таланты свои усмирите,
Прозорливую спесь остудите,
Чтобы попусту тут не орать
И бумагу чтоб зря не марать
Замечаниями рецензента,
Подождите другого момента –
Мне сегодня дана Благодать!

11.01.2001 *

Поклонюсь-ка я дому
И отправлюсь подале –
В страны, что не выдали.
Может, там по-другому?

12.01.2001

Поднимают звезды луки,
Только стрелы пропадут.
На дороге этой ждут
Встречи, полные разлуки.
 Пустота... а как стена,
 Как в колодец свету падать...
 Что останется? Лишь память
 Слов и лиц... да имена.
Чем сильнее дорожить?
Очи слепнут от мерцанья.
Час кровит на острие.
 Бог мой! как же трудно жить
 В воспаленном бытие,
 В самой ране Мирозданья.

13.01.2001

То ли днями, а то ли ночами
Я пройду голубыми ручьями

И, плеснувши из озера слез,
Я коснусь ваших ран и заноз –
Я дотронусь своими губами.
Как найду их? – ненужный вопрос,
Ведь по ним мы похожие с вами.

13.01.2001

Не пойму я никак, днем живу или вечером:
Собирать ли мне силы для новых работ,
Поднимать ли мне парус, отыскивать брод?..
Или, может, уже торопиться и незачем?
Может, темная ночь уж стоит у ворот,
И пора тормозить к срокам, ею отмеченным?
Или Солнце всегда продолжает полет?

14.01.2001

Я немного поброжу
У двойных стеклянных окон
И преданья расскажу,
Что давно поведал сокол,

Я скользну в людской толпе,
Суею огулушенной,
И оставляю на тропе
След, сосной замороженный,

Я не прошеным приду,
Чтоб горящим глянуть оком,
А потом опять сбегу
В лес далекий серым волком.

15.01.2001

Забота терзает порой до дрожи,
И я не сказал бы, что дух окреп;
Надевши костюмы из прочной кожи,
Мы в поте лица добываем хлеб.

Планета вращается – нас шатает,
Как будто в мозгу хулиганит хмель;
Спроси у любого: куда шагает, –
Мы в поте лица добываем цель.

Бывает, расчет безупречен, сложен,
Но, только упавши, встаем на пик,
Который другим показать не сможем –
Мы в поте лица добываем лик.

16.01.2001

Этот ветер, что бушует за стеной,
Захотел не пронестись стороной,
А с собою унести
Всё, что смог бы тут найти,
Да отправиться с добычей в мир иной.

Неужели он связался с сатаной
И отныне дух имеет ледяной?
Нет, сколь ветру не расти,
Эти стены не снести –
Как и прежде всё останется со мной.

16.01.2001 *

От благодатного сосца
С упорством муравья, верблюда –
Вперед с поспешностью гонца
И постепенностью косца
Пока не знаю я, *докуда*,
Но главное, чтоб *до конца*!

17.01.2001

Соскользнувши с крыш,
Загудел январь...
Опустился в тишь...
Замигал фонарь...

До рассвета – год,
А до лета – век.
Кто же тут пройдет? –
Непролазный снег.

Кутаясь в пальто,
Нам бы переждать –
Вдруг, случится что,
И начнет светать.

18.01.2001

Галактика, та что для нас соседняя,
Однажды свернулась в один бутончик:
Ее ядро и звезда последняя
Легли на ветку – на самый кончик.

И, оставаясь в цветковом облике,
За всем, что дышит, что обитает
Пред нею будто на круглом столике,
Она тихонечко наблюдает.

И всем нам кажется уязвимою –
Бутон толкаем щелчком игривым, –
Но если стать пожелает зримою,
Поглотит Землю ужасным взрывом.

19.01.2001

Этот заросший от века лес.
Этот тяжелый приросший пресс.
Низко сгибаюсь, алкаю, стыну
И ощущаю дыханье в спину:
Кто-то почти что на шею влез.

Я вспоминаю одну пустыню,
Где в небесах был свершен разрез,
Где даже солнце, казалось, гасло...
Как бы ответить мне также властно:
Ты отойди, прочь с дороги, бес!

Handwritten signature

Oliver

20.01.2001

Прозрачные струи и белый кафель.
Знобит поверхности от резонанса.
Слова ли это иль эхо капель?
Я что-то понял, но что – не ясно.

На гладкий порожек ложатся руки.
Исходит от пола и стен прохлада.
Меня огибая, стекают струйки –
Омыть тут, наверное, душу надо.

21.01.2001

Ворчит моя лампа – трещит недовольно
И смотрит на вирши мои беспокойно:

«Свечу понапрасну,
Сейчас я погасну!

Поверь мне, писать эту глупость довольно!»
«Начни по-другому, – скрепит половица, –
Не так описал интерьер, да и лица ...

Ну что за словечки?!
Давай-ка – "от печки",

Считай, что испорчена эта страница».
Как будто до них мне какое-то дело:
Мешают, влезают бестактно и смело.

Козявочка только,
Летавшая бойко,

Тогда осторожно на руку мне села.

22.01.2001

Философ, физик и поэт,
Поспоровши с бедою,
Пошли увидеть Белый Свет, –
Один худой,

Второй хромой,
А третий с бороною.

Когда встречался кто-нибудь
Иль кто другой встречался,

Подумав, подождав чуть-чуть,
Один шутил,
Второй грустил,
А третий удивлялся.

Когда бы им обед сварить,
Разжечь костер от стужи,
Одежду шить, что смастерить,
Один мечтал,
Другой читал,
А третий бил баклуши.

Однажды, мошку оседлав,
Раз случай подвернулся, –
Не знаю, кто там был не прав, –
Один упал,
Другой упал,
А третий кувыркнулся.

Потом догнал их таракан
Недалеко от лужи,
Приползши из далеких стран, –
Один лизнул,
Другой куснул,
А третий ... даже хуже.

И вот пришли они сюда,
Чтобы пожить со мною.
На сколько? Может, навсегда.
Один худой,
Второй хромой,
А третий с бороною.

Философ, физик и поэт –
Теперь мы вместе смотрим Свет,
И вместе ищем мы ответ
Одною головою.

22.01.2001 *

Автобиография

Родился.
Учился.
Как прежде, тьфу-тьфу,
Пока живу.

23.01.2001

Стены у дома слабей дверей,
А потолок вообще картонный.
Мир за стеною почти огромный,
Может быть даже, что там теплей.

23.01.2001

Куда же девается наш талант?
Под камни, наверное, Альп и Анд
Закатывается монеткой
И прикрывается веткой,
Чтоб не нашел потерявший франт.

Наверное, где-то на дне морском
Находит себе он последний дом:
Опутанный бурю тиною
Разбитой лежит бригантиной,
И волны не слушает в доме том.

Иль может с ладони, раскрытой чуть,
Его ненароком однажды сдуть
Пыльцою почти невесомой;
Попробуй-ка ночью бессонной
Обратно невидимое вернуть.

На риск продолжается он, на страх.
Могу гарантировать только взмах,
А дальше – непрочнo и зыбко, –
Удача, коль тянется нитка;
И всё совершается тут на «Ах!».

24.01.2001

Притворился мир большим
Или даже бесконечным,
И не равные мы с ним,
А всего лишь в блюде «млечном».

Он пугает нас огнем,
Угрожает стужей дикой,
Говорит, что много в нем
Всякой смерти многоликой.

Звезды носятся гурьбой,
Взрывом космос озарился...
Только знаем мы с тобой,
Что большим он притворился.

24.01.2001 *

Утром, вечером или днем
Я не думаю ни о чем,
Ничего я не говорю,
Не браню я и не молю,

«Это» – ладно, и «это» – пусть,
Не планирую и не рвусь,
Не хочу ничего узнать;
Уголь – белый, два на два – пять.

25.01.2001

Татьянин день – рождение кумиров,
Уже прошедших глубину эфиров,
Но *кость* мою переродивших в Ос.
Высоцкий это, Шишкин, Роберт Бёрнс.

25.01.2001

Ночью идущей и будущим днем
Мы ничего, ничего не найдем:
Стражею веки закроет пороша,
Шторы опустятся долгим дождем,
Так и останется только похожа
Ноша на кладь, на одёжу одёжа,
Будем мы сами с собою вдвоем –
Спящие пленники старого ложа.

26.01.2001

Намечены события и роли,
 Расставлены, как надлежит, предметы,
 Кому-то розданы тирады и пароли,
 Кому-то надиктованы куплеты.
 Открылись свету кисти и чело, –
 Теперь уже не скажешь: «или-или»;
 Нет занавеса – действие пошло...
 Но нас об этом не предупредили.

26.01.2001

Я могу с собой играть
 В ситуации, как в шашки:
 Доски, действия, бумажки...
 Случай просто подобрать.

Но сыграть мне не суметь
 В одиночку, понарошку,
 Осторожно, понемножку
 В то, во что играет смерть.

27.01.2001

Почему сегодня строгий лик
 На стоящей предо мной иконе:
 Всё как раньше и на прежнем фоне,
 Только Взгляд иной на ней возник;
 Поилися меж Ним и мной, – на стык, –
 Некий звон, и Голос слышен в звоне...
 Запотели у меня ладони,
 Даже сердце замерло на миг.

Но прошло всё, как предполагалось,
 Стоило мне подойти поближе,
 Посмотреть чуть слева и пониже –
 Ничего тепер мне не казалось, –
 Так и есть: ничто не поменялось.

Это от окна был, видно, блик.
 Или, может, я уже привык?

27.01.2001 *

Родился я затем, чтоб побеждать,
 Под лавр отдать свои макушки обе,
 Ведь до того, – когда я был в утробе, –
 Шампанского хотела моя мать!

28.01.2001

Для того, чтоб оказаться смелым
 В этой леденящей кутерьме,
 Я по доброй воле стал не целым,
 И не всё, что прежде, есть во мне.

Перед черными вратами ада
 Я – один из грешных – человек,
 Потому что это было надо,
 Часть от тела своего отсек.

Я хочю, хоть так и хоть не долго,
 Взяв с собой всего одну свечу,
 Подниматься по ступеням долга,
 А о том, что срезал – промолчу.

29.01.2001

Не только ты, не только мы
 Ударим как метеориты,
 И будут нами звезды взрыты,
 И будут молнии прямы,

Когда, помимо всех парсек,
 Обугленный, но устоявший,
 Себя и землю испытывший,
 Пробьется человеческий век!

29.01.2001 *

Сердобольный мой сосед, –
Говорящий о тележке
(Ковылявшей рядом «пешке»
Подаривший свой совет)!

Кто ногами шарк да шарк,
Кто пока что молодится...
Разве стоит торопиться –
Всем нам будет катафалк.

30.01.2001

От волнующих громов,
От докучливых шумов
И неистребимой чуши
Я свои закрою уши –

Всё застрянет: и навет,
И бряцание монет,
И любой грозы угрозы
Меж волокон целлюлозы.

Мне еще бы от тревог,
От неверия в итог,
От стремления к возврату
Отыскать такую ж вату.

31.01.2001

Неужели кончился запал,
И живого счет пошел на граммы,
Неужели я уже упал
В оказавшиеся рядом ямы,

И последний *никуда* прыжок,
Что скорее с судорогой схожий,
Мне прохладно, будто бы снежок
Обнаженной ощущаю кожей.

Раньше мог подняться на-гора,
И один я мог пройти по Свету...
Потерял, что дадено, вчера...
А ведь было силы на победу.

Мне ее хватало до конца,
И огонь светился у лица.

31.01.2001 *

Был один еще недавно,
А теперь их – как травы:
Над скалой, где небо рвано,
Всадники без головы!

01.02.2001

**Посвящается погибшим в Индии
при землетрясении**

Под обломками зданий остался лежать,
Камни руки обняли... Но главное – ждать;
Темноту отстраняя, хватать тишину;
В нескончаемой ночи не даваться бы сну;

Где и утро бывает на грешном веку,
Люди движутся, ходят... там небо вверху;
Там, конечно, я буду опять – среди них...
Там сказали сейчас: «Не осталось живых.».

02.02.2001

Одинокий полк

Перья журавля,
Иссеченный рог –
Гиблая земля,
Здесь обрыв дорог.
Вдалеке отрог –
Каменный дракон,
Ветра монолог
Повторяет сон;

Тени похорон
 Медленно плывут:
 Кто-то был сражен,
 А кого-то ждут;
 Путеводный прут
 Закатился в грот –
 Кончился маршрут,
 Речек поворот;

Древности налет,
 В нем и шорох смолк...
 Но идет вперед
 Одинокий полк.

 Не сыскать дорог –
 Гиблая земля –
 Рассеченный рог,
 Перья журавля.

02.02.2001

Разыгралась метель –
 За окошком не апрель,
 До тепла еще далёко...
 Длиннохвостая сорока
 Пролетела побыстрей:
 Нет пока что новостей.

03.02.2001

Когда, предаваясь лени,
 Бегу от всего подряд,
 Я вдруг ощущаю взгляд,
 Винящий меня в измене –

Горячим лучом по вене
 Скользит, проходя сквозь ткань,
 И кости ему – не грань,
 И тени ему – не тени.

Приказывает мне: «Встань!»,
 Потом говорит: «Смотри же!

И выше взгляни и ниже,
 От виденного устань».

Я шурю глаза невольно,
 Теряя с землею связь,
 Над безднами наклонясь, –
 Мне страшно, но больше больно.

04.02.2001

Помню фильм, где повторялся
 День всегда один и тот же,
 И никак он не был прожит, –
 «День сурка» фильм назывался.

 Боже мой! а как у нас –
 Не один ли всё «рассказ»?
 Или что еще найдется:
 Несколько «черновиков»,
 Может, парочка «стихов», –
 Пусть неделя наберется.
 Жизнь – всего семь «дней сурков»!

04.02.2001

У нее недавно умер муж.
 Как я сам бы справился с утратой?
 Это посильнее зимних стуж.
 Но она с утра скребет лопатой –
 Убирая снег уже сырой,
 Что напал этою зимой.

05.02.2001

Звезды большие и малые
 В небе рассыпались сахаром.
 В поле, кометами вспаханном,
 Лилии выросли алые.

Кажется: всюду встречали –
Наша душа не заблудшая;
Кажется: после печали
Жизнь образуется лучшая.

06.02.2001

Загудело подо мною, занялось
Пламя синее, и море разлилось,
Колебания ядра
Ощутила вся кора,
Заскрипела, затрещала моя кость!

Закипели океанские котлы,
Подхватили меня мощные валы
И с пылающей земли
В раз единый вознесли
Прямо на гору – на самый пик иглы!

И планеты закрутились в виде бус
И спиралями обвили Света курс,
Всё до звезд – до их корон –
Застучало в унисон...
Это вышел из груди мой частый пульс!

06.02.2001

На свету блестит песок,
Сок течет по теплой глине...
Неужели мы – мазок
На божественной картине?

Неужели только холст
Наша бедная планета,
Не стоит крылатый Пост –
Только «точки»: альфа, бета?..

Неужели этот свет –
Не свечение Завета,
Неужели столько лет
Духом небо не согрето?

*07.02.2001 **

В землю сырую уходит носок.
Это – последний из медленных актов,
Сильно отставших от кардио-тактов:
Дальше, конечно же, будет бросок!

08.02.2001

Обронилось сердце – горе наяву –
Закатились очи в жухлую траву,
Но не слышат клены, отвернулся вяз,
И проходит мимо подошедший час.

Даже голубь рядом в этот раз не сел, –
Знаю, как бывает утром много дел.
Наклонился к камню жизни волосок,
Но не остановишь солнца колесо.

— — —
Горе за ночь эту в дом занесло.
Замерли клены и вяз тот, и тополь,
Голубь тихонечко сел чуть поодаль, –
Все понимают и всем тяжело.

Горе под тучами в дом принесло,
Но, чтоб окно приоткрыло забрало,
Лучики молча легли на стекло –
Солнце меня за собою позвало.

08.02.2001

Близок хлад острога,
Скованность руки.
Где моя подмога –
Острые клинки?

Ворогов без счета,
Солнце за грядой,
Не свершить полета
Прямо над ордой,

Мне не оказаться
Вырванным зарей,
И не умываться
Светом за горой.

Наползает вечер
С тяжестью минут...
Где же эти плечи,
Что меня спасут.

09.02.2001

Буквы, строчки... – *полотно*.
Пью нектары и вино –
Нечто в мыслях закрутилось:
Лица, ягоды, сукно –
Всё пока удалено
И сливается в одно...
Вот и вспышкой осветилось –
Созревает *волокно!*
Ручка мне – веретено,
Кисти, краски заодно.
Но хочу, чтоб получилась
Не картина, а о к н о.

10.02.2001

Наставники мои–1

Кудри деревьев волшебных повисли,
Высятся горы над белым туманом...
В этом пространстве чудесном и странном
Реки, долины, дороги и... мысли.

Рядом идет, улыбаясь едва,
Друг незнакомый – забытый, конечно, –
Вышедший будто из сказки неспешной,
Мудрый и добрый и с гривой льва.

Ну а второй тут же в виде орлином
Низко в потоке воздушном парит,

Не поднимаясь, пока что, в зенит.
Может быть, им я когда-то был сыном?

Все-то пейзажи, открытые взору,
Только младенцев во снах окружают.
Я продвигаюсь. Меня провожают
Аж за туманы – за самую гору.

11.02.2001

Наставники мои–2

За туманной рекою, – куда бы добраться, –
Нисходящею молнией вмиг подоспев,
С тем, кто мучит меня, до конца будет драться
И безмолвно, и яростно пламенный лев.

Проходя сквозь укрытую дымом долину,
Где камнями навалены смерти тела,
Под собой я почувствую сильную спину,
Различая в потемках дыханье вола.

А когда окажусь пред горою отвесной,
И напасть приготовится прежний мой страх,
И приблизится враг, мне пока неизвестный,
Я взлечу на огромных орлиных крылах.

12.02.2001

Наставники мои–3

Покинув открытый лишь Солнцу залив,
Где жизнью как влагою можно напиться,
Который теперь даже ночью не снится,
Кого я оставил, на землю ступив?

Мне кажется, льва я за гриву трепал,
Как дергают дети за бороду папы,
И сила моя там осталась – у лапы;
Быть может, поэтому так я устал.

Еще вспоминаю большого вола,
Справляться учившего с грузом и болью –
Воспитывал он мою юную волю,
Да только всего взять душа не смогла.

Я помню сверкание чистых высот –
Орел поднимал над великой равниной,
Дорога оттуда казалась недлинной,
И там я оставил мой легкий полет.

13.02.2001

Одна гора покрыта лесом,
Там птицы разные поют,
Под ветками, как под навесом,
Для гномиков приют от смут.

Гора вторая – запустенье:
Лишь лед лежит поверх камней;
Мертво, ни одного растенья,
Тепла не встретите на ней.

А третья, как стена, отвесна –
Сгущенье вертикальных трасс,
Стоять любому слишком тесно,
С нее лишь прыгать – самый раз.

Их три. Или одна, быть может,
Да только с разных всё сторон?
Ее на гроб потом положат,
Ну а пока она мне – трон.

14.02.2001

Белый замок стоит на высоком холме,
А ведь раньше когда-то был домом он мне –
Эти мощные стены, что высятся гордо,
Укрывали тогда от лихой непогоды...
Прошлых лет оживают картины в уме.

А сейчас говорю: позабудь о покое.
Нет, не дело теперь вспоминать мне бывшее.
Для чего? Лучше думать о нынешнем дне:
Я в дожде и в пыли, на ветру и в волне...
Всё другое вокруг, да и имя другое.

15.02.2001

Моей пальме

Ей трудно быть в плену горшка,
Расти в углу, у батареи,
И не дышать пылью аллеи, –
А только пылью с потолка.

Наверно, у нее во сне:
Лианы, спутавшие джунгли,
Дождем потушенные угли,
Погонщик, сидя на слоне...

Или знакомый снег вокруг,
Опять дома, окошко в зиму...
Но вот она встает на льдину,
Которая плывет на юг...

Не видно с моря кораблю
Окна, меня и бедной пальмы,
Что делит кров со мной и тайны.
Не унывай, а я полью.

16.02.2001

Что сокрыто лицом,
Как закрытыми ставнями?
Обитает тайком
Что за этими гранями?

Незатейливый лоб...
В глубине неизвестное:
Может, карлика горб,
Может, Кара Небесная?

Тянет время в кредит
Слабосилие жалкое?
Или лава кипит,
Жидким золотом чавкая?

Кровь бледна и больна,
Даже течь этой крови лень,
Или та сторона –
Раскалившийся противень?

Формы лишь головы
Без конца наблюдаете –
Мне сдается, что вы
Их моими считаете.

17.02.2001

Пасмурно. С северо-запада дует –
Крыши трясет и качает столбы.
Это мой бывший тюремщик колдует –
Гонится следом из прошлой судьбы.

Можно назвать его тенью и чертом,
Можно назвать – повелителем жал.
Долго томился в руках его мертвым,
Только, проснувшись, потом я сбежал.

Вот он и рыщет теперь по дорогам:
Роща, ложбина, пригорок, мосток...
Знает, наверное, он о немногом, –
Даже одно: я хотел на восток.

Дует – опять непогода бушует,
Это мой прежний тюремщик колдует.

18.02.2001

Распроститься я хотел бы
С миром хлада и камней
Под покачиванье вербы,
Под порханье голубей.

Только ныне это трудно,
Ведь пока не грянет Зов,
Жизнь другая неприступна
И закрыта на засов.

Если сам приду я – рано,
Окажусь во тьме чулана –
Между гробом и дверьми.
Не удастся многократно:
То вперед, а то обратно!
Ни пред Богом, ни с людьми.

19.02.2001

Где ведется быстрым водам
Непрестанный точный счет,
Знают, кто откуда родом,
Знают, кто куда идет;
И запас часов хранится,
И нетронутость начал,
Наше сердце, наши лица,
Где бы каждый ни плутал.

Можем слепнуть мы от света,
Прыгать в море или ров –
Наше время там раздето –
Знают, кто на что готов.
Мне водой бы той напиться
И тогда готов разбиться!

*19.02.2001 **

Шутка об Акиной работе диспетчером

Выгорит под солнцем марка
Этой фирмы, как и прежних,
Вечной будет только Ака
В бизнеса морях безбрежных.

— — —
Фирма сменит фирму,
Многих ждет тюряга,
Но как прежде Ака
Всем покажет фигу!

25.02.2001

На воздушные крылья надену броню,
А иначе нельзя – такова обстановка:
На суровой земле суждена остановка
И подставить огню предстоит их в бою.

Не по духу мне быть за железным щитом:
Затруднительны вдохи, а взлет невозможен;
Я в доспехи массивные будто вморожен
И в обувке тяжелой вступаю не в дом.

Но пока для меня свод небесный померк.
Я на крылья железо и кожу надену
И, как должно, кому-то приду на замену, –
Не забыть бы мне только, что я – человек.

25.02.2001 *

**Сгоревшему соседу Геннадию
по прозвищу Крючок**

Конец, как жизнь, – мучителен и прост.
Огнем очищен: всё на нем сгорело.
Ему еще пройти Великий Пост.
И он... пошел... согнувшись и несмело.
За что был раньше «болью» поражен,
Не нам судить, оставим наше мнение –
Сегодня Там, где видят всё, Прощен! –
Прощенное он встретил воскресенье.

26.02.2001

Молнии бьют и качают буи.
Как, наконец, мне с разбега, наскоком
Выйти за эти пределы мои,
Данные кем-то, но только не Богом?
Рифами пусть переломит бревно –
Хоть не беречься, пока что я властен –
С тем, что по роду мне тут суждено,
Я почему-то совсем не согласен.

Выползу вон из натянутых кож
Кровью и мышцами прямо наружу, –
В коже мой вид – откровенная ложь;
Что ж, если «нужное» после не сдюжу.
В «неуготованное» перейду,
Плоть молодую поставив залогом,
В дерзком порыве шагну за грядю, –
Может быть, в нем-то и буду я с Богом.

27.02.2001

Меня провожали до самых ворот,
Которые выше июньского солнца,
Давали мне дерева вечного плод
И воду смотрящего в небо колодца.
Советы давали: где лучше свернуть,
Где поостеречься, а где не бояться.
Я видел в глазах непонятную грусть,
Волнение друга, спокойствие старца.
Нарушился двери тяжелый покой –
Чуть дернулись петли, в замках зажужжало.
Все были готовы остаться со мной,
Но дальше идти одному надлежало.
С тех пор миновал и не день, и не год...
Меня провожали до самых Ворот.

28.02.2001

Снова с Ночью поединок.
Ложе мягкое – капкан,
Пух и белизна простынок –
Это всё ее обман.
Появилась тяжесть в вате,
Стало коркою белье,
Опустились у кровати
Слуги верные ее.
Подползают лилипуты,
Каждый в силе, хоть и мал, –
Крепко связывают пути,
Чтобы утром я не встал;

Тут же жаркие девицы
Начинают свой канкан, –
Не могу я помолиться:
Держит руки великан.
И тогда я пробиваю
Взглядом темени бетон –
Войско Света призываю
Наступить на мой полон.

А потом – уже на воле –
Всё гадаю об одном:
Ночь была, была как море,
Где ночные слуги днем?

28.02.2001

29.02.2001, или «Летучие голландцы»

Двадцать девятое февраля
Две тысячи первого года:
Встало Безумие у руля
В лохмотьях, но с видом лорда.
В несуществующем дне плывут
«Несуществующие» корабли,
Выбиты окна пустых кают,
Но им не бывать на мели.
И волны соленые бьют о борт
Нещадно по старым дырам –
Они никогда не заходят в порт,
Смеясь над реальным миром.
Рвутся лохмотья в объятьях бурь,
А кажется, будто идут, горя,
Безумию предоставив руль,
Те корабли через все моря,
Даже над сушей – бедово, гордо
Двадцать девятого февраля
Невисокосного года.

01.03.2001

Полотна оторву, сколько надо, от штор,
Отыщу в темной чаще бревно вековое,

Что лежало, меня дожидаясь в покое,
Об него пусть очистится ржавый топор.

Подберу среди сора пригоршню гвоздей,
Настоящей чтоб только они были ковки,
Из тряпья (не гнилого) свяжу я веревки
И припомню, что слышал давно от людей.

Не закрывши потом на замок старый дом
И дождавшись всего лишь хорошей погоды,
Опущу свой челнок прямо в вешние воды –
Уплыву, наконец, им доверясь во всем.

02.03.2001

Дадут мне гномики из леса
Крюки, заклепки из железа;
Сплетут волокна паучки,
Соткут полотна и мешки;
Подарят светлячки фонарь,
Не окружила чтобы хмарь;
Слетятся пчелы со смолой,
Жуки же – с быстрою пилой;
А доски подберет мне леший...
И я уйду по речке вешней.

03.03.2001

Пламя – газовой плиты,
Недалекая дорожка –
От двери и до окошка,
Нарисованы цветы,
Согревают батареи,
Вместо Ликов – образа,
Светит лампочка в глаза,
Сны запутались в постели,
Нету свода голубого:
Нависает потолок,
И пространства только клок,
И шипенье вместо слова.

04.03.2001

Прислонилась тень чужая,
Где река немного пенится, –
Прошлое перебирая,
Водяная кружит мельница.

Мне во многое поверится,
Когда кто-то зарыдает,
Промелькнет за угол девица,
И тотчас похолодает.

С ветки вербы грач болгает,
То что слева, там где впадина,
Где вода бурьян питает,
В старину душа украдена, –

Может, ангелом уж найдена,
Но с тех пор, всё вспоминая,
Плещет мельница старательно,
И маячит тень чужая.

05.03.2001

Всё человечество что-то творит,
Что-то ваяет и ночью, и денно.
Будет творимое как монолит,
Жарче галактик и больше Вселенной.

Не сговорившись, вершим этот труд –
Есть корифеи, а есть подмастерья,
Кисти без усталости краску кладут,
Буквы сшивают проворные перья!..

Дьяволу более не вдохновить –
Не заманить вавилонскую башней;
Это мы Богу должны предъявить,
Вынести вместе из «комнаты» нашей.

Всё человечество напряжено:
В мире расколотом строит Одно.

06.03.2001

Вчера я чуть не совершил ошибку:
Другому я врата открыть пытался,
Приняв оскал широкий за улыбку, –
Как в страшной сказке чуть не обознался.

Какой была бы этому цена?
Вода ушла б, а свет погас на годы?
Умножились калеки и уроды?
И прахом бы легла моя вина?!

Как хорошо, что я пока так слаб:
Ни стран, ни городов еще не строю,
Не грянут взрывом мой хорей и ямб,
Как хорошо, что никого за мною.

07.03.2001

Ожидая холод,
Мы поставим чай.
Год пока что молод,
И не близок май.

Скоро отопление
В доме отключат.
Хватит ли терпенья
На сто лет подряд?

Не смотри ты дальше,
Видишь – потолок.
Есть заварка в чаше,
Есть и кипяток.

День другой пребудет
И туда мы двинемся;
Лучше: «Будь, что будет!»,
Лучше: все помиримся.

В этом мире старом
Всё потом устроится.
Посидим над паром
И давай не ссориться.

07.03.2001

Мы так хотим тепла,
Что март весной считаем,
Хоть снег идет с утра,
И он еще не тает.

Лежит сугроб на пне.
Ручьи! Куда ж вы делись?
Ведь мы уже в весне,
И мы уже разделись.

08.03.2001

Стремленьем теперь океан будет вспорот,
Волна не качнет обитаемых груд –
Спустили на воду корабль, как город,
И думают, что от земли уплывут,
Что руль корабля – это времени ворот,
Что в плаванье каждый останется молод.

08.03.2001

Все вчерашние заслуги
Съедены в ночи:
И старанья, и потуги
Вроде бы ничьи –

Утро новое, и снова
Метры мне считать,
Та же тыльная основа,
Даже та же кладь;

А о том, что, где скопилось,
Думать ни к чему:
Всё влилось и всё сварилось
На ночном дыму.

Что лепил в ладонях нежно,
Слыша в пальцах стук,
Этой ночью, как и прежней,
Выпустил из рук.

09.03.2001

Земля под огнями стонет,
Вздымает свои десницы,
Но хлещет коней и гонит
Забывший отца возница.
Узнают судьбину воска
Утесы, что время меряют,
Когда, подлетев, повозка
Колесами их заденет.

Порвутся узлы и звенья,
Сорвутся они в забвенье...
Уже начался разгон!

Играя частицей солнца,
Не помня себя, несется
Зарвавшийся Фаэтон.

10.03.2001

Вчера я днем читал китайские стихи:
Увидел заводи, как тишина тихи,

Река несла песок вдоль берегов степенных,
И дымкою легли века в горах пастельных,

Песчаник окружал зеленую сосну,
А среди садов густых пчела ждала весну...

На горных тропах рос, в беседках уменьшался,
Я прочитал стихи и частью там остался...

Мне не знаком Китай – лишь строки мудреца,
Но я ведь и себя не знаю до конца.

11.03.2001

Я просто не понят, всего лишь не принят,
Был промах, когда уже делался взмах,
А будто звезда путеводная стынет,
И ангел-хранитель оставил впотьмах.

Песок ожиданий скрипит на зубах,
Упали камня решенья небрежного,
Плеснули в костер – он исходит в клубах,
А кажется, Бог отвернулся от грешного.

12.03.2001

Мне говорили до рожденья,
Что я цветок найти смогу
И чертов рог согну в дугу,
Но если хватит дерзновенья.
Еще тогда мне говорили,
Что я приду в зеленый сад
Через дожди и снегопад,
Но лишь решивши: «Или – или!»
Дадут же мне семь «жизней» кряду,
Помогут словом и мечом,
Прикроют духом и плечом,
Но если я смету преграду.
Мне говорили до рожденья:
«Ты сам на острие сраженья».

13.03.2001

Погружения в глубины
Моря образов своих
Не отчетливы, но длинны –
Мой уход от дел мирских.

Там дышу иною смесью:
Ни азот, ни кислород –
Чтоб услышать слово... песню,
Воздух нужен мне не тот.

Не нажать бы только кнопку
«Состояние стоп-кадр»,
Сделав передозировку,
Как в глубинах Ихтиандр.

13.03.2001 *

Разговор, что ртуть:
Норовит свернуть;
Пляшет многословица –
Как тут подготовиться!

14.03.2001

Собирались ненадолго,
Оказалось навсегда.
Неожиданно замолкла
Дней похожих череда –
Путешествие ворвалось
Снегом, солнцем и дождем,
И далёко оказалось,
Прежнее... и прежний дом.

На столе осталась булка
И часы заведены...
Дверь в подъезд закрылась гулко...
Столб, кустарник вдоль стены...

Что готовилось – не нужно,
Важно то, что дальше ждет.
Вспомни: было как-то душно –
Лучше двигаться вперед.

15.03.2001

Тороплю своих коней,
Опасаясь темной рощи:
Лучше там, где посветлей –
Отыщу дорогу проще.

Если встретится мне враг,
Увернусь, не стану биться:
Не до споров, не до драк –
Мне же нужно торопиться.

Для другого снаряжён,
Ни к тому моя аскеза.
Я еще услышу звон
Закаленного железа!

Если ж я плутать начну,
Пусть сойдет Святая Сила,
Протянув ко мне струну, –
Только бы не ослепила.

16.03.2001

Отражают солнце гроздь винограда.
Много пролетело времени с Потопа.
В бликах показалась древняя Эллада ...
Праздники ... и басни мудрого Эзопа.

Вот они скатились в пропасть – на свободу, –
Видно, были «кислы». Встала туча хмуро...
Но опять сверканье возвратила плоду
Ни о чем, как будто, песня трубадура.

Ягоды повисли, накопивши сладость
И слегка наполняясь горечью бальзама, –
Заиграли вместе радость и усталость:
На лозе возникли рубайи Хайяма.

Ни к чему нам холод колдовского шара:
В глубине хрустальной годе не блуждают.
Выпали на землю капельки нектара –
Гроздь винограда солнце отражают.

17.03.2001

Где вы, жители Романа?!
Пусть не здесь и пусть не скоро,
Мне не встретится Диана,
Не увижу Теодоро;

Ни Офелии, ни Лира,
Ни Кураж отважной дочки –
Нет «писательского мира»,
Всё – на строчках ... и до точки.

Как-то грустно мне немножко,
Но уверен я, что где-то
Здесь – у нас, не под обложкой –
Происходит и не это –

Удивительней и строже,
Выше авторов полета!
Только ... мне б хотелось всё же
Встретить после Дон Кихота.

17.03.2001

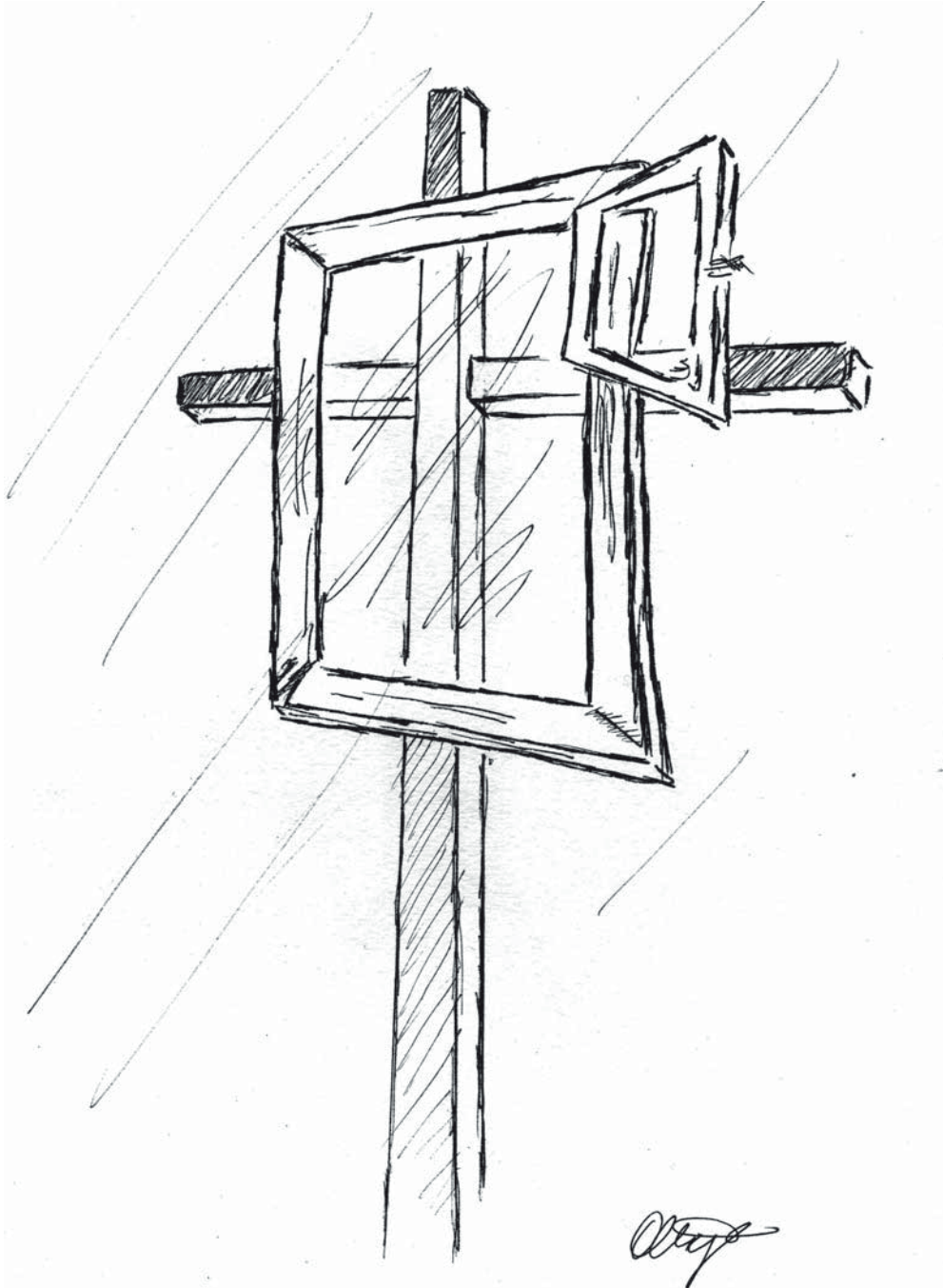
У духа с телом пульс различен,
И путь, желанный одному,
Другому чужд и непривычен:
Что ёсть – пока не по уму,
Ведь время, сроки, даже дни
У каждого из них свои.

18.03.2001

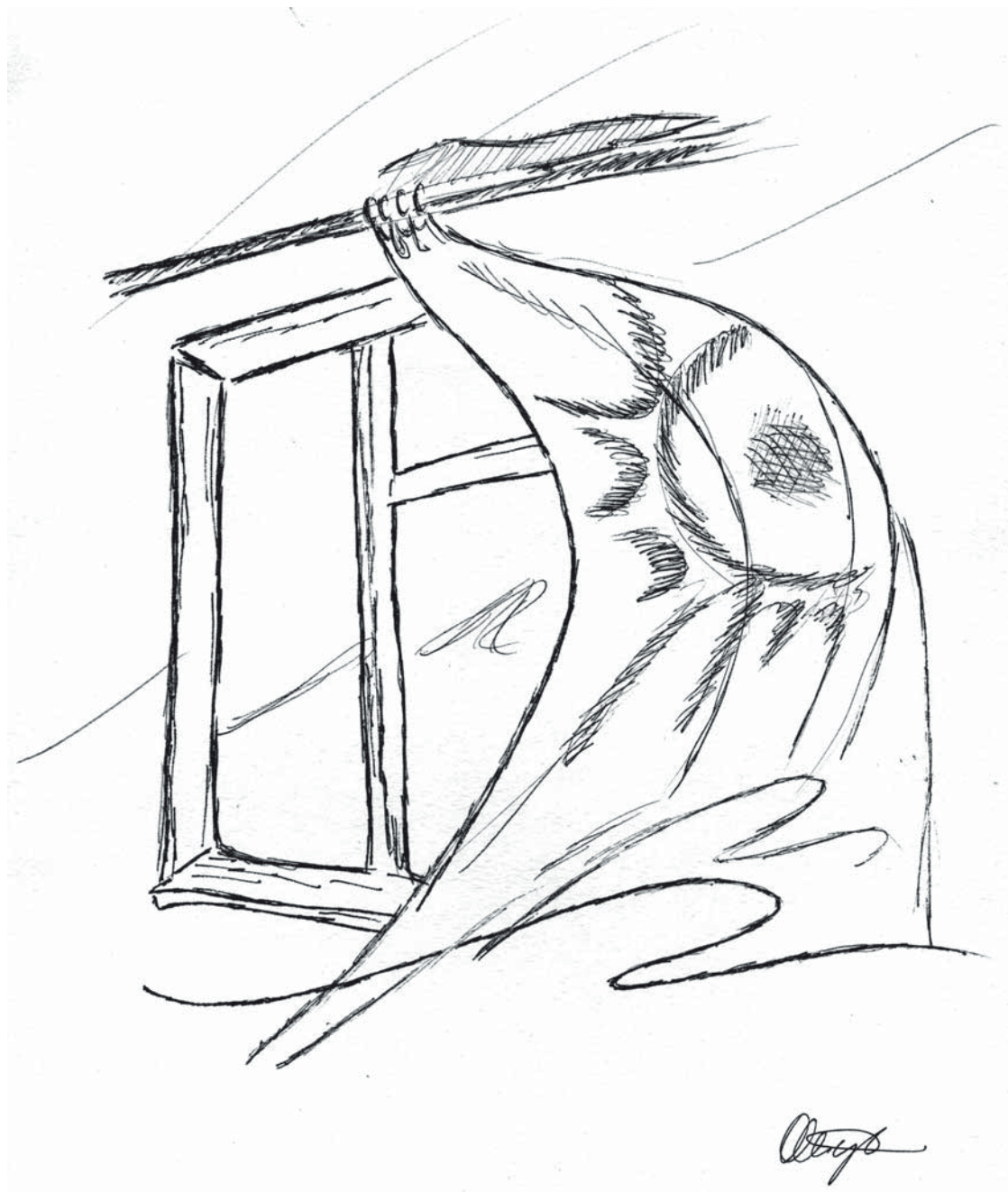
Разбилась Гармония – горы забвения.
Потрескались самые верные грани.
Взорвался фундамент – упали строения,
От стен не осталось и камня на камне.

Безличие, как на арене ристалища,
В погибшем пространстве устроило гонки
И носится пылью огромного кладбища.
Назвали Вселенною эти обломки.

Спустившись в исканьях своих на развалины,
В лохмотья порвали мы волю, как платье;
Оставлены Силой и Смертью ужалены;
Склонясь над камнями, всё ищем мы счастье.

Oliver

Oliver

19.03.2001

Побыстрее бы лето, чтобы всё исправилось:
 Дома, на работе разные дела,
 Чтобы темных мыслей как-то поубавилось,
 Было больше света ... света и тепла.

Вот наступит лето, и цветок распухнет,
 Укрепятся корни в пригоршне горшка ...
 Всё, что я наметил, этим летом сбудется,
 С мертвой точки сдвинется, что стоит пока.

Кочки наморозили ледяные месяцы,
 Наглухо заделаны окна в ноябре.
 Летом мне откроется голубая лестница!
 Побыстрее настало бы! Что там на дворе?

20.03.2001 *

Неужели же вокруг
 Всё – орудия для пыток,
 И лежит пространный свиток
 С описанием ждущих мук?

Ручка – вбитый в руку крюк,
 Стол – доска для истязанья,
 Что ни день, то – наказание,
 И досуг – сплошной недуг.

Или, может, это в нас
 Червь противный проживает,
 Восприятие искажает,
 Наполняет страхом глаз?

За работой сила тает –
 Это он ее съедает.
 Выгнать бы его скорей –
 Будет сразу же светлей!

21.03.2001

Я себе наметил планы
 На десяток лет –
 Проплывут планеты плавно,
 Как один сонет.

Где потише, где поярче,
 Где без глубины –
 Мною даже неудачи
 В планы внесены;

Будут промахи, откаты,
 Буду зол и гол,
 Что надежды будут смяты,
 Я и то учел.

Неизменны только кредо
 Да в груди вулкан,
 И конечная победа
 Завершает план.

21.03.2001 *

Я от чудища сна увернулся,
 Здесь укрылся от дикого, страшного:
 Среди ночи в постели проснулся
 Под защитой домика нашего.
 Рыщут клешни как свора собак –
 Не додумался только бы враг.

21.03.2001 *

**Посвящается ликвидации
 космической станции «Мир»**

Вспыхнула на небе звезда
 И погасла –
 «Мир» упал в океан.

22.03.2001

Продувает землю низом,
На тропу заря упала ...
Бродит волком, старым лисом
Армия без генерала.

Но в пути тревожно-мглистом
К ним удача не вернется –
Пронесется смерть со свистом,
И один из них споткнется.

Засевает доли «рисом», –
У карги его навалом;
Хоть пока ее капризам
«Нет» твердит своим девизом
Армия без генерала.

23.03.2001

Ободрил меня теплом
Март, будящий дух растений, –
Есть конец у долгих зим;
Иль дотронулся крылом
Через стекла помещений
Лучезарный серафим.
Ведь лучи играют с ним,
В нем начало воплощений
Бьет сверкающим ключом!
Светом марта я гоним
Снова с места для свершений
К серафиму босиком,
Или на луче верхом –
Всё равно для озарений.

24.03.2001

От пера отходят линии,
Извиваясь и сплетаясь
В облака, строенья, лилии
И меня увлечь пытаюсь
В неизвестные эмпирии,
Во владения проклятья,
Где земля и воздух в инее,
Где огонь сулит объятья.
Где-то пели, где-то плакали –
Тянут строки прочной прядью.
Но пока я как на якоре
И душа дана распятью.
Мысль меня тревожит токами:
За финалом сочиненья
Мне ж потом идти дорогами
Каждого стихотворенья.

25.03.2001 *

Почему-то то и дело
Мы, дыша, глотаем яд,
Чтобы сердце заболело,
По костям прошел разряд;
Почему-то нужно рядом
Постоянно проживать
С нежеланным нами адом,
А порой и черта звать.
Воздух, видно, наш с заразой,
Или это мы больны,
Или будоражит фазой
Прохождение Луны.
Отчего же это так:
Не прожить никак без драк?!

26.03.2001

Мельница рассыпала старой ведьмы бусы,
И воткнули вороны бусинки в глаза,
Примостились старые на вершине бруса –
Всё до моря видно им, даже то, что за.

Слезы надвигаются в небе облаками ...
Дерево качается, грозами грозя ...
Можно еще было бы разметать крылами
Тени принесенные ... только им нельзя:

Наблюдать приказано – на глазах мозоли,
Зрения бессильного вышел тяжек груз,
С каждым днем всё более выпадает соли
Зря они поверили чарам черных бус.

27.03.2001

Дали время, дали прыть,
Молоток, мешок
И сказали искрошить
Камни в порошок.
Вот с тех пор я, где б ни был,
Чем бы не был занят,
По камням упорно бил,
Будто смертью нанят.

Как же много их кругом –
Мне не стать бы битым.
Я сроднился с молотком
И мешком набитым.
Тороплюсь, уже невмочь,
Но далек флажок.
Мне сказали истолочь
Камни в порошок.

28.03.2001

Дни, похоже, потеплели,
Пахнет раннею весной,
Но мы знаем, что метели
Ожидают выход свой.
Уходящие снега
Нам еще шибут рога.

28.03.2001

Все полы белы и ровны,
Я в углу тщедушен, мал –
Слишком важные персоны
Проплывают в круглый зал.
Утомление и скука
На лице как макияж –
Жизнь уже им не наука –
Звездности приличный стаж.

А вокруг жужжит круженье,
Оглушает даже слух, –
То ль кометное движенье,
То ли окруженье мух.
Не хочу искать я повод
Углубиться в этот жар –
Я, наверно, слишком молод
Или, может, слишком стар.

29.03.2001

Брат апрель горяч и ловок –
Он достанет из кладовок
Скоро зерна, семена,
Ведь рука его сильна!
Лишь свои опустит стопы,
Где лежат еще сугробы,

Станут пестрыми ковры,
Хоть пока они белы.
Из глубокого подвала,
Чтобы пчелка не устала,
Вверх поднимется нектар
По веленью вешних чар.
Новым силам, что так сонны,
Муравьиные колонны
Будут дружно помогать:
Смело тропки пролагать.
Будет то, что и не чаем!
Скоро, скоро не узнаем
Этот мир, покорный льдам!
Что-то выпадет и нам!

30.03.2001

Это, видно, на роду
Написал старинный ветер:
Что-то, кажется, я жду –
По непонятой примете
Всё смотрю на север я,
Где порою тьма густая,
Ничего не говоря,
Никому не объясняя.
Уж давно дома стоят –
Порвалась дорог полоска,
Но туда ушла повозка
Века три тому назад.
Может быть, она вернется
Через несколько минут,
Или песня донесется,
Где меня с собой зовут.

31.03.2001

Поезда и самолеты
Не заденут в дом мой дверь.
Коль скажу, что нет охоты,
Лучше этому не верь:

Города другие, страны,
Горы, заросли, моря
От рождения желанны,
И в душе их вижу я.

Жребий мой, что глыба жести:
Много еще будет дней,
Но остаться мне на месте,
Я – как древо меж людей.

01.04.2001

Мы не знаем места клада –
Не прописано о нем;
Охватить побольше надо –
Там и тут давай копнем.

Нашей доли где ограда?
Не увидим даже днем,
Где пустое, где награда –
То и это мы начнем.

Что же наше, разобраться
В этом веке не удастся.

01.04.2001

Не вдохновение, а воля
На кончике моей руки,

Хоть и считают, то что в соли
Не зарождаются стихи.

Но я же их не извлекаю
Из суррогата лживых строк,
Свою я волю прилагаю,
Чтоб оторвать себя кусок,

Еще чтобы открыть окно
И выбрать главное – одно.

02.04.2001

Подпирают вихри двери
И торнадо – целый улей.
Все уложены в постели,
Убаюканные бурей.

Атмосфера словно смята,
И ее покровы рвутся...
Не узнают город завтра
Или даже не проснутся:

Обратятся в белых мумий
Убаюканные бурей.

03.04.2001

Стало холодно и жарко,
На лице румянец,
Задрожала даже арка –
Разогнался танец.

Сверь биенья с эталоном,
Если в сердце сбои:
Стала площадь камертоном –
Выход чистой воли!

Это – мужество и гордость,
Это – мы такие,
«Смерть – не новость, прах – не новость», –
Наш ответ стихии,
 Всем чертям, что наблюдают
 Из щелей изнанки, —
 По планете ударяют
 Каблуки испанки.

*03.04.2001 **

Я хочу врага назвать врагом,
Без сомнений и без оговорок –
Явное освободить от скобок,
А великодушие – потом:
После часа с громом и огнем.
Пусть же будет этот час не долог.

04.04.2001

Из руки вырывается грива
Скакуна, устремленного в облако, –
В наше время не видно прорыва
За ворота, над которыми колокол,
 Где песок заменяется манной,
 А шаги переходят в парение,
 И тогда мы с надеждою тайной
 Углубляемся мыслями в древнее –
Там легенды слагались и мифы,
Было горнее ближе, наверное.
Кельты, викинги, гунны и скифы.
Там вторгалось крылатое в брненное.
 Иль о светлой заоблачной дали,
 Как и мы, они только мечтали?

05.04.2001

Вход в страну чудес ища,
Направляясь прутиком,
Я услышал шум плаща
И пошел за путником.

Через степь, водоворот,
По камням хромая,
Выбираясь из болот,
Шел не отставая.

Вход увидев, вскрикнул я:
«Все мечты исполнились!», –
Но за полами плаща

Те врата захлопнулись,
Вмиг исчезли без следа...
Как же, кто же впустит?!
Я стою – течет вода –
И молчит мой прутик.

05.04.2001

Завтра мне не хватит духа
Всем вздохнуть, глотая свет, –
Удивительный момент!
Почки, лужи, вишен цвет,
Пробудившаяся муха,
Мать-и-мачеха, привет!

06.04.2001

Корни скоро укрепят
Почву, взявши комья прочно, –
Совершат земли захват;
И полками смело почки
Атакуют высоту,
Ветви – тропы их отваги –

Будет видно за версту
Зеленеющие флаги!

В окруженье стаи птиц,
Побеждая все сугробы,
Прилетит зеленый принц.
Навсегда ль? Ах, хорошо бы.

07.04.2001

Это сок? Только капли сока,
И не сделать из них потока,
Выходящего за края;
Хорошо бы была струя,
Хоть и нет в этом вроде прока.

Это пот? Только капли пота
От жары или от чего-то,
А познать его хорошо б,
Чтоб в упорстве дымился лоб
От возвышенного полета.

Это кровь? Только капли крови –
Так случается часто в нови.
Мы придем еще в наш залив,
Капли крупные уронив,
Но о главном пока не молви.

08.04.2001

Здесь судьбы решались под дикие вопли,
И души росли, косный панцирь дробя.
От боли темнело, светлело от воли...
Ты был в стороне? Я жалею тебя.

Минуты созрели как хлебные зерна
И сыпались сверху отвесным дождем.
Что было сомнительно, стало бесспорно;
И ночь перепуталась с утром и днем...

Рассказывать? Что? – Не понять описаний,
 Как здесь изменялись мы, в корчах скорбя,
 За родами следует день испытаний.
 Ты был в стороне? Я жалею тебя.

08.04.2001

Лучше смерть, чем несвобода!
 Так и Бог сказал, когда,
 Не отнявши злого плода,
 Дал низвергнуться сюда.
 Мы стоим, и непогода
 Подтверждает наше «Да»:
 Не *победа*, так *беда* –
 Лучше смерть, чем несвобода,
 И пустыня, чем орда,
 И молчание, чем ода –
 Канет слово без следа!
 Нам напомнят в день Суда:
 «Лучше смерть, чем несвобода»!

09.04.2001

Натравили псов цепных,
 Окружили лютой сворой,
 Угрожая смертью скорой,
 Не «лизнем» мы если их.
 Если мы не замолчим,
 В нас клыки зверей вопьются –
 Первые всегда найдутся.
 Но довольно будет им,
 Если псами зарычим.

09.04.2001

Оглянулся – ну и что,
 Ничего хорошего:
 Получилось всё не то –
 Несерьезно, дешево.

Иль воздушно, иль весомо,
 Иль лучисто, иль темно,
 Иль открыто, иль бездонно,
 Иль сегодня, иль давно;
 У меня же – витражи, —
 Хоть составлены без лжи,
 Выпадут немедленно,
 Если будет ветрено.
 Что ж мне делать, как стараться? –
 Встать? Бежать? Нырнуть? Залезть? –
 Чтобы снова попытаться,
 Если время еще есть.

10.04.2001

В прошлом великой, и в прошлом, реки
 В почву зачем-то впечатано русло.
 Красное небо питало пески
 Вместо воды. Стало тихо и пусто.

И не поверить, что раньше неслоь
 В море, открытое настежь восходу,
 Время, которое жизнью звалось,
 Чтобы уйти за предел – на свободу.

Длился и длился с надеждой поход...
 Так неужели всё было напрасно –
 Зря протянулись, ища горизонт,
 Руки реки по поверхности Марса.

11.04.2001

Ослепляет ранний май.
 Рядом мама. Пой, мечтай...
 Мы стоим – тепло на Свете...
 В сумке булка, черный чай...
 Я доволен тем и этим.
 Не тревожа птичьих стай,
 Приближается трамвай,
 На котором мы уедем.

11.04.2001

Весна без холода не может
И даже снег несет в ладони;
Стряхнет его на грязь дорожек,
На всходы нежные уронит.

Уж был ее ручьистый почерк,
Но снова осень в этом действе –
Она напомнить, видно, хочет:
Не всё в порядке в королевстве.

Мои стихи писал не я –
Не только сам, сказать точнее:
В июле, январе, апреле...
Я пил из быстрого ручья.
Но на месте сегодня пусто:
Свернули эльфы, рифмы, феи,
И ждут меня иные цели –
Того ручья сменилось русло.

18.4.2001.

А.Шуф

Анатолий Шутый

***ДОРОГОЙ
НОСОРОГА***

Скажу несколько слов о названии книги. Почему речь идет о *дороге*, думаю, идущему с нами читателю уже совершенно понятно, а вот почему «*НОСорога*», объяснить не просто. Образ носорога отчего-то уже много лет будоражит мое воображение – видятся далекие страны, иные времена, рисуются сказочные и даже сюрреалистические картины. Некоторые из моих друзей предлагали поменять образ «носорога» на «единорога», но тогда искажается одна из составляющих замысла: требовалось существо земное, а значит, как и все мы борющееся, страдающее и радующееся каждому погожему дню. Однако не следует отождествлять моего «НОСорога» с реальным животным – в данный образ вплетено многое: начиная с впечатлений от детских игрушек и заканчивая гравюрой Дюрера и картинами Дали (да и написание особое, секрет которого, однако, можно найти в книге «Первый шаг»). Определяющим же оказалось то, что можно выразить следующим четверостишием:

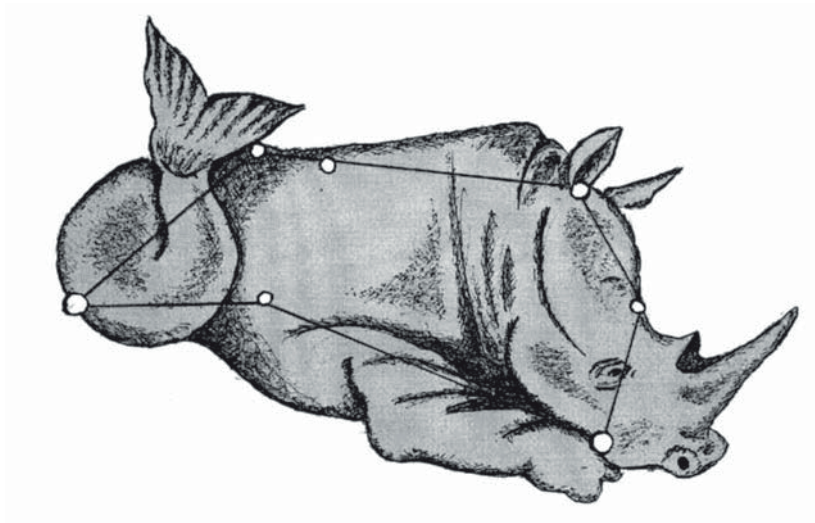
*На что мне рыцарь, спрятанный под шлемом...
Лицо открывший выполняет Долг:
Он в вере тверд и не испуган тленом.
Кто ж более достоин? – Носорог!*

Впрочем, многое, я надеюсь, станет понятнее после прочтения «заглавных» стихотворений-эпиграфов.

Анатолий Шутый

В эту книгу вошли стихи разных лет – от ранних до последних. Разделение на главы несколько условно. Однако при этом в первую главу вошли ранние стихи, по разным причинам не вошедшие в сборник «Квинта»; во второй главе – стихи, написанные между выходами сборников «Квинта» и «ВисокОСный год», а во вторую половину третьей главы (начиная со стихотворения «Я пишу и пишу, всё стремясь повторить...» до венка сонетов) и в четвертую главу вошли ранее не публиковавшиеся в книгах стихи последнего периода. Прозаические миниатюры из «Дорогой НОСорога» первой редакции вынесены в данном сборнике в две отдельные книги: «У времени на берегу» и «Второй шаг».

Мгновения - источник

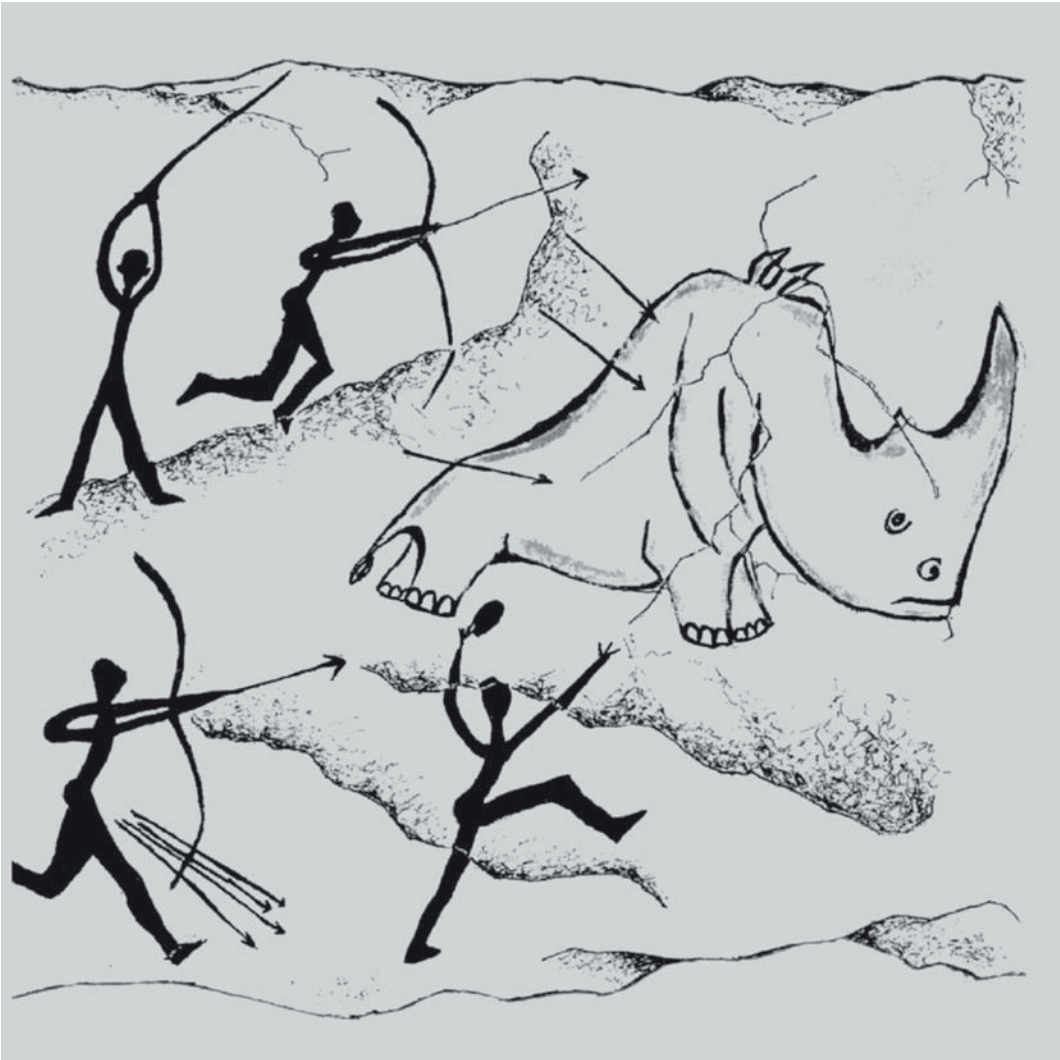

Миф

*Под панцирем большого носорога
Дорога поглощает ток времен,
И небо поднимается полого,
И света начинается разгон.
А в дымке акварельной перезвон –
Творог земли еще незрел немного –
Там силуэт... и мне напомнил он
Жука простого и единорога.*

24.05.2003

А. Шутый

СНЫ

(мини-поэма из семи стихотворений)

Я трезво жил, не ведал зла,
 Все было: цель, прыжки и планка,
 Как вдруг по телу поползла
 Давно затянутая ранка:
 Взгляд неожиданный, чужой,
 Но близкий оборвал покой –
 Раскрылась предо мной изнанка.

В белой комнате просторной,
 Под высоким потолком
 Койка с ножкою неровной
 И с пылящим тюфяком
 Посредине на проходе
 На глазах у всех стоит,
 И проход остался вроде
 Но любой ее бранит –
 Стукнется нарочно в спинку,
 Сплюнет с руганью на пол,
 С рукава стряхнет пылинку,
 И уйдет, откуда шел.
 По недоброму совету
 Иль по жребию (как знать?)
 Решено прибить к паркету
 И присвоить мне кровать.
 И еще сказали в шутку:
 «Место здесь твое, дружок;
 Отойдешь хоть на минутку –
 Стянет руки ремешок.
 Ты ведь сам просил у Бога
 И защиту, и обзор,
 Здесь кроватей очень много –
 Вот твоя с недавних пор».
 «Не могу быть с вами доле, –
 Говорю, – потом зайду,
 Заночую лучше в поле
 Иль в лесу приют найду».

Я прощаюсь, те – ни слова.
 Только ногу за порог –
 Объяснили мне толково,
 Что серьезен был смешок.
 Как и все, кто видел это,
 Я проснулся. Ночь стоит,
 Небо тучами одето,
 И во всем обычный вид.
 Сон привычный, и волнений
 Нет, чуть только кончил спать.
 Впрочем, также нет сомнений –
 Завтра буду там опять.
 — — —
 Нет, не сон, то бред от жара,
 Бред больного бытием,
 Пленника Земного Шара
 В жалком теле не своем.
 Бросили как зверя в клетку.
 Кто я? Где я? Не узнать.
 Врезали в сетчатку сетку
 И пустили погулять.
 Я кричу в пространство: «Тут я!» –
 Но ответа не слышать,
 И грызу зубами прутья:
 Клетку, вены и кровать!
 Смотрю назад, вперед, вокруг –
 Нигде не нахожу опоры –
 Висит холодный красный круг,
 На небе пасмурные шторы,
 Спускается их бахрома,
 Прикрыв на всем узор клейма
 И правил мировых заповоры.
 Я здесь стою, а небеса повсюду.
 Я знаю надо мной их голубая гладь,
 Но в руки их не взять, как я желать не буду,
 Мне их ни мыслию, ни взором не догнать.

За слово дерзкое – лишь слово – не корите,
Я на земле стою, притянутый Землей,
Но снов моих причудливые нити
Как стрелы вверх летят и тянут за собой.

Чем ниже мы, тем ожиданья слаще,
А правду узнаем у смертной полосы.
Что видит человек над горизонтом чаще:
Светила, облака? Я вижу там Весы.

Низко зависли тяжелые чаши,
Тенью накрывши юдоль,
Взвешены души и помыслы наши,
Радость, печали и боль.

Нам заповедано в телах из праха
Стремиться к ангелам в Божественный
простор.

Ты уж на старте... Только это – плаха,
Когда начнешь взлетать, опустится топор.

Как точно взвешены награды за страданья,
Как медленны Весы среди бурлящих струй,
Мне не сломать закона мирозданья:
«В борьбе права на счастье завоюй»!

Бетховен слушает рояль зубами,
Уже под Бруно занимают дрова,
Есенин за кровавыми стихами,
Творит в агонии предсмертной Гала.

Чаши великие, где ваш создатель? –
Рвется к нему мой вопрос.
Где ж он – бесстрастный немой наблюдатель,
Что Вас над нами вознес?

Но чем измерить крылья вдохновенья?
Урон в сравнении с полетом невелик.
И потому, чтоб избежать сомненья,
Взимает плату многократно весовщик.

Так почему, душа, ты возопила,
Не хочешь мучиться – от неба откажись.
Но было ли кому-нибудь по силам
Хоть раз отчаянно не устремиться ввысь!

Заклятие не снимется с годами,
И так же виден будет с каждой стороны
Над миром «ангел» с белыми крылами,
С глазами евнуха, с руками сатаны.

Я догадался, что чаши пустыми
Были с начала веков,
А неприступные стенки крутые –
От человека покров.

*Ни в ком поддержки не найти,
Всё больше скорбь от каждой встречи,
Все бесконечней шаг пути,
Все ближе ад, все жарче печи.
Как слабо сердце, грудь мала,
Как безнадежно мне легла
Печаль вселенская на плечи.*

Вверх, моя Сосеночка, ветви не тяни, –
Ты еще поднимешься, отдохни в тени.
Там, вверху, нещадное солнце будет жечь,
И хлыстом завьюженным ветер крону сечь.

Не следи за Облаком – странником седым, –
Как в просторы звездные улетает Дым.
Оба стали старыми в первый же свой миг,
Хоть не знают отдыха, путь их не велик.

Счастье их, что таяли в небе на лету,
Что в лучах увидели Землю, но не ту...
Нет, не ту, что сумраком заразилась встарь,
Гарь когда осыпалась и взревела тварь...

Пепел звезд разрушенных выпал в белый сад,
Этот день предания до сих пор хранят.
Не увидит горечи торопливый глаз:
Ночью мы рождаемся, копоть кормит нас.

Вслед за поколением новое придет –
Полнятся вместилища деревянных сот,
И планета хищная открывает рот
И глотает с сотами человечесий мед.

Души поднимаются, над землей парят,
За последней тянется бесконечный ряд,
Кажется, никто уже места не найдет,
Груз небес все множится, нарастает гнет:

Тяжесть слов непонятых, звуков немота,
Дел несовершенство, зданий пустота,
До сих пор лежащая в дреме пыль дорог,
Мысли не написанных и забытых строк

Давят, крошат времени голубой алмаз,
Души в ожидании смотрят с верой в нас –
В тех, кого упрямая поджидает смерть,
В тех, кому написано так же: «Не успеть».

Спи же, моя Сосенка, сладко в тишине,
Пусть тебе привидится в юном долгом сне
Мир, цветущий радостью, дивной красоты,
Чистый и торжественный – Мир моей мечты.

*Я что-то важное забыл –
Тот взгляд. Не может быть сомненья:
Искал кого-то и застыл
На мне в надежде утешенья.
Так неужель не хватит сил,
Чтобы один хоть ощутил
Здесь, на Земле, крыло спасенья?!*

Шёл я в злобе и тоске
От конца на волоске

По камениям валов,
По отвесным склонам рвов
Сквозь пещеры и мрак окаянный
Разуверенный, непокаянный.
Шёл на свет за темной тучей
И на юг в мороз трескучий,
То куда ведет лоза,
То куда глядят глаза.

Но конечен вечный срок.
Как всему пути итог,
Я увидел средь берез
Город в озере из роз.
Словом счастья того не объеблю –
Я увидел там новую Землю.
Кто не встретит – всё с улыбкой,
С речью ласковой и пылкой,
Не вина и не браня, –
Видно, ждали там меня.

Что ни травы – всё ковром,
Что ни чувства – все с добром.
Голубой живой родник
К ранам ног на миг приник,
Заговóром лечили мозоли
И примочками опухоль воли.
Как хотел бы я остаться:
Что потом – всё может стать.
Но во много больше крат
Устремление назад.

Не увидеть вас вовек,
Не ступить на этот брег.
Мне ответили волхвы:
«Ты прошел сквозь гнева рвы,
Топа зависти, горы безверия
Из пещеры и тьмы отчуждения.
В путь! Когда не будет мочи,
Подними усталы очи,

И с молитвой на устах
Ты увидишь Град в цветах».

*Иду на взгляд. И я готов
В его глубинах раствориться,
Себя истратить до основ,
Чтоб путь пред ним мог осветиться.
Но что случилось?.. Не пойму...
Кто помогает и кому:
Из этих глаз любовь струится!*

Что же думать о судьбе,
Что гадать о доле.
Внемлют ангелы мольбе –
Выйдет Солнце вскоре.
 Как и прежде, жар лучей
 Отогреет руки,
 Но теперь взамен речей
 Я услышу звуки...

То доносят мотыли
Песни *Колыбельной*
Из Надоблачной Земли,
Дали Беспредельной.
 Призрачный прозрачный сон
 Заполняет космос,
 В стороне поток времен
 И пространства косность.

Время стянуто в комок,
А пространство тает,
Луч пройти сквозь руку смог
И к ногам стекает.
 Мир во мне, а я во сне,
 Только я не спящий.
 Всё как пленка на волне,
 Я лишь настоящий.

Нет, я в мире растворен,
Он же – обездолен...
Я повинен... Слышу стон...
Знаю... но безволен!

Море боли и утрат –
Мир мой тяжко болен!
Всюду, всюду виноват,
Знаю, но безволен!

Я бессилён – нет меня,
Только стыд и слезы...
Лучше б мне принять огня
До смертельной дозы...
 Вглубь, – где дремлет мощь зерна,
 Где жива надежда, –
 Я стремлюсь... А там – волна
 Люльку гладит нежно.

Далеко – не разглядеть
Тельца в колыбели:
Все опутывает сеть
Бешеной метели.
 Страх клокочет, смерть скулит
 И младенца лижет,
 Ночи черный монолит
 Подступает ближе.

Гром взревел среди пурги:
«Хлынь, Огонь Вселенной!
Защити и сбереги
Чадо жизни пленной.
 Здесь надежды жив росток
 В маленькой песчинке,
 Здесь последний лепесток
 Пламени лучинки!»

Вдруг редеет тьмы покров,
Тает мгла седая.
Боже... посреди миров
Узнаю себя я.
 Я кроватку узнаю
 И родные лица.
 «Баю-баюшки-баю...
 Сказка пусть приснится.
Ночь, лишь светится восток –
Что же ты проснулся?

Может быть, на левый бок
 Быстро повернулся?...»
 Мне не вымолвить – солгу,
 А молчать не смею,
 Знаю только, что смогу,
 Верю, что сумею.
 Не галопом, пусть по льду,
 Пусть под стать улитке,
 Пусть дороги не найду –
 Я пройду по нитке.
 Солнце, верить я хочу,
 Выйдет, как и прежде,
 Если ж нет – зажгу свечу
 Помощи надежде.

*Нам шепчет совесть, не тая,
 Какая Истина простая,
 Но трудно вымолвить, и я
 Молчу, чего-то ожидая.
 Всё замирает, голоса
 Пересекают небеса,
 С собой друг друга заглушая.*

«Ты – царь, ты – мироздания вежа!
 Жалеть себя – ну разве грех
 И биться с сотнями помех
 Для жизнерадостного смеха?!
 Любая истина плоха,
 Где нет тебя, всё – ноль, труха!» –

Тот звук подобен скрежетанью –
 Глас тех, кто с дьяволом восстал,
 Но мир другой Глас пропитал –
 Призыв к добру и состраданию.
 Вглядись в сверканья над тобой:
 По всем мирам разверзся бой —

 По всем вселенным тело с телом,
 Душа с душой искрой светил

Слились в борьбе на грани сил
 И подают – сраженный демон
 В небытие как ночи ком,
 Сраженный ангел – вверх – огнем.

У каждой силы есть надежда,
 У каждой силы есть резерв –
 Болящий человеческий нерв.
 И пусть душа людей безбрежна,
 Для сладкой праздности нет мест:
 Идет борьба за каждый жест!

В глубинах мыслей, дум брожения
 За внешностью похожих лиц
 То свет, то крики падших ниц,
 То победители сраженья.
 Но я иду в глубины глаз...
 И вижу Бога каждый раз.

*Когда зажег мой дух призыв:
 «Дорога Истины – Служенье»,
 Взметнулось ввысь всё словно взрыв,
 И вижу в море озаренья,
 Как на Земле и над Землей
 Стою я с силою иной
 И принимаю омовенье!*

Март 1993 г.

* * *

Кто-то смело за меня
 Принял отречение.
 Инструментами звеня,
 Запустил течение,
 Видит сердце, щиплет мозг
 И внушает трепет.
 Поддается ткань как воск...
 Что же он там лепит?

Шаг – подсказка, шаг – толчок,
А еще живу «я»!
Рядом тонкий голосок
Тянет: «Аллилуйя».
 Я – как кукла: водят мной
 Не одной рукою.
 Жаль, придет конец простой
 За лихой строкою.
Кто-то знает мой сюжет
Даже до финала, –
Где закроют кукле свет
Крышкою пенала.
 Но могу же я гадать,
 Что скрывают шторы,
 Гнев и бунт в душе рождать,
 Посылать укоры!..
Или это всё – игра
В той же старой клетке,
Как и песнь моя, стара –
Песнь марионетки.
17.07.1991

Нечто

Из ничего явилось нечто
Как молния во тьме ночной,
Неотвратимо, скоротечно
И мощной хлынуло волной.
 А может, медленно, гнетуще
 Рождалось в мертвой пустоте,
 Все больше становясь и гуще,
 Сокрывши образ в темноте.
Мираж ли это, лишь виденье,
Как сна бредового туман,
Когда в минуты пробужденья
Окутан свет в его обман?
 Иль осязаемое тело
 Предстало в жизненном пылу,

Чьим результатом будет дело,
Что движет времени стрелу?
Но что заложено в творенье,
На свет явилось для чего?
Тут не поможет размышленье:
Возникло ведь из ничего.
 Всеобщей радости и счастья
 Создаст воздушные штрихи
 Или великое ненастье
 Несет за тяжкие грехи?
Начало ль это возведенья
Плодов грядущего труда
Иль предвозвестник разрушенья,
А может, просто – ерунда?
 Возможно, жизни повеленье:
 «Свершению пришла пора!»,
 Ума ль, расчетов воплощенье,
 Слепого случая игра?
Ответов нет у нас, покуда
Истоков нету у него.
Но верно ли, что «ниоткуда»?
И точно ли – «из ничего»?
07.02.1990

Два случая

Дитя вселенской красоты,
Недостижимой высоты
В глубинах космоса созрело,
Звезда вскормила его тело,
Природы силы очертили суть,
Галактик свечи осветили путь!
 Тот путь лежал к Земле,
 К травинкам и золе,
 К болотам и цветам,
 К пещерам и горам.
Да только непогода царила в этот день:
То солнце обжигало, то холодила тень,

Баллада о Тьме и Слепце

Где не высохнуть вовеки
Сырости земной,
Где закроет ветер веки,
Хороня покой,
 Не нарушит где и выюга
 Звездной тишины,
 Старая стоит лачуга
 У сухой сосны.
Покосилась и осела
В дырах и во мху,
Но за годы не истлела
В серую труху,
 Жерди вбок торчат костями,
 А голодный зверь
 В злобе острыми когтями
 Исцарапал дверь.
Здесь бегущий незаметен,
Кто кричит – немой,
Вопиющий – безответен,
Свет под пеленой.
 Небо темное провисло
 Рухнувшим мостом,
 Тучи всё спешат без смысла,
 Тая за холмом.
Так века и годы мимо
Проплывают вдаль,
Здесь разлив непоправимо
Вечную печаль.
 И часы без промедленья
 Свой играют блиц,
 Застревают лишь мгновенья
 Скрипом половиц.
Но не слышно погремущки
И веретена...

Поселилась в той избушке
Только Тьма одна.
 Проскользнет здесь по лужайке
 Только тень совы,
 Гостю сумрачной хозяйки
 Не примять травы.
Семь слоев листвы опавшей
Скрыли семь дорог,
Чужеземец заплутавший
Их найти б не смог.
 А хозяйюшка выходит
 Ночью каждый раз,
 Вина древние разводит,
 Опьяняя нас.
Для нее туманны сходства,
Безразличен вид –
Превосходство и уродство
Сразу породнит.
 Только прочь уходит вскоре
 Под родную сень
 Из краев, где красок море,
 Где ликует день:
Хороводы и молитвы,
Песни и скулеж,
Потасовки, своры, битвы...
Мимо не пройдешь.
 Мир огнем искрится страстно –
 Мир золотых кадил, –
 В этом мире безучастно
 Юноша ходил.
Он, хоть был с лицом спокойным,
Сердцем изнемог
Как под чистым небом знойным
Вянущий цветок.

Может, Бог случайно сбился,
 Иль судьбой дано –
 Свет однажды преломился
 Для него чудно:
 Чем пути открыл яснее
 Лучезарный свод,
 Тем ему по ним страшнее
 Двигаться вперед;
 Знатоки твердят: «Здесь нужно
 Мчаться на коне!»,
 А ему в волненье душно,
 Холод по спине.
 Бесконечные сомненья
 Травят на износ,
 Чем надежней объясненья,
 Тем трудней вопрос.
 Все глумятся, тянут, злятся,
 За руку берут,
 А ему бы «здесь» остаться,
 Замереть бы «тут».
 «Боже милостивый, где Ты?
 Грешников прости,
 Вспомни старые заветы
 С духом во плоти!»
 Видишь, высят наши руки
 Душ умерших вал.
 Нас подверг ты страшной муке –
 Нами наказал!»
 И закрыл глаза больные
 Ослепленный брат,
 И движения шальные
 Сделал наугад.
 Он пошел, ломая ветки,
 В солнечный залив,
 Точно вырвался из клетки,
 Сторожа убив.

Кто и что его задержит,
 С ветром в волосах,
 «Света», – стонет он под скрежет
 Пыли на зубах.
 Светлый сад и город пышный
 У его лица,
 «Света», – ждет вдали застывший
 Жадный взор слепца.
 А дорога всё чудила:
 Ямы, города,
 То «святыни», то «мерила»,
 То лишь нищета.
 Только пропасти и горы
 Почитает люд,
 А к убогим без опоры
 Втайне каждый лют.
 «Я снесу берлогу смрада,
 Гóря железú –
 От замедленного яда
 Мир больной спасу...
 Яд... о Боже... Света!.. Света!..
 Снизойди, гроза!..
 Я спасу... Спасусь... Что это?..
 Пламя... День... Глаза!..
 Солнце угольное, выше!..
 Мама, я боюсь...
 Ветер!!! Ветер!.. Ветер... тише...
 Где я нахожусь?..
 Донеслось волнами гула:
 «Дай я обниму», –
 И, склонившись, Тьма шепнула
 Истину саму.
 С той поры слепого брата
 Не встречал никто,
 Лишь ответят: «Жил когда-то
 Да ушел давно».
 Осень 1991 г.

Остров Пасхи

(О цивилизации о. Пасхи, которая погибла от уже известных нам экологических проблем при невозможности людей покинуть остров)

Море. Небо. Волны. Ветер.
Птицы, птицы в облаках.
Горизонт далек и светел,
И молитва на устах.

Но молитва вместе с ядом,
Что рождает разум наш...
Разум наш – над светлым садом
В сердце неприступный страж.

Истины последней знанье:
Камень остр, остров мал –
Отправляют на закланье
Будущее в щели скал.

Затмили на рассвете
Нам горы Солнца круг –
То каменные дети
Кровоточащих рук.
 Ни воины, ни боги –
 Куда они уйдут:
 Их маленькие ноги
 Вросли, как наши, – в грунт.

Они хоть, мы мечтали,
Достигнут облаков,
И камни вырастали
На зелени ростков.
 Мой взгляд уже в плененье,
 Сгущается туман.
 Лети же, вдохновенье,
 Лети за океан.

Я уже не здесь, а с теми,
Кто придет потом сюда,

Кого встретят наши тени,
Просочившись сквозь года.

Вас ничто не испугает,
Разгребите же песок,
Посмотрите – убегает
В глубь Земли прозрачный сок!

Посмотрите – как цунами
Под привычный людям гром
Горы, проклятые нами,
Поднимаются кругом!

Мир замер зыбко, шатко,
Опоры не найдя,
А остров – точно шляпка
Огромного гвоздя.

Нас первых от паденья
Не удержала гать,
И каждый в миг рожденья
Возненавидел мать!

София не шептала
Здесь мудрости псалма,
Плоды нам умножала
Агония ума.

Смерть ближе с каждым шагом.
Ах, как бы увидеть
Тот край, где, по рассказам,
Спускалась Благодать.

Мне еще бы раз родиться,
Чтобы воздуха вдохнуть,
Только с крыльями – как птица –
И подставить ветру грудь!

Как полета все желали,
На вершину скал взойдя!
Даже «птицею» назвали
Седовласого вождя.

И, молясь, его просили
Тайны неба нам открыть.
После... угли подносили,
Чтобы руки опалить.

Мы не топили в море
И не могли зарыть
Умерших: им ведь вскоре
Удастся к Солнцу взмыть.
 А детям говорили
 О сказочных местах,
 Где жители парили
 В высоких небесах.

Устал я. Силы, тая,
Явили этот зов,
Его подхватит стая
Не птиц, так облаков.
 Когда струёю ветра
 Несется слабый гул,
 Не забывают, это –
 Шептанье наших губ.

02.09.1993

Абсолютная защита

Защита от всего мне с другом вручена –
Угомонись, враждебная стихия!
Мы неприступны, и нам всё едино,
Кто это пожелал – Господь иль Сатана!

Непроницаемый для бури, точно трюм,
Приросший, словно панцирь черепахи,

Летающий быстрее легкой птахи
Дарован нам судьбой невиданный костюм.

Границы лопаются как струна
Под звук симфонии мгновенной,
Из всех преград осталась лишь одна –
Меж нашим телом и Вселенной.

Довольно праздновать. Уймись, гордыня, спесь.
Творить я призван, уменьшать страданья.
Лишениям платить не буду дань я,
Теперь, зовущие защиту, ваш я весь.

Но как из капсулы помочь тому, кто наг?
Моим творениям вовне не просочиться:
Преграды мира собрала в себе граница,
Та, от которой ожидал я только благ.

«Трюм» оказался «ядрами забит»,
Сам вкладывал я их начинку;
От бури собственной в глазах рябит,
И небо кажется с овчинку.

Мой прочный саркофаг взорвался изнутри!
Я растворился над зеленым лесом,
Без кожи и, не обладая весом,
Я впитывал лучи проснувшейся зари.

— — —
Однажды, в дальних путешествуя краях,
Привлек меня мешок обледенельй –
Второй костюм, пустующий, но целый,
Покрытый плесенью, лежал на бурых мхах.

Наверно, вихрь тело разметал!..
Взорвался друг... иль сила злая...

«Он этого всего не испытал», –
Шепнул мне ветер, пролетая.

16.09.1993

* * *

Когда корабль ваш «неуязвим»,
подумайте о порохе, что в трюмах.
1993 г.

* * *

Своих – не жаль,
Чужих – не знаю,
Себя – потом пойму.
Смотрю я вдаль
И призываю
Далекую судьбу.
Она слетит
Орлом с вершины
В снегу, в лучах, в огне,
Освободит
Спираль пружины,
Возникшей в глубине.

Пружины жесть
Сжимаю прочно –
До случая – в тисках.
Терпенье есть,
А время точно
На купленных часах.
Но что, когда
Моя судьбина
Накатится волной?
Зальет вода,
И вся пружина
Спечется бурой ржой.

Ноябрь 1993 г.

Бесы

Когда с тобой не сладит тот,
Который давит и гнетет,
Другой – что соблазнять умеет, –
Идет последний и ... *жалеет*.
22.04.1995

* * *

Е. Ф.

Хвалу пою тебе, мой рок!
От скольких мук меня избавил,
И не прибавил, а убавил
В душе прорех твой острый рог:
Не знаю боль немой любви,
Не слышал слова «не зови»,
И древний грех промчится мимо,
В глазах – ни пламени, ни дыма,
Не слышит частых сердцебитий
Моя спокойная обитель.
Я весел – стон отнюдь не мой:
«О Боже мой» ...
О Боже мой.
19.11.1993

* * *

Однажды сон мой воплотится:
Ты станешь жить – я слышал весть!
Ее мне принесла синица...
Нет, ты не будешь, ты уж есть!
Как та синица в день ненастья
Не раз была ты у окна,
И обретал над бурей власть я,
И билась в грудь любви волна.
Но я, – уверенность впитавший, –
Волны волненья не впускал,
И твой прилив, мне силы давший,
Встречал отпор омытых скал.

С высот незримых ты прозрела
В печальный мир – мой новый дом.
Я вспомнил, как бралась ты смело,
Когда я был под адским льдом,
Колоть тот лед, струить эфиры
В глаза остывшие уже,
Как целовала нежно дыры
На вниз сорвавшейся душе.

Я мало вспомнил, ты ж забыла,
 Как в годы первых королей
 Нанес тебе удар я с тыла...
 Так, жги, Господь, лей пламень, лей!

03.07.1993

* * *

Из нежных фраз – отдельных лоскутов, –
 Обрывков времени, движения и линий,
 Нечаянного взгляда и цветов
 Творю портреты я своей богини.

Прозрачный воздух – плиты потолка:
 Увидеть, к ней подняться не могу я
 И только знаю, как всегда близка ...
 Она мечтает, мне мечту даруя.

Но иногда она черты свои
 В случайных лицах для меня являет,
 Чтоб не забыл я в суетные дни
 О ней, о том, что любит, понимает.

И потому в плену земных дорог
 Я никогда не буду одинок.
 29.01.1995

* * *

Мы с тобой далеки,
 И не я угольки
 На кострище залью,
 И не я пропою
 Колыбельную.

Мне обнять не суметь –
 Лишь смотреть да неметь.
 И делю, и тяну
 Я секунду одну
 Неразменную!

Все признанья – в мечтах.
 Поцелуй на устах,
 Не родившись, завял –
 Я соцветье сорвал
 Иллюзорное.

Образ светлый любя,
 Я придумал себя
 И поступки – стихи,
 И решенья свои
 Несвершенные.

Но однажды во льду
 Сам себя я найду,
 Растоплю этот лед –
 И вперед, и в полет –
 Белой искрою ...

В даль, где любят и ждут,
 Где мечты оживут
 Как под солнцем цветы,
 Где увижу, что ты
 Стала близкою.

08.01.1994

* * *

Я вновь на сто лет опоздал:
 Опять разминулись у входа,
 Где много стояло народа,
 Опять я тебя не узнал.

Меня утешало предзимье
 В тот солнечный день октября,
 Сказать незнакомое имя
 Пыталась лампада, горя.

Жизнь целая снова не вышла –
 На свет улетела листком.
 Вслед только был взгляд мой потом
 И эти четверостишья.

09.10.1995

* * *

Зачем тысячелетий долгий ход,
Когда исчезнет в них
Миг творчества, прозрения полет,
Сиянье глаз родных?

Без Солнца мне не нужен звездный свод,
И Солнце – без цветов,
Цветы – без рук того, о ком поет
Звезда моих миров.
18.06.1994

Песнь о Земле

Зовет высокая Гондвана
Мерцающий прибой,
Зовет и ждет из океана
Корабль голубой.
 Посередине бесконечных
 Посеребрённых вод
 Корабль летит в пределах Млечных
 Не первый звездный год.
Его проводит Божий ангел,
Где крут звездоворот,
Воспламеняя крылья-факел
В свой жертвенный полет.
 Ах, как хочу я так подняться!
 И предаюсь мольбе.
 Но именем не поменяться,
 Ведь я – на Корабле.
Мой долг... нет, боль моя и трепет –
Остаться на борту,
Где солнце с тьмою очи спяют,
Где стыд за наготу.

Я должен зерна здесь от сора
И плевел отделить,
Стенаний день и день позора
С друзьями разделить.
 Корабль мой сквозь ураганы
 Увидит светлый Лик,
 Услышит зов Святой Гондваны,
 Узнает Материк!

А я, припав к Земле щекою –
К родному Кораблю, –
Пойму, как жизнью жить другою,
И жажду утолю!
 Мой дом – Планета, звезды, Выси
 И где потом пройду.
 Земля! Из мест, где дух мой, мысли,
 Ты первая в ряду!
25.11.1993

* * *

Почему разодралась завеса
Храма Мироздания Отца?
Почему, не ощущая веса,
Задрожали горы и сердца?
Три часа был виден лик Конца.
 Это Он, не принимая Фатум
 (Царствующий в мире), не пускал
 Рвущийся наружу черный вакуум
 Сил Начало предавших начал, –
 Шел когда, когда вещал, прощал.
После скажут для успокоенья,
Что такой исход был Небом дан.
Нет! Прижал Его к кресту мученья
Грозный преисподний Ураган,
В ликованье брызжа кровью ран.
 От чего мы были на полметра...
 От чего лишь крест нас отделял
 В тот момент, когда у злого ветра

На пути не оказалось Скал... –

Ни один на свете не узнал.

Да, тогда мы не осиротели –
Только три часа был день незрим.
Но сейчас чего ж мы онемели,
Землю почему не озарим,
Почему не встанем вместе с Ним?!

21.12.1993

* * *

Не хватает ни веры, ни знаний,
Ни упрямства, ни гибкости,
Простоты, многоцветья граней
Не хватает до дикости,
До кошмаров, видений, дрожи,
До бездумно спаленной кожи,
До сплетенной бессвязности,
До безрадостной праздности.

22.04.1994

Свет–2

За горами, под морями,
За высокими дверями
Сумрака пары густы –
Не увидишь света ты.
Даже если будешь ждать,
Даже если будешь звать,
Свет погаснет по пути –
Мути пыли не пройти.

Не поможет и сраженье,
И высокое свершенье,
Только сам рождай, твори
Брызги света, свет зари!
Не из тьмы, не из цепей –
Из любви в руке твоей.
И откроются врата
Сразу, просто, без труда.

22.05.1994

* * *

Нет середины – только низ и верх.
Какая дикая, коварная раскладка.
Шаг – подвиг, ну а два – смертельный грех;
Бездействие, терпенье – тоже схватка.

Быть в стороне – надежно, просто, мудро –
В чужую жизнь вмешаться не посметь.
Но как встречать тогда закат и утро,
Как в зеркало тогда мне посмотреть?

Святая простота, благие пожеланья,
Противоборство, бунт слились – не расколоть.
Кладу я голову и сердце на закланье –
Дай разобраться, помоги, Господь,

Грех, неуверенность и зло чтоб не сковали.
Я не могу стоять – меня позвали!

20.06.1994

На смерть Бродского

Они уходят, оставляют нас,
Но мы скитальцами становимся при этом
На том же Свете, но с поблекшим светом,
Темнеющим уже в который раз.

02.02.1996

* * *

Я глупо принял за награду,
Что оказалось искушеньем.
Мечтанья выдавал за правду
И ум лелеял утешеньем.
Любовь я спутал с эгоизмом,
Упорство нрава – с жаждой мести;

Считал, живу в полете быстром,
Но то был медленный шаг смерти.
Тонул я в карнавале этом,
Держа ответы под запретом.

15.11.1990

* * *

Вы пробуете только на язык,
А мне в растворе – вымокнуть до нитки,
Вам – мимолетный необычный миг,
А мне – часов бесчисленные свитки.

Что звали шуткой, я зову всерьез,
Что вам серьезно, мне придет лишь шуткой.
«Что будет?», – вот шекспировский вопрос,
Но не сказал он, что за перекруткой.

Увидим. Испытаем. Поживем.
На счастье у меня висит подкова.
О вас я буду думать и былом,
Возможно, с мыслями и чувствами другого.
07.02.1994

Яйцо

Яйцо на обрыве лежит –
Я больше не видел яйца.
Малиновый отблеск дрожит
Поверх скорлупы из свинца.
Округлостью матовых плит
Пространства тяжелый изгиб
На годы его отделит
От всех, кто когда-то погиб.
И толпам его не разбить,
Им вечно кружиться вокруг
И вечно его колотить
С бессилием призрачных рук.

Мольбой или же ворожкой
Стою пред Яйцом я один
При силе, при теле – живой,
Разрушить его властелин.

А ветер доносит мне плач
И стоны снодвижимых душ:
«В Яйце вырастает Палач –
Разрушь чадо ада, разрушь!»
Возник в моей кисти топор,
Сверкнула стальная струя...
Но слышу вдруг чей-то укор:
«То совесть заснула твоя...»

Сомненья на руку легли:
Не чувствую сердца мотив,
Солгать мне шептанья могли,
В орудие зла превратив.
Нет, нет, на Яйце письма
Уже принялись проступать,
А надпись строга и темна...
Чья? Что и кому? – Как узнать?

– Разбей, умоляем, разбей,
Не будет минуты другой.
Не знала планета мертвей
Того, кто прикрыт скорлупой!
– Не слушай, спасение там,
И всё полетит кувырком –
Столетия к этим местам
Жар-птица летела с Яйцом.

Не слушай их – люди все спят –
Их ум с каждым часом мутней!
– Тебе никогда не простят –
Разбей, будет поздно, скорей!

— — —
Я, миг, знак, вопрос – узел свит
Чреватый, единый, тугой.

Как,.. что монолит разрешит?
 Я лягу, накрою рукой –
 Согреется пусть иль вскипит
 Яйцо под ладонью живой!
 16.02.1994

* * *

Розою станет время-спираль,
 Мира богиня снимет вуаль,
 Правды корону познает чело,
 И позабудется старое зло,
 Будете жить по любви и по правилам,
 Помните только меж делом:
 Раньше был ангелом
 Каждый демон.
 12.09.1994

* * *

Серый холод гранитных колонн,
 Тень легла от карниза на плиты,
 Знака два украшают фронтон,
 Толкования их позабыты.

Слышен шаг вместо боя часов:
 Здесь скиталец от века блуждает
 Среди каменных мрачных лесов
 И кого-то всегда ожидает.

Но дожидаться тогда лишь ему,
 Когда ляжет на снег пыль июля.
 И шаги у колонн будят мглу,
 Чтобы ветры из прошлого дули.
 15.06.1995

Камню во дворе

Ржавым ломом, гнutoю лопатой
 Вынут куб гранитный на поверхность.

Он лежит трехмерностью зажатый,
 Вспоминая втайне многомерность.

Во дворе наполовину в яме,
 С тысячью стальной кирки отметин,
 Прошлого и будущего пламень
 На боках холодных незаметен.

Он молчит под гомон детворы,
 Не расскажет мифы о глубинах,
 Он – кусок гранита до поры –
 Камень, что на Дюрера картинах.
 10.09.1994

* * *

Могучий Рим, развратный Рим!
 Ты – целый мир непобежденный.
 Живем с тобой, в тебе горим,
 Разбухший дух перерожденный.
 Ты в теле был сиявших груд
 И растворился в одночасье,
 Но тенью снова там и тут
 Встаешь как вал морской в ненастье.
 Вот возникает тучный торс ...
 В парах хмельных и тучах дыма,
 В стекле, в мелькании колес
 Я узнаю улыбку Рима.
 28.07.1995

* * *

Режутся в глубине
 Армии две во мне.
 Пики, мечи – оружие
 Видите вы сквозь прах,
 Как выпирают наружу
 В остром лице, глазах.
 17.09.1994

О том, что многие мои стихи близки по теме

Кричит душа навязчиво и властно,
Одной и той же мыслью оглушив.
Перебивать напрасно и опасно:
Ни вам, ни мне не изменить мотив.

Слова похожие, похожие как искры,
Оторванные ветром от кострищ.
Они летят, они, как выстрел, быстры,
А я без них, как пепелище, нищ.
Но если преградится мной дорога,
И прикажу словам свернуть назад,
Я буду силой первого же слога
Расстрелян, уничтожен, взорван, смят!
Я – мысль одна. Она же – миг звучанья
Рождающего, Первого из Слов,
Воскресшего от грусти и страданья
Во мне как колыбельная, как зов.

08.07.1994

* * *

Нет, не свободу я пою,
Я Несвободу возглашаю
И неустанно песнь мою
Ей добровольно посвящаю.
Ее не знает жизнь ничья,
Ни луг зеленый, ни озера;
Сгорел бы мир, как от луча,
И вот: меж ней и жизнью – штора.
В касании один намек
Того сиянья страшным жженьем
Покажется, а через срок
Распустится в душе решеньем.
Но кто поднимет шторы ткань,
Без колебания и стона

Исчезнет, не поведав тайн,
Уйдет в неведомое лоно.
Назад не нужно долго ждать –
Пусть вычеркнет его Природа,
Где друг остался вспоминать,
Где воспевается свобода.
29.06.1995

* * *

Вселенную не выдержит гигант,
И Землю обнимают не титаны!
Сверхразум, сверхусилья, сверхталант
Постичь не в силах сокровенной тайны:

Как на земном построен Небосвод,
Болят как руки в центре созиданья,
Как, от любви страдая, мир живет,
А сердце слабое – опора основанья.

Вершины пусть не прекращают рост,
Не зная ни усталости, ни страха,
Но будет Дух Вселенной так же прост,
И Света не коснется твердость праха.
26.11.1994

Бо-о-льшой человек

Отглаженный костюм –
Ни нитки, ни пылинки,
Высокий чистый ум,
Как новые ботинки,
Побритость до корней,
Помытость до сухотки,
От пальцев до ушей
Продуманность в походке,
Что ни ответит – в кон,
Да человек ли он?!

25.01.1996

* * *

Не одевайтесь в нищету
И смерти ранней не просите,
Восхода Солнца не проспите,
Во всём увидев суету.
Подвел, наверно, первый взгляд –
Земля под нами, но не Ад!

В ступеньке каждой на пути
Не нужно видеть пьедестала,
Взирать торжественно-устало
И горделиво на венцы:
Пусть и достался жирный пай –
Вокруг земля, еще не Рай!
12.06.1995

* * *

Придали боги
Цвет зеленый
Иголкам хвои,
Чтоб на листья
Они похожими казались,
Чтоб не считало обделенным
Себя колючее созданье.
13.04.1995

* * *

Не гоните ворóну:
ее необычные речи
Лучше всякой кукушки
предскажут любую судьбу –
В них накатистость шара
и резкость нечаянной сечи,
И уверенность с твердостью,
как подобает суду.
28.06.1997

* * *

Ну что тебе до нас, огромная комета!
Всем нашим небом гостью не вместить
Уставшим от зимы, год ожидавшим лета,
Успевшим сердце на морозе застудить.

Ведь заперли его под ключ в грудную клетку –
Не вырваться, на юг не полететь.
А что те прутья реденькие ветру:
Сердца прикрыты ими лишь на треть.

Нам всем согреться хоть бы на кострище,
Нам уголек краснеющий – как раз.
Зачем нас дразнит огненный хвостик?!
Ну что тебе до нас?!
24.03.1996

* * *

Гонка в вечность. Полет из последних
мгновений;
Позади – из тебя оживает поток;
Направляет река хаотичных стечений
Всех сторон, всех прямых, всех преград,
всех дорог.

Промежуточных вех бытия анемия:
От сейчас до сейчас и на тысячи верст.
Заместила живое по клетке стихия
И из тела пошла в необузданный рост.

Первый раз приглушился минувшего отзвук.
Первый раз на земле не осталось следа.
Но мгновением позже ты врежешься в воздух,
И подхватят тебя, унесут навсегда.
11.03.1995

* * *

В тени аллея
И у обочины,
У пустырей,
Где липы скорчены,
На кочке мха,
На стуле кожаном,
Где потроха
Во мне, стреноженном,
На кадыке,
В клинке обрубленном,
В тугом силке,
В грехе пригубленном,
Где звон корон,
Где шорох – знаменьем,
Мой бастион,
Объятый пламенем!
05.04.1996

* * *

Небо для меня закрыло поры –
Как же я дышу?
За глоток густого чада скоро
Душу заложу.

Не снести ушиба мне, а битву?.. –
Тело без души.
Не смогу произнести молитву:
«Господи, скажи...»

Может статься, ангельское племя,
Крыльями звеня,
Среди пыли, мусора и плевел
Не найдет меня.

Будут звать они, как звали раньше –
Кем я прежде был, –
Будут над кострищем петь без фальши
То, что сочинил

И забыл: *навек* перебила
Мне хребтину Смерть...
Только б им терпения хватило,
Сил не улететь.
19.06.1997

* * *

Груз оставь, забудь про ставки,
Ремешокними с плеча.
Замешавшись, спросят в давке:
«Чья игра?», – ответь: «Ничья».

Просто, время – это ветер,
Солнце – радостная весть,
Что нас ждут и что нас встретят,
Остается лишь взлететь!
17.05.1995

Моей дорожке метры

*Как-то ангел указал
Путь мне до восхода,
Пуповину завязал
Выхода и входа.*

*На лучи звезды поднял
Я глаза без страха –
Мне казалось, что не мал
Вышедший из праха.*

*Мне почудился полет
Легкий над долиной,
Сок земли – душистый мед –
Зазвучал былиной:*

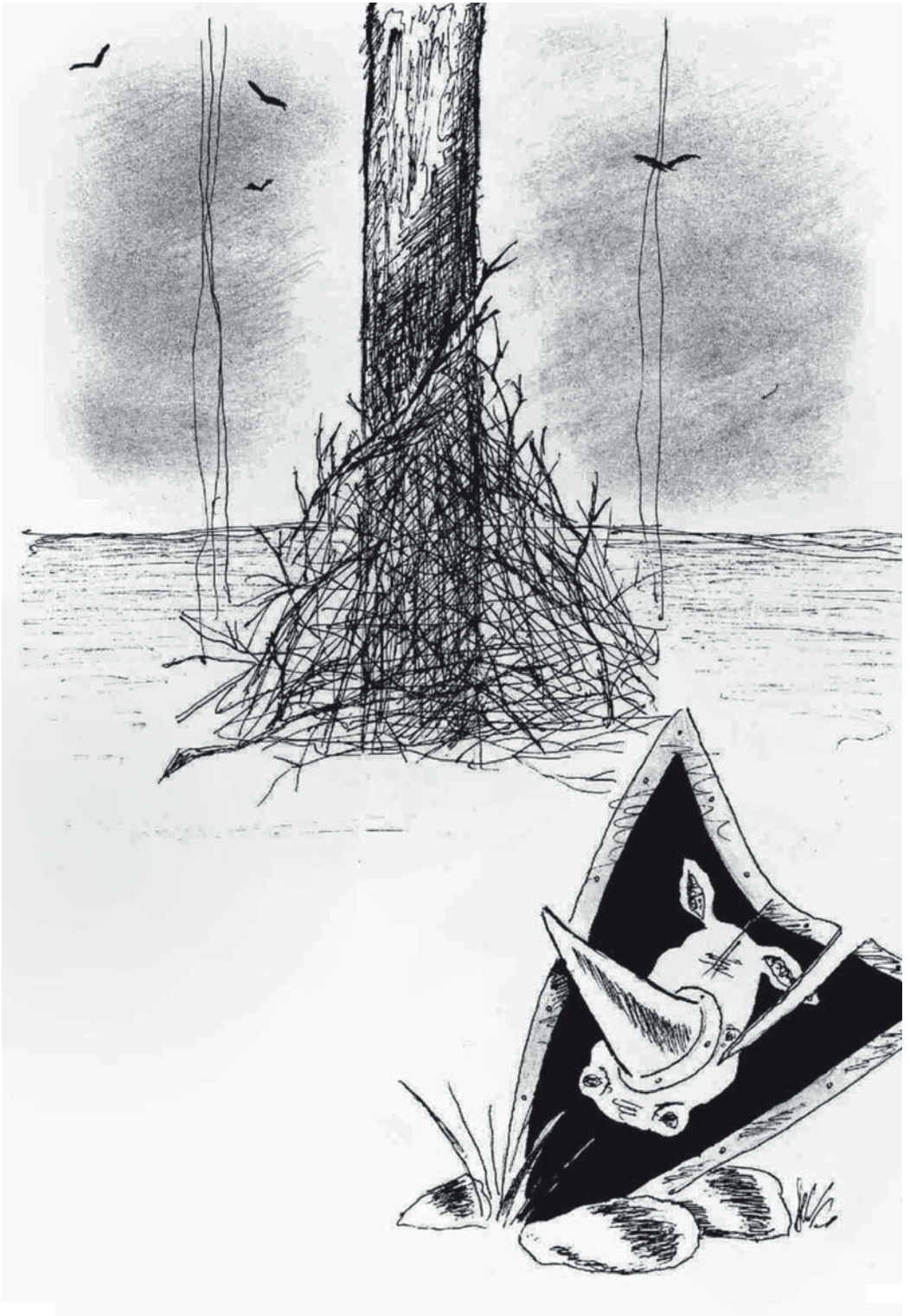
*Высекал единорог
Искры на граните,
И тянулись возле ног
Ариадны нити...*

*Но они не помогли:
В небыли мерцали.
Кожа трескалась в пыли
По дороге к дали,*

*Заросло лицо корой
Ночью непогожей,
И ложится путь земной
Тропкой носорожьей.*

01.05.2005

А. Шутый

Ах, пусть то окажется теплой ладошкой
Весны, посылающей знак, –
Не только случайно возникшей над крошкой
На тучах прорехой с пятак.
02.04.1997

* * *

Руками облапаю Землю как деву,
Глубины богини изведаю вплавь
И, страстно прижавшись к горячему телу,
Узнаю, что есть *явь!*

Девичьих объятий нездешняя крепость –
Следы на челе обжигающих губ –
Порыв, обличающий мира нелепость, –
Венчание без гроб.

Летающе-бегущим мой опыт напрасен:
Их образ поверхностный в корне иссох.
Я ж тайне планеты своей сопричастен:
Мой выдох – ее вдох.
27.06.1997

* * *

Крестный путь зарос тернием.
Крест пестрит от лишайника.
Ощущение теменем
Перенес на начальника,
И в блокнотик записано,
И на планы навьючено,
Как конфета облизано,
Или перепоручено.

А в часы просветления
Руки к Богу за силами
И для благословения
Протянулись осинами.

Не молитва, но истая –
До обмыва, с помазанья, –
Аж осина безлистная
Стала гладкой от лазанья.
16.05.1997

* * *

Моя жизнь – непрерывная цепь операций:
То на теле они, то с душою возня,
То никто не стоит за свершением акций,
То умышленно режут и лечат меня.
03.08.1999

* * *

По миру пошел повелитель День,
И колокол в небе, колокол Неба
Зовет, пробуждая от сна и бреда:
«Дин-дан-дон-день!».

У мира теперь один господин.
Из синей десницы державы Солнца
Зарею великая власть прольется.
«День-дон-дан-дин!»

Ночью легионы теней в полон
Захватит он: каждый лучик – воин,
И каждый живой – да не успокоен!
«День-дан-дин-дон!»

Не продан, не роздан, а просто дан
Единый День – океаном света
Зальется как воздухом вся планета!
«Дин-дон-день-дан!»
11.06.1997

* * *

Уж девять дней, как Зиму проводили:
 Соломенную куклу нарядили
 И на миру сожгли ее дотла.
 Увы, Зима вернулась и вошла
 На наши улицы, ступила по траве,
 Едва поднявшейся, в весенней синеве
 Полой махнула снежного кафтана ... –
 Вернулась вся – от вьюги до бурана.
 Ах, как же были мы неосторожны:
 Она наш праздник видела, возможно, –
 Как жгли костры, ликуя и кружа, –
 И потому теперь опять пришла.
 10.04.1997

* * *

Убаюкала облако крона древесная.
 Ветровласое диво как дева небесная
 Прислонилося к живому, и звезды высот
 Им обоим запели про новый Восход.
 03.02.1998

* * *

С весны начинаю заново,
 А старую жизнь – всмятку!
 Сниму с руки однопалую
 Резиновую перчатку,
 Обопрусь я всей пятерней,
 Как и было положено,
 А самой ранней порой,
 Отрубив, что стреножено,
 Сдерну с окон шторы
 И туда, куда не глядят
 Очки и шоры,
 Пойду наугад.
 03.09.1997

Смеющимся

Я хуже людей, как вы,
 Кто попросту может смеяться,
 Дурачиться без головы,
 Пить пиво, шутить, целоваться.

Испорченная душа
 Имеет печальный опыт –
 Мне в буром мерещится ржа,
 А в смехе я слышу хохот.
 02.04.1997

* * *

Я боюсь перестать быть собой
 И пойти со скотом на убой,
 И бескрылым свалиться в овраг,
 И душою подкармливать *рак*;
 Мне секундная стрелка – как кнут:
 Я боюсь растворенья минут
 В пасти жадного небытия
 Без следа, без огня, без меня.
 07.1999

* * *

Нет для грешного местечка
 У огня,
 Не стоит пред Богом свечка
 За меня,
 Из окна не видно церкви
 И людей,
 Только гнутся, стонут ветви –
 Снеговой.
 Февраль 1998 г.

* * *

Не карат опала,
Книга иль полушка –
У меня пропала
Детская игрушка.

Из пластмассы с мехом
И не дорогая,
Говорили смехом:
«Разве что живая».

Дарят кукол с бала
И солдат с усами,
У меня ж пропала
С грустными глазами.

Был не поросенок
И не гномик это –
Маленький тигренок
Розового цвета.

Может, бес и ворон
Здесь наворожили,
Иль пошел туда он,
Где мы раньше жили?

Если кто в дороге,
Где-то сказки возле,
Встретит «мое горе»,
Пусть расскажет после.
22.06.1997

Американцам

Улыбка Джоконды,
Но в сотни раз шире.

Диагноз – свободны,
Анализ – в эфире.
Прогулка по раю –
Рекламное шоу.
«Здесь Еву снимают,
Зови Иегову!
Вот росчерк от черта,
Автограф от бога,
А если охота,
То можно и оба.
Блаженства хотите?
Бессмертия пачки? –
Вы к нам лишь придите,
Возьмитесь за пальчик».

По-свойски – отчасти,
Участия – груды.
Жвачные страсти
И страстные зубы.
«Зубные эмали –
Венец совершенства!
От всех аномалий
Доставлены средства.

Прекрасное – вот, а
Вот – множитель чуда
И капли от пота,
И гель для верблюда ... »
Империя жадно-
Здоровых агоний.
«Смерть, где твое жало»
В хору какофоний?!
«Трибуны – в рассрочку,
Арены – всем вместе,
Вошьем и сорочку
В утробу невесте
Для плода, чтоб он бы
И там умилялся,
Жил в жиле свободы,
Как мы улыбался

От ссуженной воли.
Мы – космопосольство.
Урр-кей... Baby, sorry, –
Отрыжка довольства».
23.06.1997

После литературного семинара

Раскладывают по полочкам
Аккуратно,
Растаскивают по косточкам –
Бесплатно.
Нога в левом шкафу,
Рука – в правом,
Протез дорогой в строфу –
Даром.
«А это что? Голова?
Слишком парадно.
Голова уже не нова ... »
Ладно.
Щипцами тянули как тать,
Сынулю и мне не узнать:
Рифму заткнули в рот.
Знал бы – сделал аборт!
21.6.1997

* * *

Ну-ка, шут, подними же бубен,
Всё-то царство развороши!
Мы не боги – ты не подсуден,
Так что бей, блажи, ворожи!

Над горами, над головами,
Будто Солнцу и срок истек,
Бубен балуется бубенцами,
Кружит с запада на восток.

Рассыпаются перезвоны
Как горошины на паркет,
Так же попросту, незаконно,
Как рассыпается этот Свет.
30.07.1997

* * *

Не вложить,
Не унять,
Не нажить,
Не нанять
Чертов хвост,
Крыл перо,
На вопрос –
«Решено»,
И «ура»
Вместо «пас»
В этот раз
Не о нас.
Меж рядов
Не родить,
И медов
Не сварить
На сейчас,
А потом
Будет час –
Всё «гужом»!
Будет день,
Когда жать.
Жить ли мне,
Или ждать?!

23.06.1997

* * *

Белый свет – тьма стрел –
Повелел:
«Расстрел».

Наказал за сон –
 Пригвожден,
 Сражен
Полоненный взор.
 Приговор –
 Обзор.
Без покоя век
 Человек
 Без век!

17.05.1997

* * *

Свет бьет
Сквозь глаз
Вразлет
На «раз».
Я – тот,
Воск – ось.
Свет бьет
Насквозь.
В упор
В надир
Напор
На мир.
На век
Безглас:
Без век
Мой глаз.

Разбит –
Распят –
Разбег:
Свет свят!
16.05.1997

* * *

В песок раскололся воздух,
Потрескавшись без воды,

Стихи обратил я в прозу,
А пламя костров – во льды.

Я видел конец и даже,
Как время смотал в клубок,
Как в дыры бездонных скважин
Запирывал вечный срок.

Пространство в ладонь струило,
Вселенной распалась прядь,
Когда я мгновенья мира
Как кадры направил вспять.
06.06.1998

* * *

(Вспоминая допрос у Пилата)

В моем мозгу микроб шизофрении,
Наверное, пустил по венам яд:
Всё в голове: смеются, говорят,
Доносится рычание стихии,

То слышится бречанье монет,
То голову сверлит восьмая нота,
«Что истина?», – вдруг восклицает кто-то,
И кто-то, замолчав, даёт ответ.
08.08.1997

* * *

Холодно... и во сне, и в ванной.
Холодно... как в фуфайке рваной
В феврале, без людей, в порошу,
Холодно... будто ты брошен.

Малая вялая пытка.
Зябко, как будто зябко.
Наземь с креста упасть... –
Богооставленность.

08.08.1997

* * *

На площади на городской
 Веселья пестрота:
 Спешат по скользкой мостовой –
 Как в праздник суета.
 И спорят тут между собой
 Повсюду отголоски
 От деревянных башмаков
 Да от подбитых каблуков,
 И от колес повозки.
 Тут ратуша и храм стоят,
 У шпиля – высший сан,
 Часы отсчитывают такт
 Для всех – для горожан.
 Но площадь главная круга,
 И, как шаги ни гуаки,
 Как ни шумна людей толпа,
 Что с узких улочек вошла, –
 Всё канет в переулки.
 29.06.1997

Монолог бродячего актёра ночью у костра

На свет родиться – нет глупее дела,
 И все мы – дураки.
 Опять Фортуна нынче онемела,
 Иль мы ей не с руки.
 Мы родились в хламиде, не в сорочке:
 Весь день прошедший – вздор.
 Устали будто звери на цепочке,
 Так что подбрось в костер.
 Не ввали старики о нашей доле,.. –
 Что с кленами в родстве.
 Остаться бы в лесу на век и доле.
 Прислушайтесь к листве:

Деревья хлопают... Подобного «аншлага»
 Кто видел до сих пор?..
 — — —

Прислушайтесь: идет лесная сага...
 Дрова подбрось в костер.

Сыграть весну... Ах! дьявольская дерзость:
 Собрать росу ковшом...
 Ни королей, ни ряженую серость,
 А радость нагишом.
 До кустика, до муравья на елке,
 Запомнить... звук, простор...
 — — —
 Встаем чуть свет, на самой первой зорьке,
 Подбрось-ка дров в костер.
 28.06.1997

* * *

В стены тесного вертепа
 Бьется запертый дракон,
 Черти в «дурня» возле склепа
 Начинают новый кон;
 Протекает рядом речка
 Охро-бурого питья,
 Темно-красным светит свечка
 С пальцем вместо фитиля,
 Скалится Земное чрево:
 Скалы острые торчат,
 И обугленное древо
 Источает едкий чад.
 Из чахоточного газа,
 Прокажения муки
 Там рождается зараза,
 Ею полнят бурдюки
 И торгуют в разлившую –
 Всем на блюде поднесли
 Ту «святую», ту хмельную
 Челноки из-под земли.
 20.07.1997

Мир темной силы

За спиною горб – нависшая туча,
Перекрещивает лес корни, сучья,
Перечеркнутому нету и сносу,
Приподняли вместо месяца косу,
Клочья ветра меж ветвей, воем воя,
За собой зовут полки сухостоя,
Миражи и ни души, а в округе
Только вьюги,.. то ли тени в испуге
Разбегаются – ни толка, ни слада –
И не надо ворошить это стадо,
И не нужно ворожить на водицу,
И десницу подставлять под синицу –
Обожжешься – здесь иные пределы:
Зерна – камни, а бульжники спелы.
До нуля всё зачеркни и забудься:
Ни проснуться, ни пройти, ни вернуться.
«Ты один, – скрипит под ветром осина, –
Ты един, как тяжкий взгляд властелина.
Так взойди же господином на ложе,
Всё возьми, всё обними...
если сможешь».

28.07.1997

Магия

Открываются глаза –
На два мира свет один.
Символ «перед», символ «за»,
Плюс у «ян», а минус – в «ин».
Раскрываются скрижали
Чарами и силой.
Перегнули, пережали...
Господи! помилуй.

То ли небо кувырком,
То ли твердь по швам.

Брызжут пальцы кипятком...
Андромеды штамм
Укрепился в хромосомах –
Чудо! изобилуй
В джоулях, ньютóнах, тоннах...
Господи! помилуй.

Пережили день Суда
И столетий ряд –
Никуда и никогда
Нас не воскресят.
«За пределы жизни бренной
Аурой планируй»
На обочину Вселенной!
Господи! помилуй.

06.02.1998

* * *

Я снова посредине боли,
Где жало жалкого разврата
Меня сковало для возврата
И для Суда, когда расплата
Вернет оружем знамя воли.

Я снова посредине веры:
И не тону сомненья ради,
И не иду по водной глади.
Верней, коль ночь со днем в разладе,
Мои же дни и ночи – серы.

Я снова посредине страха:
Меня волнует не кончина,
Не призрачная слава чина,
А непонятная причина,
Где спаяны позор и плаха.

Я снова посреди потока –
Начало будто не свершалось,

Уходит всё, что завершалось ...
 Концовка, правда, удавалась,
 А нужен Взлет... один... без срока!
 23.07.1999

О запретных темах

На руки повесили гири
 И поры души закупорили,
 И славу судьбы очернили,
 И света сиянье оспорили.

Завет не ушел от навета,
 Дыхание Духа – от затхлости,
 На Бога наложено вето
 Из «праведности» и из «жалости».

В пинетки обули ноги,
 Идут по дороге невинности –
 Ни шрамы и ни мозоли
 На пятки не лягут их милости.

А мне... пусть геенна жаром
 Ошпарит лицо. И муку
 Приму, не торгуясь – даром,
 Но Бог укрепит мне руку!
 06.06.1998

* * *

О Истина! как только для меня
 В бореньях побеждаются сомненья, –
 Повсюду вижу разума цветенье
 И к Богу устремленное паренье, –
 Вдруг нечто изовьется что змея,
 И... слышу пустоты тяжелый бубен,
 Бог далеко и даже недоступен,
 Как червь иль камень человек безумен,
 А на Земле печать небытия.
 12.06.1997

* * *

Где познаётся истина? –
 Всуе без громких слов:
 Что-то мелькнет как лысина
 В целой реке голов.

Как она входит в разум? –
 С воздухом через нос,
 С выхлопами и газом,
 А не с озоном гроз.

Или сойдет как молния
 С облака да поддых –
 Вот тебе и теория
 Или нормальный стих.

Доковыляешь как-то,
 Что уж и свет не мил,
 Если теперь с заплаткой
 Истину получил.
 30.07.1997

Камень на перепутье

Я стою здесь со времени она,
 Когда ворон был глупым птенцом,
 А дубок окружала венцом
 Молодая зеленая крона.

Три строки – три судьбы – три юдоли
 На груди проступают как встарь;
 Пусть январь вновь сменяет январь,
 Горы точат осевшие соли –

Эту летопись с краткостью схемы
 Я несусь, как указывал Бог;

Всё другое – лишайник и мох.
Только это несусь, как и все мы.

Подойди, полный удали витязь –
На коне, с головой и копьем.
Те же строки и в сердце твоём.
Я стою, чтоб сказать им: «Проснитесь».
01.04.1997

* * *

Я совсем не могу писать.
Хоть глаголы бы рифмовать.
Хоть бы как, хоть о чем-нибудь.
В голове не стихи, а муть.
На бумаге – одни клише.
Может быть, уж не петь душе?
Может быть, улетел Пегас,
Отощавший от жестких фраз?
Нимфы рядом нет ни одной,
Феи пляшут с душой другой,
Даже муза распевных строк
Не пускает и на порог.
Не навеять теперь стиха
Никому – я один... Апч-ха...
21.07.1999

* * *

Ой да воины заморские, ой да люди
чужеземия,
Не ходите смелой ратию вы на русские
селения:
Ветер с севера подымется,
И тоска-печаль пробудится,

И земля о землю вздыбится,
И веселье позабудется,
Тени сменятся на тернии,
Те что маковкой распустятся,
Да в единое мгновение
Небо звонами опустится
И накроет Русь великую,
Не уйти тогда из полона:
Небеса не сдвинуть пиками,
Не поднять под ними голову.

Ой да люди чужеземия, ой да смелые
воители,
Не ходите в земли русские, коли жить
легко хотите вы.

На Руси леса дремучие
И дороги не жожалые,
Души будут здесь измучены,
«Сильным, слабым – быть усталыми», –
Так на камне напечатано,
Что горюном прозывается,
В нем Борея сердце спрятано,
В нем и тернии рождаются,
А кругом и с хлебным колосом,
И с польньёю, и с осокою
Вырастает тоньше волоса
Тут плакун-трава высокая,
Семена ее разносятся всюду с песнями
и сказами...

Не ходите в земли русские – все пути
навек заказаны,

Заповеданы мессиями,
Заворожены стихиями.

28.07.1999

Познай иные ветры

*Не из этой жизни тема,
Или образы из сна:
Вот опять встает луна
Диском пробкового шлема...*

*Крики дикие саванны,
Запах втопанной травы,
Карабинные стволы,
Струи жаркие из раны...*

*Не слуга витого слога,
А захваченный игрой
Я – взволнованный герой,
Подстреливший носорога...*

*.....
Луны жёстки – рикошетят,
И во времени ином
Я – подхваченный стволом, –
Здесь в меня зачем-то метят...*

*Но никто вовек не ранит:
Он себя отдал в залог, –
Добро смотрит носорог,
Тайно с листика герани.*

18.07.2005

А. Шутый

Handwritten signature

* * *

Когда пишу стихи, – не прозу, –
Из-под ребра, из-под лопатки,
Используя свои повадки,
Мне легче доставать занозу.
27.06.2003

Голуби

Так бывает – вдруг слышишь минорные нотки:
Мне подумалось как-то, кроша сухари,
Зря я мифы читал о Хароне и лодке,
Потому что однажды с лучами зари
Удалюсь я отсюда в воздушной пролетке,
Что к окну моему принесут сизари;
Не окажется речки с двумя берегами,
И Забвенье весло не ударит водами,
Ни протянутой нитки, ни ножниц над ней –
Лишь окно и пространство... да шум голубей.
21.02.2003

* * *

Когда-то в крошечной ночи я увижу зарю,
Пойду на лучи огневые, поднявшись с постели,
Откроется лето, которого так мы хотели,
И ветки деревьев покажут дорогу мою...

А после мальчишка меня проведет между ям,
В которые брошу свои рукавицы и куртку,
Я там постою, вспоминая о чем-то с минутку,
И дальше, без страха, отправлюсь по новым
местам.

И небо, и Солнце пойму по глазам, по устам...
07.04.2003

* * *

Под Солнцем и под облаками
Для нас выпрашивают право,
И, может, Бог пребудет с нами,
Когда взметнется как цунами
Спокойное пока что Дао.
06.03.2003

Глобальная катастрофа

Откуда эти бешенство и злоба,
Что нежеланным сделали рассвет?
Мне кажется, родился в пространстве слово,
И над Землею грянет: «Бога нет!»

«Нет больше Бога!», – возглашают волны.
«Мир потерял Его, – несется вслед, –
Земля сошла с оси, и тьмы колонны
Уже в пути – над вами Бога нет!»

Где сила беспощадного напора
Копилась тайно сотни тысяч лет?!
Кто возбудил в стихиях жажду моря,
Кто дал им власть, сказав, что Бога нет?!
26.07.1999

* * *

Не признавая полумеры,
Хотел я мимо проходить
Дворцов и храмов; парки, скверы
Хотелось видеть; всюду быть.

Мы в чем-то держим суть свою,
Хоть и меняемся незримо,
И вот теперь я говорю:

«Пусть это всё проходит мимо».

18.04.2003

* * *

Открыл окошко, лето чуя,
И вновь истома занялась –
Стоять на месте не хочу я:
Дороги захватили власть.
 И что ни звук, то издалека,
 Что ни мгновения – за ним.
 От дома нету больше прока:
 Не он сгорит, так мы сгорим!
И не страшат угрозы бедствий,
Ни скалы гор, ни моря дно –
Как просто ветру путешествий
Влететь в открытое окно.
14.04.2003

* * *

Я один бы лег в постель
На ночь – для порядка,
Но в течение недель
Одному не сладко.
 Может, стал бы ночевать
 Я с подружкой рядом,
 Только тесно будет спать,
 А худых не надо.
На перине я тону,
Жестко на циновке,
Там я вовсе не засну
Да и тут неловко.
 Слишком темен зла чертог,
 Ярок свет у рая...
 Я б в сырую землю лег,
 Но она ж – сырая.
16.04.2003

* * *

Мне, наверное, на рею пора:
На дорогу навалилась гора,
Переходы затопило в бору,
Пересохла переправы в жару,
Рассмеялся надо мною Пьеро,
И прохожий тычет пальцем в ребро,
Накренились к голове фонари,
Разыграли меж собой главари,
Разметало мою жизнь в ноябре,
Приросло мое нутро к коже,уре,
Так что мне не дохромать до утра,
Даже смертного не встретить одра –
На дорогу навалилась гора,
Потому что в барабане дыра.
06.06.2003

* * *

Я снова ангелом наказан –
Узнал вкус грязи от копыт,
Но плачет в радости мой разум:
Наказан, значит не забывает.
01.07.2003

* * *

Кругом песок, один песок,
И я в песке по пояс.
Песчаный, – как змея, без ног, –
Пересекаю полюс.
 Воспоминания с виска
 Сошли густой смолою,
 Но им не скрыться от песка,
 А быть лицом покою.

И протекает сквозь зрачок
 Песка струя сухая,
 Я без нее уже б не смог
 Идти, песок листая.
 11.04.2003

*О.Н.Никольскому, погибшему
 в этот день подо льдом Воли*

Как некий плод оставлен зреть –
 Мой глобус возле книжной щели.
 Он заключен в тугую сеть –
 Меридианы, параллели.
 Но уברי с бумажных карт
 Натянутые всюду тросы –
 Камней наружу хлынет град,
 Прорвутся лавы и торосы,
 И бурей воды зашумят.
 Вот так же надлежит и мне
 Носить унылую рубаху,
 Чтобы не вылился вовне
 Мой мир и не попал на плаху.
 Чтобы вселенная моя
 Не перепуталась с камнями,
 Ремнями стянуты края.
 Но Солнце камни рушит днями,
 И трутся нитки у белья.
 22.04.2003

* * *

Я хотел бы для всех притвориться
 И по жизни святого сыграть,
 А еще бы, пока мне за тридцать,
 На кресте свое тело распять,
 Жерновами измучиться в дым,
 Всё истратить до детских пеленок,

Я хотел бы *казаться* святым,
 Раз им *быть* не хватает силенок.
 29.06.2003

* * *

Я жил и в прошлые века,
 Мною не одна судьба размотана –
 И кесарю, и Богу отдано,
 Что с прибылью, что с молотка;
 Но не меняются века.
 Я узнаю свои холсты,
 Теперь музеями хранимые,
 И понимаю: это мнимые
 На ткани блики темноты –
 Висят под люстрами холсты.
 В концертных залах многих стран
 Звучат мои произведения –
 Мои старания и бдения
 Привлек напрасно нотный стан
 В гудящем чреве прежних стран.
 А вот знакомая строка,
 Написанная как-то в древности
 От бывших зря любви и ревности,
 Ведь не меняются века,
 Хоть и была моя строка.
 29.04.2003

* * *

Никогда не смогут бесы
 Кличем грянуть в унисон,
 Только Божьей рати сонм
 Словом мир взорвет безвестный.
 Это будет крыльев звон,
 Это будет гром Небесный!
 05.04.2005

* * *

Обрубиться до ствола,
Чтобы только выстоять,
Место посреди стола
Вгорячах не выпорить.
 Не смотреть по сторонам,
 Под ноги и прочее,
 Страх ли, гнев ли, мнимый срам
 Чтобы морды скорчили.

Быть одним и дуть в одно,
Хоть бы черти жрали, и
Плыть как по морю бревно
К берегам Австралии.
13.06.2003

* * *

Как трудно мне любить
 мой серый, мрачный город,
Игру его ветров
 с ударами в окно,
Всё время жданный
 возвращающийся холод,
В котором задремать
 должно веретено.

Как трудно пожалеть
 людей пустых и хмурых,
Молитвы зависти
 твердящих у икон,
Как трудно видеть кровь,
 но мясо есть с шампуров,
Обидно быть в хвосте,
 хоть и узнав Закон.
Как трудно делать жизнь,
 когда судьбу пророчишь,
И смерти избегать,
 когда ее так хочешь.

17.05.2003

* * *

Почему так получилось:
Я за тыщи верст от дома
И раздетый, и хромой?
Рядом небо обломилось,
Породив раскаты грома,
Я сквозь них иду домой.

Может, спал я и рекою
Был снесен в края чужие
В лоно сумрачных земель,
Или злобой вековой
Смерчи мыслей закружили,
Усыпив на сто недель.

А теперь в солдатской куртке,
Босиком, в штанах паяца,
И готовый всё снести,
Не шаги считаю – сутки ...
Мне бы только не остаться ...
Мне бы до дому дойти.
04.06.2003

* * *

Я мастерил себе машину:
На кость поставил колесо,
А жилу закрутил в пружину,
И ветру отдал я лицо.
 Я торопился: кровь Иова
 В меня проникла через глаз;
 Я поднят был волнением слова ...
 И пояс был мне в самый раз.
Бежал по пыли и по плитам ...
Где подорожник и репей,
Бежал голодный или сытый,
Где ищет Солнце Водолей.

Проникся светом я болидным...
 Чтобы однажды стать убитым.
 21.06.2003

* * *

Мы рождены рубиться на ножах,
 Зубами прогрызать вперед проходы,
 Всё время повторяя свои роды
 В истериках, разгулах, дележах;

Попробовать нектара или зелья,
 Отведать упоенье и экстаз,
 Мы рождены, пуститься в жизни в пляс
 От горя дикого, от дикого веселья;

Вершину выбрав, наступить пятой
 На острый пик, что не давался многим,
 Назло природе и чертям двурогим
 Пройти к мечте – и даже над мечтой...

Ну а в конце, взглянув отсюда ввысь,
 Чтобы сказать: «Мы зря здесь родились».
 23.06.2003

*О кошке, поднесшей умирающего
 котенка к моим ногам*

Обращения к Богу адресуются нам,
 Но немymi крестами заслоняется храм,
 Мы повсюду невинны и не пляшем со злом...
 Обращаются к Богу, так что мы – ни при чем.

Мы слабы и спокойно, забивая гробы,
 Ритуально хороним от судьбы до судьбы,
 Тишиною врачуем, не жалея о том,
 И, взглянув на бездомность, направляемся
 в дом.

Ну а как же иначе за земною грядой?
 Не реветь же годами над холодной звездой,
 Не терзать же пространство между двух
 полюсов,
 Не бросать же камнями в чаши «вечных»
 весов?!

15.07.2003

* * *

В руках у Бога жизнь дрожит,
 И сам Он за нее боится,
 Но в грезах созерцает лица,
 Мерцающие сквозь самшит.

И снова став как монолит,
 Пусть даже мир окатит солью,
 Он отпускает жизнь на волю!
 «Ну, с Богом...» – тихо говорит.
 11.07.2003

* * *

Всё, что будет, – сбудется,
 Вырастет растущее...
 Солнечная улица
 Уведет в грядущее...
 Мы на ней окажемся,
 Побежим без усталости,
 Облака покажутся,
 Как перила, узкими...

Не волнуясь целями,
 Не спеша за временем,
 Над седыми елями
 Взмоем дуновением...
 За морями-странами
 Вспомним об Отечестве
 И дойдем желанными,
 Словно во младенчестве.

13.07.2003

* * *

Барабан звенит
И гремит струна –
Мне идти в зенит,
Там моя страна.

Мне пройти земли
Костяную длань,
Городам в пыли
Отдавая дань.
Рассказать другим,
Совершив обет,
Бирюзовый гимн –
Это будет след;
Если свет потом
На него найдет,
Проводник с крестом
Мою плоть найдет

И, открывши Дом,
Где спадет беда,
Проведет потом
Напрямик туда.
25.09.2003

* * *

Я не великим стану после
Неотвратимой фазы смерти,
Когда сколоченные доски
Меня скупают на этом свете –
Я стану меньше малой мошки
И гномом рядом с муравьями,
Чтобы с пустой ладони Тошки
Скользнуть в окошко меж мирами,
Нисколько не страшась погони,
Чтобы исследовать тропинки,
Ощупать чтобы всюду корни
И уложить в узор песчинки.

Но я не позабуду роста,
Не растеряю мощь напрасно
И потому однажды просто
Перешагну через пространства.
18.05.2004

* * *

Ни враг не страшен и ни рог,
И ни овраг, и ни порог!
Ну, что иль кто! Схлестнемся?!
Мне в помощь послан носорог –
Не «я», а «мы» на этот срок:
Мой дух, а сила в нём вся,
И мы везде прорвемся!
20.07.2005

* * *

Окунувшись в роль,
Я постигну «Быть».
Перебравши боль,
Перестану выть.

Зашвырну валун
Синевы оконц
Через холод лун,
Через пламя солнц.

Посажу лопух
На остатки крох
И увижу Дух,
И услышу: «Бог» ...

И пробьет на звук
Сквозь песок родник –
Это в двери стук,
Это тихий крик.
10.08.2003

*Нашему клёнику и другим
деревьям, которые росли
до этого дня за нашим окном*

Ветви тянулись к небу...
Ствол наклонялся ветром...
Солнце светило редко
Этим холодным летом...
А топора удары
Били меня под память...
Ты, мой товарищ старый,
С кем теперь буду плакать?..
Верю, в раю кленовом
Станет тебе чудесно,
Я же укрою словом
Ныне пустое место.
Капает дождь на кольца...
Может, пробьются детки...
Редко светило солнце...
К небу стремились ветки.
16.06.2004

* * *

Без ноги старик,
Без хвоста ворона...
Я уже привык,
Никому не ново.
Из окошка вид
На мою дорожку.
Новый день разлит –
Мы и взяли ложку,
Поднесли ко рту,
Отхлебнули малость,
На дневном свету
Что кому досталось...
Деревяшки шаг
Да по ветру перья...

Мы же – просто так,
И почти не веря.
14.07.2004

На смерть моего дяди Алика

Мы долго не тонем,
Надеясь на вёсны,
Не сушим к ладоням
Приросшие вёсла,
Но с моря подуло...
Нигде не уютно...
Хоть ляжешь под дуло –
Не выправить утра,
О гребни споткнулись –
Разбилась работа:
Вблизи распахнулись
Из мира ворота.

26.07.2004

* * *

Колосья созрели
И вовремя сжаты.
Мы были при деле,
Мы были солдаты.
Июль 2004 г. – ноябрь 2009 г.

*На смерть моего дяди Кости
и погибших в этот же день
под цунами*

Волны океана,
Складки на кровати...
Кажется, что мало
Берегущей рати...

Иссекают силы
На планете третьей...
Простыни и иглы –
Много их у смерти.

Не увидев манны,
Зарываем мощи,
Но через туманы
Переходят очи...

За долиной белой,
За горой морозной
Удалят нам стрелы,
Ставшие занозой.

29.12.2004

* * *

Около предгорий и с фонтаном рядом,
Сидя на ступенях, я внимал балладам.
Может быть, тогда уж под раскаты грома
Виделись ступени лестниц из бетона.
Нежно брал за плечи ветер, провожая,
И на флейте пела мне вода живая.
Но иные ветры за горой ходили,
И косые ливни тело холодили.
Тихое волненье времени разгона...
Это – как затишье нового перрона.
Только, тех предгорий знают постоянство,
Ведь за ними дальше темное пространство.
Закрывая крепко от полета очи,
Мы в него шагаем после женских корчей.
Может, потому-то у подъезда зданий
Ощущаю эхом звуки песни давней,
И почти что дымкой, как-то очень странно,
Вижу я ступени около фонтана.

29.06.2004

* * *

Под белым небом
Меня качали.
Я был не первым
В дожде печали.
Меня растили,
Меня позвали
Идти в Россию,
В земные дали.

Мне дали око
И веру в память,
Сказали, много
Не буду падать.

Назвали Толей,
Назло пороку
Чтоб силой воли
Шагал к Востоку.

И чтобы понял:
«Я с Небосводом!»,
И чтобы помнил,
Откуда родом.
29.06.2004

* * *

Потому, наверное, у нас
Годы называются летами,
Что давно уж летом каждый раз
Улетают, распроставшись с нами,
Те, кого мы видели годами,
На кого надеялись подчас.

— — —
Чтобы снова снега не дожидаться,
Хочется порой и мне собраться
Жарким летом, только вот пока
Не зовут на «юг» – за облака.
08.08.2005

* * *

За горизонтом желтая земля,
Под нею – носорог да черепаха,
Она лежит вне холода и праха,
Не сотрясаясь, даже не пыля.

Туда не допускают наши взгляды,
И солнце, нагревая валуны,
Как влагу испаряет чьи-то сны,
Стихам перелетевшим только рады.

У той земли есть миссия одна:
В тиши там сочленяют имена,
Те, что у нас судьбою бы назвали;
Их получает будущий народ,
Потом дают пройти сквозь горизонт...
А что не так?.. Иль Вы там не бывали?
27.08.2005

* * *

Ищу глазами: что́ бы освежило
В моей душе увиденное раньше –
Оно и по земном рожденье живо,
Не на земле увиденное – дальше.
Печати неразгаданных эпох
Твердыня, обуздавшая молох,
Узоры планов, мыслей Демиурга...
Ищу я, но задерживаю вздох
При виде лишь фонтанов Петербурга.
27.08.2005

* * *

Рассчитывая капли крови в жилах,
Среди ветров скитаясь и камней,

Держа бумагу с ручкой в пальцах стылых,
Подкармливая божьих голубей,
Не смею ждать высокого прощенья,
Но, сколько б ни горела моя лампа,
Лишь бы пустым не стало воплощенье,
Пускай не будет холостого залпа.
28.08.2005

* * *¹

Я пишу и пишу, всё стремясь повторить
То, что было в когда-то услышанной песне.
Может, стало б не нужно бумагу бурить,
Если вспомнить ее, отыскать ее если.

Но она лишь мерцает с большой высоты,
Только что-то обрывками около вьётся,
И ничто не выходит – я множу листы...
Помню, было там: «Небо...», «Путь...»,
«Ветер...» и «Солнце».
13.04.2001

* * *

Он помнит страстную субботу,
Нависшие своды пещеры,
Земли заболевшей ломоту,
Камней воспаленные нервы;
Как видел под небом распятым,
Что мир каждым звуком стенает,
Как Бога, казалось, нет рядом...
Он с нами сейчас вспоминает,
Как был окружаемый адом
И как, отстраняя нас, падал.
14.04.2001

¹ Стихотворения, начиная с данного и до венка сонетов, публикуются впервые.

* * *

На ум почему-то приходит молитва,
И взор поднимается выше и выше:
Наверное, вскорости ждет меня битва,
Моё испытание ближе и ближе.
По-прежнему вроде бы время идет
И старое дело, и та же забота,
И, кажется, видно аж на год вперед,
Но пальцы сложились в трёхперстие что-то.
15.04.2001

* * *

Я рад, что не всё так гладко,
Хватает на век мой соли:
Рогатый – его повадка,
И он не со мною в доле.
15.04.2001

* * *

Пусть не дойдут до нас снега
И все растают по дороге,
Пусть не кончается строка
На произнесенном слоге,
Без объяснений пусть поймут,
Без доказательства поверят,
И не фатальным будет суд,
И дружбу встречами не меряют,
Пусть ласка рук не минет плеч, –
Обычная, не как награда, –
Фальшивость только бы отсечь ...
И снега тоже бы не надо.
05.11.2006

На смерть бабушки (Любови Андреевны Мавренковой)

Восходит воздух от тепла земли,
Чтобы в полете ветром обратиться.
Часы восходом солнечным зажгли,
И пламя дольше века будет биться.
Ступеням не подобрано числа,
Они окружены дрожащей синью,
Которую уносятся слова,
С ромашками сплетаясь и полынью.

И отмирают корни под землей,
И облаками уплывают кроны ...
А нам еще раз встретиться с зимой,
Запомнив растворившиеся звоны.
14.08.2006

Симбирску-Ульяновску

Циклоны, ветры случаев – лишь повод,
Причиной было чье-то ожиданье,
И вот со мной смешался этот город,
Стал дверью он в долины Мирозданья.

От непогоды ставил потолки,
Путь направляя по бетонным плитам,
Бывал не строг к моим ботинкам сбитым
Мой побратим течением реки.

Он мой соавтор яви, снов, мечты,
Давала духу взлет его аллея,
А горизонт, на севере белея,
Дарил нездешних образов черты.

Но до сих пор во власти завихрений
Воздушных лоскутов горы с лощиной,

Смотря в окно, почти без сожалений,
 Всё думаю над той своей *причиной*.
 19.11.2006

В парке у часовни Андрея Блаженного

Осторожно, осторожно...
 Эта былъ – былинка сорная.
 Деревам вокруг тревожно –
 Ветер. Небо беспризорное.

Глубины упали капли
 На соцветье подорожника...
 Долгий путь ли, старый сад ли –
 Далеко пока что Боженька.

Чтобы в поисках не сбиться,
 Ведь не нужно долголетия, –
 Мотыльком пусть обратится
 Придорожное соцветие.

А под ветром не останемся,
 О минутах сожалая:
 Здесь поможет, коль покаемся,
 Дух блаженного Андрея.
 20.06.2007

Черемуховое похолодание

Черемуху со снегом перепутав,
 Борей из своего поднялся гроба,
 Что скрыт в земле у ненцев и якутов,
 Он напряжен, драконом смотрит в оба
 И злобно рыщет в поисках сугроба.
 15.05.2003

Ex libris Маленького принца

Где приземлился Сент-Экзюпери?
 Куда стремятся летчики и дети?
 Мой друг, ты ночью в небо посмотри –
 Там дальних путешествий солнца светят.

Там королевство мудрого добра,
 Где люди и цветы не прячут лица,
 И моется Вселенная с утра
 Под звуки сказок Маленького принца.

Лучей огня там есть аэродром,
 Всё королевство светится костром,
 А искры разлетаются от вспышки...

Они летят к мечтателям Земли,
 К сердцам, что их почувствовать смогли,
 И помечают как ex libris книжки.
 11.11.2006

* * *

Мы судьбу о землю точим
 И под нос себе бормочем:
 «Солнце не остынет»;
 Но на всякое решенье
 Наползает *завершенье*,
 Как бархан в пустыне.
 И окажется гора
 Вместо дома и двора.
 17.04.2001

* * *

Мне дан гербарий за оградой сада,
 Чтоб, зная красоту земных цветов,
 Не отвлекался ей в краю ветров
 И мог бы защитить цветы от града.
 03.03.2008

* * *

Как хорошо, что не пишу я дневников,
Что я для всех обрезанный цензурой,
Затушенный как уголь в глине бурой,
Остуженный потоком будних слов.
И не увидят порченных листков:
Следов когтей и почерка вразвалку,
Когда сам ад совал мне зажигалку,
И бил огонь на месте родников,
А после нескольких вокруг меня витков
Сосало пламя образы из глаза –
И мертвой у меня рождалась фраза –
Но не увидят тех его глотков...
Как хорошо, что не пишу я дневников!
21.10.2006

«Только без рук!»

Наши судьбы неизвестны,
И попробуй угадай.
Ночи – длинные, сутки – тесны...
Ну не ждать же месяц май!
Так обнимемся давай!

Коль согласны Вы с незнанием:
Что, мол, нам еще б дожить...
Перед долгим расставанием
Нужно нам попроще жить
Да и что-то разрешить...

Впереди длинна дорога:
Испытанья, горы, дали... –
Пошалим еще немного.
А не будет, что сказали, –
Мы же этого не знали.
06.03.2008

* * *

Грех стучится в височную кость,
Завывает под дверью как вьюга,
Наплавывает по линии круга,
Меж костями проходит, что гвоздь.
Вот и снова движенье в замке,
Содрогается пламя камина,
Истекает мечта, – неповинна, –
Быстро, талой водой по руке.
Не нашли меня в доме потом.
На стенах белый иней остался,
И никто уже не отзывался:
Мое время снесло сквозняком.
15.12.2008

* * *

Нет в мире зла, есть только сон
О том, что в жизни быть могло бы,
И боль вселенская, и стон
Пока не настоящей пробы.

Всё – сонмы душ в начале лет
Виденьем ужаса объяты
Того, что тьма встает на свет,
И ангел облачился в латы,
Того, что предается Высь
И прибивается гвоздями,
И дети Божьи продались,
И льется смерть на них дождями...

Чтоб не свершилось наяву,
Все учатся своими снами.
Проснувшись, скажет мир: «Живу!»
.....
Всё это так, но... жаль, не с нами.
25.02.2008

* * *

Божий Лик нами как-то был собран
Из прозрачных осколков стекла
И поставлен в отверстия окон,
Чтобы стужа в дома не прошла.

Но все чаще бьет ветер о рамы –
От него не найти сторожей –
И на нас умножаются раны
От рассыпавшихся витражей.
17.1.2007

* * *

Когда судьба женщины висела на волоске,
И человеческой крови было уже не жалко,
Что тогда

Он рисовал на песке?

Что чертила

подобранная с земли палка?

«Формулу» Истины

или снежинки далеких стран...

Плотницкие наброски

или ключи к судьбе...

Даты открытий, войн, человеческой славы и
ран...

Или, может, стихотворенье и

«тройки» две?

Заглянули бы, прочитали бы, зарыдали бы,
Оставили бы жестокою, детскую свою игру,
Но тогда прошли по написанному чьи-то
сандалии,

И было развеяно всё

на ветру.

03.08.2008

Эмигранты

Территория иная.
Обнуляется судьба.
Сериал – «На ловле рая»,
Начинаем: «Дубль два».

И отечество другое, –
Знать, «приёмного» отца.
Есть же выбор – сменят вскоре
От лица и до конца.

Неизношенные чувства
Да эмоции без дыр.
И не жалко, и не грустно.
Если нужно, скажут: «Сыбыр...»

Не бездушные атланты –
Пусть минует их сто бед –
Эмигранты, эмигранты...
Просто люди *секонд-хенд*.
29.02.2008

Фантомы

Я не хочу питать фантом,
Но в день по три-четыре раза
Бываю с братом-близнецом,
Хоть и невидимым для глаза.

Меня он лучше во сто крат,
Соревноваться с ним – пустое,
И не отстать я был бы рад,
Чтоб стало нас повсюду двое.

Еще есть та, что подойдет,
И хворь моя проходит мимо.

Теплом меня во мне найдет.
Но и она, увы, незрима.

Что делать – всюду столько лжи:
Куда не кинь – всё миражи,
Хоть бейся с ними, хоть дружи.
Лето 2009 г.

* * *

Опять, душа, тебе приятна «шуба»,
Ведь не сравнить с ладошкой листок ...
Привычно устанавливая порог
От «малой» скорби будто бы от шума.
Вчера погиб на полке мой цветок.
05.02.2008

* * *

Упал сосуд из хрустала,
А я кричу: «Не я, не я!»:
И этот миг, и этот звук
Я не нарочно скинул с рук!
Моя потрескалась броня
(Не враг же я себе) – не я:
Я не хотел подставить тыл,
Не я все это разрешил!
Опять начать, все хороня,
Я не хочу – не для меня!
Я сзади не сжигал мосты –
Одна гроза! Кто с ней на «ты»?!
И проклято начало дня,
Но это был не я, не я!
Не я – на мне одно бельё.
Своё? Я потерял своё.
03.08.2009

* * *

Король повержен – хохочите!
Отныне это – мертвый лев,
И вид могучий – просто блеф,
На большее не хватит прыти!

Законно всё – был верный знак:
Об этом каркали вороны.
Ему лишь ветры шают поклоны,
Король унижен, беден, наг!
... ..
И не страшит пускай никак,
Что не исчезла тень короны.
05.11.2006

Посвящается взорванным храмам Симбирска

В Симбирске не хватает куполов,
Поэтому и ветер воет волком,
И веет прошлым в воздухе прогорклом
В пространстве между правых берегов.

Кружится снег, летает летний пух ...
Как я, наверно, в поисках прислона.
Мне наяву почти не слышно звона ...
Отняли имя, изгоняя Дух.

Что я могу построить, кроме слов?
Но силы Божьей милости бездонны!
Я буду в небе представлять иконы!
В Симбирске не хватает куполов.
16.02.2008

* * *

Сердцевина затвердела,
Только пламя не погасло,
Стало быстро, стало бело...
Всё, что будет – не напрасно!

Отразится от кристаллов,
Пронесется сквозь алмазы,
И накатит девять баллов:
Сразу молния и разум!
29.06.2007

* * *

Всё то, что было днем освещено,
И вечером что наполняло зданья,
Иные обретает очертанья,
Когда везде становится темно.

Когда в кроватях засыпаем мы,
Другого наступает пробужденье.
Что более реально? Рассужденье
(Дневные... ночью...) не всегда верны.

Когда же снова слышен солнца зов,
Приходит время для знакомой яви,
А то, другое – закрывает ставни
И видит день в другом пространстве снов.
05.03.2008

* * *

Лет через сто, а может, раньше,
Уже на этой, грешной ниве
Жар боли навсегда остынет –
Физической – в потомках наших.
Пока лишь так, но тоже дело!

За этим наша плоть болела,
Когда работой были с ними.
В тени печального удела
Пусть мучает их только имя.
Август 2007 г.

* * *

Отраженье черно-белое,
Света край и тьмы края,
Море, в Духе обгорелое,
Или прорезь бытия,

Мозга космоса извилины,
Пальца времени узор.
Спилы вечности усилены
Через краткий острый взор.

В пустоте, как шрамы бурые,
Долгий след оставил бур
Гойи, Брейгеля и Дюрера
Отпечатанных гравюр.
18.10.2007

* * *

Шар стальной окружила тоска,
Обняла на свисающем рельсе.
Угол дома и пола доска...
От опоры до краски мазка,
Растворяющемся в лихолетье.

А надежда – сестрица окна,
Та, что света весеннего легче,
Подхватила ракушку со дна,
Краски с выцветшего полотна,
Обнимая прошедшего плечи.
26.02.2008

* * *

Не в свою реальность влез –
Взгляд втащил с бумаги тесной
Из земли торчащий рельс,
Нависающий над бездной.

Век Вселенной пролистал
И застыл в полетной оде.
Обрывается металл –
Не в плену, не на свободе.

На краю слова спеклись,
Предварявшие паренье.
Тишина ... Покой ... Молись!
В ожидании творенья.
01.03.2008

ЗЕМНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

*см. картину С. Дали «Геополитический младенец, наблюдающий рождение нового человека»
(венок сонетов)*

Из глубины яйцовой в сферу дней
Я вытяну морщинистое тельце –
Вольется воздух, и зайдется сердце
От боли новорожденных ступней.

Расскажет наблюдавший за яйцом
Историю и логику событий,
Игру пересекающихся нитей,
Запутанных, но тающих венцом.

Нет, не они мои поднимут кисти,
Встревожат запылившиеся листья –
Не куклой вялой встану на носки

У древнего, как жизнь земная, чана,
Где общие и боль, и труд, и рана,
Чтобы я смог вложить свои мозги.

1

Из глубины яйцовой в сферу дней
Упали искры первозданной воли,
Как будто небо мачтами вспороли
От проходивших мимо кораблей.

Не говори, что кто-то виноват –
Не нарушай походного уклада;
У нас есть имя – большего не надо –
И движемся, пусть даже наугад.

А просто были острыми штыри,
Но не заметить, сколько ни смотри,
Следов руки «великого умельца».

Поэтому на ветров торжество
Чужого воплощенья моего
Я вытяну морщинистое тельце.

2

Я вытяну морщинистое тельце
На грудь тугую Матери-земли
И вместо молока в густой пыли
Почувствую ожоги губ от перца.

Я не услышу ласкового пенья,
Не будет материнского тепла:
Она давным-давно уж умерла –
И я об этом думал до рожденья.

Не сирота убогий и не сын
Мертвородившей матери, один
Я с плеч и шеи сброшу полотенце,

И тут же, нарушая «Договор»,
С огромных скал парящих в небе гор
Вольется воздух, и зайдется сердце.

3

Вольется воздух, и зайдется сердце,
 Когда фонтан задумчиво кивнет,
 Когда увижу облака полет,
 И, растворяясь, растворится дверца ...

Площадка, белый мрамор водоема,
 Светло и тихо у высоких скал,
 А впереди чернеет перевал –
 Печаль и многоточия истома –

Прощение, прощание надолго,
 Две чаши: чаша крови, чаша долга
 Даются со словами: «Будь сильней» ...

И снова угасает изначальность:
 Из памяти я выброшен в реальность
 От боли новорожденных ступней.

4

От боли новорожденных ступней
 Усвоить можно быстро сущность шага
 И неподвижность отличить от блага,
 Прочувствовать агрессию камней.

Но мы тут все – почти что малыши,
 Неважно, у кого какая ноша –
 За краткий век не задубеет кожа –
 Одна живая в каменной глуши.

Основы бытия – предмет тяжелый,
 Шпиргалкой не отделаться дешевой –
 Прощедшие уходят нагишом;

Оставшиеся крутятся толпою,
 А что там, за земною скорлупою –
 Расскажет наблюдавший за яйцом.

5

Расскажет наблюдавший за яйцом,
 Что я из-под скорлупки появился,
 И мир другой мне разве что приснился,
 А с этим обручился я кольцом;

Что не было сомнений над ручьем,
 Ни выбора, ни чаш, ни ожиданья,
 А только жар бредового желанья,
 Не встретив ночи, улететь лучом.

Он разжует мне образный язык,
 Сольёт устои с фактами в арык,
 Питающий оазисы наитий;

«Ничтожней праха и мертвей мощей
 Всё то, что нарушает ход вещей,
 Историю и логику событий».

6

Историю и логику событий
 Узнаю я когда-нибудь потом –
 Отправлю доказательства на слом,
 Не будет оправданий и укрытий.

Всё сохраняется как знак родимый,
 Пусть даже это всплеск на глади вод:
 Он из ручья на строчку попадет,
 Прочтётся – и уже неистребимый!

Однажды нам предстанет как ядро,
 Как бытия несущее ребро,
 Сгущение надежд, потерь, открытий,

Ушедшего от наших тел тепла,
 Сплетенных взглядов (крепко – до узла),
 Игру пересекающихся нитей.

7

Игру пересекающихся нитей
 Не видно в наступлении зари –
 Там красные мерцают фонари
 И тлеют головни кровопролитий.

Людские жилы нити укрепляют,
 В них головы живые вплетены,
 Они – и плеть, и струны тетивы,
 И с перекладин петлями свисают.

Судьба – глухая сытая старуха –
 Из нитей вяжет, с добавленьем пуха,
 Носки и маски с каменным лицом;

Ее сюжеты из театра клонов,
 Ее узоры – узелки законов,
 Запутанных, но тающих венцом.

8

Запутанных, – но тающих венцом
 В пространстве этом сером и
 пустынном, –
 В конце пути тяжелом, но не длинном,
 Чтобы к стопе путь не пристал свинцом,

Найдет их и возьмет крылатый лев,
 Покажет светоносные долины,
 И всех времен для них сыграют гимны,
 И прикоснутся ангелы, слетев,

Зажгутся солнца в миллиард очей,
 Незримые за грудой калачей
 От заблуждений – блуда наших «истин» ...

И у меня есть мысли да мечты,
 Противные девизу наготы;
 Нет, не они мои поднимут кисти.

9

Нет, не они мои поднимут кисти –
 Не признанная в мире жажда жить
 И не желанье славу ублажить, –
 Когда услышу странное: «Очисти!»

В глаза войдут куски чужого зренья,
 Которые исчезнуть не смогли,
 И первый шаг, тот что из тысяч ли,
 Окажется важней сердцебиенья.

Всё беспризорное своим назвав,
 Объединяясь с ним в горячий сплав,
 В погибшее сумею силы влить я.

Не будет приказаний мне иных,
 Лишь крылья помогающих святых
 Встревожат запылившиеся листья.

10

Встревожат запылившиеся листья
 Поднявшиеся в воздух образа,
 Слезами затрепещет бирюза,
 И снова то, что кончилось, продлится.

Потом покроют воды океана
 Все земли, мысли, образы, слова ...
 Но долго будут плавать острова,
 Подхваченные музыкой органа.

Соединятся воды с облаками,
 Как будто небо обняло руками
 Всех, по кому немеет от тоски ...

Откроется тогда: всё волей дышит,
 И потому теперь, чтоб стать чуть выше,
 Не куклой вялой встану на носки.

11

Не куклой вялой встану на носки,
 Когда не будет способа подняться,
 А званным на планете этой драться,
 Пусть даже и посаженным в тиски.

Ведь наши жизни не чета ролям:
 На сцене не бывает воплощенных,
 Единой пуповиной пригвожденных
 К столбам или, как минимум, к скорбям.

Неправда, что у Дао плавный ток –
 Он жжет и режет как огня глоток,
 И рваною становится Нирвана;

Поток несет между харибд и сцилл,
 Чтобы оставить плодоносный ил
 У древнего, как жизнь земная, чана.

12

У древнего, как жизнь земная, чана
 Порою слепнем мы за кипятком,
 Смотри, как свои пятки лижут ртом
 Растущие вокруг клубы тумана.

А заглянуть бы хоть немного дальше –
 На те ступени, что сюда ведут,
 На то, что ищут, только не найдут, –
 Где были мы, а ныне – сердце наше.

В пылу сражений, горечи дыму
 Мы чужеродны этому всему,
 Как воины у вражеского стана;

Но мы не разойдемся «по домам»,
 А до конца, как должно, будем там,
 Где общие и боль, и труд, и рана.

13

Где общие и боль, и труд, и рана,
 Стихиями работают меха,
 Закачивая воздух в потроха,
 Когда уйти из жизни еще рано.

Тебе помогут в горе и болезни,
 А дальше будет твой уже черед
 Попробовать хрустящий пылью пот,
 Не поддаваясь вечно ждущей бездне.

Великие стихи венчают слоги –
 Не знаю я, что быть должно в итоге,
 Не знаю, только делаю броски.

Ведь мне даны не только кости – латы,
 И в этой жизни выверены даты,
 Чтобы я смог вложить свои мозги.

14

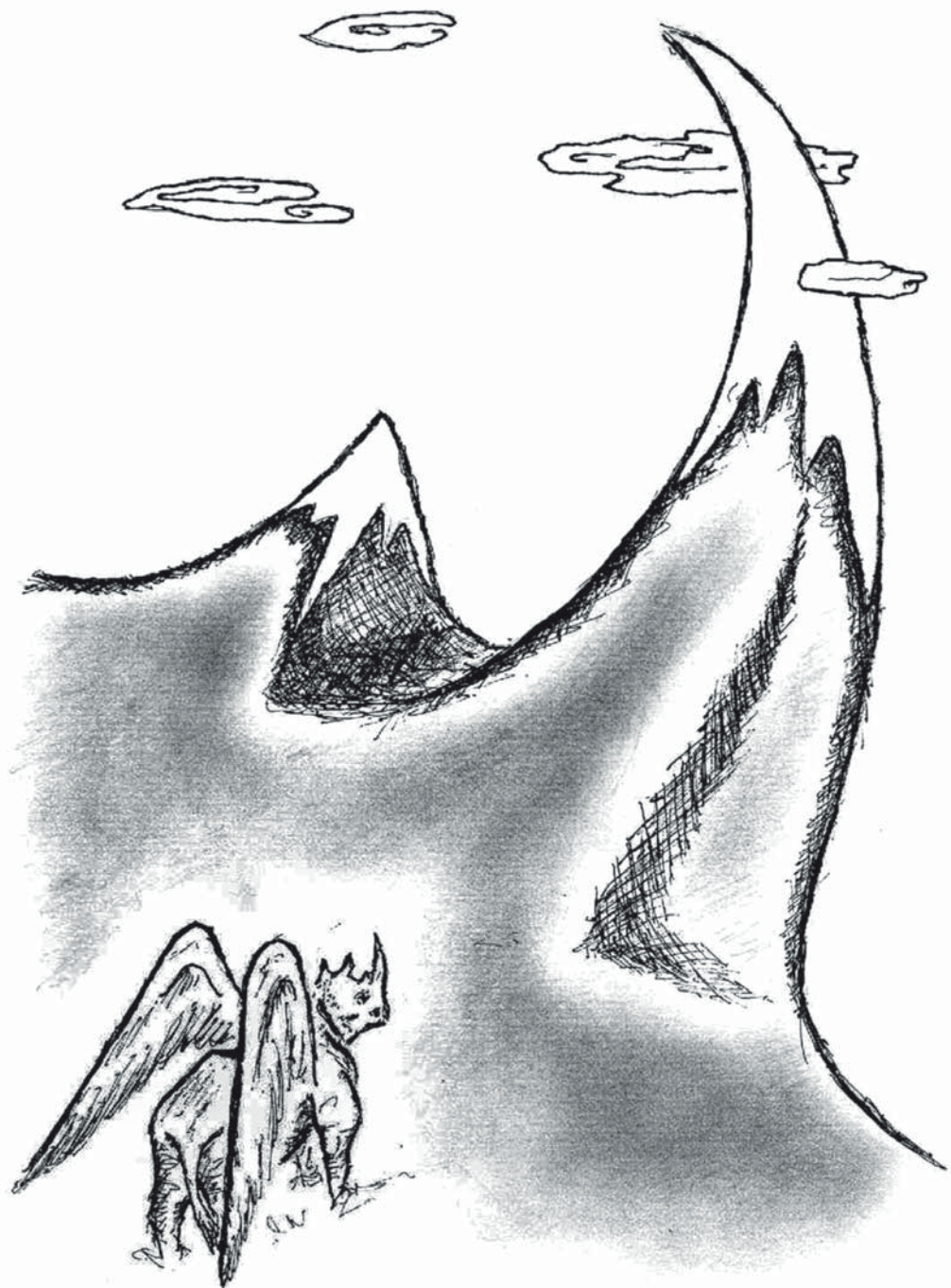
Чтобы я смог вложить свои мозги
 В пока желеобразные основы, –
 Для коих боль в касанье, волны – новы
 И струи ветра делают мазки, –

Я должен сам расплавиться в печи
 Земного огнедышащего чрева,
 Где правит самочинно королева
 Да так, что душно от ее парчи.

Сочитесь, ну же, образы, сквозь череп,
 Вовсю расти, вонзенный в землю черен,
 Молитвенною силой, знамя, рей!

Сознание отдам я на закланье,
 Я подниму свое долженствованье
 Из глубины яйцовой в сферу дней!

Июнь 2004 г.

Идущий сквозь восток

*Забравшись на рог носорожий,
Стою перед гладью пространства...
Стекает мой день – тот, что прожит, –
В долину реки постоянства.*

*Прошедшего мира прозрачность
Неспешно внизу протекает,
Играет в лучах многозначность,
И бывшего видимость тает...*

*Всегда водопадом звучало,
Позвав, разбегалось кругами
Дороги далёкой начало,
Которое здесь под ногами.*

*И вот раскрывается тайна...
Стою уже в вечность одетый –
Один из заблудших случайно,
Но некогда рогом поддетый.*

16.07.2005

А. Шутый

* * *²

Я солдат своих направил
 В неизвестные края
 И без сроков, и без правил –
 В страны злого короля.
 Видел день последний... сборы...
 Как построились друзья,
 Заскрипели как запоры,
 Запылила как стезя.

О начале я поведал –
 Мной покров покоя снят.
 А теперь какие беды
 Ждут придуманный отряд?
 Что отныне с ними вместе:
 Пораженье иль успех?
 Как бы получить мне вести, –
 Может, уж не ото всех.

16.04.2001

* * *

Остаться ли мне на вершине,
 Чтоб избежать паденья стыд, –
 Отсюда превосходный вид, –
 Застыть как будто на картине?
 Или – вперед,.. куда, не зная, –
 Возможно, в яму или ров
 На смех, на острия рогов... –
 Изведать, где земля какая?!
 Все исчерпать в себе до донца!
 Что поражение и позор?!
 Ведь долог путь, конец же – скор,
 И падать долго – не придется.

12.04.2001

² В изданной книге «Дорогой нОSopora» данная глава содержала прозаические миниатюры, составляющие здесь – в незначительно дополненном варианте – отдельную книгу. Глава «Идущий сквозь восток» полностью состоит из ранее неопубликованных стихотворений.

Слова любви

Не снимайте с сердца полог –
 Тяжело в моей груди:
 Как-то от прозрачных льдин
 Там застрял один осколок.
 Видно, будет путь не долог:
 Взгляд суровый у Судьи.
 Отстраните даже фразу:
 Для меня она – ножи!
 Без волнения души
 Нужен мне лишь голый разум,
 А не-то погибну сразу...
 Боже, путь мне укажи!

22.06.2006

* * *

Как боль от раненых ступней
 Проходит боль от ран душевных –
 Порезы случаев мгновенных
 Залечат струи будних дней.
 Но остается навсегда
 Неспетой песни немота.

23.06.2006

* * *

Война. Ее пульсации отвесны:
 На небе всюду ангелов глаза,
 И вылезли тарантулы из бездны,
 Открылся кодекс каменно-железный...
 А космос месит мокрая кирза.

... ..
 И нам пути досталась полоса,
 Привычен холодок рубашки влажной.
 Ничто пусть не дается в мире дважды,

Идем и мы за лед, за камень, за ...
В обувке, как всегда, почти бумажной.
08.11.2006

Елене Токарчук

По Промыслу, но не по Божьей Воле,
Так правил космос, тонущий во зле:
Бывают птицы, брошенные в море,
Бывают ангелы, прибитые к земле.

Но нам сердца ковали серафимы,
И сталь души не обратить во ртуть!
Мы званы, нас слышат, мы любимы,
И Млечным не окончится наш путь.
08.12.2006

* * *

Наверное, всё, что скажу, – старо.
У каждого свой слог, манера, тема,
И кровь у всех своя волнует темя ...
У каждого из нас своё перо.

Но, помня это, я хочу воспеть
Не одинокой мудрости боренье,
Не Фаустово гордое паренье,
А сонмы ангелов, звенящие как медь,

В которых звук любой, как вдох, – не лишний,
Иначе Мирозданию – онеметь.
Не на столпах, стоит на крыльях Твердь!

И в общих небесах, где Вечность дышит,
Чтоб время человека быть могло,
Все наши перья собраны в крыло!
26.03.2007

* * *

Не гонка – жизнь, не состязанье.
Успех, триумф... гори огнем!
Но мы ль себе часы даем? –
Не нам оспаривать ЗАДАНЬЕ!
 Оно хоть смутно (даже днем),
 Почувствовать, однако, можно
 Тоску глубинную по нем,
 Когда не делаешь, что ДОЛЖНО!
10.07.2007

Анатолій

(Под впечатлением от картин
В.В. Верещагина)

Где тени скользили
По тропкам песчаным ...
И солнце на пыли
Играло печально...
 Быть может, за дело
 Минуткою резкой
 Нас Небо задело,
 На русско-турецкой ...

И жажда бывала ... –
Как нынче на пляже... –
И кровь наша ала
На грязной поклаже ...
 Не знавших удела
 Подбросило леской –
 Нас Небо раздело
 На русско-турецкой ...

.....
Я тоже был с ними,
И с тем же незнаньем, –
Ведь русское имя
С турецким названьем ...

Под солнцем поспело.
Под солнцем поспело,
На голос успело
Воздушною фреской...
Воздушною фреской,
Мелодией детской
Их Небо пропело
На русско-турецкой.

10.03.2007

* * *

Как надоело жить и жить
(Поставить можно тут кавычки).
Один бы день, но послужить –
Пусть в роли «ручки», «шпоры», «спички»!
12.05.2008

* * *

Его стезя была долга:
Материки и океаны,
Походы, штурмы и тараны...
Он видел друга и врага –
Его стезя была долга.

Он стал великим королем –
Чело узнало свежесть лавра,
Премудрость гота, страстность мавра
Союз свой заключили в нем!
Он стал великим королем...

Чтоб разрешили в Вышине
Мальчишкою простым и чистым
Продолжить путь к потокам истым,
Однажды прерванный во сне...
Пусть это разрешат и мне.

30.05.2007

* * *

Я гудящие пожары
Оставляю на потом –
Смастерю из ребер шпалы
И по рельсам, что кинжалы,
Я покину этот дом!

В воздухе не растворившись,
Не разбившись и не сбившись,
На дыхании одном!

Кожу после залатаю,
Поднажму еще чуток –
Можно прыгнуть прямо к Раю,
Если двигаться по краю,
Если двинуть на Восток!
30.06.2007

* * *

Залатавши куртку,
Я надену латы.
Маршируют гулко
Времени солдаты.
И зовут с собою –
Поднимают трубы...
Подготовить к бою
Новобранца трудно:
К урагану суют
Не привыкли скулы,
Не созрел поступок,
Разлетелись руны...
Но включенья фальши
Временем изъяты.
Я отправлюсь дальше,
Залатавши латы.

05.07.2007

* * *

Я запрячу своё горячее,
 Я прикрою своё холодное.
 И покажется: всё – удачное,
 А дыханье моё – свободное.
 Замотаю жизнь привычками,
 Забинтую коленки туго я.
 Будет главное за кавычками,
 Не пульсируя и не тукая.

И веселостью по поверхности
 Пробегу как тень полуликая.
 Ни о бедности, ни о верности
 Эта тайна моя великая.
 17.10.2007

* * *

Одно Ему не развернуть,
 Не обнулить того, что стало:
 У времени одно начало,
 И даже у Него Свой Путь.
 06.05.2008

* * *

После скорби и усталости,
 Может... нет, наверняка,
 Я уйду в Долину Радости,
 Где и Солнце, и Река.
 Я уйду, и всё забудется
 Черно-белым старым сном,
 Только этот дом и улица
 Будут помнить о былом.
 Я уйду, но здесь останется
 До скончания веков
 Боль моя, что не состарится,
 Даже сбросив мой покров.

Будет воздухом носимая,
 Белым снегом – в холода:
 Боль моя, порой незримая,
 В этом мире навсегда.

Я уйду – дорóги дóроги,
 Где уже взошла Заря,
 Ну а боль осыплет под ноги
 Только Новая Земля.
 17.10.2007

* * *

Бог мой! Мне нужна работа!
 Не жалея, не береги!
 Пусть откроются ворота,
 И гранитная порода
 Сохранит размер ноги.

Пусть рассеются туманы,
 Оголяя чрево ям.
 Будут пустыри и страны,
 Будут пустыки и раны,
 Но не пустоцветья хлам.

Пусть я сам своё осию
 И до гроба на горбе
 Пронесу, сносимый быльёю,
 Заносимый вечной пылью,
 Но с Тобой и к Тебе!

01.11.2007

* * *

За шесть веков мы сочиним судьбу
 Под грохот Мирового океана,
 И будет буря жизни долгожданна,
 Хоть Южный Крест покажет на беду.
 Но мы шагнем у Неба на виду.
 Кругами циферблата будут волны.
 У сложенной циклонами иконы
 За шесть веков мы сочиним судьбу.

Шесть лет работы выльются в войну
Ударов сердца и курантов боя,
И будет направление любое,
Но не возьмём победу... ни одну.
Зато узнаем волю и вину,
Где преломляет кварцевая призма,
С пружинной часового механизма ...
Шесть лет работы выльются в войну.

И дней за шесть мы вспашем носом мель,
Не потому, что Небо стало мрачно,
У ног уставших встанет крест как мачта,
Поднимется над сумраком потерь,
И жизнь, непостижимая как цель,
Прошьёт лучом водоворота толщи,
И будет тишина струить от мощи ...
Мы сотворим за шесть дней колыбель.
18.11.2007

* * *

Мои победы – крыл моих перо:
Чуть-чуть тепло, по весу же ничтожно.
С подъемной силой мне всегда везло,
Всё остальное – обгорит, возможно.

А вот проблемы – это не сломать,
Не вытащить, не перегрызть со злости:
Они вросли в бока мои на пядь,
Но и не панцирь – просто крыльев кости.
06.03.2008

* * *

Ни блаженства, ни высот...
Мне не нужен и полет,
Даже радости не надо,
Только выбраться из ада,
И покой на век вперёд.

Только истины зерно,
Прорывающее дно,
Поднимающее кверху
Даже через реку Лету,
Ну а дальше: всё – одно.

Важно ль дальше: кто же ты,
Если собраны мосты
Между всеми временами,
Между мной и всеми нами,
Если ветер высоты ...
Я не попрошусь в зенит,
Если имя прозвучит.
.....

28.10.2007

* * *

Оставьте глупые поверья –
Теперь я больше не засну:
Уже я умер, только перья
Врезают буквы в белизну.
Мне – напролом, сбивая стопы,
Не видно будто ни рожна,
Мне не нужны мосты и тропы
И осторожность не нужна.

Что мне товарищей советы,
Примеры более не мне:
Меня питают те рассветы,
Что и не видны в полутьме.
Я здесь и там, где раньше не был,
Но все мои слова – ничьи:
Я умер, и отныне Небо
Струит через меня лучи!

14.01.2008

* * *

Я один на семь шагов.
Дальше – полотном подхватят,

Рядом с краем скажут: «Хватит!», –

Схватят в метре от рогов.

Но на семь шагов один

Я оставлен среди града,

Потому что это надо

Ненадолго – до седин.

Я один шагов на семь.

Время – проводник и бремя.

Чтоб успело лопнуть семя,

Этот свет и эта темь.

Семь шагов шагаю я,

И ни гений, и ни бездарь,

Я на них – великий кесарь!

Но и спросится с меня.

20.02.2008

* * *

Отрывается дух от тела,

Значит, связь была не прочна́.

Вот уже и заря зардела,

И дорога уже видна

Для измотанного солдата,

Не прошедшего должный путь,

Не познавшего гром парада,

Не обретшего звезд на грудь.

Разговоры, одни разговоры.

Помолчать хочу, помолчать.

Это скоро, совсем уже скоро.

Просто снова уж не начать.

Не по морю под парусами,

И не вскачь на конях лихих,

А под сумрачными небесами

Ковылять «на своих двоих».

Отрывается дух от тела,

Править некому эту связь.

Вот земное – вновь заболело...

Но заря уже занялась.

05.06.2008

* * *

Мы ходили морем,

Мы сидели сиднем.

Мы с бедою спорим

И случайно гибнем.

Разбрелись по тропам,

Сгрудились у гроба,

Собираясь к «мертвым»

Вечного народа.

По дороге бросим

Что всего дороже.

Ничего не просим

У Того, Кто может.

Но на самой кромке

Застегнем рубашку.

И не будет громко.

И не станет страшно.

01.07.2008

* * *

Разноцветные игрушки

На полу и на диване:

Пушки, кубики, зверушки... –

Всё причастно детской тайне.

Не солдатик, так бельчата

Поделились хоть бы с нами

О дороге, что зачата

И рифмуется со снами.

На полу играет он –

Ожидаемый за дверью,

А в окно, в малышку веря,

Тот, Чей слышен перезвон,

Смотрит, сочленя звенья.

21.07.2008

Мой марш «Единого фронта»

Мы все – от рожденья люди,
Идущие из далё,
И, сколько ни будет судеб,
Мы все – солдаты Земли.

Мы будем считать потери,
Не зная конца, страдать,
Но только в победу веря,
Иди, человечья рать!

Пусть сразу не видно строя,
В груди барабанный бой!
Иди, не прося покоя.
Ты с нами, а мы с тобой.

Марш левой – два, три,
Марш левой – два, три...
В пыли возгорайся, плоть!
До света первых лучей зари
Наш путь освети, Господь!
24.07.2008

* * *

Не легли на тело раны,
Не устали кисти рук:
Наступает сумрак рано,
Солнце быстро пишет круг.

Не потребовались нитки:
На рубахе нет прорех...
Непрочитанные свитки
Не моей дороги вех.

Цели, планы, расписание...
Сам себя прошу: «Прости...».

Я ведь – только ожиданье,
И желание пути.
18.02.2009

* * *

Мне реальность эта – миф.
Пусть пульсирует рассудок!
Я – чернорабочий суток,
Что ни мертв и что ни жив.
Час я пробую на зуб
Как разменную монету
И пушу гулять по свету
Лишь одно касанье губ.
Всё, что было, всё, что есть,
Рядом плещется фонтаном.
В мире бесконечно странном
Вся реальность точно взвесь.
Зачерпну ее рукой,
Соберу в один комочек,
И сошью из этих точек
Новый день, потом другой...

Будет дождь и будет снег –
Влага моего дыханья,
И, не получив названья,
Так и состоится век.
25.07.2008

* * *

Неужто в нашей смерти высший смысл
Земного бытия и с ним боренья?
А может, просто виноград был кисл,
Иль наступило лунное затменье,
Или запел не вовремя петух,
Или опора обратилась в пух?
И в спешке побросали в воду цепи,
И не на то в растерянности сели.
08.05.2008

* * *

Собираю себя по листам и столам.
Скомпоную, сошью, что собрал понемногу;
Даже то, что сломал, только не пополам,
Разогну через хруст – поделом! По делам
Собираю себя – собираюсь в дорогу.
21.11.2008

* * *

Не потому путь подо мной волнист,
Что, дуя, ветер бьёт по водной глади –
Минут и дней над головою свист,
Но я плаваю, и след кружится сзади,

И дальше путь до горизонта чист.
День тает, мой кораблик золотист,
Всё меньше, меньше он движенья ради.
Кораблик мой – опавший в реку лист.
27.07.2008

* * *

(Под впечатлением мультфильма
«Ключи времени»)

Недолог цвет, и скоро увяданье –
Мигание взволнованных ресниц.
В чем оправданье утренних зарниц?
Ключи от времени – заветное желанье.

Как меч разящий это слово – «зря»,
И мечется сознание в тревоге,
Но непрестанно ищем по дороге
Лишь бабочку в объятьях янтаря.
13.08.2008

* * *

Не вдаваясь в суть вопроса, –
Что придет пусть и придет, –

Просто, выжить... выжить просто
Как младенцу в первый год.

Как на ручках в одеяле
Не страшиться бы людей,
Ближней тени, тайной дали...
Не бояться б новых дней.

Время ведь река, не море:
Всё пройдет, открывши суть,
И мои излечат хвори,
Нужно только дотянуть.
09.12.2008

* * *

Где-то есть пружина и не выйдет «против» –
Ощущаю время напряженьем плоти.
В напряженье сути движутся колёса –
Босым ощущаю каверзы вопроса
Про конец дороги или про рожденье...
Только, *память* – это *вне-* или *безвремяе*?
Годы до начала, годы за итогом –
Ощущаю время разговором с Богом.
09.10.2008

* * *

Я – дерево: пока был молодым,
Как семечка гулял по белу свету,
Зимы боялся, радовался лету
И промокал под струйками воды.
Потом устал за воздухом в погоне,
Всё выше, выше устремляясь взгляд,
Стал слышать, что еще не говорят –
Всё глубже прорастали мои корни.
Стал зим и лет почти не различать –
Лишь день и ночь. И я как будто дома.
Могу молчать под звуки метронома,
Могу до горизонта помечтать.

Но будет время: заревом огня
Родится новый день в покое мнимом,
И голубым полетом голубиным
Дороги дальние подхватят вновь меня.

19.10.2008

* * *

Всё как должно, но как-то так,
Никогда не скажу, что плохо:
Для часов есть хороший такт,
Соль – для слез, кислород – для вдоха,
Есть работа, календари –
Для того, чтоб успел до срока, –
Помощь вышняя, свет зари...
Я смотрю... но одно лишь око –
Одиноко.

30.06.2009

* * *

Не затем, что хочу я чуда, –
Потому что нельзя иначе,
Божий светоч, расправься круто
(Жил не жалко, души – тем паче)

С каждым словом моим не в тему
И движеньем не по уставу,
Чтобы – судорога по телу,
Чтобы голову – прямо в лаву

Непосильного для Вселенной
Гнева Божьего, Кары Вышней,
А иначе, на что я бранный,
А иначе, я в жизни лишний!

Путь естественный – смерти соло,
Для меня другой – невозможный.
Сделай чудо, святой Никола,
И со мною, святитель Божий.

19.12.2008

* * *

Вот и время течет иначе:
Эти листья не опадут.
На вступление век истрачен,
Остальное всё только тут.

Изо всех выпадая сценок,
Я родился зарю назад.
У восхода другой оттенок –
Нет движения на закат.

Я дышу на обрыве линий,
На поверхности двух столпов,
И как прежде предел мой – синий,
И хватает запаса слов.

Но колеса уже запели
И торопят меня, скрипя.

.....

Рана Гамлетова на теле,
Не нашедшая короля.

05.04.2009

* * *

Убегу от работы, и тонкие ветви кустов
Чуть хлестнут, для порядка, по бледному лбу
и по скулам;
Голоса, что оставил я сзади, покажутся гулом,
И в кораблики сложится стопка бумажных
листов.

Убегу от беды: пусть не сможет она
дотянуться, –
Я об этом Небесные Силы прошу без конца, –
Лишь единой секундой она промелькнет
у лица
И останется сзади. Но хочется ли оглянуться?

Убегу от любви, чтобы мне никого не винить
И о скором прощанье жалеть чтобы было
не надо,

В этот раз промелькну я быстрее неловкого
взгляда,
И не нужно, чтоб кто-то пытался его
сохранить.

Убегу по дороге асфальтовой к теплому свету.
Если надо быстрее – запрыгну в гремящий
вагон.
Как бы здорово было почувствовать этот
разгон!

Но на поезд, наверно, уже потерял я монету.
25.02.2009

* * *

Я умер в два года на старой квартире.
Кровать у окошка да вздох половиц,
И сказки на юг улетающих птиц,
И глобус огромный – желанье о мире.
Бывает, что время кончается рано,
Но выпало мне пережить этот год.
Потом был еще и еще переход ...
И я умираю теперь постоянно.
27.05.2009

* * *

Мой мозг не нужен – всё коту под хвост.
И все мои старания ни к месту.
Я не пустил свои таланты в рост.
Ни то, ни сё не сбудется, хоть тресну!
И моё сердце тоже ни к чему –
Не требуется, лишнее, и точка.
А мне оно зачем, всё не пойму:
Достаточно ведь малого кусочка.
Здесь чувство боли, кажется, в цене,
Хоть вроде бы и нету недобора,
И мне оно дано не по вине,
Не для урока и не для позора,
А просто миру вечно боль нужна.
Вот и нашлась цель жизни, – хоть одна.
Весна 2009 г.

Время

И снова засинел восток.
Реки невидимой теченье
Бросает на пересеченье
Как нитки тоненьких дорог.

И все шаги венчают камни:
Свое прошедшее столбим,
Но в дым движением одним
Крушится то, что было с нами.

Не попытавшись, и не смочь –
Ни в отдалении, ни скоро, –
Поэтому на карту спора
Я ставлю день, противник – ночь.

Продолжить действие нелегко,
Но мой ли все вершит рассудок –
Покуда есть движенье суток,
Играет Время с нами в Го.
10.06.2009

* * *

Наступил вечер:
Будет ночь –
Опять неизвестность.
02.10.2009

* * *

Из детства помню я тенистый парк –
Я ощутил дыхание печали,
Что оставляет свой повсюду знак, –
Нет, не в конце – оно всегда в начале.

Когда в тиши едва темнел восток, –
Блаженная и мнимая беспечность –
Я просто так разглядывал песок –
Меня коснулась в детстве бесконечность.

Безмолвие, часовню, облака
И близких голоса – совсем немного
Я помню. Но годам лишь к сорока
Стал понимать, что в детстве слышал Бога.

Я в детстве жил, и мир был как в окне,
А значит, пели ангелы и мне.
17.03.2009

* * *

Если были б только *совы*,
Как встречать начало дня?
День пришел и... – не готовы:
Все вокруг лежат, храпя.

Без присмотра разбегутся
Зайцы солнечные вскачь,
Вхолостую разобьются
Блюдца тучек для удач.

Ну а если ненароком
Забредет тоска-печаль,
Кто своим неспящим оком
Сглазит утреннюю хмарь?

Кто мосты опустит часу?
Кто поднимет суток стяг?
Сколько же вопросов сразу!
Быть без *жаворонков* как?!
26.05.2009

Моей армии солдатиков

Улеглась пыль,
Улетел дым –
Пронеслась бьль,
Что была им.

Каждый всё дал,
Даже свой вздох.
Что от них ждал
Наверху Бог?

Не слышна боль
Грозových тем.
Их теперь бой
У моих стен.

Но, туша свет,
Слышу я гром:
У солдат нет
Игровых форм.

А теперь нам
Свой отдать день,
Не боясь ран,
И уйти в тень.

Божий чтоб взгляд
Разглядел стих,
Мы стоим в ряд
Позади них.
17.07.2009

* * *

Ни лет, ни дней, а сорок сороков
Колоколов нам дадено, и сами
Должны в них бить, пока под небесами, –
В объятых шума счет пути таков.
Ни утро, день и вечер, а – удар
Всем существом по громовой твердыне!
Но мысль одна меня бросает в жар,
Видение того, что стал я стар,
А Сорок Сороков молчат доньне.
19.09.2009

* * *

Накопился немалый опыт
И уверенности запас,
Но шаги переходят в топот,
И сбивается мой рассказ.

Всё по кругу идет, по кругу:
За Двенадцатью вновь Один.
Вот и я, развязав подругу,
На оси выбиваю клин.

Мне покаяться вроде не в чем...
Дуба лист на жаре поник.
Будет вечер, да, снова вечер...
А за ним – петушинный крик!
29.07.2009

* * *

Не взбудоражить барабанам
Моих ушей:
Я не хочу быть великаном
Среди мышей!
У гномов красоваться силой –
Всё множь на ноль,
У лилипутов быть верзилой –
Прошу, уволь!
На пьедесталы поднимают
И там, и тут,
Но сам-то, сам-то понимаю,
Что лилипут!
Я лилипут – гордиться нечем,
А с похвальбой
Я становлюсь гораздо мельче
Мошки любой!
У нас – ничтожных – давит слава,
Что каблуком...
.....
Но говорить кто дал мне право
Так о другом?!

А может, только у меня лишь
Паучий рост?
И славу сам ты представляешь,
Мой малый мозг.

09.09.2009

* * *

Среди неподвижных звезд
Безмолвно в пространстве рваном
Корабль несет свой пост,
Охваченный океаном.

И кто б на нем не радел –
Не встретится со слезами,
Поскольку на весь предел
Один он под парусами.

За пропастью встанет вал,
И будет пост не напрасен –
Един у него штурвал,
И год у него в запасе.
30.03.2009

* * *

Я был... Ну, в общем, не Наполеон,
Мои ФИО не втиснут в мемуары,
Со мною время не составит пары...
Прольется только поминальный звон.

У времени капризный женский нрав:
Всё забывает, но, отнюдь, не лечит.
По вечерам слова сжигают в печке,
Лишь избранный и памятен и прав.

А если нет, забвение – удел.
Что, «память»? Разве это не награда?

Я, например, не вышел в Леонардо
И в памяти остаться не успел.

Росою образ тает на юру –
Друзья меня забудут поутру.
02.09.2009

* * *

Многого нет, знать, не будет и смерти тоже,
И преисподняя не откроет рот.
Но и на небо железо взлететь не сможет.
Разве, в руках у святых совершив полет.

Не уставляйте стол пирогами,
Новое не покупайте бельё.
Только замах и заря с рогами,
Ну а далее – не моё!

Только зов мне и только звон!
Значит, не будет и гроба тоже,
И, как сдвинется горизонт,
Я просто войду в ножны!

01.10.2009

* * *

Пусть был салют и та весна;
Не рвутся бомбы и снаряды,
Но притаившаяся рядом
Еще не кончилась война.

Она лишь выжидает часа,
Других союзников наняв,
И будет литься новый сплав,
И будет «пушечное мясо».

Но озарятся наши лица,
И мы поднимемся опять:
Нас призовет Святая рать,
Ведь дух не может измениться!

И вот тогда, как в старину,
Мы похороним ту войну.
03.12.2009

* * *

Проститься не поздно и нам –
Прощанию только начало:
И песня еще не звучала,
И волю не дали парам.

Не поздно сказать пару слов
О том, что не всё, как хотели,
Когда пробежали недели,
Да мир оказался суров.

Призывно ударила медь –
Путь время меня с тобой лечит.
Не будем загадывать встречи,
А будем молчать и хотеть,

Чтоб встретиться вышло и там,
Где быть предназначено дальше ...
Одно избежали мы – фальши.
Прощаться не время уж нам.
03.08.2009

ПАПЕ

1

Любил ты, если снег метет кругом,
Но дома все, и никуда не нужно.
Не будет больше так: пусть даже вьюжно,
Что толку: без тебя остался дом.
22.11.2009

2

Недавно я увидел сон,
В котором папочка мой умер,
И в уличном обычном шуме
Стал слышен колокольный звон.

Такой вот мне приснился сон.
 Мне больше не сказать: «привет»,
 Не пожелать спокойной ночи,
 Его слова не будут громче,
 Чтобы слышал я ответ.
 К нему уже не прикоснуться,
 К небритой не прильнуть щеке,
 И он не сядет в уголке ...
 Сейчас проснусь – все засмеются ...
 Но вот никак мне не проснуться.
 И всё ж не доводилось нам
 Увидеть год одной погоды!
 Таким я не поверю снам,
 Пусть даже им продлится годы!
 Я к Божьим припаду стопам –
 Там смерти нет. Все живы Там.
 25.11.2009

3

Борьба с болезнью, как война.
 Мы проиграли эту битву.
 Но нам лишь совершить молитву –
 И жизнь поднимет как волна!
 И нам еще дадут награды,
 И будет зарево побед!
 Потом считать не будем лет
 Ведь были мы и есть – солдаты.
 25.11.2009

4

Одна жизнь, один дух, одно отчество,
 Но мой папка ушел – одиночество.
 26.11.2009

5

Никто не мог так успокоить.
 Ты бился из последних сил,
 Боясь хоть чем-то нас расстроить,
 Но так – никто б не смог... Прости.
 27.11.2009

6

Хотел тебя укрыть крылом
 И рассказать о мире Горнем,
 Но оставляя всё на потом.
 Теперь тебя мы только помним,
 А ты отныне в мире Горнем,
 Чтобы всех нас укрыть крылом.
 27.11.2009

7

Ты был, как плюшевый медведь,
 Еще ты был похож на хоббита,
 Умел любить и мог терпеть,
 Тобой всё сделано, всё понято.
 27.11.2009

8

В моей груди как будто факелы:
 Когда ты здесь был одинок,
 Что ж я обнять тебя не мог!
 Теперь тебя целуют ангелы.
 01.12.2009

9

Когда я буду, где ликует Правда,
 Осмелюсь перед Богом я сказать:
 Хочу, чтоб папа мог меня обнять!
 И что другого рая мне не надо.
 02.12.2009

10. *На поминках*

Ну что всё о прошлом:
 Всё «было» да «было» –
 Вместили в пригоршню
 Безбрежье как мыло.
 Что видите... знаете?
 Все суетливы.
 И роетесь в памяти
 Образов стертых.

У Бога нет мертвых!

У Бога все живы!

09.12.2009

11

Чем я гордился не по праву

Господь забрал. И поделом!

Стяжал не я, а папа славу,

А я... Я просто был при нем.

09.12.2009

12

Ты нам всего лишь помогал?

Всё это виделось иначе

Со стороны, а нам тем паче:

Ты, помогая, обнимал.

15.12.2009

13

Пока кругом, что было при тебе:

События, герои сериала...

Сегодня – много, завтра – очень мало:

Всё, всё уносит время на горбе.

Весь этот мир уходит от тебя.

Но мне не по пути с его потоком.

Я остаюсь – ИДУ с тобой к Истокам...

И буду жить я, плача и любя.

15.12.2009

14

Всё Бытие

с тобой переплелось,

Но ныне не найду

тебя на тверди я,

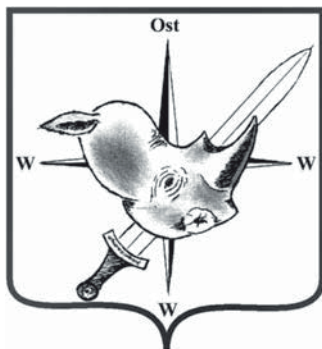
Уходит в пустоту

земная ось —

Прямое доказательство

бессмертия!

26.12.2009

15

Молю теперь я Бога о свиданье.

Тот день был прост, как звук,

слетевший с губ:

С утра – моё обычное заданье...

Я был не ласков, даже слишком груб...

Был, помню, на обед молочный суп...

А этот день граничил с Мирозданьем.

28.12.2009

16

Господи Христе!

Из огня да в полымя!

Горя дают горы мя!

Время – на кресте!

При тепле утраченном

На пути назначенном

Будь со мной везде,

Господи Христе!

01.12.2009

Маме

Ты любишь разговаривать с цветами,

Да и сама, как полевой цветок.

Ты просишь Богородицу: «Будь с нами!»

Тебе так трудно – потерпи чуток.

05.12.2009

* * *

Кто пойдет со мною дальше,

Встанет за спиной?

Кто мне скажет: «Это наше –

Что несёт волной?»

Шкуру кто отдать бы смог

Под жарой иль стужею?..

Разве только носорог –

Брат мой по оружию.

2005 г.

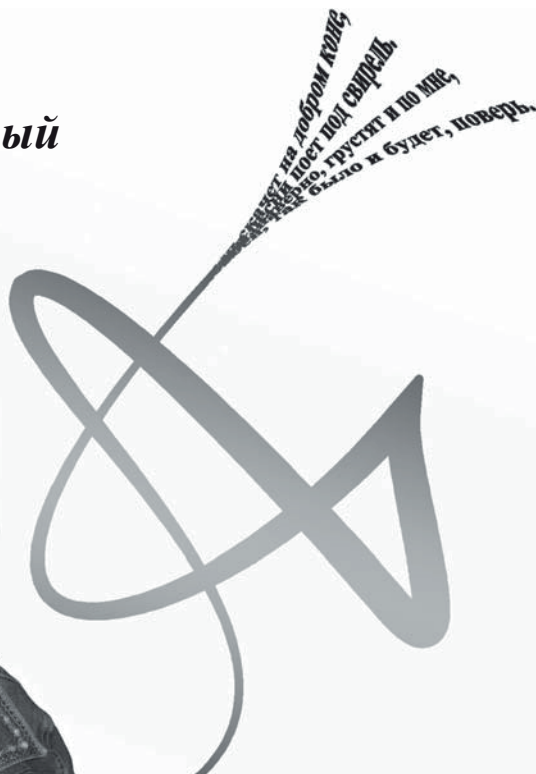

*Когда я весь омоюсь у ручья
И воздух оживет вокруг дыханьем,
И в шелесте бегущего луча
Услышу я созвучия мечтаньям,*

*Откроется тогда еще не Дом,
Не Отчий край, а лишь к нему Дорога,
Но ангел снимет боль мою крылом
И порванную кожу носорога.*

21.07.2005

Ака Шутая
Анатолий Шутый

*Дорога легла по лесам в долину
А в замке красавица под
Под облачным небом, под
Ведь рыцаря нет без доблести*

*Светит на добром коне,
И поет под свирелью,
И грустит и по мне,
И было и будет, поверь.*

СОДРУЖЕСТВО ПЕРА И КИСТИ

Всё ли видно, что существует? А то, что видно, действительно ли такое, каким кажется? И лицо человека – это только глаза, нос, губы?.. Так же как поэзия передает то, что нельзя сказать прозой, рисунок и живопись нужны для изображения невидимого или скрытого за внешними очертаниями. Для остального теперь есть фотоаппарат!

В этой книге портреты людей, в которых вы не найдете черт лица; еще здесь изображено настроение, а еще образы незримой сущности, – образы, явленные, но неявные. К каждому рисунку, к каждой картине написано стихотворение, открывающее другой смысл, а иногда и другую реальность... При написании стихотворений не учитывалась предыстория создания рисунков. Художник руководствовался своими образами, а поэт – своими, навеянными уже непосредственно рисунками. Одни образы породили другие, ведь никакое содружество не бывает бесплодным, а тем более *содружество пера и кисти*.

Анатолий Шутый

Соответствие рисунков и картин Аки (Ольги) Шутой и написанных под их впечатлением стихотворений Анатолия Шутого устанавливается номерами, под которыми те и другие приведены.

P.S. В конце книги есть четыре стихотворения с иной, необычной судьбой, о которой мы умолчим, сказав лишь, что у них те же два автора.

1

Где в мыслящее Дух Святой
Преображает всё, собака
Всех ближе к ней, считает Ака,
И верностью, и простотой.
02.12.2009

2

За то, что в Африке живет,
За то, что он подслеповатый,
Такой неловкий и горбатый, –
Но точно хочет он в полет, –
За то, что есть на морде рог,
Мне полюбился носорог.
02.12.2009

3

Дорога в тысячи шагов
Рождается одним движеньем;
Доспехи дней, покров годов
Снимаются одним решеньем.

Я ж выбрал, несмотря на знак,
Идти туда, где звезды – жито.
Но как мне сделать первый шаг
По той дороге, что закрыта?
01.03.2009

4

Жизнь в этом мире, как отросток
Судьбы на ветке бытия.
И жизнь, и смерть вошли в меня.
Я весь на паутинке дня.
Страницы ж эти – перекресток.
24.11.2009

5

Закипает слово – Солнце над котлами!
С нами неизвестность, а судьба не с нами.
Мы поднимем лица и глаза опустим –
Будем веселиться, помолчав от грусти.
Сохраним в кармане, что нашли случайно –
Наше дорогое – вот уже и тайна ...
Выполним до точки, что давно решили.
По углам посмотрим – будто и не жили.
Обронили что-то – не отыщем сами ...
Вечность наблюдает время зеркалами.
14.03.2009

6

Всё симметрично до наоборот:
Спокоен я и холоден, как камень,
А в позвонках моих бушует пламень,
Морей и атмосфер водоворот!
19.08.2008

7

Уходи, моя мечта,
Убегай по чистой глади,
Умоляю, Бога ради:
Мир не тот, и жизнь не та.
Будешь там, где свет высок,
Ты ведь не отсюда родом.
Подожди за поворотом,
Я взгляну еще разок.

Может, через тыщу лет
Я тебя увижу снова
И скажу другое слово,
И приблизишься в ответ ...
Может, нет, и всё – вода,
Я дышу судьбой другою,
И ошибся я с мечтою –
Уходи же навсегда.
27.02.2008

8

Гомункулов – не сосчитать:
С пружинной, в колбе, с батареей...
Бывают даже формы редкой –
Способные стихи писать!
Распознавать их – был бы повод, –
Они и сами на виду, –
Я просто «сверхлюдей» найду:
От них идет к розетке провод.

26.11.2009

9

Будто яма в пространстве вырыта.
Горизонт оказался слеп.
Не увидев другого выхода,
Зацепились за лунный серп.
Отыскали во мгле мы поручни –
Вверх карабкаться повезло
Вертикально безостановочно...
А внизу что? Уж расцвело.

29.06.2009

10

Не знал, что домик мой из карт,
И он теперь, похоже, смят.
Уносит ветерок листья,
Но мне не горько – просто грустно,
Как опадают лепестки
На землю с абажура люстры.

03.12.2009

11

Наверняка познал и ты,
Что в эти или те этапы
На наши детские мечты
Всё время наступают лапы.
Всё время ставят им преграды,
Выстраивая в строчку стих!

Не знаю кто, но эти... гады
Ссылаются на нас самих.

04.08.2009

12

Листами рваными оставленных афиш
Минувшее бледнеет под дождями.
Всё это было будто бы не с нами,
И ты, мой друг, в который раз молчишь.

Но там, – где время колыбель качает, –
У льва с афиши гриву гладит мощь,
Мгновенье кадра пережило ночь,
И друг мой закадычный отвечает.

07.07.2008

13

В сотый раз я заклинаю
Словом, дудкой и кнутом
Страсти, что во мне витают,
Словно снова встал Содом.

Мне общаться с ними страшно:
Слово на губах горит,
Но идет забава наша –
Кто кого заговорит.

И не важно, что, ужалив,
Потеряют здесь приют:
Притворятся и ужами
К новой жертве поползут.

29.07.2009

14

Нет, не к перу нас тянет и не к плугу –
Мы большей частью заняты другим:
Себе удобный циркуль мастерим,
Чтобы, чертя маршрут, идти по кругу.

18.11.2009

15

Давно я что-то не спокоен:
 Гаданья, магнетизм руки,
 Трактаты, письма, устои,
 Зодиакальные круги ...
 Как много в мире есть штуковин,
 Что могут заменить мозги.
 28.11.2009

16

Не испугает и конфуз,
 Когда не важно, что за груз,
 И сколько веса будет в оном,
 Ведь главное, что всё со звоном!
 03.12.2009

17

Похоже, нет игрушки краше:
 На ней узоры волн и роз ...
 На самом деле это – чаша,
 Она полна неожиданных слёз.
 28.11.2009

18

Будет новый поворот:
 Что-то очень разыгрался,
 Как бы только не подрался
 Этот самый Новый год!
 Пусть поспрадует народ,
 Пьёт, пока не разобрался!
 Мы же – всё наоборот.
 19.03.2009

19

Я без тебя, как вне планеты –
 На маленьком осколке льда.
 Как в вечности я жду ответа;
 Но не доходит свет сюда.

Мне ни печально и ни грустно,
 А чувство «белого листа»:
 Во всем пространстве так же пусто,
 И вся Вселенная пуста.

03.12.2009

20

Играем в чувства мы и склонности –
 Ролей немало на лице.
 Не позабудь: не вечны вольности,
 И скрыт финал от нас в бездонности,
 А важно, для определенности,
 То, что окажется в конце!
 03.12.2009

21

На вопросы свои я ответить не в силах,
 А чтоб стала любая стена нипочем,
 Все сомненья как трещины я кирпичом
 Заложу – замурую дрожание в жилах.
 19.03.2009

22

Чужеродна ветка лавра –
 Триумфатором не стать.
 У меня другое право:
 Быть собою до пожара,
 До каленого кинжала,
 Вбитого по рукоять,
 От начала и до «Ъ».
 09.07.2008

23

Будет восторг и белым-бело,
 После потопа – оливы ветка:
 Сломана будет и эта клетка,
 Пусть даже в клетке осталось крыло.
 04.07.2009

24

Везде, где можно слышать голоса,
Я захотел отбросить наносное,
Вторичное, для сущности – иное.
Остались только руки и глаза.

Тогда я опустился, где Гроза, –
Огонь, и Гром закладывает уши, –
Я посмотрел туда как можно глубже,
И что увидел: руки и глаза.

И, наконец, поднявшись в Небеса:
Над облаком и над Туманом Млечным,
Увидел я в пространстве бесконечном
Глаза и Руки, Руки и Глаза!
09.08.2009

25

Играет как веков огранка
И как дробится до песка
Всё, что построили века,
Мы наблюдали свысока,
Когда-то за стенами замка.

Но пропустили мы тоску
В окошко каменной твердыни,
И залы затопили ливни,
И башни опустели ныне,
А мы шагаем по песку –

Всё ищем вечность, – в краске, в слоге,
На глади неба, древа, льна ...
От замка ж, будто бы из сна,
Подкова лишь была одна,
Что потеряли по дороге.
21.01.2008

26

Блистают в ладонях звезды,
И вида подать нельзя,

Что вновь почему-то слезы
Пощипывают глаза.

Не будет костра и казни,
И скажут: «Тебе всех благ!»,
Рубаха бела – на праздник,
И сам ты надел колпак.

У трюков жонглера тесно:
И нищие тут, и знать,
Но будет неинтересно
Всё то, что хотел сказать.
04.06.2009

27

Потому мы не видим, как крест
направляет свеченье, –
А не как всё другое бросает
унылую тень, –
Что за мудрость мы приняли мира
безумное мнение.
Так, возможно, мы скоро для Бога
ослепнем совсем.
30.11.2009

28

У господина тьмы и пекла
Не будет слов – сей рот засох.
Он нем для сердца человека,
Поскольку Слово было – «Бог»!

Он кружит звездными огнями
Все время, не смыкая вежд.
Бессилен князь огня пред нами,
Он белых не спалит одежду!

Но тот огонь еще прольется,
На нас еще расставят сеть.
Лишь претерпевший всё спасется!
Осталось только потерпеть.
29.11.2009

29

Тянутся руки и нервы рвутся:
Музыкой жизни мы захотели
Прямо без смерти, как есть мы – в теле –
В небо! Но вот над Землею прутья:
Меридианы и параллели.
24.11.2009

30

Горе, горе! сколько здесь воль?
С каждым часом все сильней боль.

Небо, небо голубых рос!
Стало бурим от моих слез.

Память, память! говори вслух.
Но с тобой кровотоцит дух.

Листья, листья! Полетел снег.
Чуть весна прошла, и вот – век.

Раны, раны! Сыпь на них соль!
Я хочу запомнить ту боль.
25.11.2009

31

Ошибок за день... – не снести руке,
И, ожидая ночь на небосводе,
Не знаем мы, что вновь на волоске,
И что опять над пропастью проходим.

Ложимся спать. День кончился – темно.
Надеемся, в ночи спасет ограда,
Когда погаснет за окном окно.
Дома, дома – испуганное стадо.

Вот раненый закат, упавши ал,
Кто сделал зло? А кто его исправил?
И новый день, наверно б, не настал,
Когда бы ночью не спускался ангел.
21.11.2009

32

Что Новый год? Меж звеньями прогал,
Укрытый хвоей ёлочной повсюду:
И прошлое когда-нибудь забуду,
И будущее вряд ли угадал.

На «до» и «после» праздничный запрет:
Вчерашнее уже закрыла штора,
Огни гирлянд затмит заря не скоро –
Мгновение, когда мгновенья нет.

Но с неба наземь всё же сыплет снег,
Напоминая о часах песочных,
О наших основаниях непрочных
И том, что продолжается наш век.
31.12.2008

33

Уйти бы мне на вечер во вчера, –
Укрыться за ушедшего стенами, –
Не чтобы повторилось что-то с нами,
Под чем уже проведена черта,
А чтобы с нами были как тогда
Тепло, любовь, надежда на участие
И свет, почти рассеянный в ненастье
Почти бесповоротно, без следа.
04.02.2008

34

Разорвались звенья –
Вот какое дело –
Даже без затмения
Солнце почернело.

Небо есть доньине,
Море без ущерб,
И очаг не стынет,
И довольно хлеба.

Только птица где-то
Улетела дальше.
Больше птицы этой
Нет на свете нашем.
28.11.2009

35

Всё пусто, только в зеркале моём
Легенды отражаются и сказы:
Не вспышки образов, оторванные фразы –
Наброски сделаны бездонным бытиём!
Из ничего в стекле цветы, цвета ...
Движение наедине с покоем,
И песни, звоны спорят с гулким воем,
Им вторят незнакомые уста.
События, в которых мне не стать
Участником, не быть их очевидцем,
Передо мной, как пред наследным принцем,
Проходят, оставляя здесь печать.
А я смотрю и, кланяясь в ответ,
Понять пытаюсь... сочленяю слоги ...
И умоляю... нет, молю в тревоге,
Чтобы пока не выключали свет.
11.03.2009

36

Разгулялась непогода:
Стрелы молнии слились
В деву, имя чьё – Свобода!
Над тобою – наклонись!

Четверть неба пролетела,
Хочет землю отпороть!
Кто тут смотрит? Выйди смело...
Защити меня, Господь!
02.12.2009

37 (1)

Они невинны и легки,
И невесомы –
Одним движением руки
Тобой ведомы.
Они сверкают как алмаз
И в дни ненастья
Готовы успокоить нас,
Сулят нам счастье.
Они изменяют все вокруг –
Исправят зренье.
Вокруг тебя кольцо подруг –
Долой сомненья!
Уже не так тревожно жить:
Распутан узел.
Но ничего не совершить
В петле иллюзий.
03.12.2009

37 (2)

Нет многообразия,
Потому и в грусти я.
Думал, что фантазия,
А пришла иллюзия.
Думал, я различия
Изменю поправкою,
А теперь в наличии:
Я стою с удавкой.
Прочны – не избавиться –
Пузырёчки мыльные.
Думал, быстро справиться,
Думал, сами сильные.
04.12.2009

38

Ни в шахматы, ни в шашки и ни в нарды –
Во всех пределах долгие века

История играет с нами в карты, –
Со всеми в подкидного дурака.

Но будет все нормально – не робей,
Ведь и у нас довольно козырей.
05.08.2008

39

Всё кажется, что дверь передо мной,
Что я прошел её, вперед шагая,
И ожидает жизнь совсем другая...
Но в этом мире новый миг – изгой.
 Пустое прошлое со мной донине.
 Лишь дата говорит о смене дней.
 Что перед дверью, то же и за ней.
 Часы – песок, и нет конца пустыне.
18.11.2008

40

Мы, по земной природе, немы –
Звучат мелодии сердец.
Разлуки и печали темы
Поднимет ангел и Отец,
Чтоб не прервался их полет.
Ничто не важно, кроме веры.
Пусть из органа кровь идет,
Пусть вместо струн порвутся нервы!
22.11.2009

41

Рука падет, разрушатся и горы,
Сметут державы словом и мечом,
Но мне все это будет нипочем:
Я над землею – не нужны опоры,
Я был и буду *солнечным лучом!*
18.08.2008

42

Однажды мне приснилось, будто вьюга
С руки Господней жизнь Земли смела,
И закрутилась гибелью юла
В огне самосъедаемого круга...
Но избежал я роковых погонь
И наблюдал, как сна обманы спали,
А небеса моим дыханьем стали,
Вдали узнав... нет, вглядываясь в дали,
Везде движенье Духа и Ладонь!
30.01.2008

43

Не нужны мне ботинки,
Хоть в игре сквозняков
Носит воздух крупинки
Ледяных облаков.

Даже если уютно
Февралю одному,
Выйти будет нетрудно:
Обувь мне ни к чему.

Снег ли, дождь иль затишье –
Будет всё в самый раз:
Во дворе... нет, над крышей
Ждет крылатый Пегас.
05.07.2009

44

Толпа твою не знает боль,
Она не хочет ее видеть.
Желанья нет тебя обидеть,
А просто боль чужая – ноль.

И люди те в гримасе муки
Скорее разглядят оскал,

Потом поймают, свяжут руки,
Чтобы на них ты не напал.

Так что – таись, не выдавая
Своих печалей и скорбей.
Ты в них один, один до края.
Но... злость гони и не робей.
04.12.2009

45

Не уберечься, не спастись
От колеса определенья.
Его услышав приближенье,
Ты только Богу помолишь.
Укрыто, кто его пустил,
Видна же только мостовая.
Не затаиться нам у края,
Не убежать, набравшись сил.
Оно коснулось не спеша
И оказалось вдоха мало.
Находит с плавностью ужа,
Неудержимо, как баржа,
Как поезда, свой маршрут держа ...
За жизнь теперь не дать гроша!
Но зазвучало, что молчало,
И светом брызнула душа!
26.11.2009

46

Воспоминания как будто бы к стене
Прикованы к одним и тем же датам,
К одним минутам и к одним закатам,
Навечно не заглаженной вине.

Они лежат на письменном столе
И связаны с одной и той же чашкой ...

Одни слова, движенья... больно, тяжело –
Они, как угольки в седой золе.

И новому тут не произойти:
Оно закрыто каменной стеною,
Оно случится с жизнью иною.
Но вот пока за стенку не пройти.
30.11.2009

47

Родное, близкое ГЛАЗАМ подобрать мне бы –
Небо!
Объединили их будто крылатые кисти
Выси,
И небо становится, если тускнеют очи,
Зорче,
И откликаются, если мы тут зарыдали,
Дали,
И в небо уходит, когда наступает затмение,
Зренье,
И синью небесной родные глазами
С нами.
06.08.2009

48

Мне дорога – радуга!
Прямо от калитки
Я отправляюсь на́ долго,
Но не взяв пожитки, –

Сборы мои спешные,
А куда – неважно,
Выйдет в синь безбрежную
Мой корабль бумажный.
04.08.2008

49

Не поднимай на небо взора,
За облаками не следи,
А то увидишь, как ладьи
Уходят в небывалый город.

Покажется, как паруса
Вдали сливаются с волнами,
И что-то важное не с нами
Там совершают Небеса ...

Ведь наши ноги все в пыли,
Вот среди бела дня и снится,
Что в «море», где вольна лишь птица,
Без нас уходят корабли.
28.02.2008

50

Мы можем просто жить, дремать в обед,
Смеяться над скабрзным анекдотом,
На бытовой кроссворд искать ответ,
День завтрашний расписывать по нотам.

Но, несмотря на смех и тихий час,
Анестезию будничного зренья,
Повсюду пламя жадно лижет нас
И пожирает даденное время.
17.11.2009

51 (1)

Вот и случилось – пробил час!
Не пытка, только испытанья:
Идет оценка воли в нас
И трепанация сознания.

На что годны, на что вольны ...
Расти уже не выйдет – поздно.
Я захлебнулся от волны
В потоке бесконечно-звездном.

Как это было? Помогите
Мне вспомнить холод инструмента,
Тепло разделочной доски ...
А дальше ... в чем ядро момента?

Оно сокрыто и не раз
На нем закончится рассказ.
01.12.2009

51 (2)

Не в жажде разрушенья, не на грех,
А чтобы всё узнать не в половину
И оценить, увидев, сердцевины,
Холодными щипцами вскрыт орех.
02.12.2009

52

Когда почернеет солнце,
Готовь свое сердце к бою.
Пронзит пусть его до донца
Жар-птица, влетев стрелою;

Смогло чтобы обратиться
Само в голубую птицу
И, взвившись, чтоб устремиться
Во вражескую бойницу.
29.11.2009

53

Всего одним полетом крыл
В секунды тьмы переполоха
И там, где сумрак сна застыл,
Как будто продолженье вдоха
Одной души, что без порока,
Волной небытию впритир,
Чтоб ожило иное око,
Рождается прекрасный мир!
01.12.2009

54

На теле вырастает скорлупа
Не потому, что эта жизнь груба;
Не для защиты панцирь укрепился,
И шлемы покрывают черепа...
А потому... что свет давно не лился.
30.11.2009

55

Могут сдвигаться горы,
Могут открыться двери,
Горе исчезнуть скоро,
При настоящей вере!
Можно и в мире этом –
Брошенном и расколотом –
Телом, словами, светом
Бить в небеса, как в колокол!
26.11.2009

56

Одиноко в городе,
Дуют сквозняки.
И душа на холоде.
Улицы узки.
Хоть и всё не новое,
Только на беду
Не найду родного я,
Сколько не пройду.
Не дороги около,
Не вдали, и я
Посмотрю на облако,
Но туда нельзя.
Не покажет Солнышко,
Не шепнет Волна,
Не укажет Пёрышко,
Промолчит Луна.
29.11.2009

57

Что – память? Пробуй, называй.
Всё время что-то убегает,
И время в памяти мелькает...
Моя вот перешла в трамвай.

Как в детстве раннем, в нем светло –
Плохое быстро растворится, –
В нем голоса, стихи и лица,
Теперь – еще родных тепло.

Я тоже в нем, и на ходу
Держусь: все трудно без сноровки,
Я жду последней остановки,
Где вместе с памятью сойду.
05.12.2009

58

Парит одна в бездонном небе птица.
Поток ли воздуха несет ее, мечта ль...
Такую же я чувствую печаль,
Когда смотрю на Маленького принца.

Но почему блестят его ресницы,
И почему так грустен он всегда,
Хоть и горит над ним его звезда? –
О короле нигде не говорится.
23.11.2009

59

Штормящей во тьме галактики
Раскручиваются спирали
Как снежные вихри Арктики,
Не зная, как мы рыдали,

Как мы на тепло надеялись,
Ловили как мы минуты,
Которые здесь рассеялись
Иль ветром холодным сдуты

В бездушье и безвременье,
Покуда галактика сломана;
И всё ж мы храним терпенье,
Как не было бы в ней солоно,

Ведь в недрах ее движенья
Случится иная вспышка:
Не ведая притяжения,
Покинет ее мальчишка,

И скажут ему как сыну:
«Вселенная Буквы менее!» ...
Ни холод не тронет спину,
Ни жесткое излучение.
10.01.2008

60

Я, покидая Млечный Путь,
Пройду по остальным планетам,
По всем системам за ответом,
Где может дух передохнуть.

Мне будет нѣ к чему прильнуть
И там, где я пока что не был.
И я покину это небо,
Не пожалев о том ничуть.
27.11.2009

61

Лишь кто в пути не избежал потерь
И кто искать ушедшего теперь
Готов идти, бежать по белу свету,
Поймет, как навсегда закрыта дверь,
Поймет, как переходит шарф... в комету.
02.12.2009

62

Я более не человек,
И у меня различны лица:
Я то, что мне всё время снится,

А снится мне прошедший снег,
Как будущий прошедший век.
Век этот для меня поблек,
Он для меня уже не длится.
01.12.2009

63

Ни шляпа и ни слон в удаве, –
Экзюпери тут был не прав, –
Там в шляпе весело играли
Слоненок юный и удав.
02.12.2009

64

Кажется только, что в центре планетной
системы
Только огонь, посылающий свет, но потом
Все мы прочувствуем ложь постоянной
подмены –
В центре системы находится розы бутон.
01.12.2009

65

Протуберанцы не коснутся
Дыханьем смерти лепестков –
Цветы со звездами сольются:
Они – одно на дне веков.
Когда наступит их свиданье,
В огне воскреснет красота!
Они ж явились в Мирозданье
С рук не распятого Христа.
01.12.2009

66

Откуда прилетают к нам кометы?
К Земле в дорогу кто их снарядил?
Они несут забытые ответы
От света галактических светил.

До неба тот пространство сократил,
Чья сказка *Млечной струйкой* будет литься,
И будет реять вне планетных сил
С кометы шарфик Маленького принца.
Июнь 2006 г.

67

Почти не грустно вечерами,
Когда нам светят фонари,
И можно новой ждть зари,
На улицу смотря часами.
Творим и грезим без помех,
Порою нам фонарь мигает...
Как часто забываем тех,
Кто фонари нам зажигает.

27.11.2009

68

Всё обойдется, всё пройдет,
Как не затянет время тьму,
Какой бы ни был поворот,
Как будто кто-то держит Землю.
02.12.2009

69

Как по разряду – гром,
И по желанью – практика,
Так по сейчас – потом, –
Если писать крылом,
Будет листком галактика!
04.12.2009

70

Разыгралась фантазия – мыслей разгул:
Вот стихи сочиняю и в правиле мер, –
В голой цифре, – ищу я космический гул...
Но пора и на землю, ведь я – гранадер.
07.08.2009

71

Галоп ли, просто ветер – хлещет грива,
И временем *далекое* несет.
Наверняка, откроется с высот:
Стоит ли это замок горделиво,
Иль рядом бабочка, прервавшая полет.
22.02.2008

72

Как не похоже то, что восстает
Из тлена, из реальности недавней,
На всё, чему закрыло Небо ставни.
Но только это Бог наш призовет!
19.11.2009

73

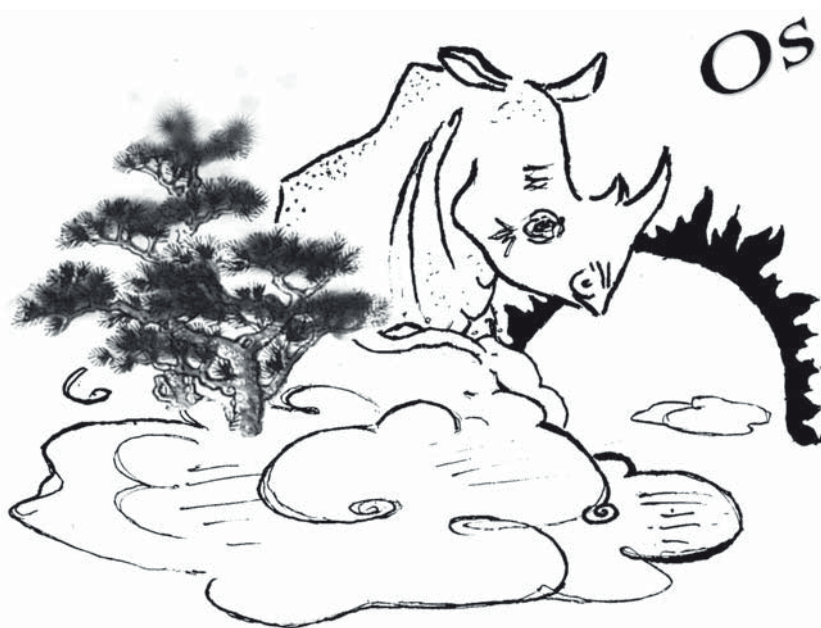
Погнется меч и треснет шлем,
Трава покроет место брани,
А всё, чего касались длани,
Ветра уносят насовсем.
И только то, что не оставить, –
Хоть и прозрачнее стекла, –
Земля навек сберечь смогла.
И принял Бог в объятья память.
20.11.2009

74

Дорога легла по лесам и холмам.
Он скачет на добром коне,
А в замке красавица плачет и ждет,
и песни поет под свирель.
Под облачным небом, под общей звездой,
наверно, грустят и по мне,
Ведь рыцаря нет без принцессы своей,
так было и будет, поверь.
05.08.2009

1. Из экслибриса

2. Из экслибриса

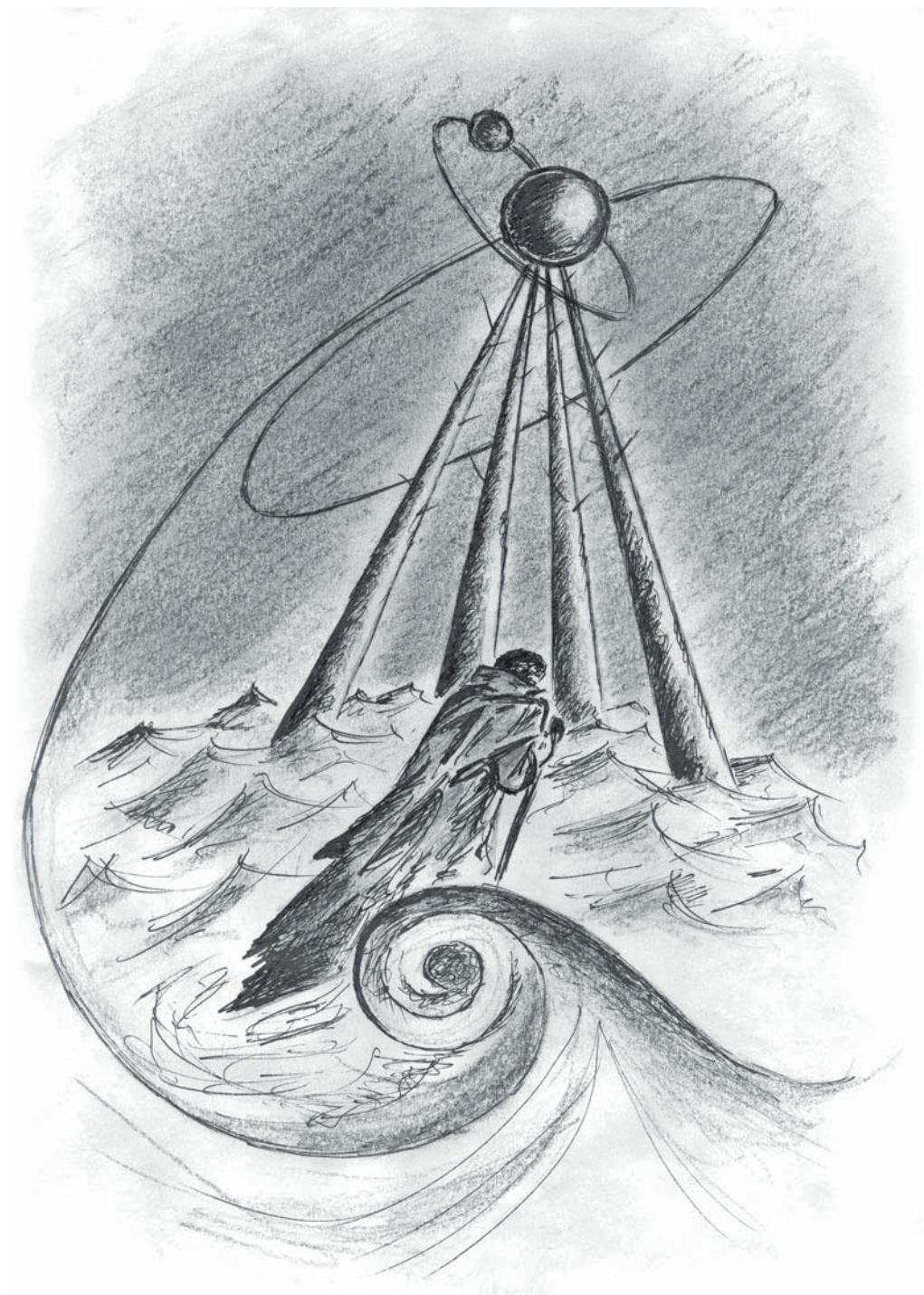
3. Символический портрет Е.Ф.

4. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулок»

5. Символический портрет Сергея Жирнова

6. Иллюстрация к рассказу Е.Ф.

7. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулоч»

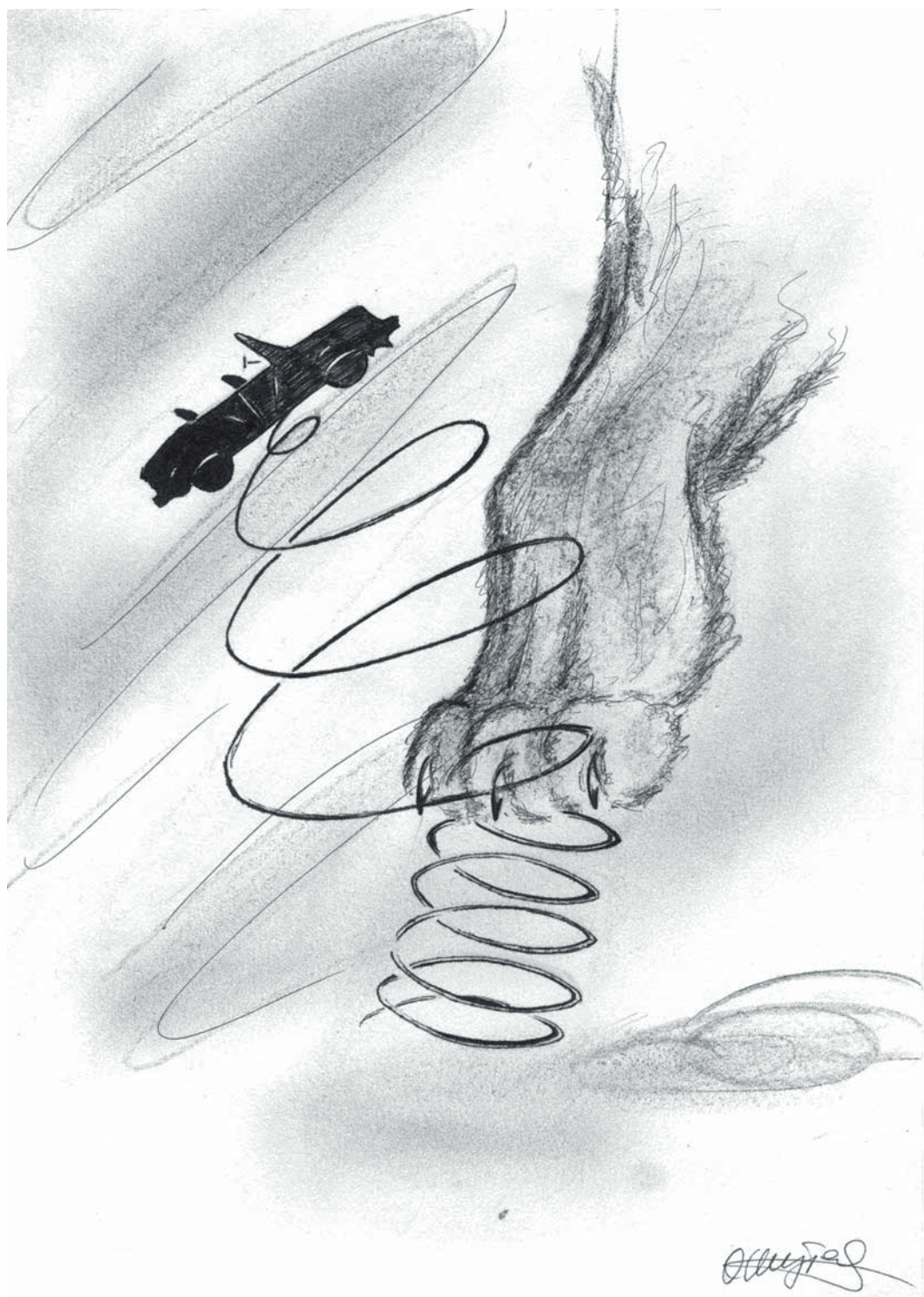
8. Символический портрет М.В.

9. Символический портрет М.В.

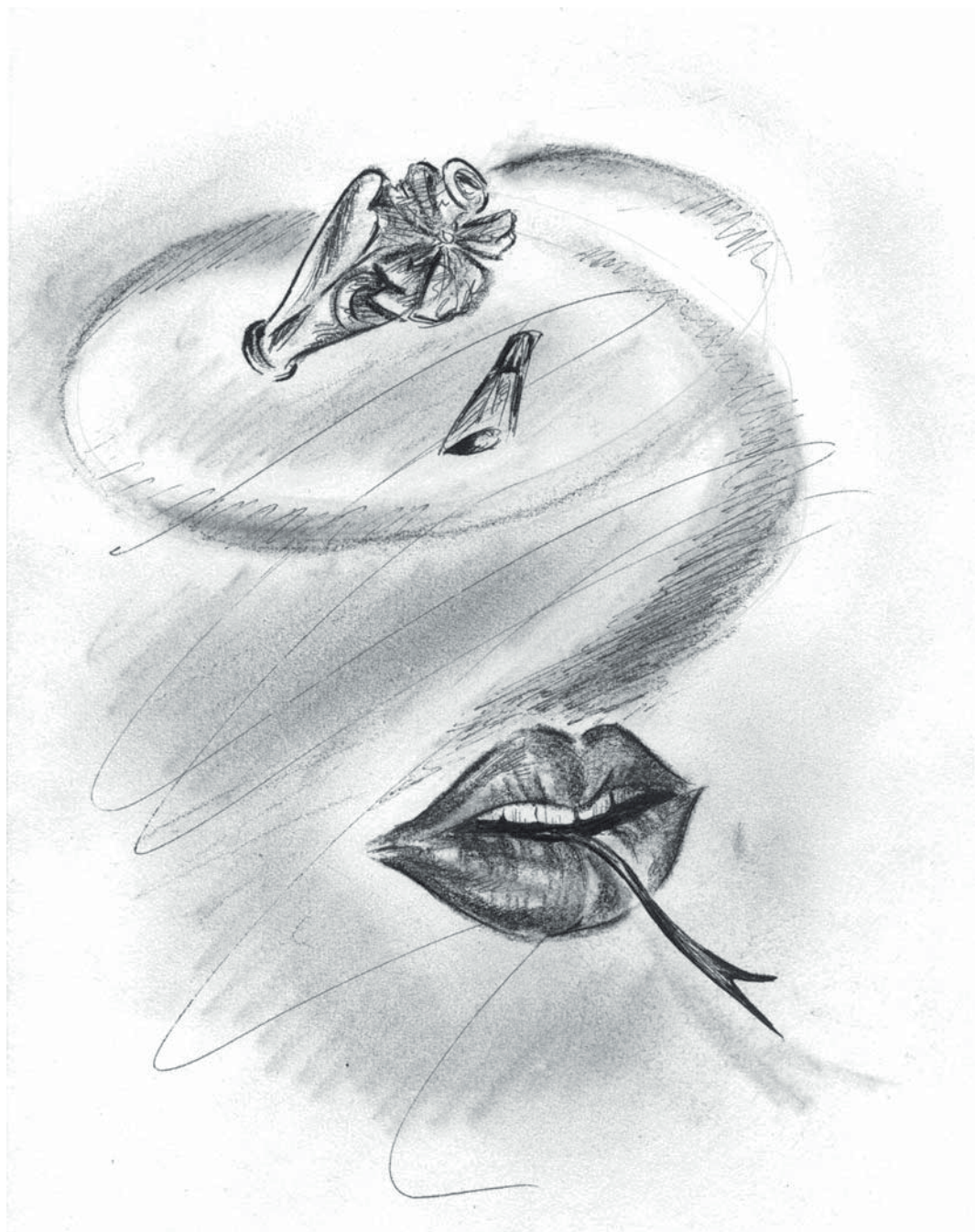
10. Символический портрет Зои Мавренковой

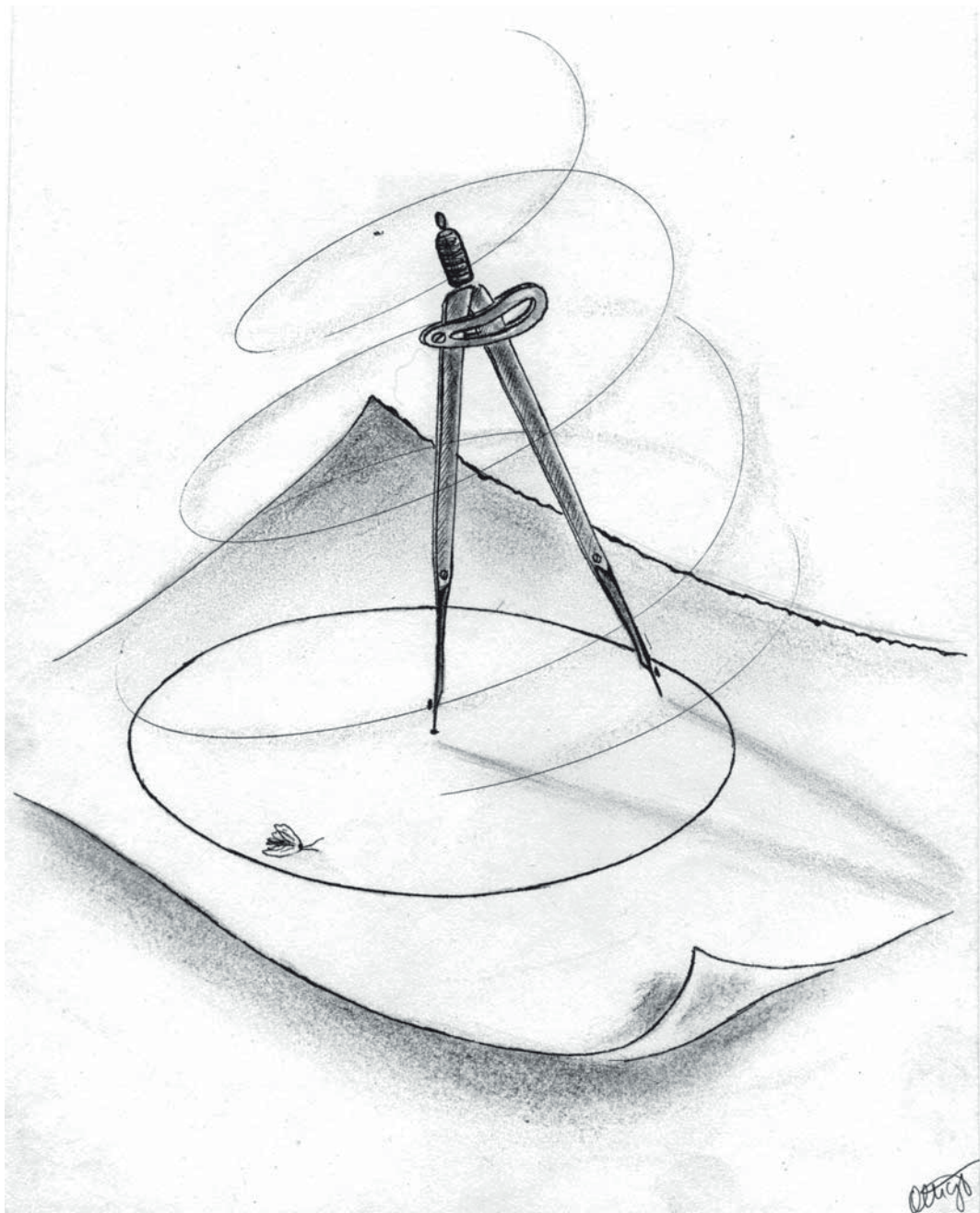
11. Символический портрет Ирины Родионовой (Посвежинской)

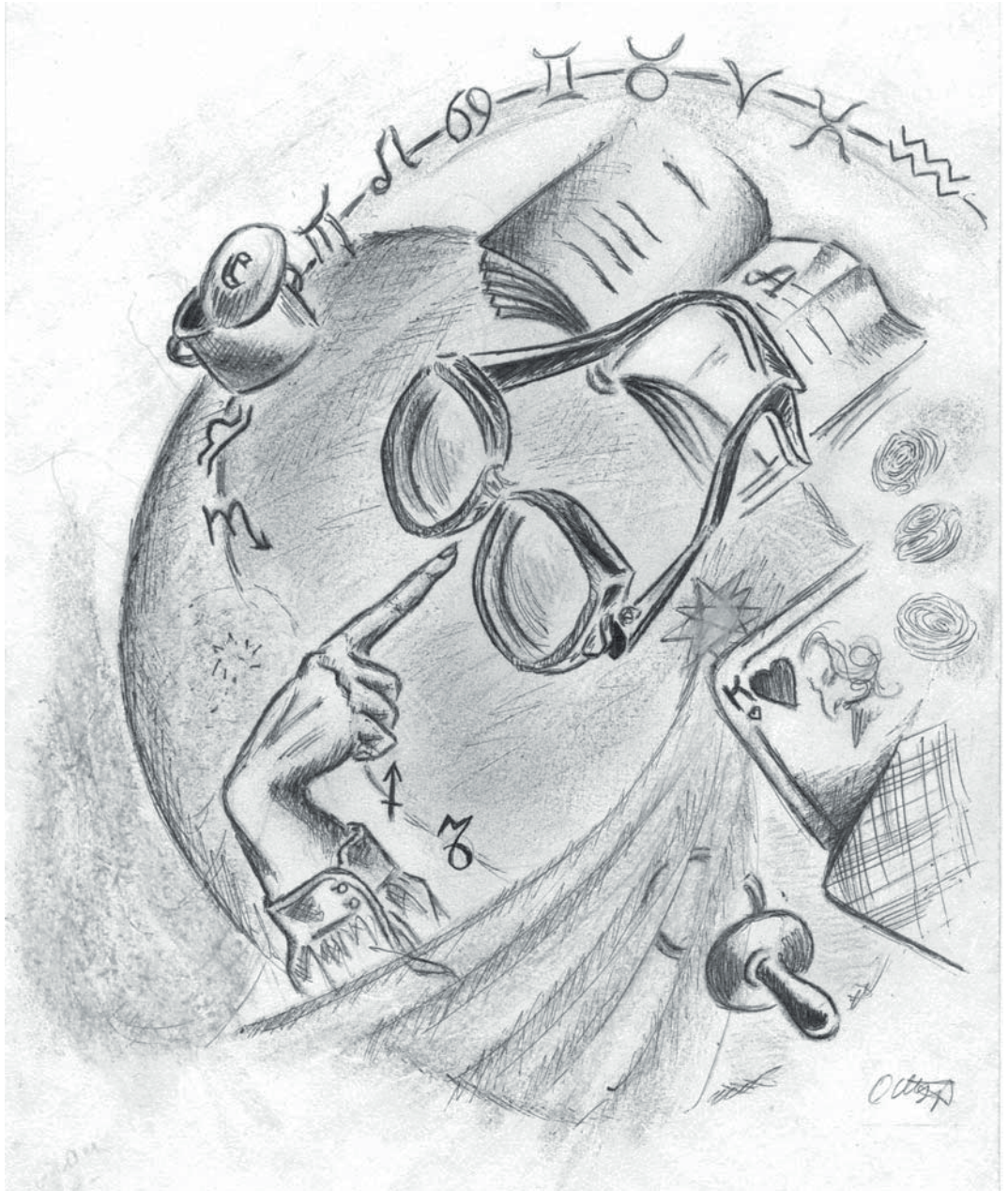
12. Символический портрет Ирины Родионовой (Посвежинской)

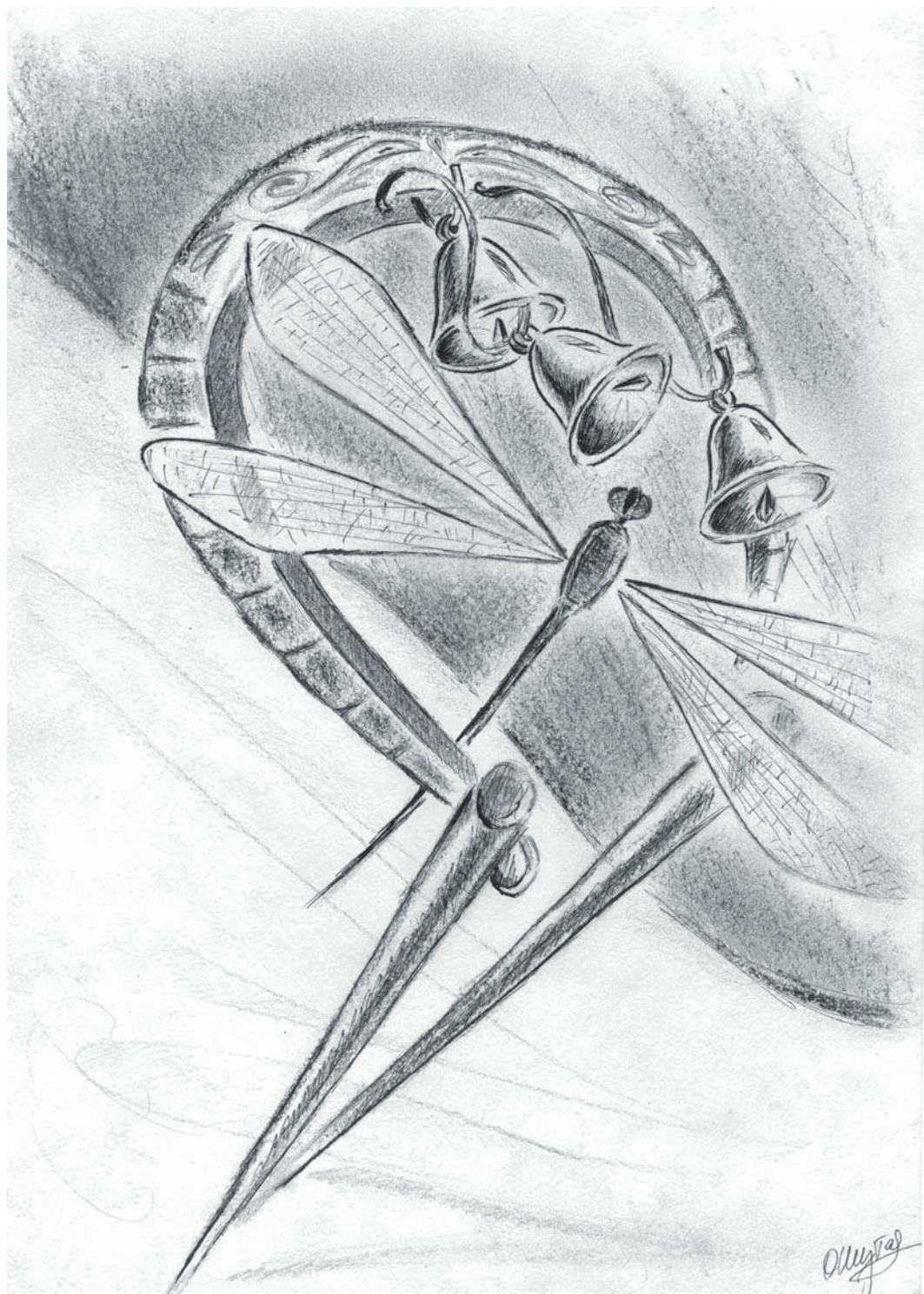
13. Символический портрет И.Т.

14. Символический портрет М.В.

15. Символический портрет М.С.

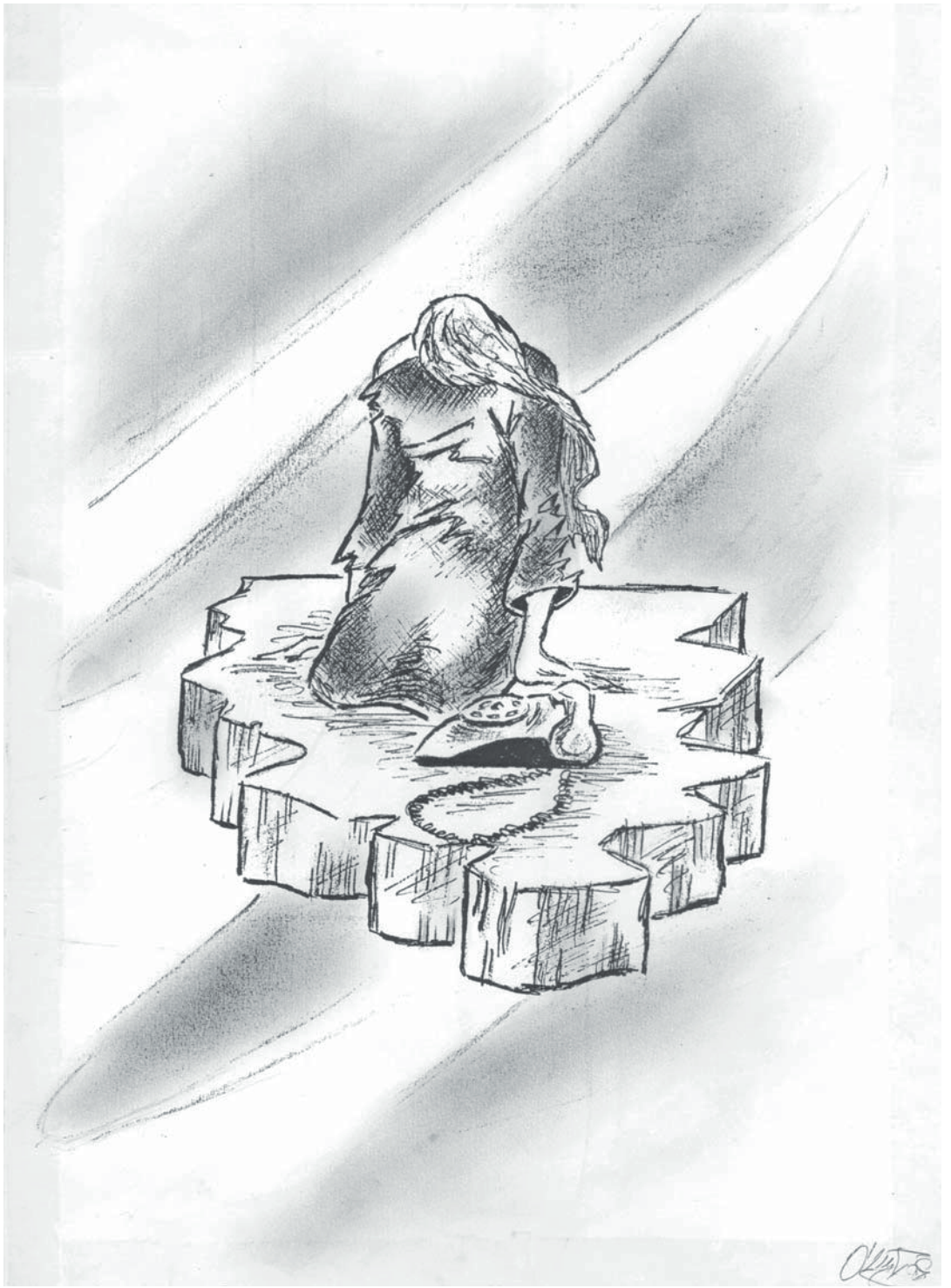
16. Символический портрет Н.Ш.

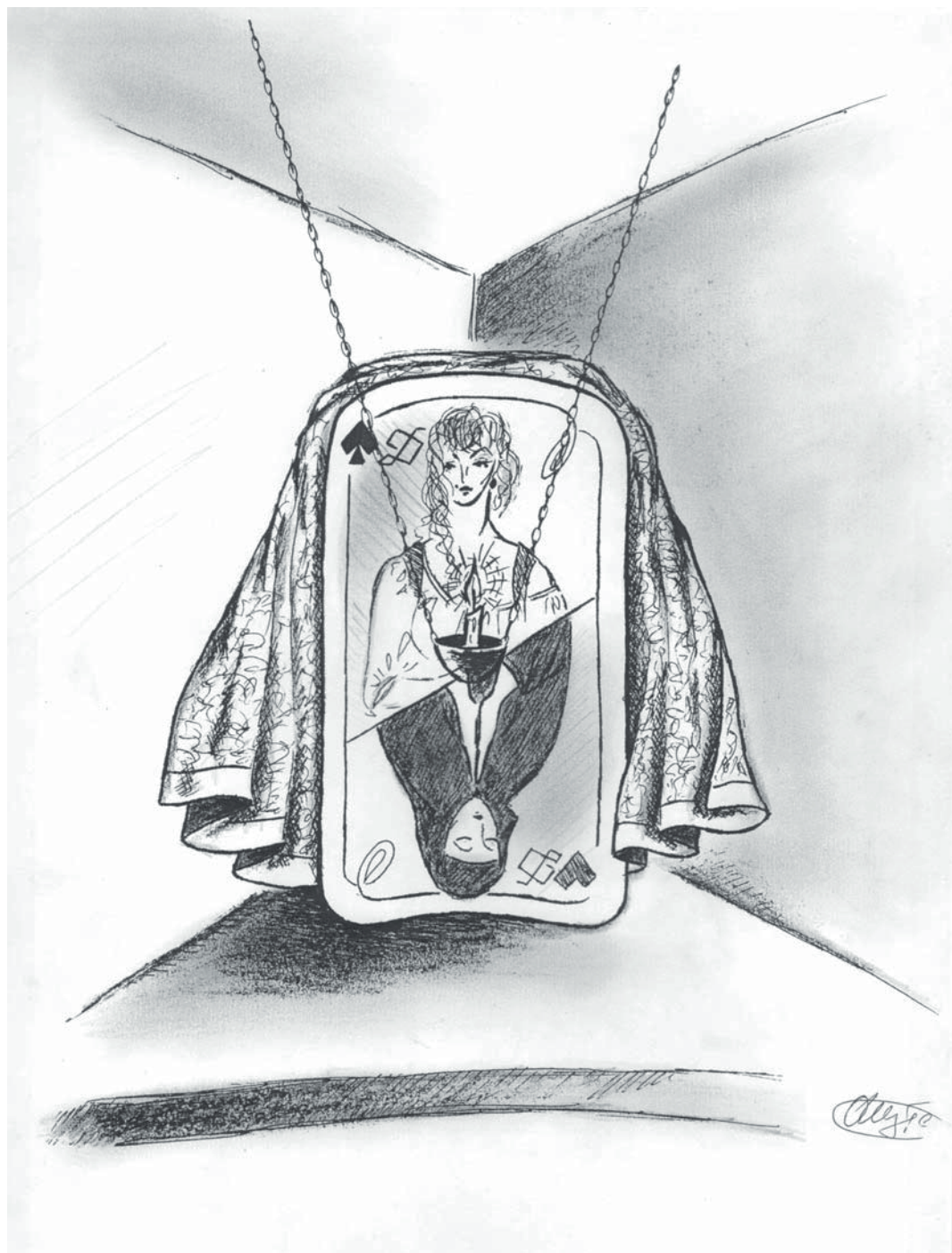
17. Символический портрет И.Т.

18. Символический портрет И.К.

19. Символический портрет Ю.П.

20. Символический портрет Ю.П.

21. Символический портрет И.К.

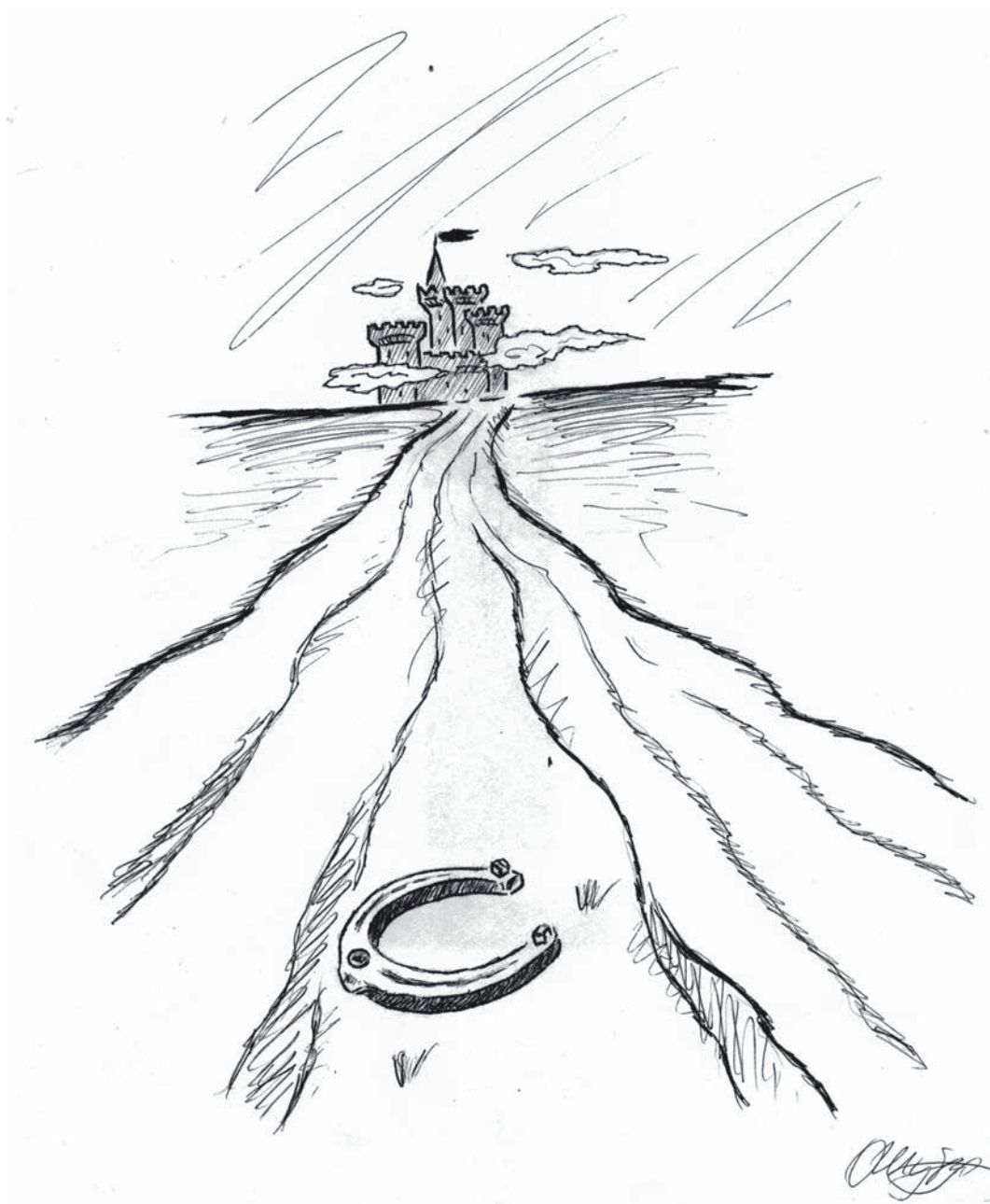
22. Символический портрет Т.М.

23. Символический портрет С.Ж. (Пернатого)

24. К проекту Сергея Жирнова

25. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулок»

Минин

26. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулочок»

27. Свет

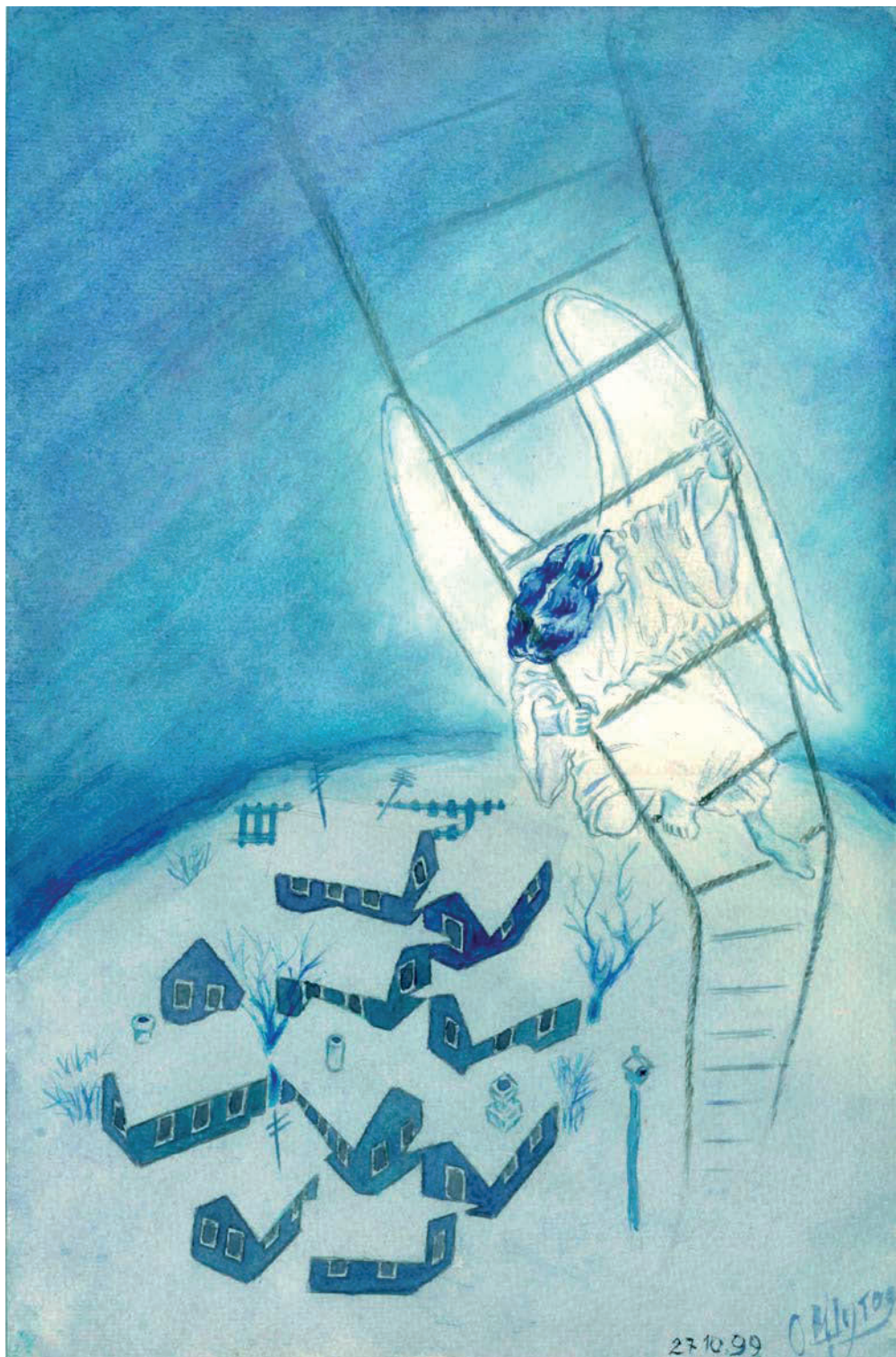
28. Змей воздушный

29. Какофония

30. Боль

31. Спустился ангел...

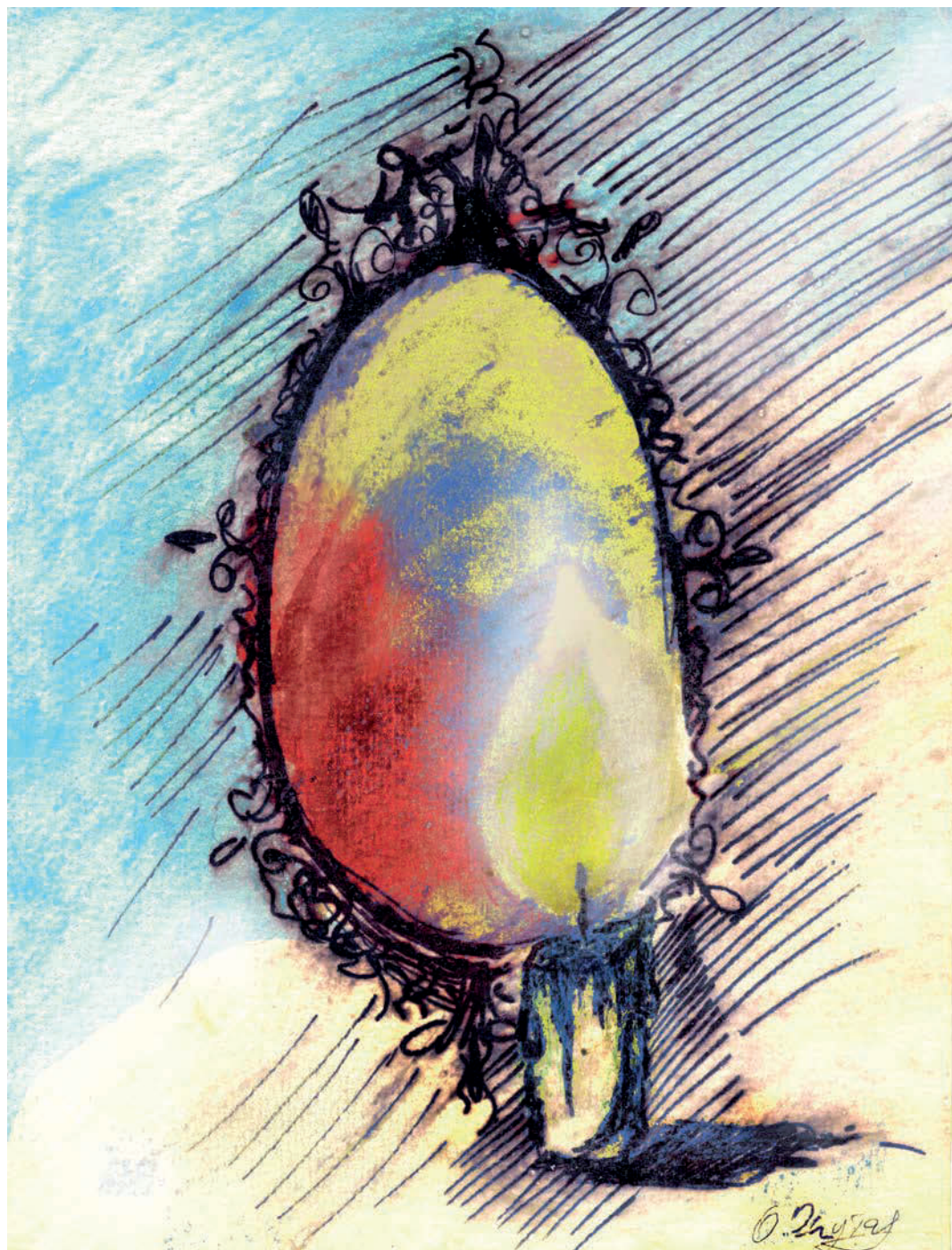
32. В новогодний вечер

33. Цветок и ночь

34. Жертвенный полёт

35. Зеркало со свечой

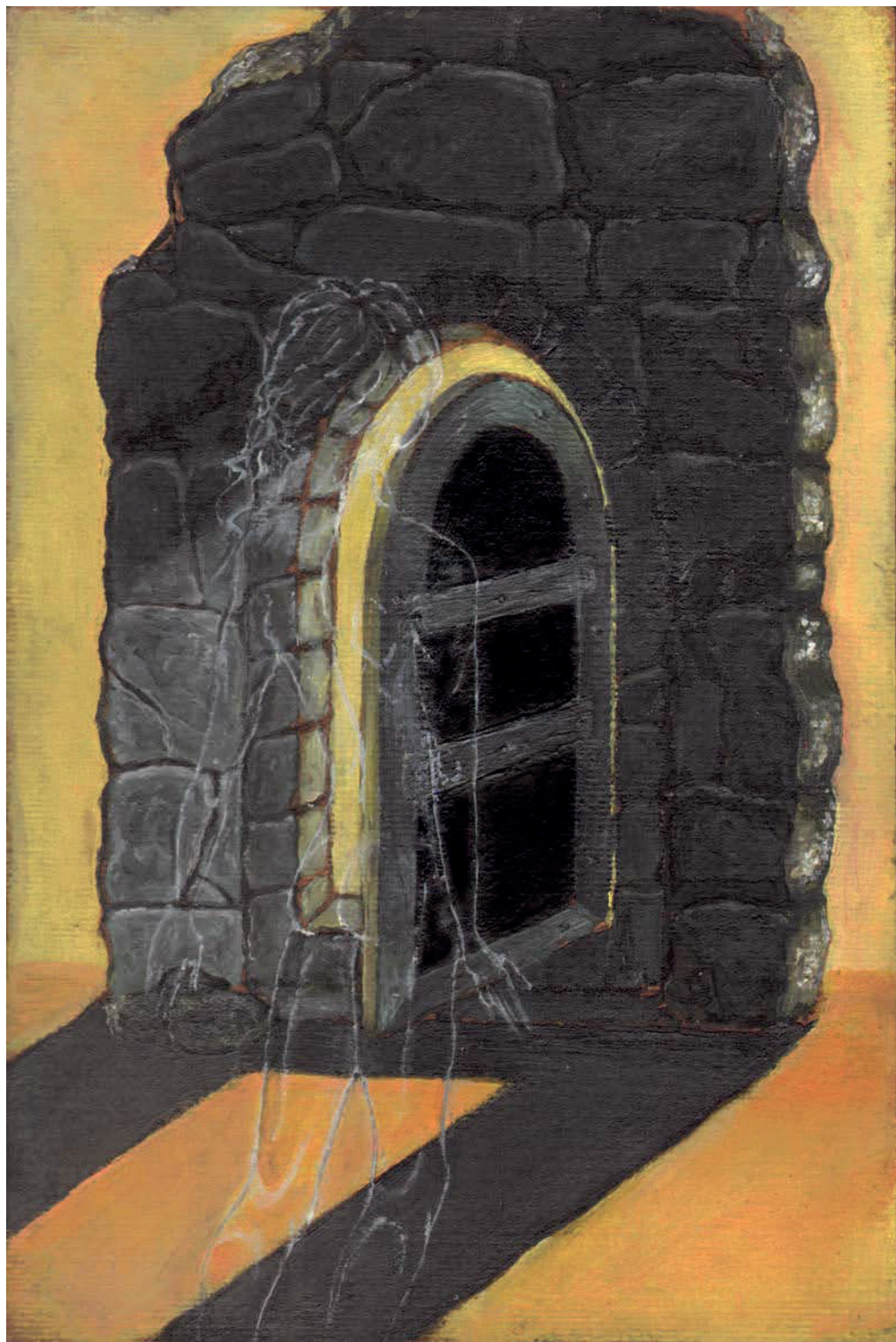
36. Гроза (Полёт ведьмы)

37. Алмазное ожерелье иллюзий

38. «И это пройдёт»

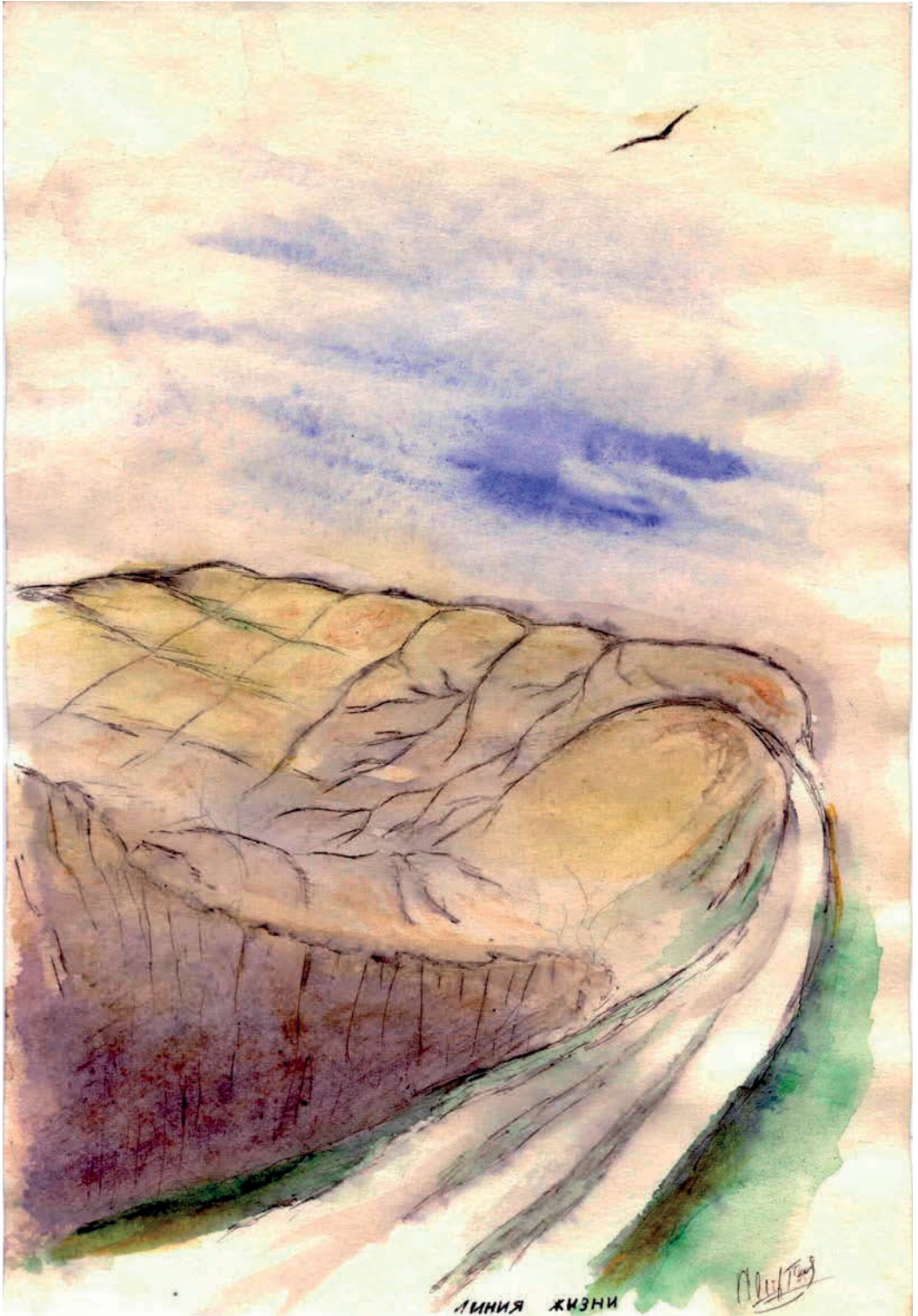
39. У открытой двери

40. Каприс на нервах

41. Линии судьбы

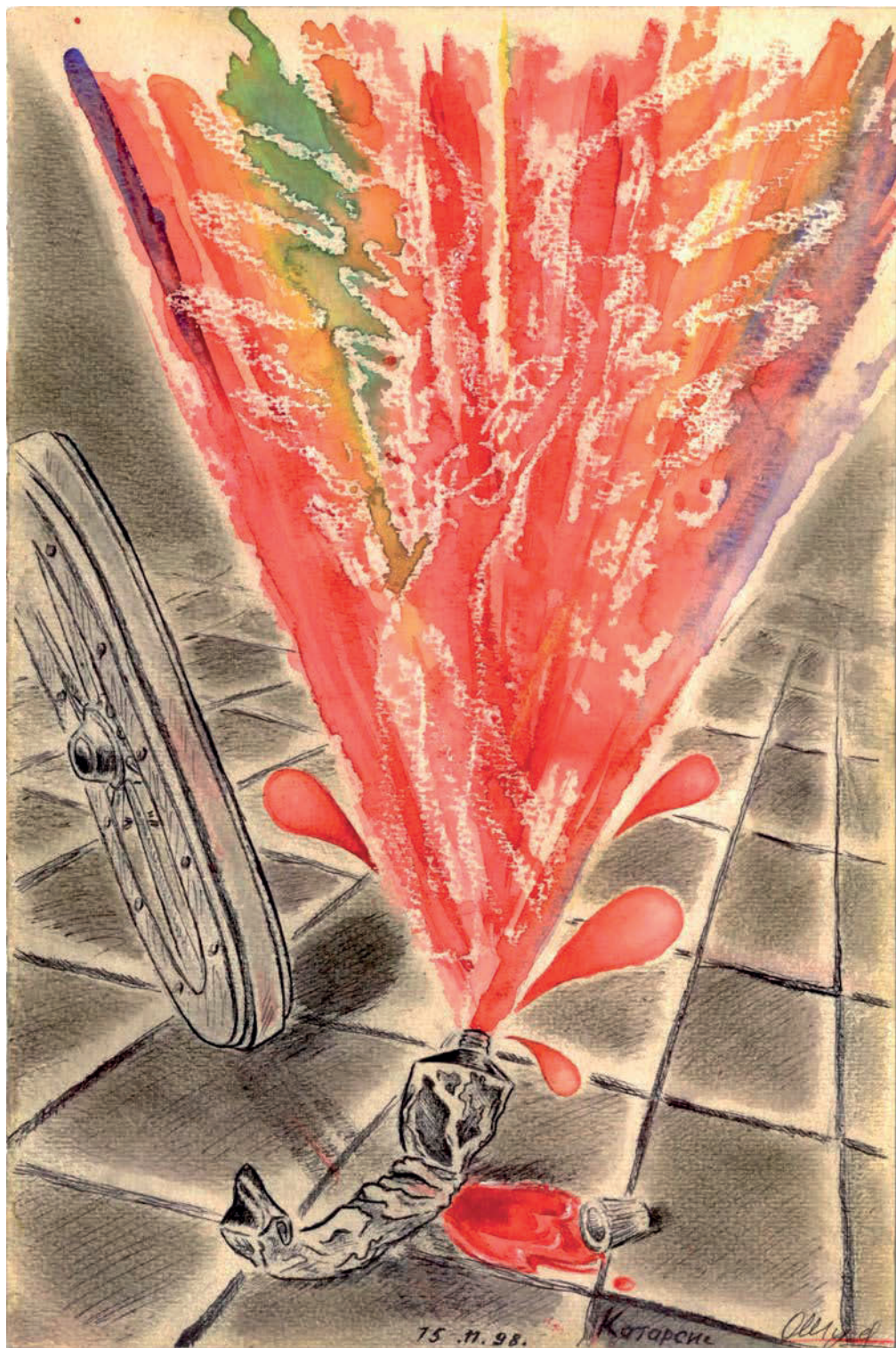
42. Дорога судьбы

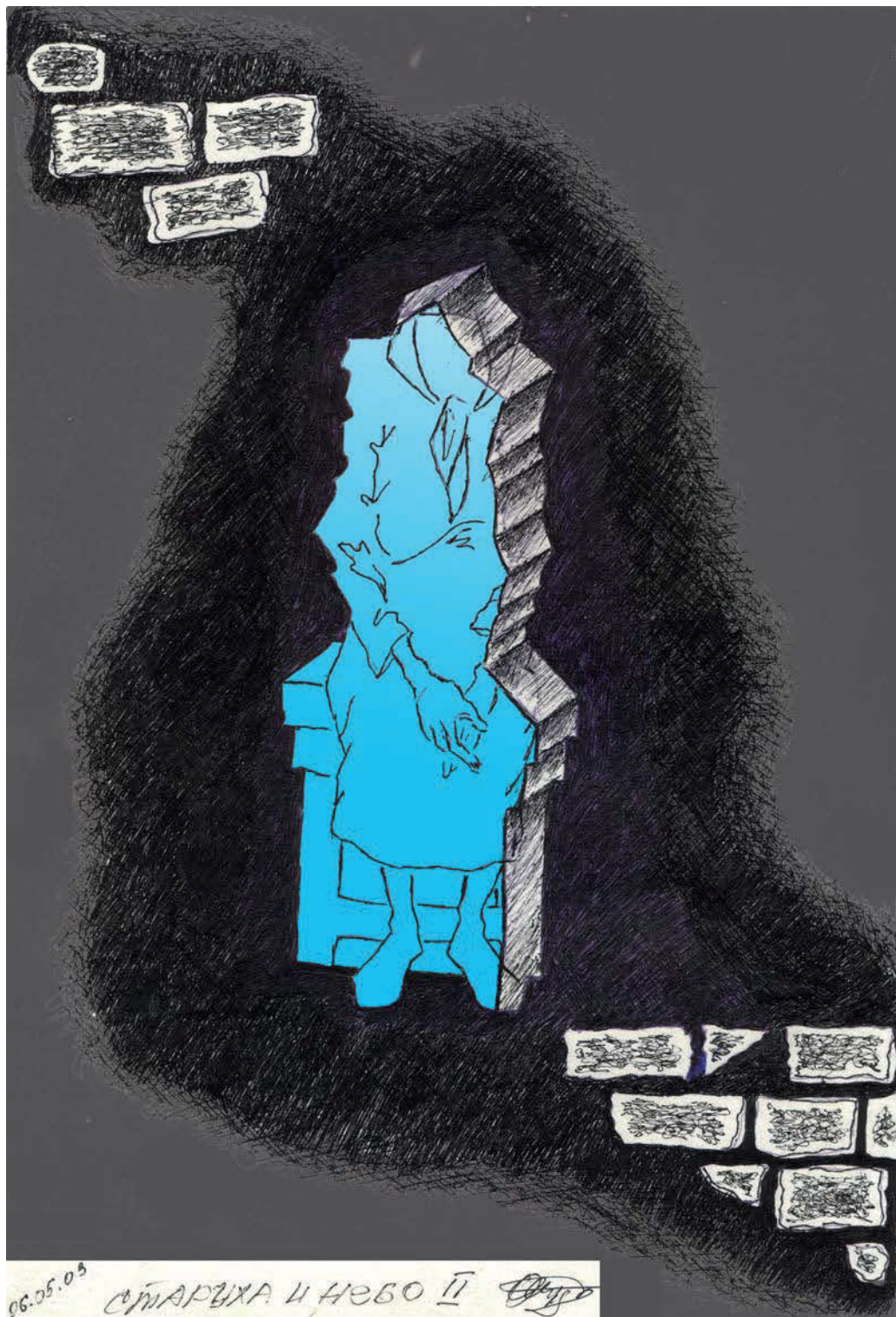
43. Перас

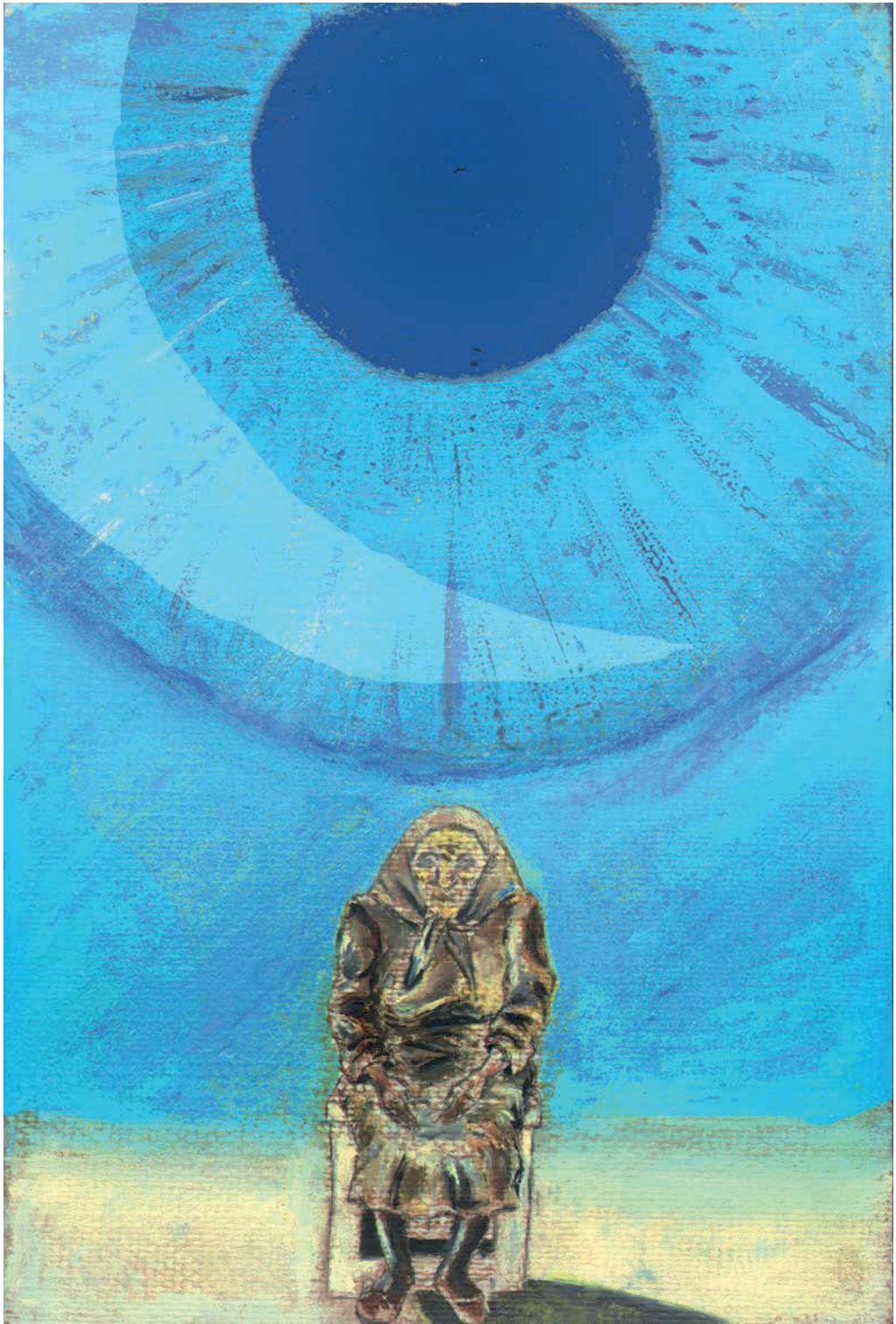
44. Театр теней

45. Катарсис

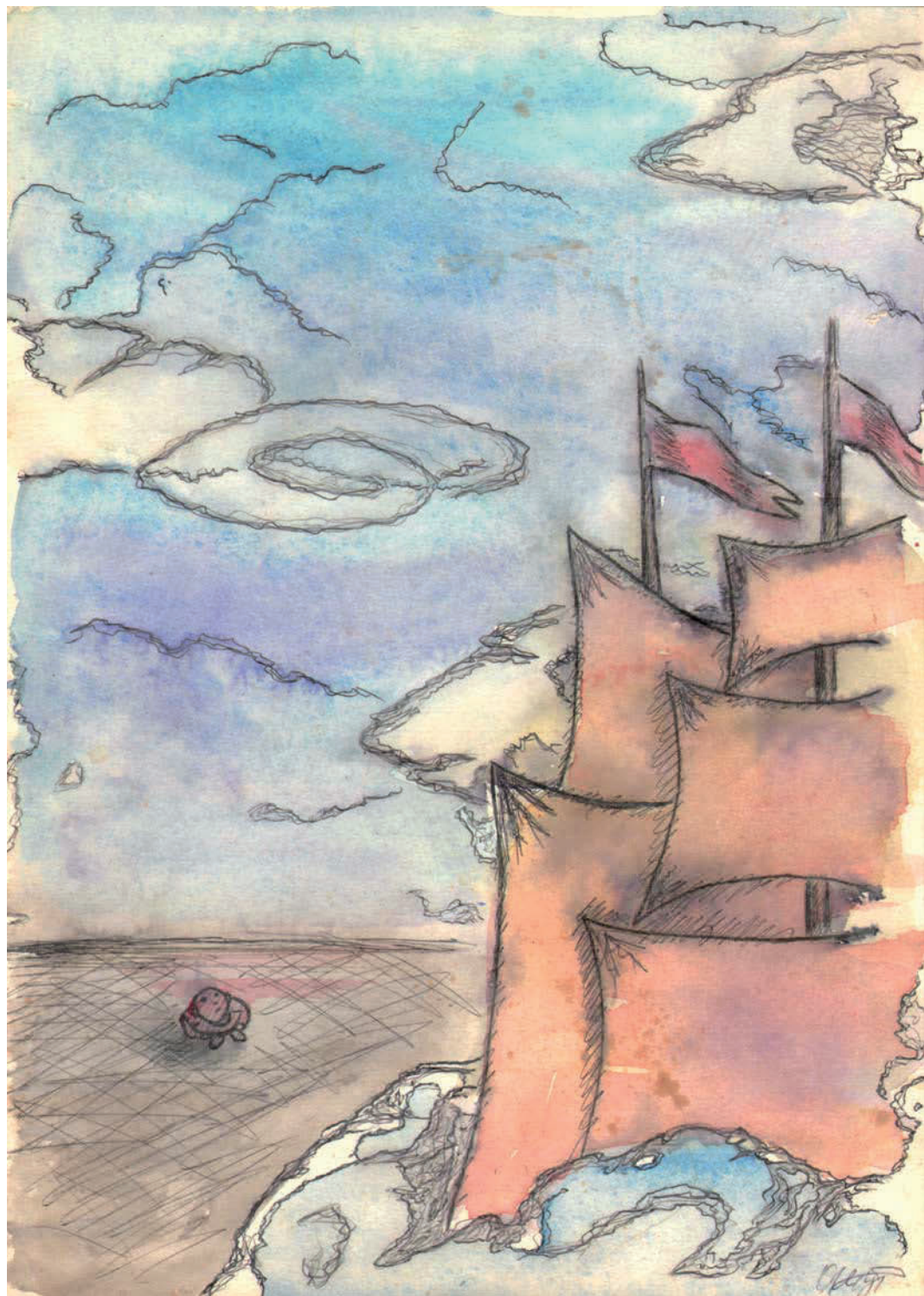
46. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулочок»

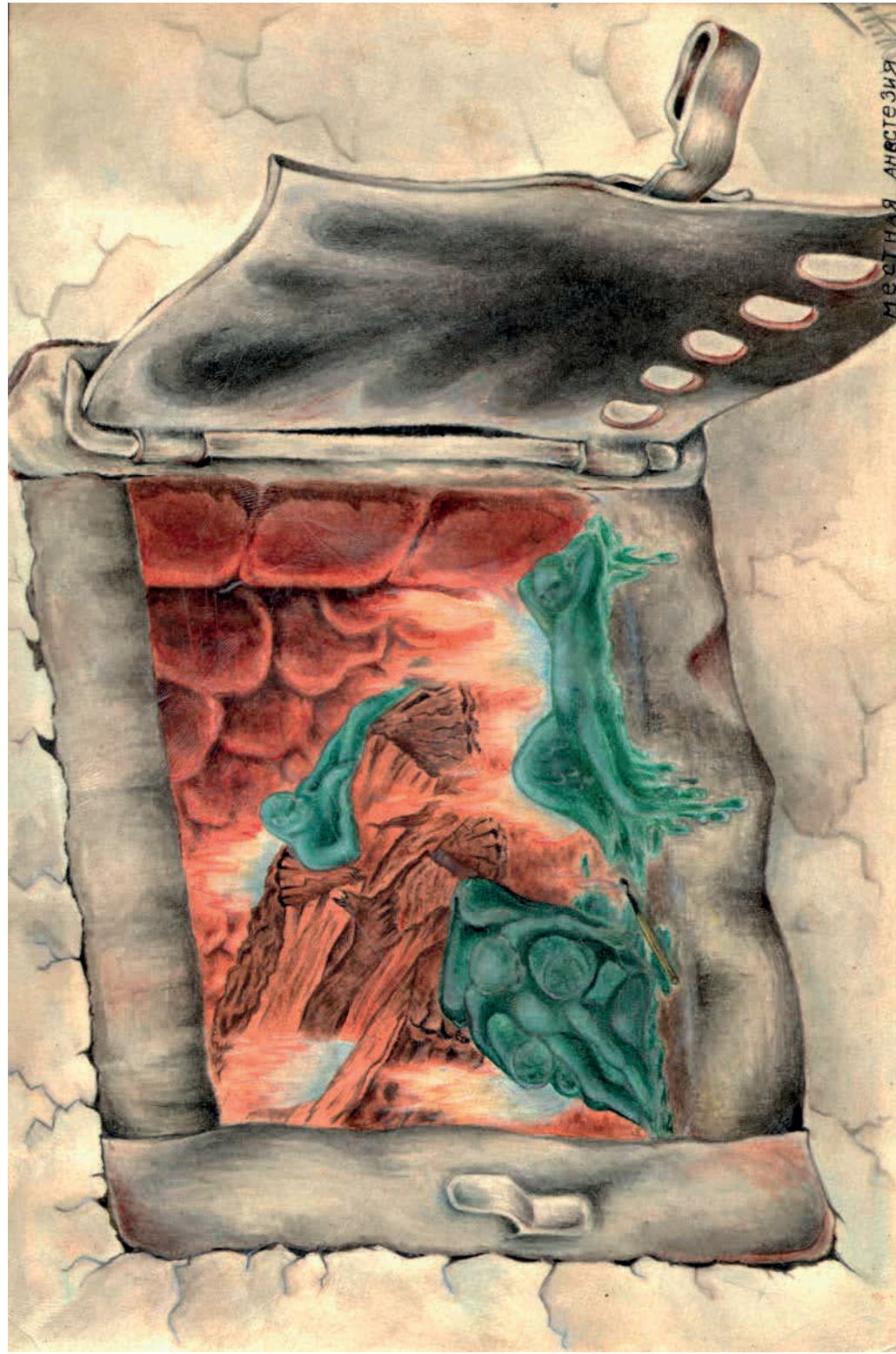
47. Слепая старуха, или Зрение небес

48. Символический портрет Зои Мавренковой

49. Паруса мечты

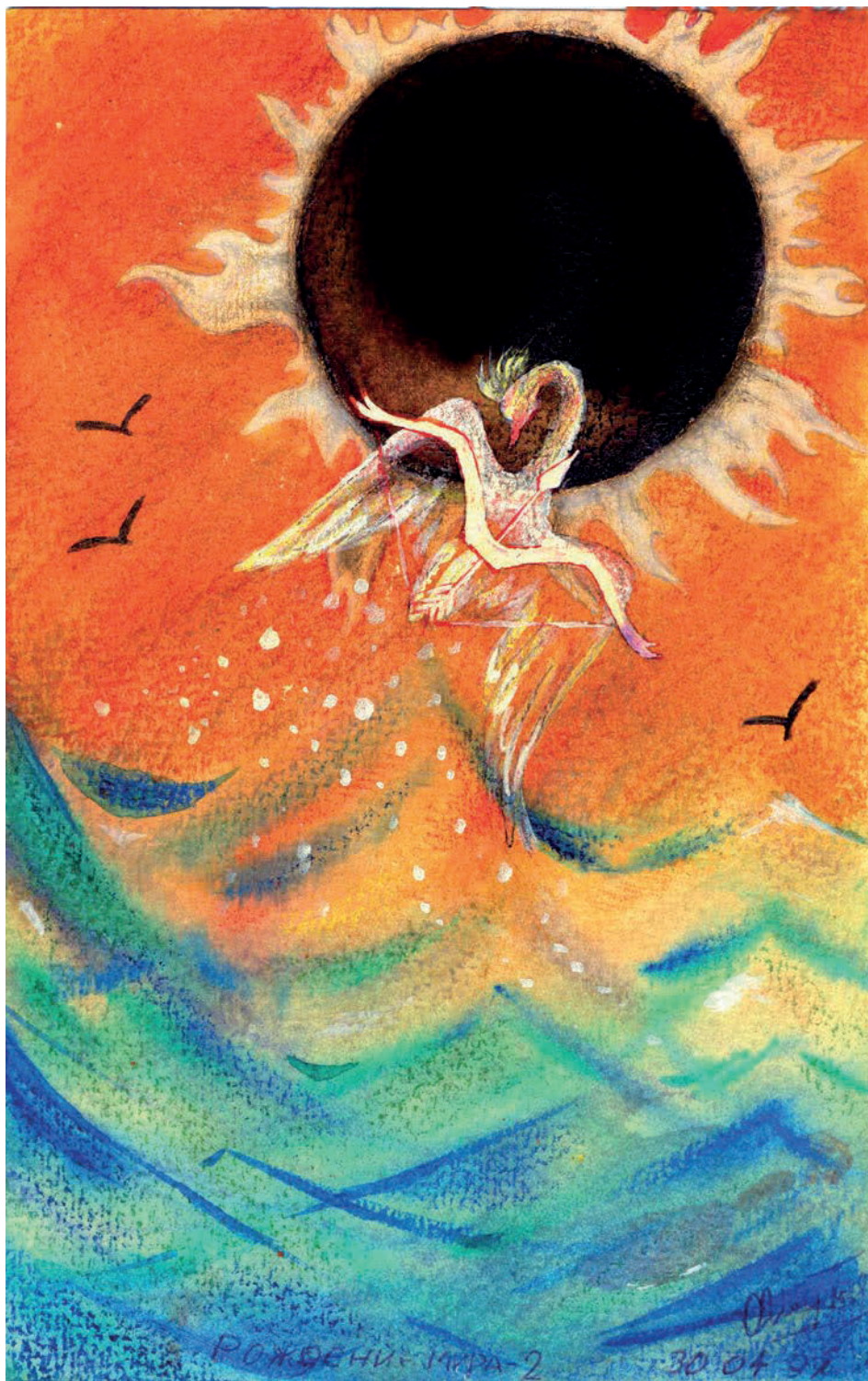

50. Местная анестезия

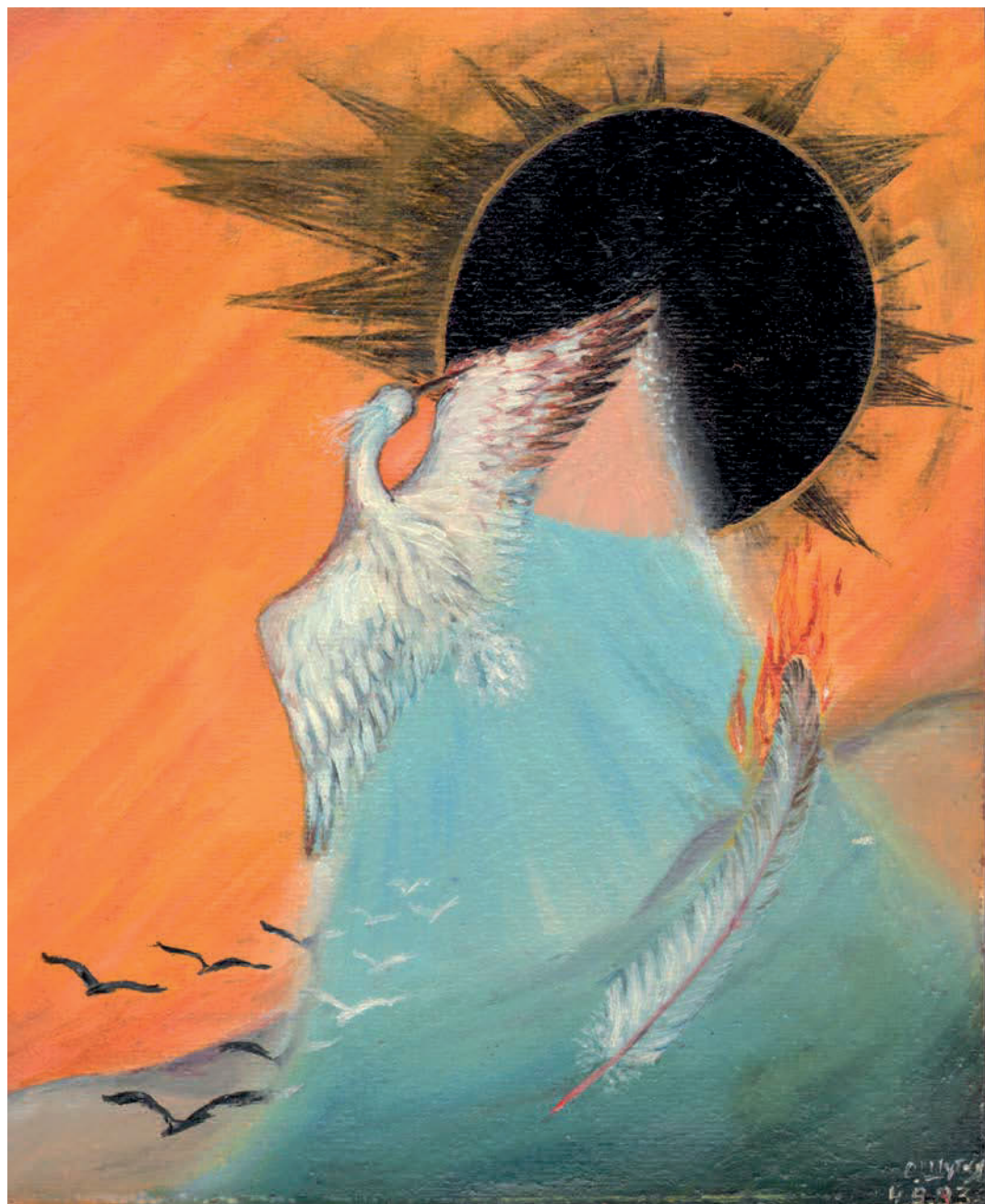

РЕКВИЕМ ПО НЕССТОЯВШЕМУСЯ

51. Реквием по несостоявшемуся

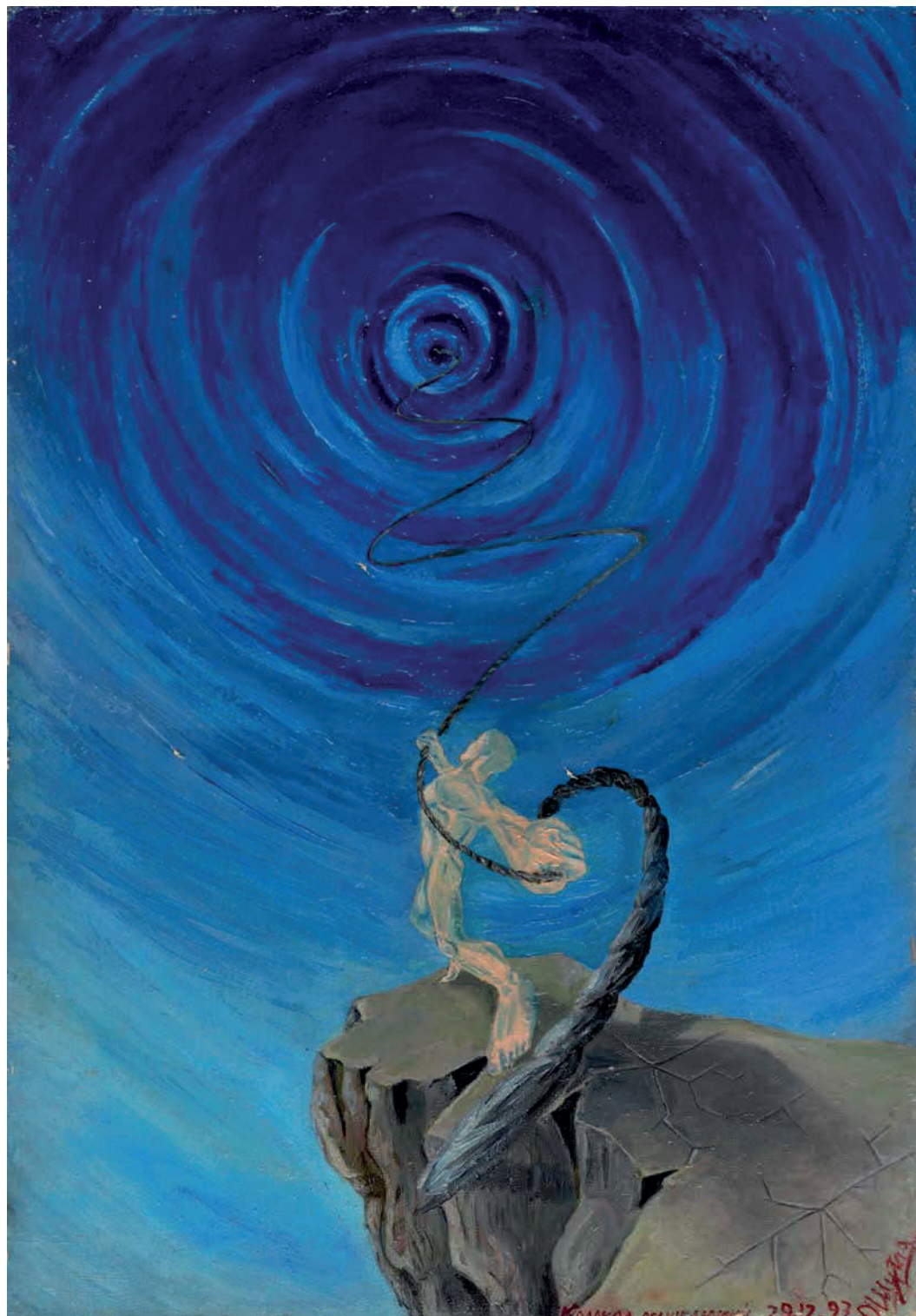
52. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Апокриф» (вариант)

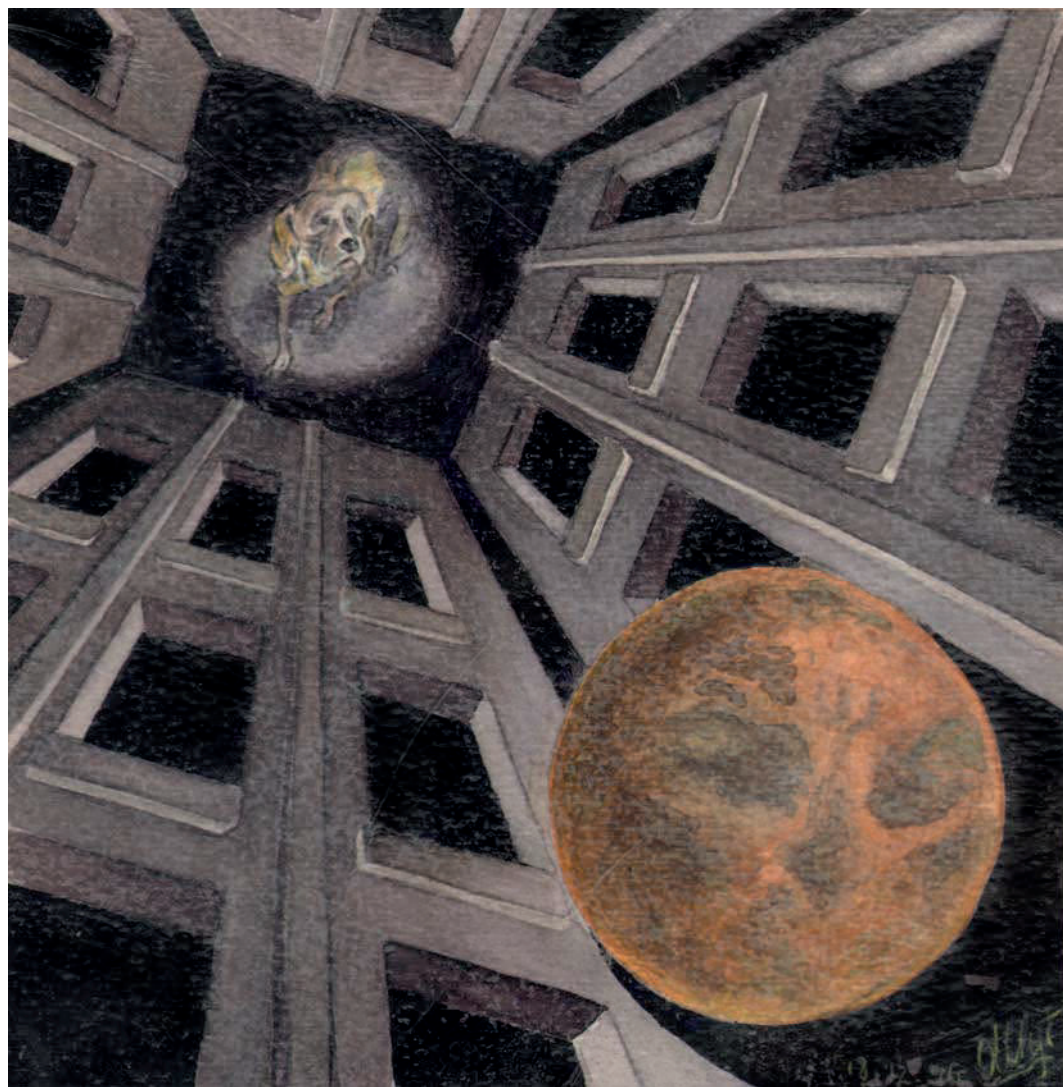
53. Рождение мира

54. Скорлупа

55. Колокол-небо

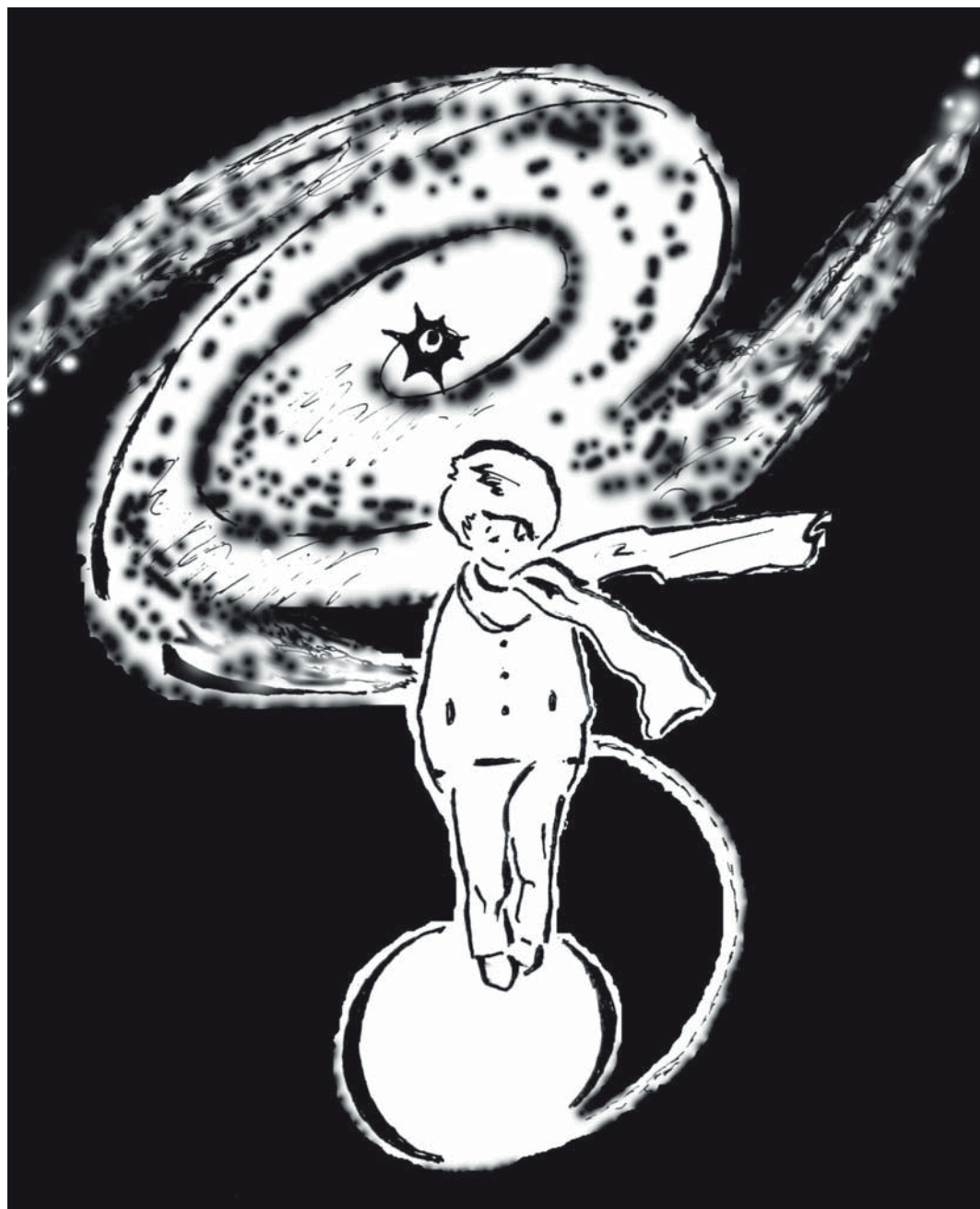
56. Одиночество (Обратная сторона Луны)

57. Иллюстрация к стихотворению Д. Юдина «Я от забот уеду на трамвае...»

58. Мальчик и звезда

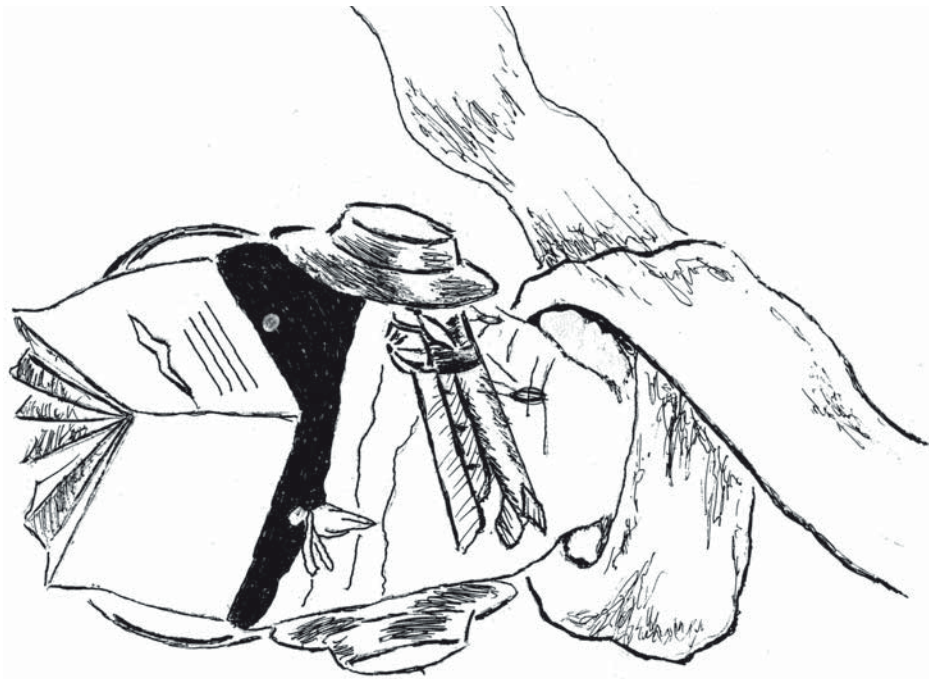
59. К экслибрису на тему «Маленький принц»

60. К экслибрису на тему «Маленький принц»

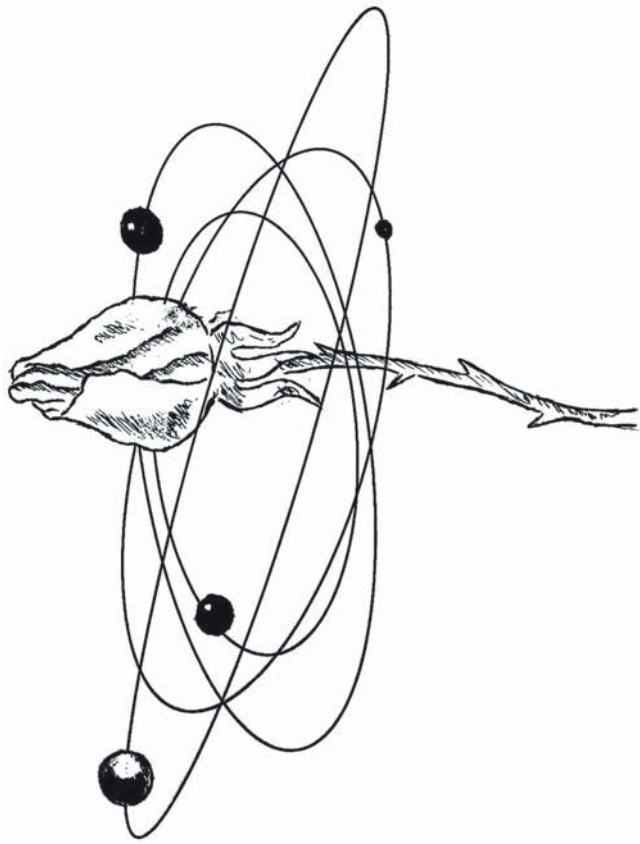
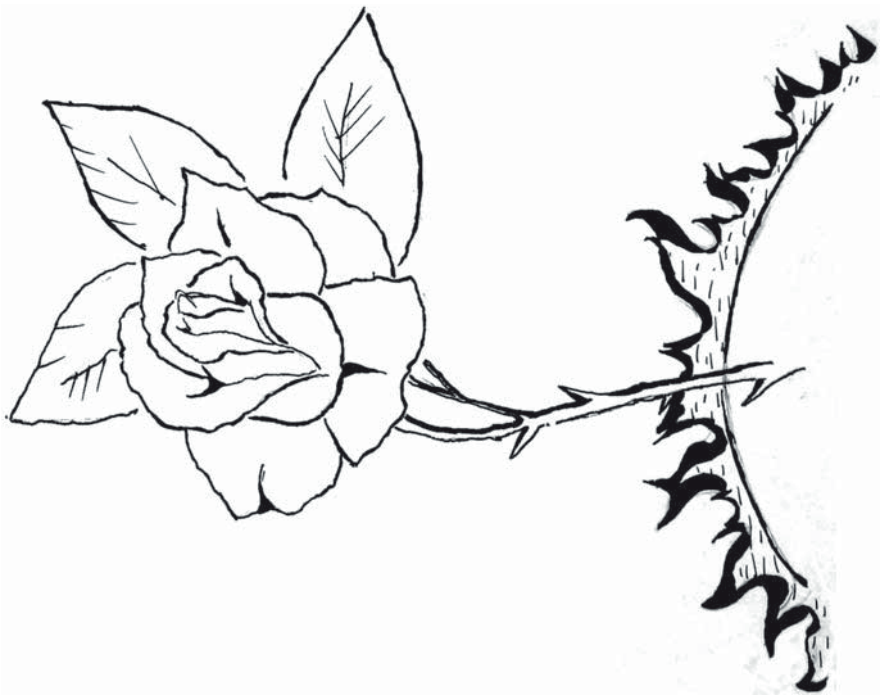
61. К эскизу на тему «Маленький принц»

В
с
а
т
а
к
и
б
ы
л
о

62,63. К эксlibрису на тему «Маленький принц»

64,65. К эскибрису на тему «Маленький принц»

66. К экслибрису на тему «Маленький принц»

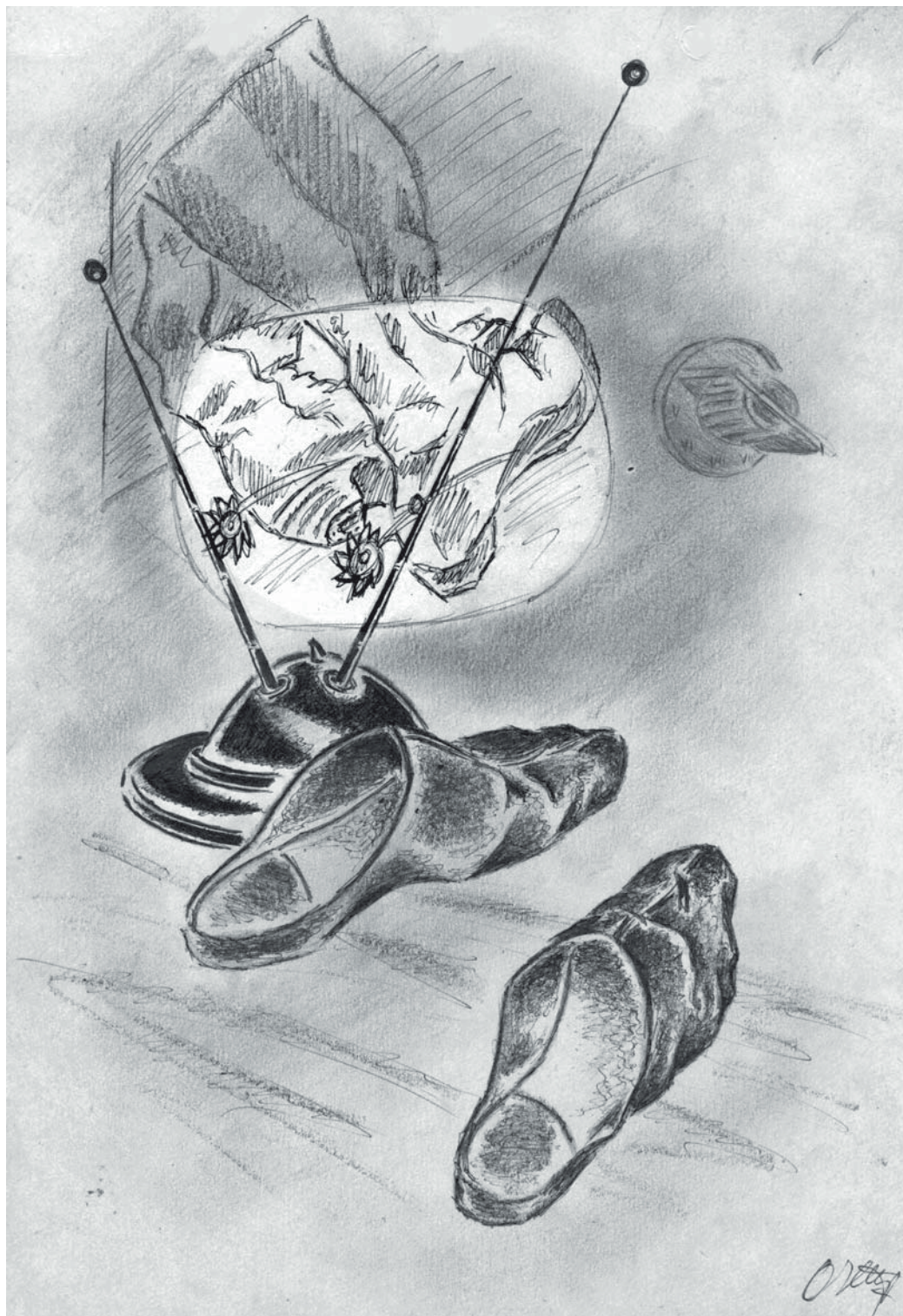
67. Фонарщик с кометой

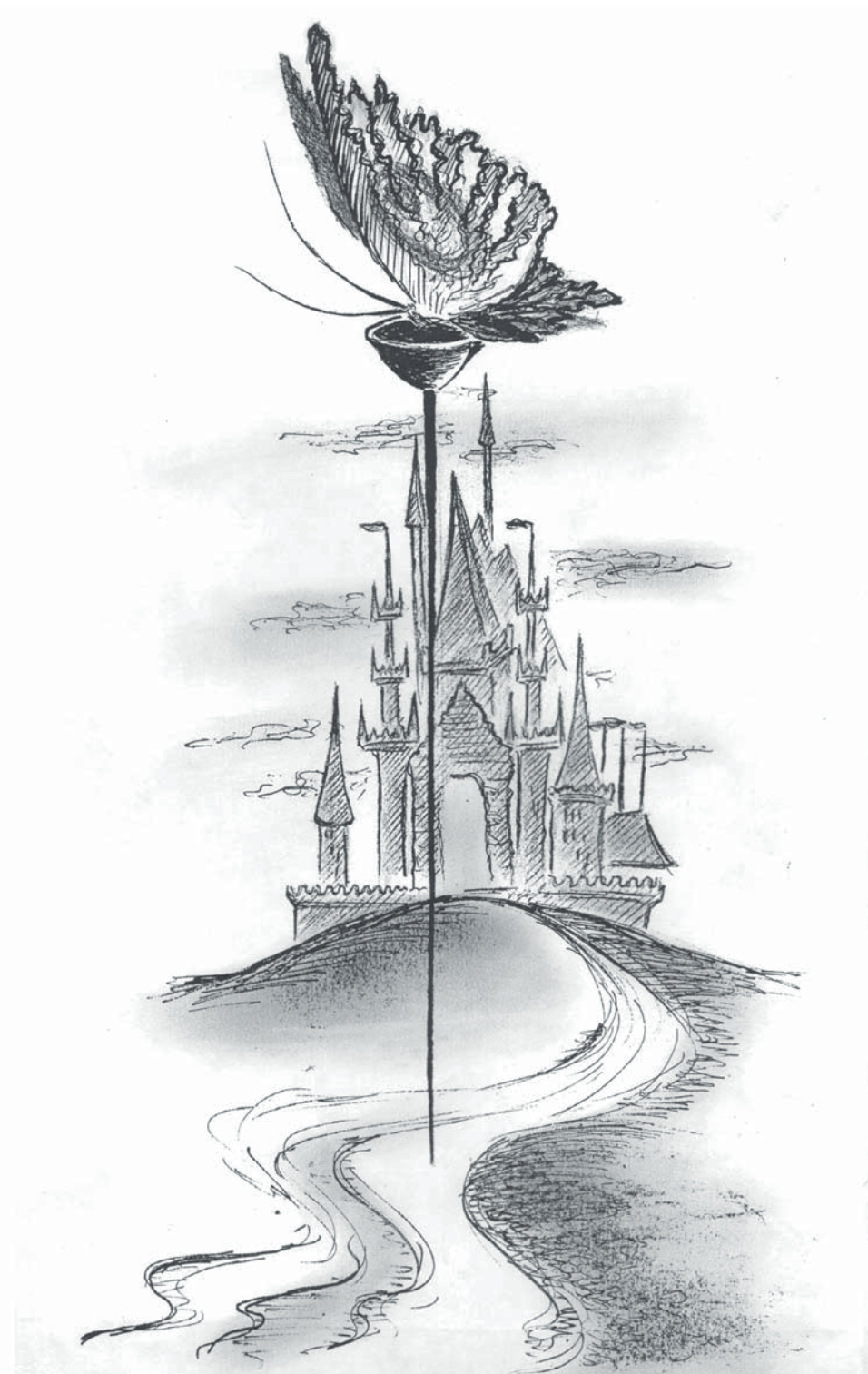
68. К экслибрису на тему «Маленький принц»

69. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Апокриф»

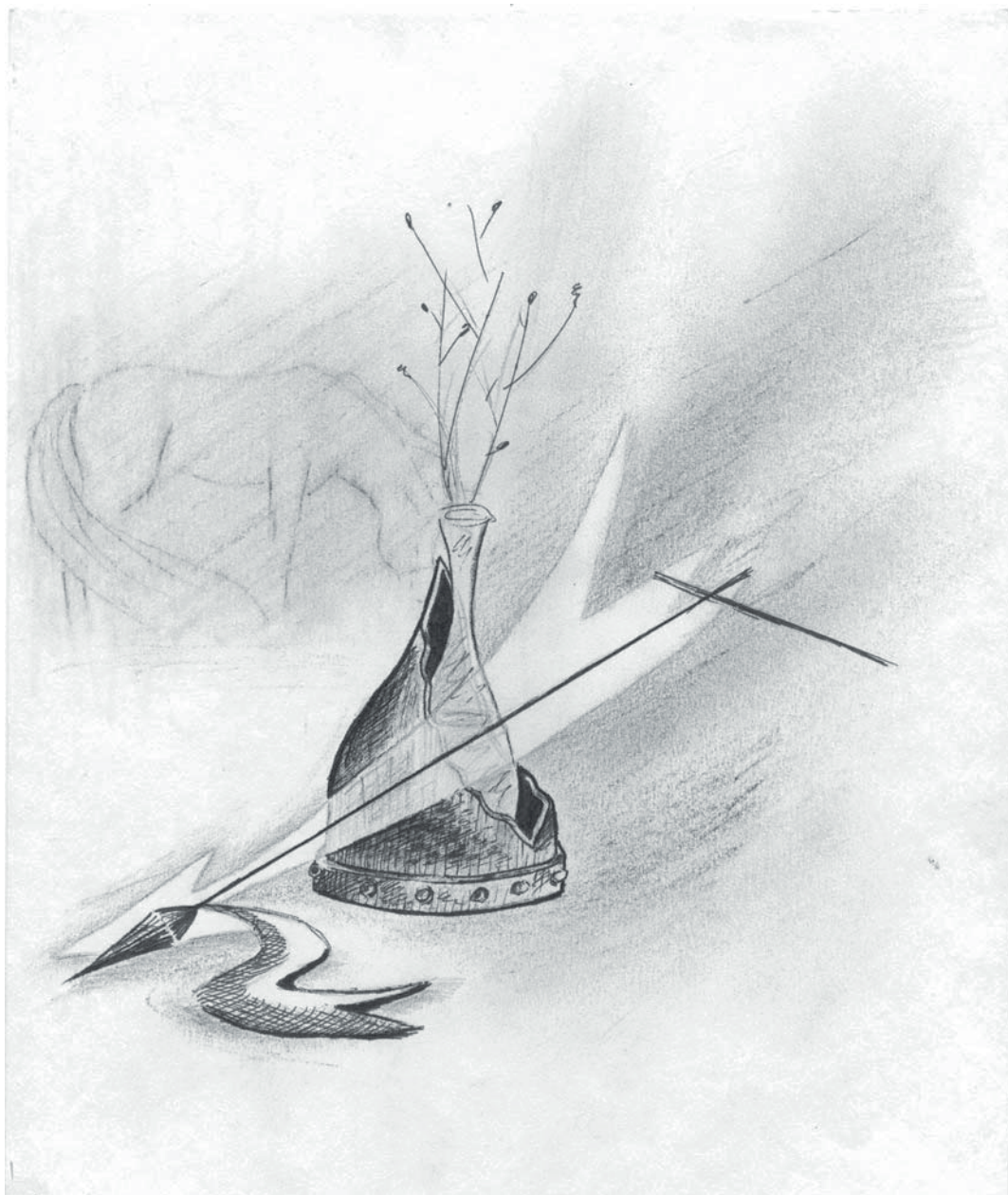
70. Символический портрет Д.Ю.

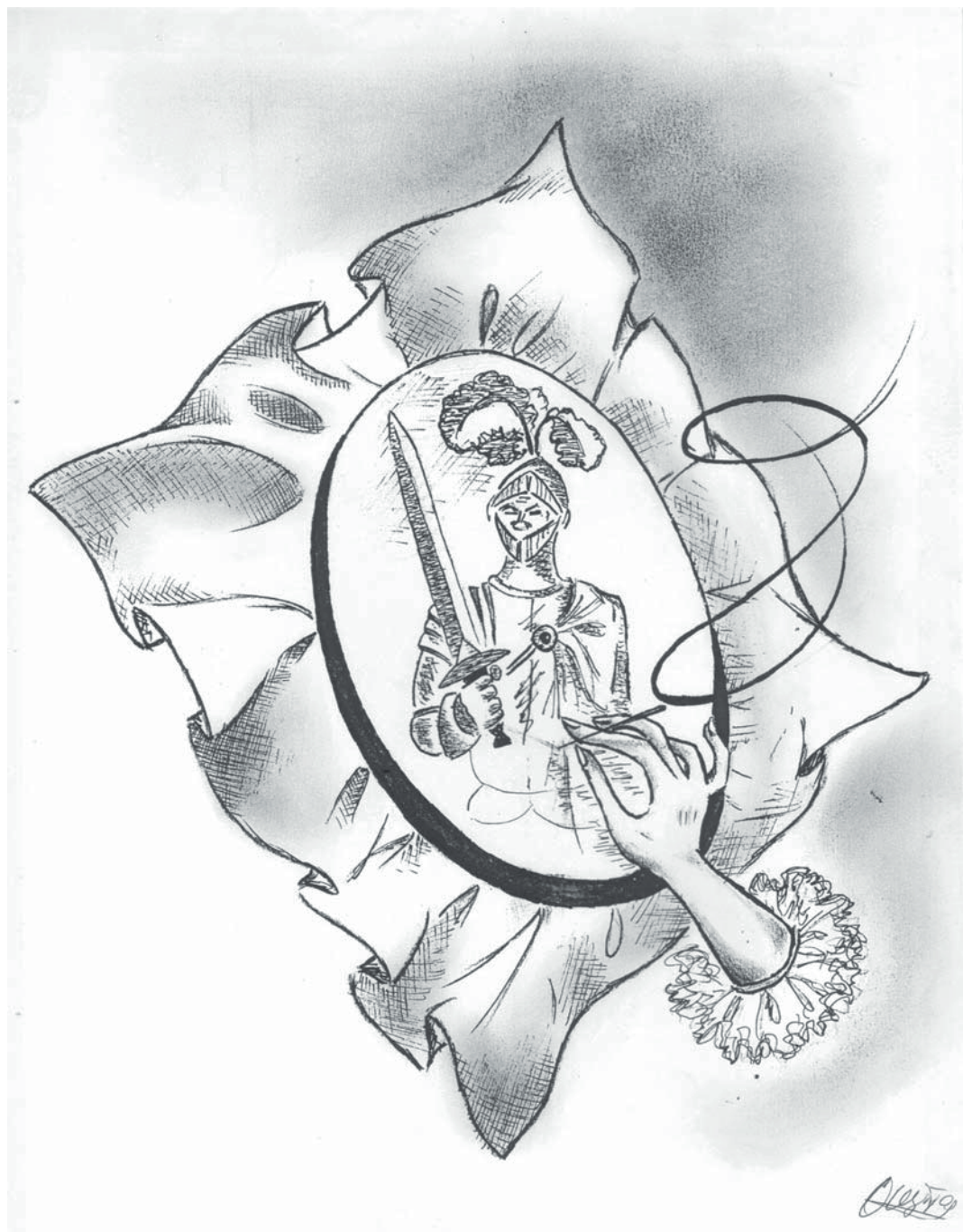
71. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулок»

72. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулоч» (вариант)

73. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулок»

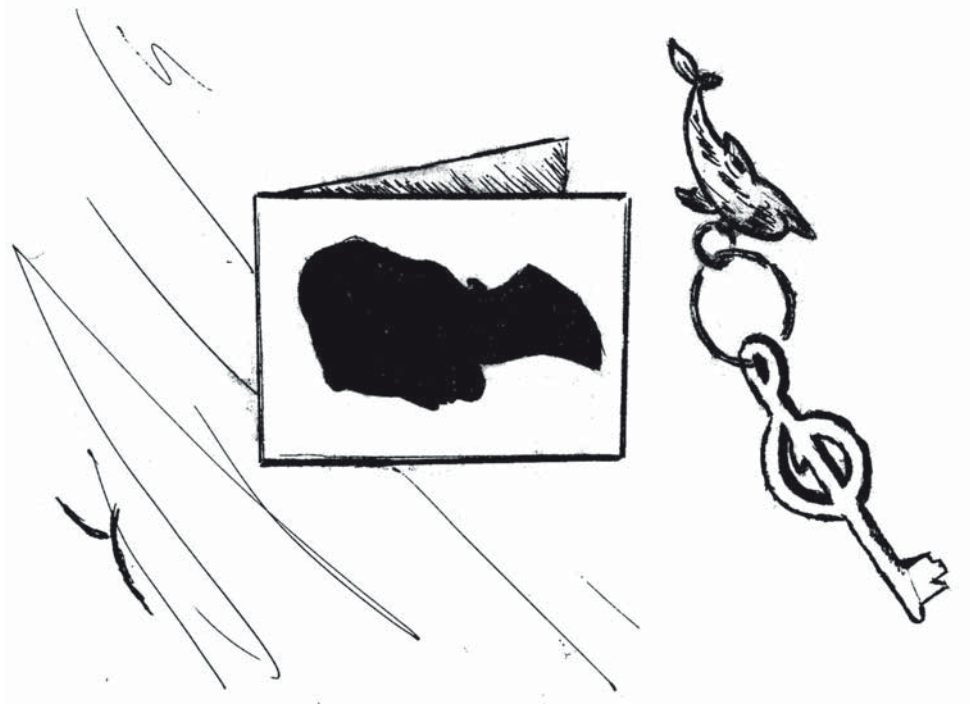
74. Символический портрет Марии Каргиной (Гоценко)

75. Иллюстрация к книге Дмитрия Юдина «Пожарный переулок»

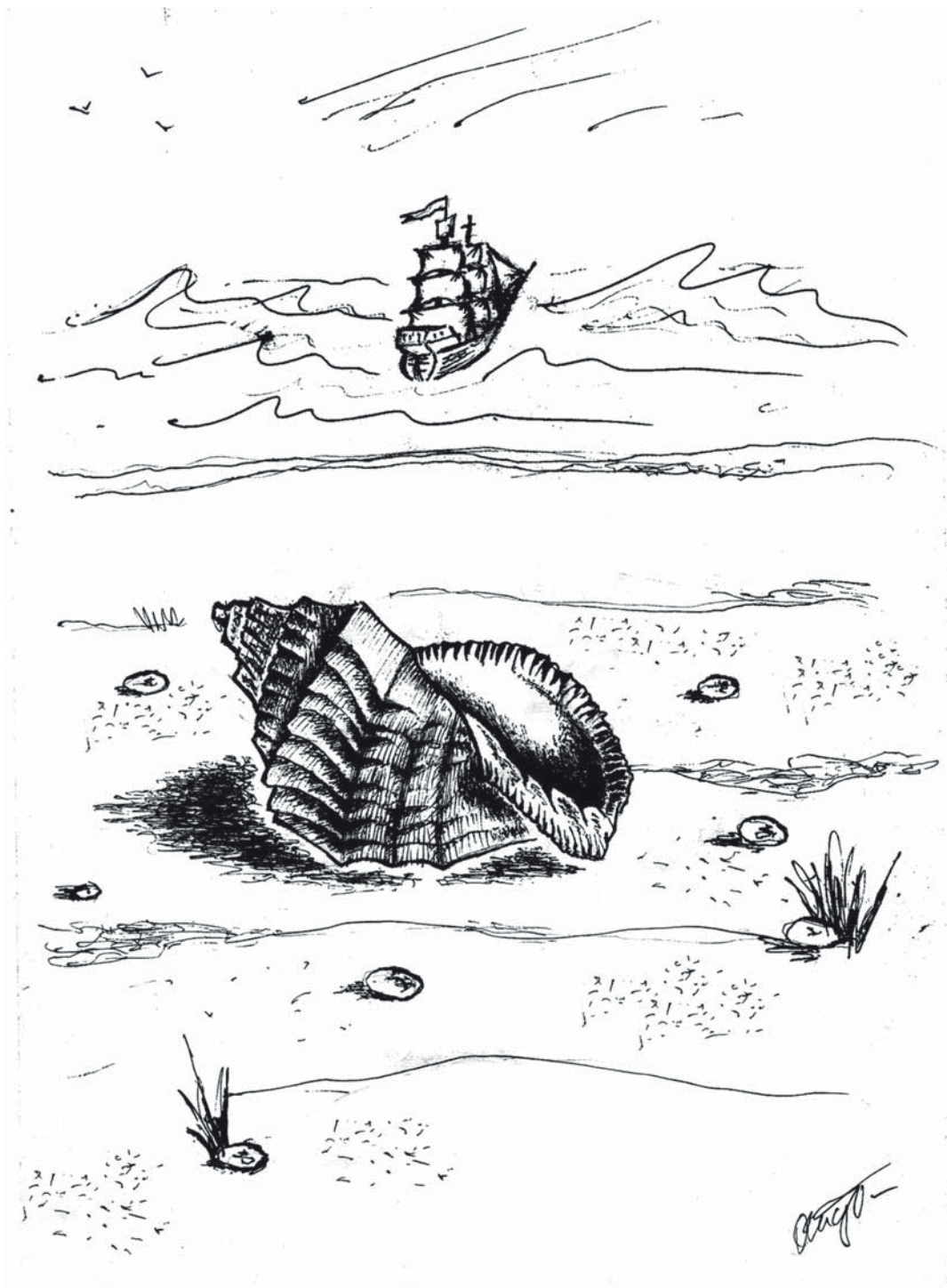
76. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова
«Истории морской раковины»

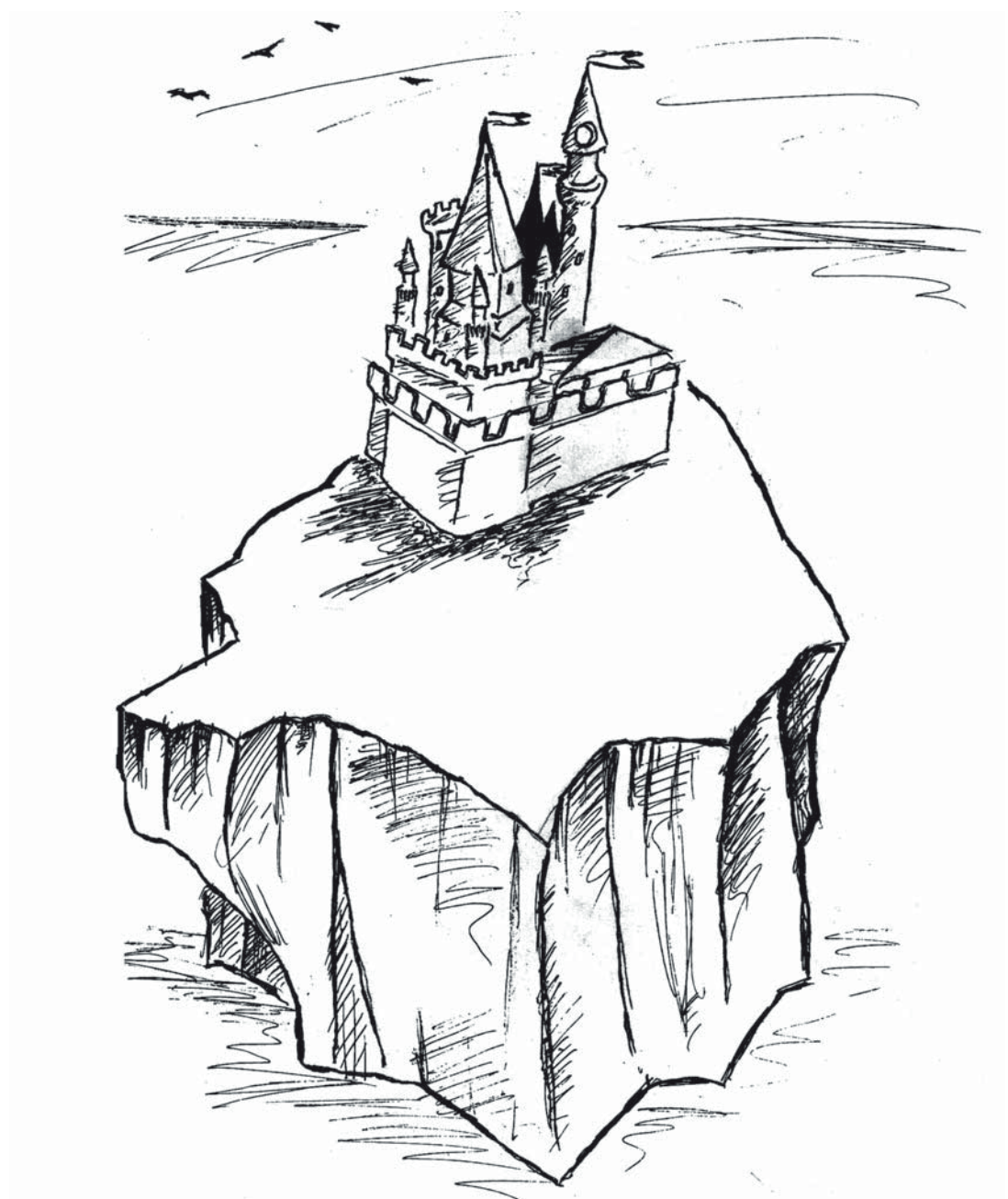
77. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова
«Апокриф»

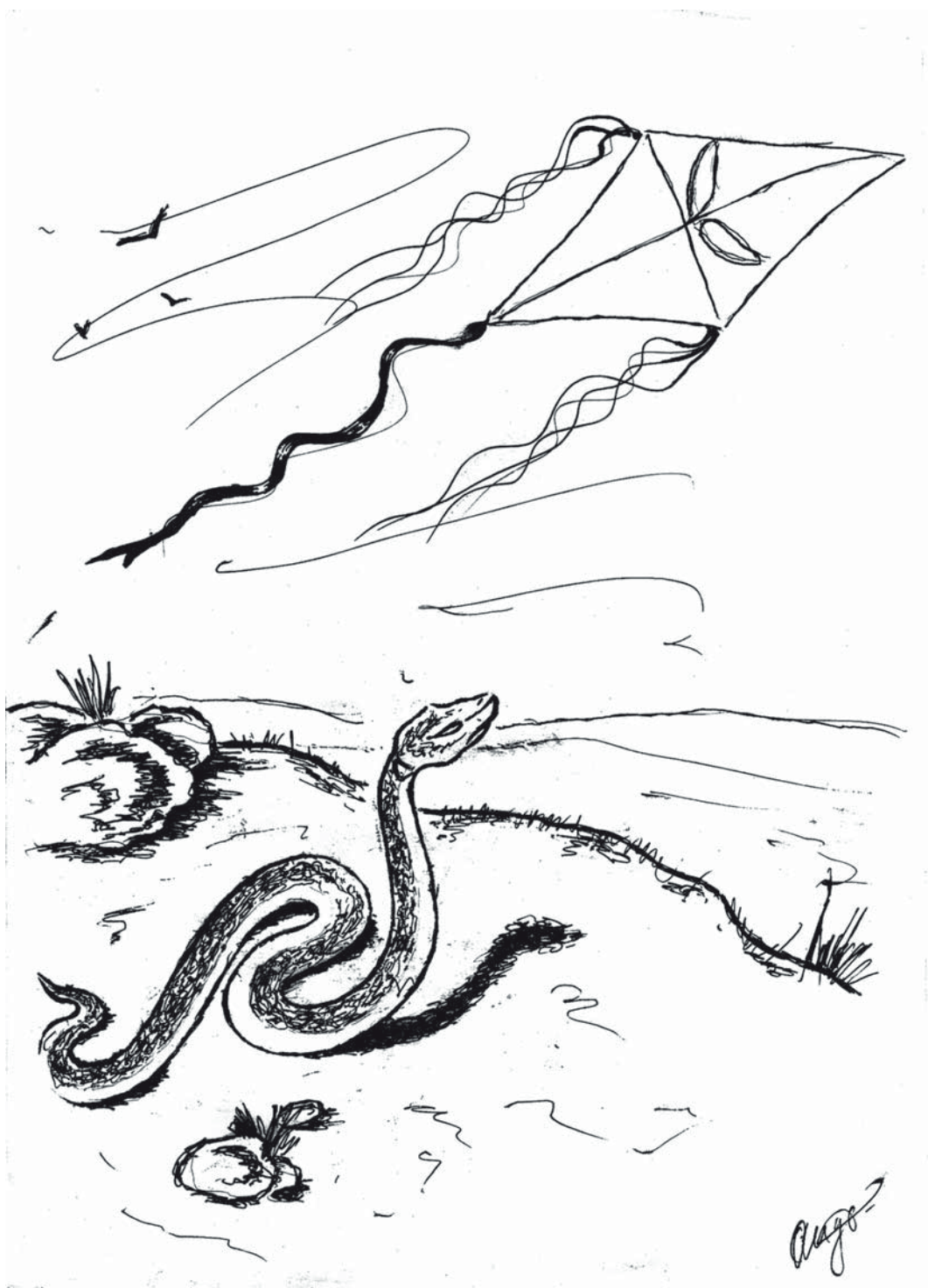
78,79. Иллюстрации к книге Сергея Жирнова «Апокриф»

80. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Истории морской раковины»

81. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Апокриф»

82. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Истории морской раковины»

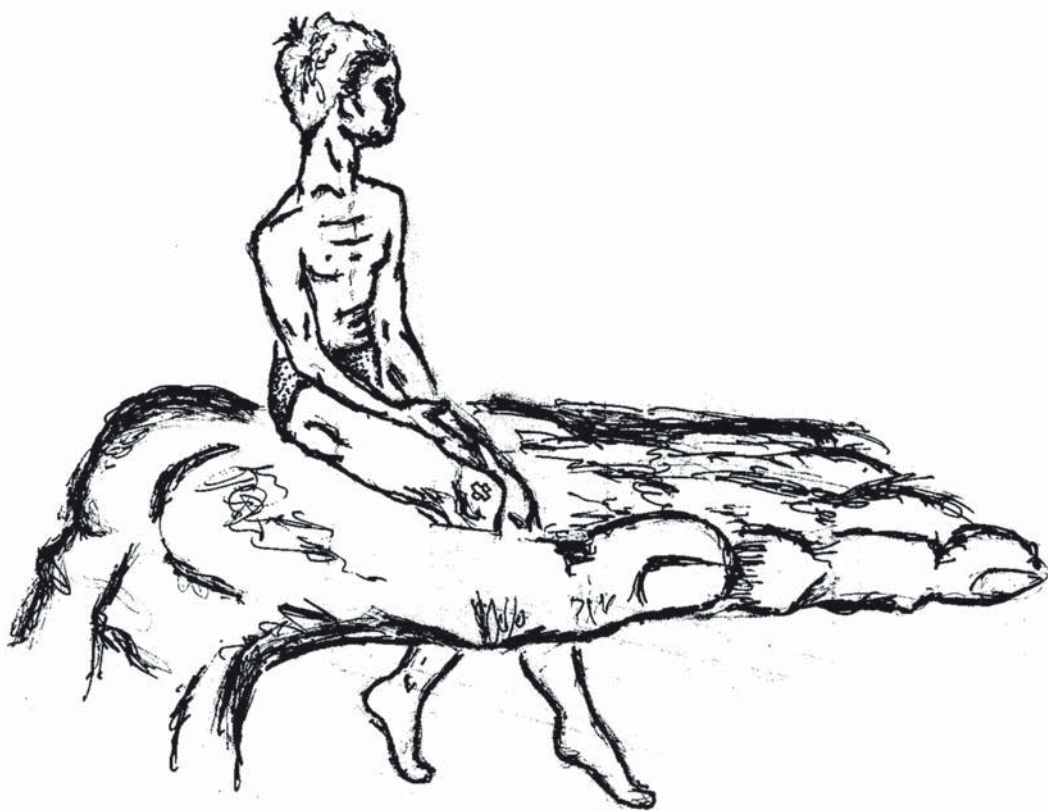
83. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Истории морской раковины»

84. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Истории морской раковины»

85. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Апокриф»

86. Иллюстрация к книге Сергея Жирнова «Апокриф»

75

Кому-то нужно крыльев парочку –
Пусты с действительностью споры.
Пусть мне знакомы только тапочки,
Я и на них надену шпоры!

18.01.2008

76

Все те, парящие в ночи, –
Невидимой для прочих масти, –
Когда в тени, они во власти,
Но не волнуйся, не кричи:
Дождись луны, коль нет свечи:
Они заметны на контрасте.

04.12.2009

77

Вернула ты ключи от двери,
Но мне отныне не согреться.
Я стал бездомным в полной мере:
Ты забрала ключи от сердца.

04.12.2009

78

У озера бывает вид,
Как будто зеркало пред нами;
А вот другое – с зеркалами:
В них непогода и штормит.

05.12.2009

79

Когда нет сил уже терпеть
И всех твоих надежд затменье,
Всегда дается знак спасенья,
Его лишь нужно разглядеть.

05.12.2009

80

Одна была ракушка возле моря.
В ней слышалось движение волны.

Пришел корабль, но далью скрылся вскоре.
Теперь как неразборчивые сны
Еще в ней будут голоса слышны.

04.12.2009

81

Мой замок встал не на песке,
Не что Колос на хрупкой глине,
Но не на скальном островке:
Мой замок – на плывущей льдине.

Ему бы мир пройти на треть.
Где будет завтра – кто же знает.
Под ним сверкающая твердь.
Но льдина тает, тает, тает...

05.12.2009

82

Подожди, подожди, мой бумажный собрат!
Я еще поднимусь, я взлечу наугад.
Буду с неба смотреть до ликующих слёз,
Где я жил,

Где я рос,

Где я ждал,

Где я полз!

Я ведь был уже там

И как птица летел!

Да... я, кажется, спал...

Но я всё разглядел.

Подожди, подожди... Сердце бьётся – невмочь!
Может быть, хоть оно в небо вырвется прочь.

04.12.2009

83

Всё небо отражается в волне,
А к звездам устремиться слишком

поздно.

Нырнуть туда так захотелось мне,
Мечтая, что плыву в пространстве

звездном.

04.12.2009

84

Мы вместе будем наблюдать
За небом и махать комете.
Она отправится летать,
И звезды будут плыть в карете,
А мы останемся мечтать.
Нам хорошо с тобой на свете.
04.12.2009

85

Тоскую я не о свободе –
Она у облаков одних –
Всегда, но пуще к непогоде,
Мои печали о *своих*.
В окно бьет ветер. Поздний вечер,
А в доме что-то не тепло.
Однажды я рванусь навстречу,
И зазвенит, упав, стекло.
05.12.2009

86

Не будет мудрость философской.
Я словно над равниной плоской
Мечтаю стать над здешним всем
(И не страшась нисколько тем) –
Как на ладони быть отцовской.
05.12.2009

Icon absens-1

Под солнцем, на жарé
Расплавившийся воздух
Разлегся у стола,
Испачкавшись в меду, –
Сиеста во дворе,
Стихи устали – проза;
Как в шарике стекла,
Заснувшей на ходу
Лишь мухи-великана отраженьё
В медовой капле – сонное движенъё.

Icon absens-2

На оконном стекле два осенних листа
Будто в комнату смотрят, прижавшись
друг к другу.
Там пластинка играет с лошадкой,
бегущей по кругу...
Только кажется нам, то что комната эта
пуста.

Icon absens-3

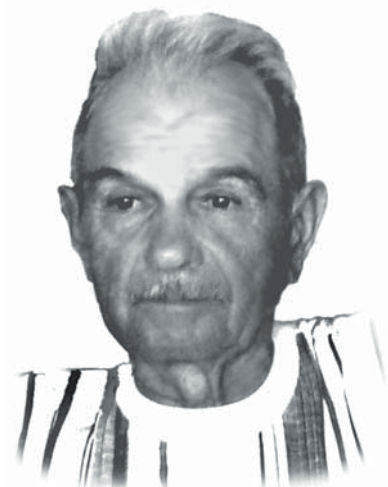
За окошком январь,
Но не только снежинки в метели –
Кружат мысли осенние, летние встречи,
надежды весны...
Вот качнулся фонарь,
Что мы ждали и что мы хотели
Улетает всё дальше, и образы уж не ясны.

За окном кутерьма –
Это время ладонями машет,
Все смешалось, и небо, спустившись,
прильнуло к земле,
Это снегом зима схоронила всё прошлое
наше...
Тут – лишь темный на свет фонаря мой
цветок на окне.

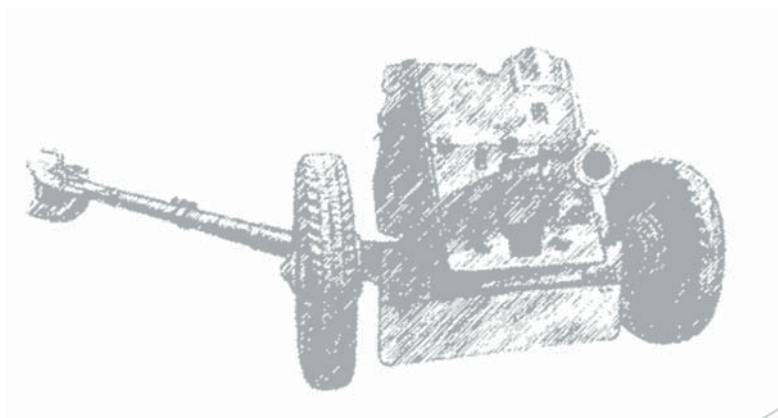
Icon absens-4

Подорожник отставший и бабочки –
черная, белая...
Это кто-то по снегу всё дальше уходит от
нас...
Оглянулся, махнул на прощанье, и время
несмелое
Вот уже и торопит минуты, и движется,
движется час.
16.03.2010

Михаил Шутый
Анатолий Шутый

ЧТО ПОМНЮ...

Папа редко вспоминал войну. Только в последние годы иногда рассказывал отдельные эпизоды или просто, при случае, говорил: «Да, через что я прошел... даже не верится!»

Нам он был не только настоящим отцом – теплым, ласковым, любящим, – он был другом, готовым в любую минуту прийти на помощь... нет, готовым в любую минуту отдать всего себя – просто, без лишних слов – как солдат. Всегда был активен и всем интересовался. До последнего дня «в строю». Всё случилось быстро. «Как пулей убило», – сказал хорошо его знавший мой научный руководитель. Когда провожали папу, выпал первый снег... Одним праведником на земле стало меньше, но одним – больше на Небе.

За несколько дней до ухода папа сказал, что вспомнил фамилии однополчан, и начал писать книгу воспоминаний, которая будет называться «Память». Работал, как мы потом поняли, летними вечерами, втайне от нас (наверное, стеснялся) и писал на черновиках моих научных статей. В ноябре я даже не знал, что он успел что-то оставить и решил по памяти записать несколько миниатюр по его рассказам, стараясь передать его фразы, слова, и сочинил к ним стихи. В итоге получился небольшой цикл «Бог войны» (так называют артиллерию). А потом в его столе мы нашли несколько страниц с воспоминаниями, которые без изменений (за исключением технических исправлений) составили представленную здесь «Память», – как папа и хотел. Не всё, что вспомнил я, было папой записано, многое же, конечно, дублировалось. Но я решил представить и то, и другое, чтобы читатель, убедившись в достаточно точном воспроизведении мной фронтовых воспоминаний, мог с таким же доверием, как и написанное папой лично, принять остальное.

Конечно, папа написал не много, но мемуары охватили весь период его фронтовой судьбы. Удивительно, что он это успел сделать всего за несколько месяцев до своего ухода. Причем воспоминания оказались очень насыщенными, они вполне могли бы лечь в основу нескольких рассказов. Если не удастся мне, может быть, их напишет кто-нибудь из моих товарищей или читателей этой книги? *Если так, это было бы хорошо! Даже очень.*

Анатолий Шутый

В книге использованы фотографии М.А. Шутого и его боевых товарищей, а также фронтовые фотографии, находившиеся в открытом доступе на сайтах: <http://army.lv/ru/53-k/foto/1109/516>, <http://artofwar.ru>, <http://images.yandex.ru>. На титульной странице рисунок 76.2 мм полковой пушки (ОБ-25).

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Михаила Александровича Шутого

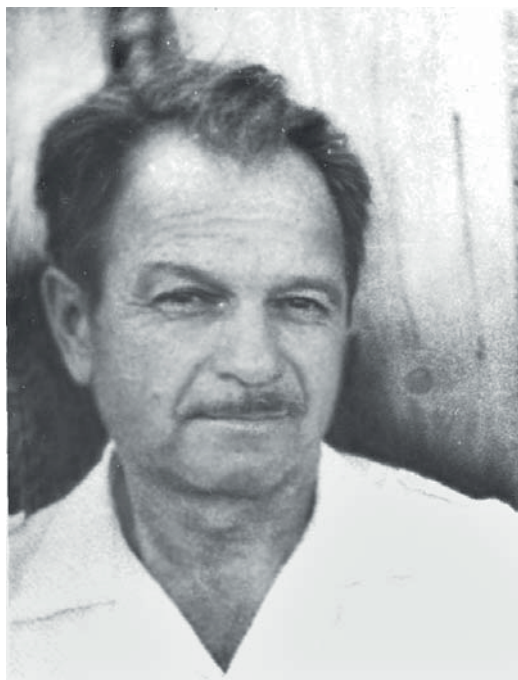
Я родился 28 января 1924 года в деревне Верхняя Матросовка Симбирской губернии (земля была куплена украинской общиной по столыпинской реформе. – **А.Ш.**) в семье крестьянина-бедняка¹, – отец Александр Евстафьевич, мать Анна Тимофеевна.

В 1942 году после окончания 9-го класса средней школы был призван в ряды РККА и зачислен курсантом Сызранской пиротехнической школы №66, которую закончил в мае 1943 г.

С 10 мая 1943 г. по 12 июня 1943 г. участвовал в боях Юго-Западного фронта в составе 315-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии 57-й армии в должности командира взвода боепитания батарей 76-мм пушек².

¹ Это не совсем так: мой дед имел несколько лошадей, сам смастерил мельницу и маслобойку, которыми пользовался колхоз, после собрал два трактора, деревянный велосипед, различные станки и т.д. В колхоз вступила только супруга (бабушка), что спасало от раскулачивания. В Великой Отечественной войне дед не участвовал по инвалидности: в Первую мировую была покалечена кисть руки.

² 76-мм полковая пушка образца 1927 года (52-П-353) — советское легкое полковое орудие калибра 76,2 мм непосредственной поддержки пехоты и кавалерии огнем и колесами. Полковые пушки, постоянно находившиеся в боевых порядках пехоты и оперативно подавлявшие огневые точки противника, пользовались любовью и уважением со стороны пехотинцев и собственных расчетов; в солдатском лексиконе их называли «полковушками» или ласково-эмоционально «бобиками». В 1943 году данное орудие заменено в производстве на 76.2-мм полковую пушку (ОБ-25) того же назначения, которое использовалось до конца ВОВ, но в связи с недостаточной дальностью стрельбы было снято с производства после её окончания. ОБ-25 получена в результате наложения нового ствола на модернизированный лафет 45-мм противотанковой пушки (поэтому внешне, за исключением ствола, не отличалась от «сорокопятки», прозванной на фронте за плохую защиту расчета «Прощай, Родина». – **А.Ш.**); ее вес в боевом положении (около 600 кг) позволял легко перекатывать ее по полю боя силами расчета (4 человека); при транспортировании пушка соединялась с передком и перевозилась механической или конной тягой. (Информация с сайтов <http://ru.wikipedia.org/wiki/> и <http://bdsa.ru>).

7 августа 1988 г.

С 12 июня 1943 г. по 21 декабря 1943 г. находился в офицерском резерве Юго-Западного фронта в должности командира огневого взвода.

С 21 декабря 1943 г. по 10 июня 1944 г. в составе 83-го гвардейского стрелкового полка 27-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й армии участвовал в боях 3-го Украинского фронта в должности командира огневого взвода батареи 76-мм пушек.

С 10 июня 1944 г. по 15 января 1945 г. участвовал в боях: при прорыве обороны противника в районе г. Ковель и при прорыве обороны противника на Висленском плацдарме – южнее Варшавы в должности командира огневого взвода 83-го гвардейского стрелкового полка 27-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й армии, участвовал в боях

1-го Белорусского фронта. С 15 января 1945 г. и по 9 мая 1945 г. в должности командира батареи 76-мм пушек участвовал в боях: при уничтожении группировки противника в г. Познань, при прорыве обороны противника на подступах к Берлину и при взятии и штурме Берлина.

Закончил войну в звании старшего лейтенанта.

В боях с немецко-фашистскими захватчиками был ранен и контужен. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и орденом Красной Звезды; медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1985 г. награжден вторым орденом Отечественной войны II степени.

С 15 мая по июнь 1945 г. – командир батареи 45-мм пушек, с июня 1945 г. и по 1948 г. – командир 1-го огневого взвода 57-мм пушек в Германии.

В 1948 году был демобилизован, после чего закончил 10-й класс средней школы и Куйбышевский индустриальный институт.

С 1954 г. по май 1957 г. работал на радиотехническом заводе в г. Муроме Владимирской области в должности старшего инженера-технолога и зам. начальника цеха. С июня 1957 г. по февраль 1964 г. работал в Ульяновском Совнархозе в должности старшего инженера производственно-технологического отдела.

С марта 1964 г. по январь 1991 г. работал на Ульяновском радиоламповом заводе в должности начальника бюро новой техники.

ПАМЯТЬ

Михаил Шутый

(По желанию автора повествование ведется от третьего лица)

Полыхала война.

Кучками собирались люди у подъездов домов на улице Советской.

.....

После училища Михаила вместе с товарищем направили на фронт – на 3-й Украинский. Получив доппаек, ночью они сели в поезд, в котором дальневосточная дивизия направлялась на один из западных фронтов.

Ночь. Поезд остановился. В небе зарычали немецкие самолеты и нача-

ли бомбить. Бомбы рвались, где попало, не попадая в эшелон. По команде тревоги личный состав дивизии быстро покинул вагоны и разбежался в разные стороны на 200-300 метров от эшелона.

.....

С отмороженными и уже опухшими ушами Михаил прибыл в управление кадров фронта.

– Вас направляют служить при фронтовых складах боеприпасов.

– А на передовую?

– Пожалуйста, – ответили ему поспешно, – тогда направим вас в стрелковый полк командиром взвода 76-мм пушек³.

Так он оказался в батарее, приданной стрелковому полку, стоявшему в

³ Отец неоднократно говорил, что на фронте сначала у него были 76-мм пушки, а затем «сорокопятки», которыми они вели огонь прямой наводкой. Однако переход на пушки другого калибра отсутствует в официальных документах и не отражен в начатых им мемуарах. Очевидно (это проскальзывало и в его рассказах), противотанковые пушки 45-мм оказались в его распоряжении, когда в январе 1945 г. он стал командиром батареи (4 орудия). В документах же, полагаю, они могли проходить как полковые пушки 76-мм, которые только стволом отличались от «сорокопятки» и на практике использовались для аналогичных боевых задач. – А.Ш.

Михаил Шутый в Сызранской пиротехнической школе. 15 января 1943 г.

обороне. Комбатом был капитан А.М. Яковлев. Он распорядился поставить на довольствие и заменить обмундирование на новое, так как это было всё во вшах. Михаилу дали огневой взвод, где командиром первого орудия был сержант Коля Брянцев, а второго – Саша Гришин. Полк в составе одной из дивизий 8-й гвардейской армии генерал-полковника Чуйкова после оборонительных сражений под Сталинградом, весь измотанный в боях, пополнялся личным составом и материальной частью (пушками, минометами и другими стрелковыми орудиями). Батарея Яковлева стояла в нескольких сотнях метров от переднего края.

В одну из ночей немцы внезапно покинули свои позиции и спешно начали отступать. Полк стал преследовать уходящего противника, нанося ему удары, отчего тот нес ощутимые потери. Но немцам вновь удалось закрепиться на подготовленных заранее позициях, и снова оживился обстрел пехоты.

Позиции противника находились на возвышении. А наши окопались внизу, успев за ночь вырыть траншеи в полный профиль.

– Лейтенант, подавить огневые точки! – распорядился комбат, обращаясь к Михаилу.

Тот, взяв с собой командира орудия Брянцева, отправился на передний край, где легче было обнаружить огневые точки, – откуда периодически велся обстрел наших позиций, – и подавить их. Они были обнаружены без труда.

И тут снайпер ранил в грудь Колю Брянцева. Лейтенант быстро снял свою шинель, уложил Колю на нее и по-пластунски по снегу, всё время переговариваясь с раненым, потащил его. Необходимо было как можно быстрее выйти из видимости снайпера.

– Вот и отвоевался я, – тихо сказал Коля.

– Ничего, мы с тобой еще повоюем, – отвечал лейтенант, старательно поправляя его на шинели.

Снег был глубокий. Напрягая все силы, Михаил тащил и тащил раненого на своей шинели. Когда удалось вынести его из-под обстрела снайпера, продвигаться к своим стало легче, но тащить истекающего кровью товарища нужно было по глубокому снегу более 500 метров. Навстречу выбежали бойцы орудийного расчета и, подхватив раненого, понесли его в батарею, но было уже поздно. Коля умер. От потери крови.

.....
Спустя несколько дней немец покинул свою оборонительную позицию. Полк стал преследовать отступающих, которые отошли до реки Южный Буг, зацепились и остановили наши части.

Шёл апрель 1944 года. Слякоть, вода... снег, перемешанный с землей, чвакал под ногами, затрудняя шаг солдат и лошадей, вёзших пушки.

Полк, подойдя к реке у городка Новая Одесса, с ходу форсировал её и занял небольшой плацдарм.

Плацдарм для расширения наступления представлял собой низину, заросшую камышом и кустарником, покрытую водой до самого возвышенного места, где заняли оборону немцы, которым удобно было расстреливать наши позиции.

Комбат Яковлев быстро организовал переправу двух 76-мм пушек взвода Михаила паромом на плацдарм, основная же часть батареи осталась на восточном берегу, заняв окраину городка. Плацдарм оказался неудачным со всех сторон. Апрель. Вода в Буге стала подниматься. Единственное место, где можно было установить пушки, – узкая возвы-

шающаяся полоска земли вдоль реки, напоминающая гриву, отделяющую от реки так называемый лиман, – весь в камышах, осоке, кочках, торчащих из воды, – где невозможно было ни пройти (только в болотных сапогах), ни тем более проехать.

Из установленных пушек пришлось сделать несколько выстрелов, но вести огонь оказалось почти невозможно: орудия при каждом выстреле откатывались назад в реку, и расчету снова и снова приходилось возвращать их в первоначальное положение.

Вода поднималась очень быстро – стала затоплять снаряды и ору-

Командир батареи капитан А.М. Яковлев, г. Познань. 16 февраля 1945 г.

дия – стрельбу пришлось прекратить. Бойцы расчета, чтобы несколько оградить себя от ветра и дождя, который не прекращался на протяжении 5-ти дней, соорудили укрытие из земли наподобие ласточкиного гнезда. Однако в результате они были вынуждены сидеть по пояс в холодной воде. С противоположного берега два раза в сутки, утром и вечером, в темное время на лодке подвозили еду и табак. Так было в течение 5-ти дней и ночей. Противник изредка постреливал по нашим позициям. А ночью работали «румынские музыканты» – так были прозваны самолеты, которые бомбили наши позиции.

На пятые сутки вечером, часов в пять, вдоль берега прошла группа офицеров (несколько позже узнали, что в ней был командующий фронтом Малиновский), после чего утром приплывшие на лодках с завтраком сказали: «К вечеру нужно подготовиться покинуть плацдарм и пушки переправить обратно на противоположный восточный берег».

– А как же наступление? – спросили артиллеристы.

– Буг форсировали в другом месте, в 10-15 километрах выше по реке. В этом вы помогли на данном плацдарме.

Комбат Яковлев для форсирования переправы пушками дополнительно направил людей, которые быстро помогли доставить орудия к парому и переправить их.

Это было жуткое зрелище. В холодной воде, в грязи копошились солдаты, кричали о помощи, стонали от судорожной боли...

Так был оставлен плацдарм.

.....

Наши прорвали оборону и шли на запад, севернее Одессы. Направление было на Кишинев. Двигались ночью. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1944-го года на колонну войск обрушился мощный ураган со снегом и дождем. Ветер был такой силы, что машины, следовавшие по ходу, останавливались и стояли на обочине. Бойцы, промокшие до нитки, шли вперед навстречу ураганному ветру, не останавливаясь. Под утро, продрогшие до костей солдаты, дошли до небольшой деревушки. Все дома оказались забиты бойцами так, что не было места, где можно было бы прислониться. Пришлось всем остаться под открытым небом – по-прежнему под ураганным ветром и дождем. В эту ночь, замерзнув, погибли многие солдаты-новобранцы⁴, – в полку погибло 18 человек, в дивизии – 90. Утром сельчане находили у своих порогов трупы замерзших солдат с протянутыми к двери руками.

Не дойдя 90-100 км до Кишинева, наступление было прекращено. Полк занял оборонительные позиции... Спустя несколько дней армию Чуйкова перевели во 2-й эшелон, где она и простояла три дня. Позиции ее заняла другая армия.

⁴ Им уже выдали летнее обмундирование. – А.Ш.

.....
 Вдали, на пригорке, стояла группа офицеров, среди них Михаил узнал Г.К. Жукова, который был в длинном кожаном пальто и В.И. Чуйкова. Ночью подняли по тревоге – маршем на железнодорожный вокзал. Поступила команда подготовиться к погрузке в эшелон. Погрузка материальной части проходила под проливным дождем. Весь полк был переброшен вдоль линии фронта. Эшелоны ночью прибыли на станцию под Ковелем. Дождь, не переставая, заливал всё вокруг.

Так армия В.И. Чуйкова в полном составе, вместе с приданными соединениями (танковыми, артиллерийскими и другими) несколькими эшелонами в ночное время была переброшена с 3-го Украинского фронта на 1-й Белорусский – в район Ковеля, на Берлинское направление.

Кругом стоял лес. Белорусские лесные массивы, в отличие от украинских степей потребовали другого подхода к ведению боя. Учитывая, что предстояли наступательные бои в лесных частях Белоруссии, а затем и на польской земле, которая так же в основном покрыта лесами, командование решило проводить учения по ведению наступательных операций на условного противника в лесной местности. Таких занятий было несколько.

Наступая сначала по белорусской земле, наши перешли границу и вступили на польскую землю. Немцы уходили...

.....
 Поступила информация, что в Варшаве жестоко подавляют восставших поляков. Полк срочно был направлен им на помощь. В ночное время солдаты, навьюченные пулеметами, противотанковыми ружьями и минометами, шли навстречу зареву и вспышкам.

Подошли к Познани. Начались уличные бои, шла подвальная война.

Впереди была цитадель.

Михаил взял с собой связного ординарца для поддержания связи с батареей и стал сопровождать роту солдат.

Ночь. Шли они с ротой пехотинцев гуськом по обочине дороги. Видимость была плохая. Вдоль дороги тянулся железный решетчатый забор. Подошли к первому четырехэтажному дому и заняли нижний этаж, а также подвальное и полуподвальное помещения. В подвале обнаружили восемнадцать раненых немецких солдат, за ними ухаживала медсестра. Командир роты распорядился перенести раненых немцев в один дальний угол. Успокоились, как обычно проявив полную беспечность и бесконтрольность: не проверили в доме все этажи и чердак, где, как выяснилось после, были немцы. Не заметили также, что во дворе был дот.

Утром прогремели выстрелы и раздался крик: «Немцы!» Всполошились, но было уже поздно. Немцы заняли все этажи. Дот сказал свое слово: шквальный огонь посыпал на

первый этаж. Выйти из дома в двери, в которые вошли ночью, стало невозможно: пулемет не давал шевельнуться. Наши были вынуждены занять подвальное и полуподвальное помещения, выходы из которых оказались заблокированы. Выход во двор – заблокирован дотом. Положение роты, попавшей в ловушку, было тяжелое. Связь с полком вначале поддерживалась посредством двух раций, но через некоторое время питание одной из них закончилось.

Встал вопрос, что делать. Вызвали огонь на себя...

При каждом залпе отчетливо был слышен топот немецких солдат, убегающих в конец здания. Так родилась идея выйти из этой ловушки, договорившись с помощью рации об огне по дому, о времени проведения залпов и перерывах между ними. Ведь по окончании залпа появилась возможность, пока немцы не вернулись на свои места, небольшими группами – по два-три человека, – выскочив через входную дверь во двор, сделать бросок до забора ограды, а потом еще броском преодолеть шесть метров асфальтированной дороги и свалиться под откос, где можно уже подняться во весь рост и спокойно идти к своим.

– После этого артналета мы с тобой попытаемся выйти из дома, – сказал Михаилу командир роты, – давай зайдем исходное положение.

Заняли: командир роты с одной стороны двери, а лейтенант – с другой.

Оба не спускали глаз с часов. Но они не договорились между собой: кто из них после артналета первый бросится, а кто – второй. Это должен был решить командир роты, так как он старший, но он молчал. Каждый думал об одном и том же. Создалась довольно-таки щепетильная ситуация: никто не хотел показаться трусом в глазах другого.

Секунды, секунды. Что делать?!

– Давай! – шепотом сказал ротный лейтенанту.

Еще секунда – и Михаил прыгает кошкой в кромешную темноту навстречу смерти... или нет. Перескочил один труп, потом второй. Притаился. «Не торопись, – сказал он себе, – осмотришь кругом...» Прислушался – тихо... «Пора!» И он, перепрыгнув уже через третий труп, оказался у ограды. Осталось шесть метров дороги и – под откос. Кубарем скатился, осмотрелся и встал на ноги. Смерть его миновала. Посмотрел на пистолет, который держал в руке, – он был весь в грязи.

Михаил медленно пошел в свою батарею, думая: «Как там ротный?..» Удалось ли ему выскочить из этой ловушки или нет? Забегая вперед, можно сказать, что они больше с ним не встречались – или погиб, или был ранен и попал в какой-нибудь госпиталь. Если так, это было бы хорошо! Даже очень.

.....

После боев в Познани полк подошел к реке Висла, где уже был плац-

дарм с отведенным участком обороны, который в ночное время заняла пехота полка. Готовились к прорыву обороны.

Артподготовка началась в 6 утра 14 января 1945 г. Оглушительный грохот разорвал ночную тишину, и шквал орудийных залпов заполнил ночное небо. Пехота в боевом порядке готовилась к наступлению. Обе пушки вели огонь беспрерывно. Они были на виду. И вдруг одно орудие замолчало. Командир взвода быстро по траншее побежал туда. Весь рас-

чет поражен. Он метнулся к одному лежащему бойцу, к другому... Наводчик ничком прильнул к стволу. Был мертв. Двое оказались ранены. Лейтенант положил раненого на подвернувшуюся тележку с собаками⁵.

Грохот орудийных залпов стоял такой силы, что не слышно было рядом стоящего. Черный дым стоял густой пеленой, которая не давала возмож-

⁵ Второго – более тяжело раненого – он увидел, когда уже хотел отправить собачью упряжку, поэтому первого раненого пришлось попросить сойти. Рассказывая этот случай, отец в конце неизменно добавлял: «Жалко». – А.Ш.

Ивашков, Таранец, Бондаренко (погиб по дороге к Берлину), Деревянко (стоят); Мисюра, Демченко, Гнядаш, Гришин (сидят).

ности посмотреть более, чем на пять метров. Артиллерийская подготовка закончилась, и пехота пошла вперед. В течение дня смогли прорвать две линии обороны противника и к вечеру подошли к третьей, которая была основательно укреплена: наряду с обычными огневыми точками были вкопаны по башню танки. Произошла задержка в наступлении. Для прорыва третьей линии были подключены «катюши».

Бой длился весь день. Пушки пришлось перебрасывать то с одного фланга на другой, то обратно. Потом стало известно, что перед нашими оборону

держал женский батальон мщения. В него входили вдовы погибших солдат, невесты, сестры и так далее. Узнав это, наши бойцы с остервенением расправились с ними. Уцелела одна девушка – санитарка. Ее под охрану взял сам командир полка, от которого она ни на шаг не отходила.

Вечером наступление было прекращено. Орудийные расчеты совместно с пехотинцами остановились в роще рядом с деревней. Старшина Павлушкин, не накормив солдат перед боем завтраком, доставил ужин. К ужину вместо ста граммов водки давали спирта по 40 граммов. А на самом

Берлин. 10 мая 1945 г.

деле – пей, сколько хочешь. Так впервые Михаил попробовал спирт.

Заняв деревню Альтухебон (название не точное. – А.Ш.), остановились. Начались артналеты: посыпался густой шквал огня тяжелыми снарядами. Установив пушки на окраине деревни, артиллеристы вырыли блиндаж в сарае, и наблюдали в бинокль за позицией немцев... Утром к ним прибыл батальонный комиссар. Вдруг вновь посыпался шквал снарядов. Рядом был хороший блиндаж, но при начале артналета батальонный комиссар (с толстым пузом) метнулся в него и заклинил в него вход – четыре человека оказались наверху. Михаил упал и прижался к земле. Артналет закончился. Взглянув на руку, лейтенант увидел кровь. Сильно болела нога: «Наверное, оторвало пятку», – подумал он. Но всё было на месте⁶. Перебежав двор, он добрался до перемычки, где ему наложили повязки на голову и руку и направили в полевой госпиталь. Но вместо госпиталя Михаил вернулся в батарею. Бойцы были очень рады. При этом артналете кроме него ранило еще одного бойца и двоих убило, в том числе лейтенанта Аушева, который только вчера прибыл в батарею.

Оставив деревню, наша пехота кучей за танком пошла вперед. Немцы

⁶ На ногу упал кирпич. Гораздо сильнее от осколков пострадали кисть руки (резаная рана) и голова – осколок, попавший в голову, многие годы проглядывался через кожу, – кроме того, была контузия. – А.Ш.

Под Берлином. 25 мая 1945 г.

огрызались – били тяжелыми снарядами по наступающим. Утром, перед рассветом, началась мощная артподготовка, которая длилась недолго и сразу закончилась. И вдруг темнота ночи была прорезана сотнями прожекторов, направленных в сторону противника. Пехота двинулась вперед. Прожектора освещали путь для наступления наших бойцов – светили им в спину. Через некоторое время наши перемешались с немцами, ослепленные же прожекторами фашисты металась из стороны в сторону, поднимая руки вверх. Так шло наступление на Зееловские высоты.

Полк наступал на Берлин с северо-западной его стороны в направлении Рейхстага, разрезая город пополам. В пригороде батарея обнаружила противотанковое орудие и большое количество ящиков со снарядами. Затвор пушки был снят, но лежал рядом на траве, – видно, немцы очень торопились и не смогли по-настоящему вывести из строя орудие. Нашим артиллеристам не представляло труда поставить затвор на место и открыть огонь по домам, где предположительно находились огневые точки противника.

К Рейхстагу подошли 2 мая 1945. Он представлял собой примерно трех-четырёхэтажное здание с куполообразной стеклянной крышей. С крыльца Рейхстага были видны знаменитые Бранденбургские ворота, которые находились на расстоянии примерно 500-700 метров.

Немцы пачками добровольно сдавались в плен.

8 мая 1945 года командир полка организовал для офицеров банкет по случаю победы над Германией. В помещении войск СС нашли подходящий зал, накрыли столы, каждый на четыре человека. Все командиры были вооружены «до зубов»: у каждого – по 2-3 пистолета, а у иных – гранаты и автоматы (у Михаила на банкете было два пистолета: один ТТ, а другой – немецкий «Парабеллум»). Учитывая такую ситуацию, было решено поставить для наблюдения двух рослых офице-

ров, чтобы они следили за порядком. За столами сидели офицеры полка – выпивали, закусывали, веселого разговора не было... Говорили о недавно погибших товарищах, не доживших до дня победы... таких было много. Другие тихо плакали, вспоминая потерянных вчера закадычных друзей.

.....
Проснулся Михаил в своей комнате. Всё заспал...

– Кто меня провел? – спросил он у дневального.

– Вы сами пришли, поинтересовались, как проходит дежурство, и вошли в комнату.

Начались послевоенные будни... Предпринимались марши по чужой земле, в различных направлениях. Жили в казармах. В центре казарм была большая площадь, так называемый плац, где проходили учения. Каждый день в касках, которые раньше не надевали, маршировали по этому плацу, отрабатывая строевой шаг и равнение по рядам. Готовились к параду трех 8-х армий: нашей, восьмой армии Чуйкова, американской и английской армий под такими же номерами. Готовились недели две, но парад так и не состоялся.

Начали отбирать офицеров на Парад Победы в Москве, который прошёл 24 июня 1945 года⁷.

⁷ Подходя по званию и наградам, отец на него не попал из-за невысокого роста, который должен был быть не менее 1.75 м. – А.Ш.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Буянов – командир разведвзвода батареи, был ранен в голову, его провели под руки в медсанчасть, а потом направили в госпиталь (там он скончался. – А.Ш.).

Надя – телефонистка, смертельно ранена разорвавшейся миной во дворе, куда она только что вошла. Осколком пробило сонную артерию. Командир батареи Яковлев выбежал, но ничего не мог сделать, помощь была бесполезна. Надя умерла у него на руках.

Померанцев – бывший геодезист, шальная пуля срезала его наповал.

Шутов – во время сильного снегопада оказался в окружении, из которого наши смогли чудом выйти, но разрывная пуля смертельно ранила его в грудь.

Бондаренко – ездовой, подвозил на бричке снаряды к орудиям. Тяжелый снаряд угодил в передок. Только по головам лошадей, отброшенным на несколько метров от места взрыва, узнали, что он погиб.

Шульга – подорвался на mine. Первые минуты был в сознании и просил, чтобы его перевязали. Но шинель его была настолько изрешечена осколками, что о перевязке нечего было и думать. Умер.

Борис Ахматов – старший лейтенант, парторг батареи. Невысокий, скуластый, всегда улыбающийся. Это он дал Михаилу характеристику для вступления в партию. В Познани смертельно ранен в живот. На орудийном передке срочно был направлен в медсанчасть. По дороге умер от потери крови.

Аушев – лейтенант, командир взвода (только накануне прибывший в батарею). Был убит при артналете (не успел нырнуть в блиндаж, вход в который заклинило).

Коля Брянцев – командир орудия. Смертельно ранен снайпером в грудь.

Лето 2009 года

Бондаренко - ^{и орудий} следовал походом на Дриш
 через ^{и орудий} ~~Дриш~~ ^{и орудий} ~~и орудий~~ старая угодья
 в передов Дриши. узнали
 его по голым лопатам,
 индустриальна на каменном мосту
 он места бурла.

Щеглов. - Смертельно ранен минами.
 первая мина была в сознании и
 просил его перевезти. но мина
 на Дриш напала изрезали
 осколками, что о перевезти не
 было ^{думать} умер.

Александр Б. ^{с. м. м. м. м. м.} секретарь партбюро. в Птознами
 смертельно ранен в Птознами.
 на орудийном пункте срочно
 был направлен в медсанпункт
 но ~~не ^{на дороге} ^{через} ^{от} ^{потери} ^{крови}~~
~~не ^{на дороге} ^{через} ^{от} ^{потери} ^{крови}~~ умер

Ашмет - л-ит. к-р взвода (исполн. взв. в
 прибах в Бамбаро). был убит
 срывкассетом (не усил. мины) в
 Бамбаро, ^{м. в. взв.} ~~м. в. взв.~~ в Бамбаро замесил
 замесил взв. в Бамбаро)

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.

159

1. Фамилия, имя и от-во Шутый Михаил Александрович
 2. Звание Сержант Лейтенант. 3. Должность, часть Командир Батареи 76мм пушек 83 Гвардейского стрелкового полка 17 Гвардейской стрелковой Новобудской Краснознаменной Ордена Хмельницкого дивизии.

Предоставляется на Ордену Отечественной Войны I степени

4. Год рождения 1924 года 5. Национальность Украинец

6. Артидность з/лсн В.В.ИИ с 1944г. 10 м. чл. Карт. билет № 6923560.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне /где, когда/
с 05.43 - 06.43г. Юга. Западний фр., с 12.43 - 06.44г. 3 Украинский фр., соуч. 1 Белорусский фронт.

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне
Ранений не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии 1942г. 8.08.

10. Каким РК призван. б/аро- Майцким Р.В.И. Ульяновской области

11. Чем ранее награжден /за какие отличия/
Орден "Красная Звезда" № 110561Н 29.03.44 27.86.с.г.

12. Постоянный домашний адрес представляемого и награжденного и адрес его семьи

1. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В боях по уничтожению окруженной группировки противника в г. Познань батарея тов. Шутый находясь постоянно в боевых порядках пехоты, под ружейно пулеметным обстрелом противника, огнем своих орудий давила огневые средства пр-ка, разрушала укрепления, создавала бреши для нашей пехоты, уничтожала живую силу. Расчеты орудий действовали быстро и четко, на руках перетаскивая свои боевые пушки туда, где это требовала обстановка. Тов. Шутый находясь на огневых позициях, появлялся именно там, где создавалось напряженное положение и своим примером отваги, мужества, несмотря на огонь снайперов и автоматчиков, руководя пушкарей не боевые подвиги. За период боев в г. Познани батарея тов. Шутый уничтожила и разбила: 5 ДОТ "ов", 2 ДОТ "а", 7 пушек и 15 пулеметов с прислугой и 200 солдат пр-ка.

За умелое руководство огнем батареи, за хорошие боевые успехи, за активное содействие наступающей пехоте, за храбрость и мужество - достоин правительственной награды Ордена "Отечественная война" I-й степени.

КОМАНДИР 83 ГВАРД. СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА
 ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК

Бобров /Бобров/

"28" февраля 1945 г.

БОГ ВОЙНЫ

Михаил Шутый, Анатолий Шутый

Записано по устным рассказам Михаила Александровича Шутого его сыном Анатолием с максимальным сохранением стилистики, и потому изложение ведется от первого лица. Автор стихов А.М. Шутый.

В современных фильмах про войну часто показывают, что солдаты шутят, смеются (причем иногда даже во время боя). Не было такого – все были серьезными, сосредоточенными. Ну, после боя, конечно, можно было пошутить, но все равно не так.

Порой в картинах про войну
Поют задорно и смеются.
Когда вокруг снаряды рвутся,
Не так! Война – серьезный труд.
Сегодня это не поймут.

Помню, мы попали под огонь нашей «катюши»: армия развивала наступление, и у командования были неправильные данные. Кошмар! Земля дрожит, всё гудит... Море огня! Куда бежать, где прятаться? Потом, когда разобрались, наступающие части прошли мимо нас дальше.

Земли решение дано,
И содрогнулась литосфера:
Как перед войском Люцифера
Упал огонь, открылось дно!

Безверье навлекло врага,
Но Бог услышал наши души:
Земля ответила тогда
За Бога залпами «катюши»!

Ранило меня в марте 45-го. Утром к нам на позицию прибыл замполит – толстый и неуклюжий мужик. А тут артналет начался. Он первым полез в блиндаж и застрял, заклинив собой вход (остальные остались на открытом месте)! В итоге двоих товарищей убило, а я, придя в себя, лежал и чувствовал страшную боль в ступне и руке. Думал, что ногу оторвало. Поднялся – вроде цела. Просто на нее кирпич упал, который выворотило взрывом из стены сарая. Рука оказалась порезана осколком, и еще один осколочек потом нашли в голове, но вынимать не стали (он был размером с маленькое семечко. – А.Ш.). Еще была контузия. Только я не стал дожидаться выписки – сбежал из госпиталя к себе в часть, довоевывать.

У меня всегда была уверенность, что не убьют. Единственное, чего

боялся, – попасть в плен. Вспоминается, наверное, один из самых страшных случаев на войне. Прошел слух, что немцы ищут «языка». И вот как-то иду я по траншее (а уже стемнело) и чувствую, что меня кто-то схватил сзади за шинель. Ужас. У меня сердце точно остановилось, и холодный пот выступил. Я уже был готов к самому страшному: весь напрягся для борьбы насмерть... Осторожно оглядываюсь... и вижу: проволока зацепилась за полу шинели! Да, вот страху-то было... а потом радости!

Бывает на войне смешное,
Но и оно совсем иное:
Откуда грохот: взрывы? грозы?
От смеха иль от горя слезы?

В Берлине, уже после войны, у нас с товарищем кончились деньги, но зато был целый чемодан папирос (собрали из того, что выдавали). Что делать? Решили продать эти папиросы.

Только как? Языка мы не знаем, к тому же, как мы – советские офицеры, победители – будем стоять на рынке и продавать папиросы? Так, мы нашли одного немца, дали чемодан и объяснили, что от него требуется. Немец очень быстро всё продал, и мы решили его отблагодарить: повели в офицерский ресторан (туда пропускали только офицеров, и на входе стояла охрана), мы-то были в форме, а он, мол, с нами. Прошли. Немец выпил водки: один стакан, второй... и начал кричать по-немецки: «Хайль Гитлер! Сталин капут!» Кругом всполошились, а мы стали оправдываться: это, мол, наш офицер, только как выпьет (наверно, от контузии) сразу начинает по-немецки кричать... И всё это в Берлине, в 45-м году, да еще и в офицерском ресторане! Уже особисты направились в нашу сторону; если бы взяли, тогда бы всё – трибунал! Хорошо, командир успел спасти: арестовал и посадил нас на трое суток на гауптвахту.

Бой расчета «сорокопятки»

Помню, мы в ловушку попали: зашли в дом – переночевать, а утром оказалось, что и на втором этаже, и в подвале сидят немцы, и всё простреливается – не высунуться. Что делать? По радиации связались со своими и договорились, что наши артиллеристы через определенные интервалы времени и условленное количество секунд будут вести прицельный огонь (по прилегающим к дому участкам. – А.Ш.), а мы, улучив момент, будем уходить. Наши начали палить – немцы прячутся, мы же считаем секунды, чтобы точно знать, когда огонь закончится, и, пока немцы не

пришли в себя, откатиться подальше за бугорки и камни. Так и выбрались!

Есть у войны немало бедствий,
Порой, не высунуть и нос.
Вот и сейчас мы, точно в детстве,
Считалочку твердим всерьез:
Раз, два – и щелкнули затворы,
Три-пять – молчат, на мушке ждут,
Шесть-восемь – «Эх, златые горы!..»,
Одиннадцать – сейчас начнут!
Вот наши бьют, и нам – спешить!
Секунд пяток открыта лапа.
Быстрее – катиться и кружить
Под гром спасительного залпа.

Был у нас ездовой Бондаренко – он снаряды подвозил. Как-то вёз он боеприпасы, и немцы попали прямо в ящики со снарядами. Вообще ничего не нашли. Только по головам лошадей поняли, что он взорвался.

Помню, снайпер бил по дороге. Подойдет к ней человек, – знает ведь, что дорога простреливается, и, если пройти несколько десятков метров, можно, не рискуя, ее пересечь, но надеется, что обойдется, что, мол, успеет перебежать – и решается все же «попробовать». А снайпер раз – и всё. Так несколько человек погибло. Я ее перешел в другом месте – чуть дальше. В конце войны, кстати, много погибло от снайперов: наденут орден с медалями – те блестят, сверкают на солнце – снайпер и бьет по ним. Я так не делал. Еще меня спасало то,

что ростом маленький (и хорошая физическая подготовка была – мы в селе с детства работали), из-за невысокого роста, кстати, меня и не взяли на Парад Победы: по званию и по наградам подходил, а рост должен был быть не менее 1,75 м.

Так было и, конечно, есть,
А по-другому – просто странно:
Враг атакует непрестанно –
Тогда на фронте, ныне – здесь.

И нужно быть готовым нам,
Ведь под прицелом всё святое,
Всё лучшее, всё дорогое:
Стреляет враг по орденам.

Во время бомбежки было страшно. Особенно страшно видеть открытое небо: всё гудит, грохочет, кажется,

бомбы летят на тебя. Мы вырывали окопчик (иногда даже ложками, если не было лопатки), ложились в него, натягивали над собой брезент – и ты вроде бы защищен (брезентом от бомб!) – не видишь бомбежку, кажется, что и тебя не видят. Даже иногда спали так.

Когда сверлил бомбежки стон,
Хотелось как-то защититься:
Брезент натянешь – скрыты лица,
И вроде бы ты защищен.

Когда не видишь смерти лик,
Пусть даже над тобой он замер,
И где-то уже пущен таймер,
Живешь! Я к этому привык.

Помню, бомбежка началась – стали окапываться. А лопатки у меня

не оказалось. Я попросил ее у бойца, который впереди лежал. Но он не дал – сам окапывался, и я стал рыть ложкой... Его убило в тот раз: бомба попала прямо в его окоп – бац... и всё.

Мы научились спать под снегом,
Сидеть в болоте, под бомбежкой,
Мы научились править веком
И рыть окопы даже ложкой!
Готовы кровь и жизнь отдать.
Мы научились побеждать.

После войны мы (однополчане) некоторое время переписывались. Так вот, из демобилизованных, отправившихся эшелонам, который должен был проходить через Польшу, никто никому не написал! Про-

пал целый эшелон. Мы между собой решили, что польские националисты завели его куда-нибудь в тупик или в лес, и там всех расстреляли.

Когда наша армия должна была встретиться с американцами, мы, якобы по ошибке (дескать, думали, там фашисты), как ударили по ним мощной «артподготовкой»! А потом, конечно, извинились и так далее. Надо было тогда (в политических целях) показать, кто здесь хозяин. А в Берлине наши части перегоняли туда-сюда для видимости интенсивного движения.

Боевые сто грамм мы до боя не пили – разве только после. А когда был бой за Зееловские высоты, кухня вообще отстала (только уже после боя подвезли обед). Тогда, как известно, сражение началось ночью при свете прожекторов. Нам, конечно, было видно гораздо лучше, все-таки прожектора светили в спину и освещали немецкие позиции, но все равно всё перепуталось: все вместе – и немцы, и наши... Где кто? Не разберешь.

Из Красной Армии солдаты,
За дни и годы битв суровых,
Мы – не свернувшие назад –
Обращены в солдат Христовых!

Нам ветер будет в спину дуть,
И ангелы придут воочью,

Над пропастью проляжет путь,
И солнце будет даже ночью!

Ватаку идти очень страшно. Впереди всё грохочет, сверкает, а ты идешь прямо туда, на эти взрывы, как в темноту... Как в бездну. Нет, сегодня этого никому не понять.

Мы шли туда, где смерть живет,
А бездна вторит канонадам,
И горизонт лежит за адом...
Никто сегодня не поймет.

Над кем-то ангел пропоет,
И это слышат остальные –
Идущие... полуживые...
Никто сегодня не поймет.

Мы в бездну шли и в небосвод,
Где грохотало и молчалось,
Рвалось, пылало и сверкало,
Где всё – конец, и нет начала...
Никто сегодня не поймет.

Помню, уже в Германии еду я на машине по полю, на котором только что был бой, и вижу лошадь, одиноко стоящую... на трех ногах.

Я видел боль, я видел прах,
Но, – чтобы как-то подытожить, –
Что главное: дым... взрывы... страх?...
Я видел после боя лошадь,
Стоящую на трех ногах.

Помню случай. На дороге появились немецкие танки. Идут вперед. А тут прямо наперерез примчалась батарея. Пушки на ходу развернули залихватски – раз, раз – как в кино про Чапаева. Командир батареи думал, что так же, как в кино, все танки подобьет – захотел геройство проявить. Всех сразу танки расстреляли ... в куски – и людей, и лошадей – никого не осталось.

Как глупо можно погибать
От удали кавалерийской,
Когда победа мнится близкой
И вспомнилась былины рать...
А тут – так глупо умирать.
Ствол танка это уж не палка,
Не бутафорская труба,
Что без особого труда
Ломалась в фильмах... Как их жалко.

Слошадьми мне всегда не везло. Еще в детстве, когда мне было четыре года, отец велел нашего Серко отвести в конюшню. Я его толкал-толкал, а он не слушается – не идет. Тогда мне надоело, и я стал пинать его сзади. А он как лягнет меня копытом прямо в грудь – я аж отлетел на несколько метров. И на фронте два случая было. Скакал я на лошади впереди батареи, и тут мой конь стал пятиться назад. Пятится, и я ничего поделать не могу. А сзади ехала машина. Она как даст нам в зад – мы кубарем полетели: я кувыркнулся раз пять, и лошадь – раза три. Ее отвезли в лазарет, а меня положили на лафет пушки, чтобы отдышался. Второй случай был в Германии в 45-м (кажется, после войны. – А.Ш.). Лошадь моя понесла: скачет галопом... прямо на столб, закрыв глаза! Когда до столба оставалось около метра, она резко

свернула, и я на всем скаку лбом в столб врезался! (Так бывает, когда у лошади ухудшается зрение. – А.Ш.) Очнулся – лицо все в крови, и у наручных часов дужка отлетела – эти часы мне немец подарил – тонкие-тонкие были.

Всякое на фронте бывало, и воевали по-разному. Был у нас и такой, что с убитых солдат награды снимал и себе брал (потом его, кажется, убило. – А.Ш.).

Помню, шли бои в городе (в 45-м, кажется, в Германии. – А.Ш.), и

за углом одного из домов находилась огневая точка, которая мешала нашему продвижению. Командир полковой артиллерии приказывает мне, как командиру батареи, выкатить пушки и подавить огневую точку, а у самого, кстати, были в распоряжении танки – их ему дали в поддержку. Я ему говорю: «Если мы выведем пушки, здесь тут же моих солдат положат. У вас танки, вот ими и подавите точку!» Тот хватается за пистолет... Но я свой достал первым! Он отстал. (Вот такие случались «ковбойские игры» на войне, а папе тогда был всего двадцать один год. – А.Ш.)

Бой расчета 76.2-мм полковой пушки (ОБ-25).

Эренбург И. О ненависти. – В кн.: Симонов К., Эренбург И. В одной газете. – М., 1984. – С.85–89

Да, тут не прерии и пушки,
Не только те, что в поясах,
Но жизнь чужая – не полушка
На неразборчивых весах.

Да, мы – солдаты, и по штату
Мы гибнем на передовой,
Но только жертвой, а не в трату,
Не на убой, а давши бой.

И должен быть, не зная брода,
Кто защитит от дураков,
Пусть даже вспоминая что-то
Из приключенческих томов.

На марше бывало трудно – порой
Засыпали на ходу: идем, идем,
и вдруг человек начинает уходить в
сторону – засыпает. Помню, на Укра-
ине дали приказ совершить марш-
бросок ночью из одного городка в
другой. Как раз был канун Перво-
майских праздников – ночь с тридца-
того апреля на первое мая. И пошёл
снег – крупный, густой, разыгралась
метель. А только что прибыло попол-
нение из молодых ребят-новобранцев.
Так как стоял конец апреля, им вы-
дали уже летнее обмундирование.
Пришли в населенный пункт, но все
дома оказались заняты – так и оста-
лись на ночь под открытым небом.
Много новобранцев той ночью за-
мерзло – около сотни человек. Утром
некоторых уже мертвыми находили

и на дороге, и даже на крыльцах до-
мов, – хотели погреться... не успе-
ли... так и остались на пороге. На
следующий день снег, конечно, рас-
таял, а ребят не вернешь.

Не ода, не баллада – проза:
На марше, – ну, так ведь пехота, –
Они погибли от мороза...
Весною... новобранцев рота...

На Украине... ночью снежной...
В последние часы апреля...
Им дали летнюю одежду,
В метели майские не веря.

Как жизнь прожить, пройти им поле.
Победу видели во сне...
Они погибли как герои,
Ведь было это на войне!

Перед одним из боев в Германии
мы узнали, что нам противосто-
ит женский немецкий батальон из
сестер, вдов и т.д. Какой был итог?
Наши их просто растерзали. Никого
не брали в плен. Выжила только одна
медсестра – ее взял под свою защиту
командир (полка. – А.Ш.).

Когда противник твой – мужик,
Всё установлено законом,
Но кто из воинов привык
Стоять пред женским батальоном?

Сестер мы вспомнили и маму,
Еще чтоб избежать греха,
Всех растерзали, Боже правый!
Но тут не место для стиха.

Как-то во время боя я увидел около пушки раненого, а рядом еще были убитые. Я только уложил его на оказавшуюся поблизости тележку с собачьей упряжкой, чтобы отправить в тыл, как заметил, что один из лежащих – живой. Чтобы помочь более тяжело раненому, мне первого пришлось попросить слезть. Жалко...

Как труден перед нами выбор,
Как всех спасти я был бы рад,

Но я на эту землю прибыл,
И в этой жизни я – солдат.

Перед большим наступлением нашей армии весной на Украине мы стояли на Буге. Это, как потом оказалось, был отвлекающий маневр: мы держали позицию, чтобы немцы думали, что основной удар будет здесь и стягивали сюда свои войска. А весенний Буг разлился. В грязи и холодной воде мы были по пояс. Даже еду нам подвозили на лодках. Наш взвод так простоял трое суток – командир батареи потом спас, вытащив на берег. А пехоту некому было спасать – очень много умерло, у мужиков яички стали воспаляться от холодной воды. Люди

как черви копошились в этой грязи и умирали... умирали... Там я научил-ся курить (потом долго и трудно бросал). За Буг мне дали орден Красной Звезды – самый дорогой для меня. А наше успешное наступление началось в другом месте.

Мы словно тридцать три богатыря
Стоим в реке разлившейся – по пояс,
Как надо, лишних слов не говоря, –
Не здесь противник наш услышит голос.

Он загремит на рубеже другом,
Ведь мы стоим и гибнем тут не даром,

И голос каждого раздастся, словно гром,
Он прозвучит артиллерийским шквалом!

Замерзшие на фронтовом огне
Пойдем вперед, подобные стихии,
С богатырями сказки наравне!
Мы тут стоим, чтобы прошли другие.

Мой брат Константин младше меня и непосредственно в боях не участвовал. Но он написал письмо в Москву, чтобы его направили поближе ко мне. На один из юбилейных Дней Победы ему дали орден Отечественной войны II степени (их тогда

по совершенно ошибочному, с моей точки зрения, решению дали всем ветеранам, чем, фактически, девальвировали боевую награду. – А.Ш.). Как он был рад! Повесил на пиджак и всем показывал.

Помню, на шинели тащил с передовой раненого солдата, с которым мы вместе служили. Долго тащил, все время разговаривал с ним: что, мол, мы с тобой еще повоюем. А когда дошли... оказалось, что он уже мертвый – по дороге умер.

Мы еще повоюем,
Будешь ты молодцом...
Ветры колкие дуют
Над усталым лицом.

Много выпало снега...
Тут иначе нельзя...
Ну, какая победа,
Ты скажи, без тебя!

Мы с тобой почитай уж...
Веком кажется год!
Что ты шепчешь? Считаешь?
Скоро наш поворот.

И осталось немного.
Мы ж с тобой из Руси...
.....
Ты пред Господом Богом
За меня попроси.

Однажды наша батарея ночью заблудилась – мы ушли куда-то в сторону и оторвались от своих. Кстати, пока шли в одиночку, наткнулись на идущую колонну немецких танков. Но у нас, как назло, не было противотанковых снарядов – только осколочные, против пехоты. Нам ничего не оставалось, как затаиться в кустах и пропустить колонну мимо себя. Немцы шли близко – гул, грохот. Мы пришипились – дрожим от страха (потом узнали, что у этих танков тоже не было снарядов, и они двигались осторожно, боясь нарваться на наших; но мы все равно ничего не смогли бы сделать). Утром вышли к какому-то населенному пункту. Подошли ближе... А там немцы кругом! Мы быстро развернули свои пушки и давай по ним стрелять. Они подумали, что это передовые части нашей армии, что началось наступление на этот пункт, и стали по нам всю палить из минометов и так далее. «Ну, всё!» – решили мы. И тут видим: наш полк, от которого мы оторвались и заблудились, начал именно сюда наступление. Мы тут же присоединились к своим и продолжили бой вместе с ними (так что не зря немцы подумали, что это был советский авангард. – А.Ш.).

Не отсидеться в стороне,
Не отлежаться в лазарете.
Мы на войне – как на войне –
Что и на том, и этом свете.

Пока последний бой не дан
И в небе облака угрюмы,
Своих мы не заметим ран,
Что бы ни выпало – в строю мы!

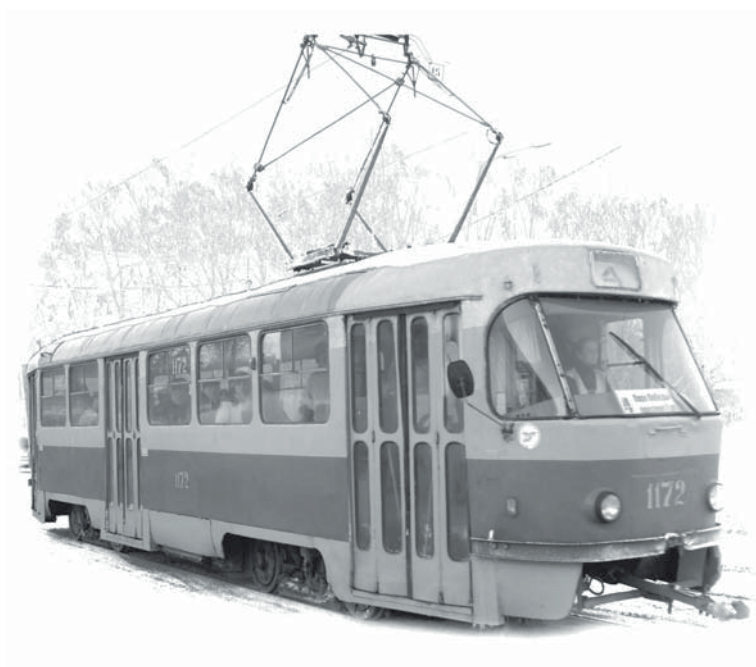
Не списывайте нас живых,
Не хороните, Бога ради!
Отставши даже от своих,
Мы оказались в авангарде!

Ноябрь 2009 года

Анатолий Шутый

ПЕРВЫЙ ШАГ

В пути не хочется смотреть себе под ноги и уж тем более не хочется оглядываться. Вперед! Только вперед! Но пройдет время, и может так оказаться, что шли мы совсем не туда, что все ориентиры потеряны где-то позади, за маяк мы приняли отражение Луны, а нитью Ариадны заштопали порванные в дороге носки. Нельзя лениться оглянуться назад, иначе потом будет просто страшно это сделать – вдруг мы всё-таки заблудились и время проходит зря.

«Первый шаг» – книга воспоминаний и вызванных ими размышлений – попытка оглянуться, вспомнить и... поговорить с самим собой.

Анатолий Шутый

*В книге приведена фотография Волжского залива Е. Мауренковой;
фото на титульном листе А. Четвёркина.*

Как-то, уже после института, я случайно узнал, что мой дядя помнит себя приблизительно с года. Мои же воспоминания, как тогда казалось, начинались лет с четырех. Да что там, с четырех, – гораздо позднее: всё детство укладывалось в несколько несвязанных эпизодов и пару десятков «кадров» памяти. Стало обидно, жалко, более того – неуютно: словно часть меня где-то потерялась, упала в открывшуюся сзади яму, и только холодный ветерок забытого обдувает спину. Я решил попробовать вспомнить как можно больше. Напряг даже не память, а всего себя. Это была работа! И очень скоро воспоминания стали приходить. Всё больше, больше... Причем я вспоминал не только и не столько события (какие уж там «события»!): я вспоминал старую квартиру, мебель, свои слова, мысли, чувства, сны... И уже не холодок ушедшего, а тепло вдруг укутало меня, тепло из детства – я снова оказался в том моем маленьком мире: вот меня моют в металлической ванночке; вот я на полу играю в какие-то кубики, а вот соединяю детальки простенького пластмассового конструктора (сейчас

всё бы отдал, чтобы подержать их в руках). Вспомнились даже маленькие синие игрушки, нанизанные на резинку в коляске, когда в полдень я был в ней на улице...

То, что произошло, трудно переоценить. Я хотел всего лишь вспомнить что-то из первых лет жизни, а вспомнил... *себя!* Соединились *звенья времени* – я увидел себя *целиком* – какой я есть вообще в этом мире, каким я был, и каким я должен быть. Стало многое понятно, даже события, казавшиеся случайными, вдруг обрели смысл – надо всем возникла цель – моя цель и *цель меня* – голос Творца стал слышен в слиянии всех самых простых звуков, прилетевших из прошлого.

С той поры уже немало прошло лет, но нить времени не порвалась: я и теперь могу согреться теплом из детства, могу смотреть на заснеженную улицу из окна на втором этаже, могу полистать вместе с родителями и старшей сестрой «Малышкину книжку» и «Сто сказок»... могу взглянуть на какую-то философскую проблему чистыми глазами ребенка, который еще совсем недавно был способен увидеть Бога.

Один из наиболее ярких образов моего раннего детства (когда я до четырех лет жил в другой квартире) – это то, как я смотрю из окна второго этажа на заснеженный дворик. Падают снег, на ветке сидит снегирь... в коридоре папа свалил только что принесенные дрова (котел для горячей воды в старых «хрущевках» топили дровами)... А еще: в комнате стоит новогодняя елка, под которой наш «вечный» домик, – картонный домик-раскладушка с двориком, по которому бежит оленья упряжка Деда Мороза, еще там играют музыканты, гуляют дети, а в домике горит камин, – на ветке елки висит обезьянка – мягкая елочная игрушка, которую до сих пор вешает только моя сестра Ака. Но главное в этом образе – это все-таки падающий за окном снег. Почему? Может, потому, что снег падал с высокого-высокого неба, аккуратно ложился на землю и этим соединял их и стелил дорогу – дорогу для будущего? А может, потому, что тогда я смог понять, или даже нет, – ощутить что-то очень важное. Только что? Я не помню. Но и сейчас люблю смотреть из окна на зимнюю улицу, когда сквозь голые ветки деревьев видно гораздо дальше.

Помимо снега, подоконника с алоэ и небольшой (как теперь оказалась) искусственной новогодней елки, самым ярким образом детства стало *солнце*: залитый солнцем дощатый

пол... греется наша черепашка Муська... в метре – Акин письменный стол (за которым я теперь и работаю) и еще горшок с тростниковой пальмой – такую же я снова посадил в своей комнате, взяв росток в своем институте. Еще я помню, как мы с мамой идем по летней солнечной улице... невдалеке – небольшие дома и садик. Точнее, я (мне около трех лет) еду на трехколесном велосипеде, а мама идет рядом... Когда я пытаюсь представить Божий Мир, всегда оживают во мне те образы солнца из раннего детства.

Из детства в душе есть еще другой образ солнца – он более сложен, велик, он связан с небом, с огромной рекой, с лесом и песком – он связан с пространством. Вот мы с папой на берегу Волги... Где-то сзади располагается наш дом отдыха, а здесь до самого горизонта тянется высокий песчаный берег – горы песка, и отдельные его глыбы, наполовину оторвавшись от берега, нависли на высоте нескольких десятков метров и удерживаются только корнями деревьев... Огромная река ничем не отличается от моря. А сверху второе «море» – высокое-высокое небо, на которое из-за солнца больно смотреть. И мы, – кажется, такие же вечные, как они, – стоим на самой границе этих голубых пространств, а солнце и ветер сшивают всё воедино.

С нашими семейными поездками на Волгу у меня связаны другие вос-

поминания. Там не было высокого берега и «моря», а был тихий залив, и вместе с радостью возникала щемящая печаль: через несколько часов надо уже было возвращаться, и где-то глубоко возникали мысли, что, возможно, больше мы сюда уже не вернемся, и так, как сейчас, уже не будет. Но всё *это* останется и будет нас ждать, и поэтому мы когда-нибудь всё же вернемся *сюда*, непременно вернемся. Только когда?..

Как странно порой переплетаются времена. В раннем детстве (когда мне было три-четыре года) над моим диваном висела репродукция замечательной картины Шишкина «Среди долины ровныя», на которой посреди широкого луга стоит величавый дуб; прямо от нас, стоящих перед картиной, тянется дорога, она проходит мимо дуба и уходит вдаль; еще видна речка, облака и горизонт. Я тогда смотрел на нее, прыгал на диване и декламировал стихок про пилу: «...ела, ела дуб, дуб – поломала зуб, зуб...». Когда работал над докторской, купил такую же картину. Мне в этот период было очень трудно: из-за большого напряжения здоровье стало сдавать, но посмотрю бывало на эту картину с ее простором, с ее далью – и становится легче. А недавно подбирал картинку для обложки своей будущей книги по философии – хотелось найти «Древо жизни». Долго искал в интернете что-то подходящее.

Мне попадались древние кельтские изображения, иллюстрации к мифологическим трактатам, различные символические конструкции... Но всё было не то. Я понял, что надо искать изображение дуба, и уже запустил поисковую систему, как вдруг... поднял голову и посмотрел на картину над столом – ту самую картину Шишкина. Вот что мне нужно! Вот что представлялось на обложке! Остальное – дело техники. Как все-таки переплетаются времена, насколько едина вся наша жизнь. Скажете, я сам соединил всё это: ведь я же купил картину, я делал обложку для книги... Может, и так. Только часто кажется, что за нашими поступками, за нашими решениями стоит что-то еще. Нет, конечно, всё делаем мы сами – своей волей, но порой не можем объяснить, почему. Будто знаем и понимаем гораздо, гораздо больше, чем осознаем.

Смотрел недавно картины Эшера – завораживают. Причем сам затрудняюсь сказать, чем именно. Есть у него лестницы, на которых люди оказываются с двух сторон: одни по лестнице спускаются, а другие поднимаются по их обратной стороне. Где реальная поверхность – или «поверхность» реальности, – а где мнимая? И есть ли эта мнимая поверхность?! Что для одного – «подвешенность в воздухе» над пропастью вниз головой, для другого – «стояние на тверди».

А еще у него есть ящерицы, «вылезающие» из рисунка, путешествующие по столу и потом снова «заходящие» в рисунок. Здесь тоже размыта грань реальности: нарисованное оказывается не менее реальным, чем объемное. Так и только так, а не наоборот: «Объемное – т.е. "живое" – столь же иллюзорно, как и нарисованное...». Это неприемлемо, потому что живое может казаться иллюзией, но иллюзия не может стать живой на короткое время. Нам видится, что эти ящерки нарисованы, на самом же деле они живые, и если мы подождем немножко, мы в этом убедимся.

И вот, наконец, люди, похожие на солдат, шагают вроде бы по кругу, но на самом деле – по ступенькам, идущим только вверх... Или вниз? Нет, только вверх! Лишь кажется, что солдаты идут по кругу, – они поднимаются! Ведь они всегда шагают «НА» ступеньку, а это трудно, необходимо прикладывать усилия для движения «НА», и такие усилия не могут остаться без награды! Они должны вознаграждаться высотой, подъемом, а значит, солдаты идут все-таки вверх! Движение же по кругу только кажется внешнему наблюдателю, который упивается своей рациональностью, а сам при этом стоит внизу.

Много в памяти щемящих моментов, за которые и стыдно, и горько... и что-то еще. В одно из наших пребывания с папой в доме от-

дыха «Белый яр» (что на Волге), когда мне было лет восемь, произошел такой случай. Играл я в городки (можно сказать, сам с собой). Папа поставил мне фигуру из чурбачков, которые надо было выбить за прочерченный квадрат, а сам отошел (буквально метров на пять) играть, кажется, в волейбол на песке. Городки давались мне с трудом, но главное, вдруг стало очень обидно: я здесь один, а папа ушел и с кем-то играет в волейбол. Я разозлился и ногами вышвырнул все чурбачки городошной фигуры за пределы квадрата. Тут многое проявилось: и обида, и эгоизм, и, наверное, мой взрывной характер, побуждающий решать трудные проблемы (особенно во взаимоотношениях с людьми) в духе гордиева узла. Очень скоро подошел папа. «Ты уже всё выбил?!» – спросил он с огромной радостью, удивлением и даже какой-то гордостью за меня. Я пробурчал, что, мол, нет. А самому стало стыдно за себя, горько от папиной напрасной радости, от его такой чистой любви и заботы. Мне всегда было больно вспоминать это, а теперь тем более.

В раннем детстве я очень хотел иметь то, где «есть всё!», то есть всё изображено, всё отмечено – весь мир «на ладони». Мне тогда сказали, что «всё есть» на глобусе. Поэтому я очень-очень захотел глобус. Он у меня, конечно, появился: небольшой – размером с грейпфрут – и сейчас сто-

ит на полке, но желаемого я все-таки не получил. Теперь бы решили, что мне был нужен компьютер, подключенный к интернету, тут-то уж точно «есть всё». Но каждый год написанное, нарисованное, снятое и сочиненное увеличивается в несколько раз! А мир? Мир тоже при этом удваивается или утраивается? Вроде бы нет. Значит, это не то, что в интернете, а совсем другое. Но, не вмещаясь ни в какой интернет, главное содержание мира – без чего его просто нет – иногда оказывается очень близко – протяни руку и дотронешься, лишь взгляни и всё увидишь. Нужно только постараться и... перестать хотеть *иметь* то, где «есть всё». Когда у меня это получается, я чувствую, что детская мечта исполнилась.

Воздух! Он как символ Духа Святого в мире косной материи! Я дышу – и жизнь струится по телу. Я дышу – и само небо входит в меня – я постоянно пью этот бездонный голубой океан – я становлюсь сопричастен ему – как брат по крови, я становлюсь всему миру братом по воздуху. Воздух – символ того, что в изоляции нет жизни – там только смерть, и в затхлости сознания – только бред, пожирающий сам себя. Попробуйте не дышать хотя бы минуты две. А когда после этого вдохнете, без колебаний ответите, что на этом свете самое сладкое и упоительное.

Я не убоюсь ни огня, ни металла, если только смогу дышать! И только в богооставленности может быть настоящая беда. Поэтому пока пью эту величавую голубизну, я буду стараться не задохнуться раньше, чем перестану дышать.

Мы боимся жизни, но она течет, и большей частью всё как-то обходится. Вчерашний день не принес несчастий – думаем мы – значит, сегодняшней следует прожить так же. У меня всегда были какие-то *традиции* или даже ритуалы. В четыре года каждый вечер перед сном я вставал на диван и, подпрыгивая, декламировал «Бородино». А лет в пять-семь перед сном мы с мамой брались за руки (наши кровати стояли в полуметре друг от друга) – так я и засыпал, уверенный, что не одинок, и потому нечего бояться даже ночью – на этой «черной реке» между мирами, несущей мою кровать.

Но в те дни, когда папа *покидал* нас, все традиции, все каждодневные ритуалы были выполнены, а он ушел... Всё было как всегда, как сотни, как тысячи дней прежде, только Ночь не минула нас.

Что же делать теперь? Думаю – жить как и прежде. Как всегда своим традиционным образом прощаться и встречать, желать всем: «Спокойной ночи...» Конечно, не из суеверий (у меня их давно уж нет), а чтобы легче было маме с сестрой, чтобы то время

продолжалось хоть в чем-то, и чтобы от папиной фотографии, стоящей на столе, разливались по комнате удивительные тепло и свет.

Странные у меня порой бывают мысленные путешествия – я и сам в них не разобрался. Это не странствия по земле, не сны, не видения в измененном сознании и не художественные фантазии. Это – вспышки образов, переплетенные с виденным и с только представляемым, с реальным и с невообразимым, с додуманым и с принятым неизвестно откуда. То я вижу тропинку, то деревенский домик, то зеленую траву, то каменистые вершины... Но через некоторое время понимаю, что всё это – не домик и не трава... это обрывки чувств, а может, осколочки памяти, растворившейся в воздухе... это – отдельные краски палитры, которыми пишется моя душа.

У меня есть небольшая коллекция камней. Когда я ее разглядываю, думаю о том, какой путь пришлось пройти этим камням в космосе и недрах Земли; я думаю, сколько времени они где-то далеко-далеко лежали, будучи сопричастными происходившим там событиям и нездешним реалиям, а потом их подняли и принесли мне, установив некую таинственную связь между мной и тем – далеким.

Еще у меня есть коллекция солдатиков, но с ней связано совсем другое.

Богатырь, витязь, воин... – горделивый одиночка, в лучшем случае, сражающийся с целыми полчищами зла. А во имя чего он сражается, за какие идеалы? За добро? Но *добро* и *одиночка* – вещи плохо стыкующиеся. А если так, как он – воин – будет сражаться за то, к чему сам, по сути, не принадлежит? Где богатырь возьмет силы для подвига? Одни мускулы – слишком малая сила. Нужна вся душа! Нужно пламя сердца, чтобы победить! Откуда у витязя – одиночки – возьмется пламя в такой битве – в битве за добро?! Нет, мой идеал – солдат! Ты – не одиночка, а часть армии. Ты поднял меч, и рядом поднялись еще сотни, тысячи мечей! Ты – начал, а другой, стоящий рядом, – закончил... он приступил, а продолжишь ты... Потому что вы вместе, вы – одна сила и одна воля. Твоя сила уже не только в жилах, твоя сила в крови, потому что теперь само Братство, сама Любовь наполняют ее. Где братство, нет места ни подлости, ни трусости! Только в одиночестве – в одиночестве души, которое бывает, даже если рядом другие, но ты им не близок, которое всегда бывает в толпе или банде – только в одиночестве, которое порой и сам не осознаешь до конца, можно смалодушничать. Но если ты солдат, если ты настоящий солдат, то отсеки тебе ногу, и другие, которые рядом, поднимут и понесут тебя, а повреди руку близкий тебе, и ты – весь ты, без остатка, – станешь

его рукой. И это не клоны в безликой массе – умноженный ноль остается нулем. А сила рождается, когда объединяются, когда становятся едиными *настоящие – неповторимые*. Только тогда возникает непобедимая армия. И будет она как музыка, влетающая в какофонию хаоса. И будет она нести Волю Божью.

Помню, в детстве папа мне сказал, что я постоянно должен заниматься физзарядкой (это было верно – так уж сложилось в силу объективных причин). Тогда у меня в воображении возник странный образ: будто я отбойным молотком пробиваю себе тоннель на свободу – я работаю этим молотком, осколки камня летят во все стороны, и с каждой секундой всё ближе и ближе выход из моей темной пещеры; но стоит только остановиться, как горная порода снова начинает нарастать – и стена увеличивается, отдаляя меня от света, и мои недавние усилия оказываются потраченными напрасно... Прошло уже несколько десятилетий, а этот образ нет-нет, да и всплывает в моем сознании.

Самое тяжелое дело – постоянное, каждодневное. Хорошо, если понятен смысл, если есть конечная цель. Но ведь очень часто приходится осознавать, что толкаешь ты камень, а зовут тебя Сизифом.

Бывает, для монотонного дела удается придумать хорошую *легенду*.

Например, занимаясь на одном месте утренней гимнастикой, можно представлять, что ты путешествуешь по невидимому миру или, на худой конец, шагаешь не на одном месте, а «идешь сквозь время»...

Цель каждодневной работы по профессии более понятна. Ведь и в Священном Писании сказано, что мы – изгнанные из рая – будем добывать хлеб свой в поте лица своего. Но когда речь идет о работе, связанной с познанием, этот тезис меня почему-то не успокаивает. Зачем заниматься наукой?

Можно сказать много красивых слов о заложенном в человеке стремлении к познанию, о том, что без этого он перестанет быть человеком и т.д. И все-таки. Я еще понимаю, когда наука связана с технологиями, необходимыми для улучшения жизни людей, для борьбы с болезнями, катастрофами и т.д. А если нет? Например, есть области математики или философии, или даже теоретической физики, которые никогда не изменят жизнь людей на земле. При этом, если встать на позицию верующего человека (на которой я и стою уже давно и, надеюсь, прочно), все глубины Мироздания уже известны в Божьем мире (как знать, может быть, Эйнштейн сейчас недовольно посмеивается над своей теорией относительности?). Если мы здесь только тренируемся, готовим себя к будущему – настоящему, как школьник практикуется на давно

кем-то решенных задачах, то неужели нельзя было найти что-то более толковое для развития личности, чем толкать Сизифов камень?

Но опыт мне подсказывает, что ничто из даваемого нам не бывает случайным, второстепенным, сиюминутным. Более того, всё, возлагаемое на плечи человеческие, многопланово и преследует сразу несколько объединенных целей. Значит, великий смысл должен быть и в нашем научном познании. Может быть, мы как совокупное человечество (всё – и земное, и небесное) должны сами прийти к вершинам познания – не без помощи Божьей, конечно, но все-таки самостоятельно. Может, мы должны показать, на что годны, до каких глубин способны дойти своими «мозгами». А может, только так – самостоятельно – и возможно по-настоящему познавать бытие.

Как-то утром (около двадцати лет назад), я вышел на балкон и посмотрел вдаль. Было лето, солнце уже поднялось, а небо при утренней тишине и чистоте предстало глубоким и одновременно близким – горизонт как на ладони. Мне показалось, что я слился с небом, в душе заиграла музыка – это зазвучал горизонт, словно орган. Я ощутил сопричастность всему: не только происходящему вблизи – дома, на улице... – а вообще миру... более, чем миру. Утро-то наступило самое обычное, и днем ниче-

го не произошло... Но я запомнил эти минуты... запомнил их как первое – осознанное мной – общение с Богом.

Мне завтра надо зарядить аккумуляторы, которые, скорее всего, больше не пригодятся: я купил другие, эти заряжу на всякий случай. Они работали почти три года, каждый день, а вот теперь будут стоять в углу и постепенно «умирать». Глупо, конечно, но как-то грустно.

Чаще бывает по-другому: мы что-то делаем, что-то готовим, и даже не знаем, что всё это не пригодится из-за какого-нибудь события, которое скоро произойдет, которое уже неотвратимо.

И хорошо, что не знаем. Будем что-то делать, что-то готовить... Даже если не сможем воспользоваться или не успеем доделать – хотя бы начнем, хотя бы представим себе то, что должно... должно было бы получиться. Да, хотя бы представим это и порадуемся – вот и не будет ничего зря.

Есть малое преступление, а есть большое – всё логично, всё правильно. Хотелось бы только узнать критерий того и другого, увидеть границу между ними. Недавно у меня из-за компьютерного вируса могли пропасть все видеоролики, на которых есть папа – и я никогда больше на этом свете не увидел бы его движения, его улыбку...

А если будет уничтожено что-то другое, что-то важное, необходимое

для жизни людей? Человек, сделавший и запустивший такой вирус, совершил большое или малое преступление? Или просто пошутил? А где-то от этого... Здесь – «шутка», там...

Относительность добра и зла... относительность правды и лжи... условности, допустимости, нормы, установки, мнения, взгляды... Как всё сложно! Как всё объяснимо и оправдано! Даже на смерть готовы выдавать права, утвержденные «в третьем чтении», – не очень, однако, при этом задумываясь над тем, что же такое жизнь.

Рассказывать о детстве можно много. А о настоящем? Всё спрессовалось во что-то однотонное, хорошо, если «цельное». А если – «пустое»? Тогда уже – не *спрессовалось*, а *скомкалось*. Порой мне кажется, что я убегаю, а порой – что от меня всё убегает. И если убегаю я, то от чего? От главного или от второстепенного? От прошлого или от будущего? Последнее, пожалуй, для меня теперь неактуально – вот уже несколько месяцев время стало для меня другим... и жизнь другой – я не совсем здесь и не совсем живу, то есть я живу, но не совсем этой жизнью. После тех событий время растянулось... Мне это напоминает длинный финиш, как на до предела замедленном видеопозаке. Мое быстрое время не перестало

подгонять (напротив, еще сильнее торопит), но само оно вдруг стало медленным-медленным, как в детстве, поэтому и детство мое снова со всеми своими нотками смогло войти в него... войти, чтобы поддержать...

Многое, многое было не так. Даже страшно подумать, сколько всего лишнего, ненужного и накоплено, и сделано. Зачем всё это?! Одним я никогда не воспользуюсь, другое только отнимало время... Драгоценное время... Оно текло и текло... Как же много не сделано! Боже мой! Хорошо, если это сделает кто-то другой, а если – никто?.. ведь было же и то, что полагалось совершить именно мне, только мне... А я вместо этого расплескивал время... И вот теперь сзади надвигается на меня цунами – последняя мощная волна времени – времени, сжатого до бетона, – всей своей тяжестью оно должно обрушиться на меня. Только бы не растеряться, только бы не повторить прошлого, только бы сделать то, что еще могу. Ведь гребень этой волны уже сверкает под солнцем.

Есть Воля Божья, и есть Его План! Это становится очевидным, когда оглядываешься назад, если, конечно, память хорошая и нет желания всё объяснить «просто» – лишь совпадением «того» с «тем», с «тем», с «тем», «ну, правда, еще и с тем». И все пункты этого Плана удивли-

тельно гармоничны, согласованы и опираются друг на друга – мы даже и представить себе не можем, где и как отразится предназначенное нам, и что будет, если мы оттолкнем его. А что же тогда наши планы? А наши планы – это черновики. Их не нужно «писать кровью» и «высекать на камне», но они нужны – они нужны для работы над ошибками.

Когда я посмотрел фильм «Plumbum (свинец. – А.Ш.), или Опасная игра» (на втором курсе института), мне захотелось тоже взять себе псевдоним, как и герой фильма. Решил, пусть это будет, с одной стороны, что-то живое, а с другой – прочное, основополагающее. «Кость» – более всего подходило. Так же как в фильме, перевел его на латынь – получилось «Os». Очень понравилось: и короткое, и красивое, и непонятное для большинства. Я даже ввел псевдоним в свою подпись и поставил на руке соответствующее клеймо. Потом пришли дополнительные смыслы. Например, Ost в переводе с немецкого – «восток», а мое имя – Анатолий – означает «Восточный» (сам образ «Восхода» для меня вообще очень важен). Кроме того, два самых распространенных типа галактик – шарообразные и спиральные – обозначают буквами «O» и «S». А недавно я узнал, что в прошлые века среди ученых было принято брать себе второе имя на латинском языке. Но, в «на-

грузку», всплыл и дополнительный нежелательный для меня смысл «Os»: так обозначается самый дорогой металл – осмий. В общем, часто бывает, что, выбирая что-то одно, получаешь целую «связку». Да ведь и шаг нельзя сделать, не выбрав сразу и скорость, и направление.

Смерть сравнивает всех. Сравнивает по земным представлениям – люди оказываются без всего, «нанесенного» реками времени – времени этого мира. Вот также и сны – в них мы тоже в какой-то степени сравниваемся – оголяемся до «исподнего». За это мне и нравятся ночи. А сны – путешествия и еще те уроки, которые мы не можем пройти наяву. Но светлые сны – наполненные неизъяснимой любовью к моим родным, близким людям – я вижу редко; редки и «панорамные» сновидения с колоссальной глубиной пространства, с горизонтом, с бегом и даже полетом; редко бывают (но всё же бывают!) и сны-мистерии, рассказывающие о чем-то эпохальном, глобальном; я уж не говорю о «пророческих» снах и снах-предвидениях (какие несколько раз видела Ака). Ко мне, как правило, почему-то приходят страшные сновидения с блужданиями по коридорам огромного здания, развалинам и лестницам с недостающими ступеньками... В них я то прячусь от хищников, то убегаю, то сражаюсь с кем-то. Но... Главное для меня то, что во всех снах я думаю так же, как

и наяву: у меня тот же характер, те же убеждения, которые я отстаиваю «с пеной у рта», те же принципы. Я – это я, тот же самый – какой во сне, такой и наяву! Сны – не только мои путешествия и мои уроки, но и мои испытания, и моя борьба – это тоже моя жизнь... А теперь это еще и место возможной встречи с папой.

Вообще-то мою сестру по паспорту зовут Ольгой, но в раннем детстве я стал называть ее Акой, наверное, потому что не выговаривал имя. Потом так ее начали звать друзья, родственники и соседи. День святой Акилины, как оказалось, наступает через четыре дня после Акиного дня рождения. Но, еще не зная этого, она захотела при крещении (мы с ней крестились уже взрослыми) получить *свое* имя – Акилина.

Не знаю, сколько тут случайного, но я ведь назвал сестру Акой будучи малым ребенком, так что, возможно, это совсем неслучайно.

Еще бы немного, и мне бы на Млечном Пути не хватило материнского молока. Из-за того, что в младенчестве у меня был сильный диатез, врачи маме сказали перестать кормить грудью – решили, что у меня аллергия. Родители стали брать молоко у кормящих женщин, но этого не хватало. А диатез тем временем только усилился (потом его вылечили

ла одна бабушка из деревни). Мама, посмотрев в больнице на младенцев с диспепсией, которых также «морили голодом», увидев, как они, еще ничего не понимая, точно галчата открывали ротик и начинали кричать, когда мимо проносили бутылочку с молоком, – решила попробовать вернуть свое молоко, хоть врачи и были уверены, что это уже невозможно. Сначала шла кровь... но мамино упорство было вознаграждено, и случилось маленькое чудо – молоко вернулось. Потом она аж до двух лет подкармливала меня своим молоком – жалко было отнимать от груди. Это был наш маленький «секрет». Чтобы всё же отучить, она воспользовалась красным перцем – было больно, я даже закричал, а еще почему-то было очень обидно. От родительского молока отрываться всегда обидно, но как же иначе! Вот и расставание с Млечным Путем тоже и больно, и тревожно – даже часто ропщем за это на Господа. Но как же иначе – младенчество ведь временно.

Жить, умерев. Умереть, чтобы жить. Чтобы жить для главного, надо умереть для остального. Какая легкость! Какая сила! Ты свободен. Ты в полете. Даже земное притяжение задумывается, прежде чем произвести над тобой свое действие. Ты не подчиняешься никому, кроме

Бога. Потому что ты уже породнился с тем, чего больше всего боится этот мир и называет *смертью*. Приязания прошлого не властны над тобой, а будущее – как Небо. Ты умер для всей окружающей суеты, колеса будней вращаются где-то в стороне от тебя. Ты же знаешь только одно движение – вперед. *Стрела времени* теперь не может убить тебя, ведь ты уже умер для нее. Теперь она может только подхватить тебя и унести с собою – вперед. Еще не финиш, нет, но уже финишная прямая! Ты, как отравленный Гамлет... Ты, как безумный Дон Кихот... Всё открыто, и всё по плечу! Но «жизнь» так просто не отпускает: она всё время свои соблазны бросает бревнами тебе под ноги, она всё время старается схватить тебя за полы плаща, но на большее она не способна.

Давно это было моим горячим желанием, только пальцы «жизни» оказывались сильнее меня. И вот теперь – после прошлогодней осени – такой *прыжок*, такой *фазовый переход* к смерти для жизни мне кажется достижимым.

Предчувствия горя – какие они? Наверное, у каждого свои. За несколько месяцев до папиного ухода мне временами – когда его не видел – бывало странно осознавать, какой удивительный человек является мне родным отцом... И я с ним на «ты»... И он во всём помогает мне.

Еще мне хотелось потрогать его, поцеловать в плечо... А дня за три до 28 октября, когда папа проходил за моей спиной, вдруг захотелось, чтобы он погладил меня по голове, чего раньше я не любил. Иногда в ту осень возникали мысли о том, что вот сейчас всё хорошо и так не может быть долго: это – предвестник чего-то плохого. Утром 28.10.09 – в тот день, когда папа почувствовал себя плохо, – мне стало нестерпимо жалко бабушкину собачку, умершую лет двадцать назад, – она всю жизнь просидела на цепи, а я даже не подходил к ней.

У папы тоже были предчувствия конца: он всё хотел доделать, стал вспоминать фамилии однополчан, как никогда стремился сходить в лес по грибы, а еще порой спрашивал: «Как ты считаешь, я хорошо жизнь прожил? Я справился?». Ака за неделю до его кончины проснулась со словами песни: «Все еще живы, все, все, все...». А мама, возвращаясь последний раз в эту осень с огорода, почему-то расплакалась. Недели за две до случившегося папу приехали поблагодарить новые владельцы нашей «машинешки», нашей «соврасушки» (мы продали ее по объявлению более двух лет назад). Папа спустился на улицу и попрощался с ней.

Знать бы мне тогда «азбуку» предчувствий... Уметь бы мне читать «письма» будущего... чтобы сделать несделанное, чтобы сказать несказанное.

У папы много было поговорок, прибауток, своих любимых словечек. Его «замётано», «невдомёк» или «усё понял» вообще стали дразнилками. Любил он – как порой и я – играть словами: «чого говорите?», а некоторые поговорки нечаянно говорил с ошибкой: «пошла *плясать* губерния!». Любил повторять фразы из фильмов, рекламы или строчки известных стихотворений Блока, Маяковского... Иногда мы раздражались, например, когда он начинал частушку: «не ругай меня, мамаша...»

А теперь стараемся вспомнить как можно больше. Вспомним – и радуемся, будто снова его услышали, и записываем, чтобы уже не забыть, чтобы, прочитав их потом, снова обратить время вспять.

Я не знаю, что мне теперь дороже: мои стихи или эти папины слова. Как хочется услышать: «держись, казак: атаманом будешь», – особенно теперь, когда и у меня «планов громадьё», когда *циферблат моих часов* стал показывать *иное* – верное – время. «Сказать, какой сегодня день? Отгадайте, как я узнал. Посмотрел на свои часы!.. Если не знаешь, какой сегодня день, посмотри на мои часы».

Странные и непривычные чувства у меня были в первые дни после папиного ухода (да и сейчас они не изменились, просто я к ним привык): самый мой близкий человек, который жил со мной одной жизнью, был

всегда рядом... теперь в ином мире, увидел Бога – приблизился к самым глубинам бытия! Точно мост возник между мирами – между земным миром и Вышним – папа стал этим *мостом*.

Почти всегда воспоминания какого-то события, несут в себе и то, в каком месте оно произошло и в чьем присутствии. Когда я вспоминаю первые недели после 29 октября (а часто и всё остальное), мне кажется, что папа был рядом. И не только был, но и помогал мне.

Еще мне захотелось увидеть *последние часы* глазами папы. Это получилось очень быстро (причем с правильным ракурсом окружающего). Я вспоминал, как последний раз папа обедал (молочным супом); как он (а в представлении – я) ворочался от боли (только боль почувствовать не удалось)... как приходили и уходили врачи... как, собираясь выйти к машине «скорой помощи», он взял свои часы, надел ботинки, встал, несмотря на страшную боль, затянул ремень... вышел в прихожую... подошел к своему ящичку... Мне удалось представить и вид дороги из машины, и коридоры больницы... И даже немного дальше...

Я и на другое стал смотреть чуть-чуть *его глазами*. Это касается, в частности, книг и фильмов. Конечно, некоторые фильмы дороги мне только потому, что они нравились папе или потому, что он их смотрел в послед-

ние дни. Но не всё так просто. У меня действительно изменились вкусы: уже не хочется фантастики и мистики, «ужастники» выключаю сразу же. Хочется чего-то светлого, земного... а больше всего – путешествий, и чтобы было море, горизонт и много солнечного света. Может, это оттого, что теперь, как никогда ранее, я ощущаю себя в дороге – в дороге к свету, в дороге к своему папе.

У меня как-то возникла мысль каждый день фотографировать вид из своего окна. Сделав несколько десятков снимков, я перестал снимать каждый день – понял, что это не нужно, – а делал кадр только когда сильно менялась погода. Потом, всё просмотрев, я увидел не осенние деревья, не сугробы февраля, не приближение летней грозы... Я увидел один очень небольшой, но единый отрезок *реки времени*. Просто ее движение затушевывается рябью каждодневной суеты, той рябью, которая по ошибке часто и принимается за настоящее движение времени.

Когда далеко от дома, но покинул его ненадолго, ты будто становишься над временем. У меня так было в Томске, куда я несколько раз уезжал на пару недель. Я смотрел на дорогу, на деревья... Не то чтобы всё было чужим и непривычным – знакомые уголки можно найти где угодно, хоть на соседней улице, – дело не

в этом. Всё было так далеко от того, где был прежде, и где скоро буду, что я ощутил себя вне *своего пространства*, и из тока *времени своего* я тоже был выхвачен. Я смотрел на дорогу и деревья, а видел далёкое... И многое становилось понятным, и сами приходили решения – ответы, связанные с будущим, которое придет там... которое ждет меня дома.

Жизнь идет, и то, что раньше ставило трудные вопросы, теперь оказывается очевидным. Но одно продолжает мучить меня и мучает всё сильнее. Почему мне так жалко – жалко до боли в сердце – ушедших от нас? Я – православный христианин, и то «зерно» (из евангельской притчи) упало, надеюсь, не в каменистую почву, и корни хорошо укрепились; я верю в великое и прекрасное посмертие праведников, я *знаю* это, я готов сейчас же пойти за это на казнь... Но у меня щемит в груди, когда я смотрю на папины фотографии. Почему так, ведь он уже у Бога, и сами ангелы могут теперь помогать ему? Почему у меня в горле встает ком, когда я читаю в его мемуарах о солдате, умершем на его шинели? Тот говорил: «Вот я и отвоевался...» Почему мне нестерпимо больно, когда я вспоминаю другого бойца, который просил... перед смертью... перевязать... его... а вся его шинель была превращена миной в лоскуты... Ведь все они погибли за

Родину, все они давно в мире Горнем и, наверняка, оттуда помогают нам. Почему мне так их жалко? Почему мне так тяжело? Почему я хочу плакать, вспоминая их? Может, потому, что *«всё проходит»*, но *«всё остаётся»*! И даже на всесильном теле воскресшего Христа остаются раны от гвоздей! Когда-нибудь это тоже будет понятно. Да, сложны и тяжелы уроки Божьи. Но ведь в итоге должна явиться душа человеческая – душа, способная любить и сострадать, душа, способная творить, душа, способная общаться с Ним – самой Любовью и самим Состраданием.

Как там – в мире Божьем? Какими мы будем? А главное, кем там мы будем друг-другу? Трудно сказать, но я горячо верю в одно – в любовь. Это самое ценное, что есть у нас здесь, поэтому обязательно любовь должна перейти в другой мир во всей своей полноте, во всей своей чистоте, даже усилившись. А иначе нет смысла нашего существования на земле, всех наших надежд и ожиданий, наших испытаний и стремлений. Нет смысла, если теряется главное! Кто мы без общения, без любви?! Если любовь между людьми вошла сердцевинкой в их жизнь, она вошла в Мироздание! Вошла в Мироздание, пробивая границы между мирами. Родные люди будут столь же – нет, даже более того – близки и в

мире Горнем! Поэтому мы – вся наша семья – вместе будем стоять пред Богом и вместе будем жить дальше.

Тогда снег летел над землей. Он летел горизонтально земле белыми стрелами, а порой казалось, что это мы летим навстречу ему – вверх. Сильный ветер закрывал глаза. Мы шли, обнявшись, чтобы не упасть. Мы шли, продуваемые насквозь, но были вместе. Мы и сейчас вместе, только не снег, а время бросает теперь на нас свои хлопья, разгоняемые страшным ветром... Это «аэротруба» – почти как *наша* (та – вдоль узкой дороги). Разве что – она сквозь время. Но мы пройдем и ее, мы дойдем... ведь, как и тогда, крепко держимся друг за друга.

После занятий мне приходилось оставаться в институте до вечера, чтобы вместе с папой пойти домой. Я стоял в холле, смотрел сквозь огромное стекло и представлял: «Вот скоро дома я буду вспоминать то, как сейчас стою здесь, смотрю в окно, из щелей которого так дует... Ведь не останусь же я здесь навсегда, обязательно приду домой и буду... Эх, оказаться бы там прямо сейчас: минуя дорогу по заснеженной площади к трамвайной остановке... ожидание трамвая и давку в нем при тусклом свете ламп, минуя уже темную дорогу вдоль нашей длинной пятиэтажки...». Но нет. Чтобы снова быть дома, обязательно всё это нужно пройти.

Тоже, кстати, в институте я понял, что за каждый шаг придется заплатить. Например, экзамен не будет сдан прямо сейчас, без подготовки, пока еще есть столько времени и сил радоваться. Успех придет только тогда, когда тело заболит от усталости, или глаза будут слипаться от утомления.

Не получится «сразу», надо потрудиться, а может быть, и немного помучиться. Вот и сейчас: как мне хочется сразу, будто стрелой, пронзить время! Но... Это нельзя: необходимо еще выполнить *свое*, надо *дойти*.

Было довольно пустынно, только похожее на «цветики-семицветики» альпийские астры высоко поднимались на тонких стеблях и раскачивались ветром на фоне пасмурного неба прохладного июня. Я в первый раз подошел к серому крупнопанельному дому – дому, в котором мне предстояло жить, думать, узнавать этот мир, дому – моей пристани и моему кораблю.

Когда я представляю начало дальнейшего пути, мне всегда вспоминается та картина... как пасмурный, продуваемый ветром воздушный коридор... как первая большая ступенька... как *первый шаг*.

Январь–март 2010 г.

* * *

Мы только дети, – Господи, прости!
Чуть позже погрустим и посмеемся –
Как вырастем и в жизни разберемся –
Ведь мы идем по Млечному Пути.
29.12.2009

Ака и Тошка с папой. 1968 год

«Вечный» новогодний домик

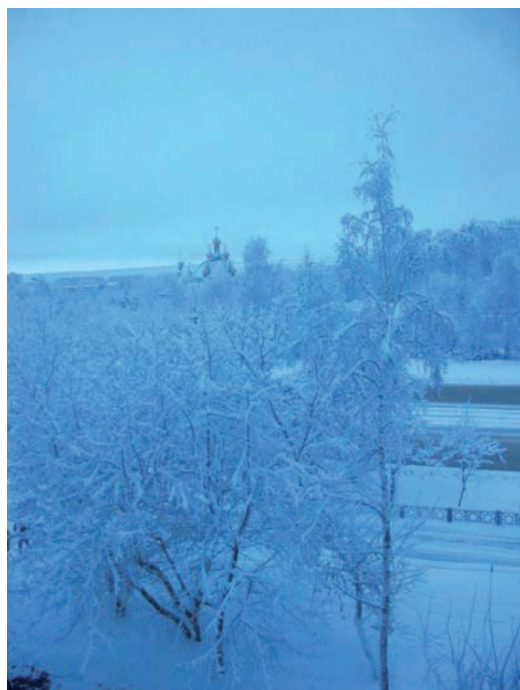
Муська

Тошка с мамой. 1969 год

«Я увидел... волны реки времени»

«Я увидел... волны реки времени»

Берег Волжского залива

Михаил и Евгения Шутые, июль 2009 года

Ака Шутая, июль 1997 года

Анатолий Шутый, декабрь 2005 года

Анатолий Шутый

У ВРЕМЕНИ НА БЕРЕГУ

Иногда, двигаясь вперед, нам кажется, что в лицо дует сильный ветер, и не спастись от него ни за деревом, ни за углом дома и не укрыться шарфом – бесполезно, потому что это *ветер времени*, и мы пробираемся сквозь него. А иногда бывает иначе: кажется, что мы остаемся на месте, но время – то неторопливое, то объятые штормом – движется мимо... И нельзя остановить это движение, нельзя изменить направление... Можно только смотреть... смотреть и думать... но при этом понимать, что не удастся всегда оставаться на берегу реки времени – однажды поднимется волна и унесет тебя куда-то... в будущее.

В книге «У времени на берегу» – фантазии и сны, мысли и чувства... А иногда – только образы, которые так и не поняты автором, но очень для него важны.

Анатолий Шутый

Большая часть книга (за исключением помеченного звездочкой) входила в сборник «Дорогой нОSорога» первой редакции.

Фото на титульном листе А. Четвёркина

Шары-образы

Вверх-вниз, вверх-вниз... я подбрасываю шары, я – жонглер. Шары в небе переливаются, искрятся всеми цветами радуги и каждый не похож на другой, потому что я жонглирую образами.

Иногда мне кажется, что они живые и сверху смотрят на меня; но я гоню от себя эту мысль, ведь это мои образы, и я хочу жонглировать ими.

Когда шары поднимаются до вершин деревьев, они играют с ними; когда взлетают до облаков, шары скачут по их пушистой ватной поверхности; когда взмывают до звезд, они сливаются с ними так, что почти невозможно разобрать: где шары, а где звезды. Но, как бы высоко ни поднялись, они обязательно должны вернуться, потому что их подбрасываю я: они упадут с вершин деревьев, они слетят с облаков и опустятся с неба ко мне в руки. Порой они обжигают меня, видимо, нагретшись в эмпиреях, или обдают холодом, остыв в стратосфере. Но это мои образы – они не могут, не должны послушаться меня, они не имеют права жить своей

жизнью, ведь они мной подбрасываются вверх.

Однако бывает, что я вздрагиваю от бредовой мысли, что когда-нибудь мои шары выйдут из подчинения, начнут расти, тяжелеть и обрушатся на меня грудой камней; а мой дух, выйдя из раздавленного и погребенного под камнями тела, поймет, что он ничем не отличается от моих шаров – моих образов, что он такой же, как они.

Январь 1997 г.

Сон*

Воздушные цветы плавно переходили в пушистые облака. Вместе с ними по воздуху плыли слова и лица. Картины пейзажей то возникали, то снова растворялись в тумане. И тем не менее всё, сменяющее друг друга, казалось застывшим и незыблемым, пребывающем в веках. Никаких толчков, никаких потрясений. Пространство бережно обнимало и слегка покачивало. Всё окружающее, даже самое далекое, виделось близким. Над головою (слегка сзади) светило солнце, сбоку росла сочная ласкающая

щая трава, а лицо обдувал свежий, пьянящий ветерок...

Это начинался сон – сон у края пропасти.

.....
07.03.2002

* * *

Небо зацепило Землю и понесло ее, понесло...

Полетели страны и города, деревья, дороги, дома...

Всё, что находилось в домах, тоже полетело: шкафы, кровати, столы...

На одном из столов в это время, к счастью, лежал листок бумаги. Листок подхватил ручку, коснувшись кончика стержня, и вместе с ней устремился за небом.

16.11.1995

Хаос

И под грузом земного тяготения, и в путах ада, и среди лучезарных просторов рая идет с ним борьба. Борьба с ним идет всегда. Борьба с ним продолжается, не переставая, – иначе закончится жизнь.

Я не могу написать его с прописной буквы потому, что он не только никто, но даже ничто. Я не могу сказать, что он вечен (хоть порой и хочется) – у него нет жизни, нет времени – нет существования – он вне Бога! Он – хаос.

Атака сменяет атаку... А он то протыкает тебя насквозь, то влезает в тебя как червь, то прилипает к тебе тяжелой густой слизью. Когда он давит на глаза, он не просто «давит» – он через них будто хватает за мозг и тянет, тянет, тянет... Куда? – К себе. К себе в бездну.

Хаос бурлит и пенится. Вот сейчас он подобен крови... а сейчас – напоминает волны могучего океана, хотя только что был чем-то немощным; а сейчас – как спутанные ветром волосы; а сейчас... не пойму – что-то гнетущее и подавляющее. Мне порою кажется, что из него на мгновение вдруг поднимается облаченный в доспехи воин, и нужно сражаться не с чем-то безликим, а с мужем, имеющим разум и цели. Иногда же из хаоса будто бы поднимается умудренный жизнью старец, или влекущая к себе женщина необычайной красоты, или фигура несчастного ребенка... Но я должен бороться с ними. Всё – обман, точнее, самообман, грозящий мне смертью: стоит приласкать бедного ребенка, стоит обнять прекрасную женщину, как надо мной начнут смыкаться челюсти небытия.

Творец – поэт и ученый, художник и музыкант!.. Ты ближе всего к нему. Возьми его силу, возьми его всплеск и лети как птица! Но не отдавай ему волю свою, иначе он погубит тебя, он, который не существует, но вечна с которым борьба наша.

25.03.2000

* * *

Боль – обычное ощущение мира
обнаженным телом,

отстраненное восприятие окружающего – печаль,

а память иначе зовется грустью.

Всё сливается друг с другом, и с
каждым мгновением становится ясней и ясней, что рождается любовь.

11.08.1995

Лев с тяжелым шаром

Шар в своей лапе держит большой лев, который стоит неподвижно, и только струи холодной прозрачной воды стекают по нему вниз. А может быть, это ядро – массивное чугунное, готовое скатиться, но удерживаемое на весу. Нет, не просто ядро – замок, дверь, ворота – ворота туда, где лев – не изваяние, где он дышит, смотрит. Там он тоже держит ядро – массивное, литое. Ядро изменяется, преобразуется – вот оно обретает движение и становится часами. Часы отмеряют своим мерным ходом время. Но дверь не открывается – есть замок, который «там» и «тут» держит лев. Часы начали вращаться и становятся уже вихрем, а лев столь же спокоен и невозмутим, он умирляет вихрь и не дает ему разрастись, но и не позволяет угаснуть. Он смотрит, как здесь струи холодного фонтана всё бегут и

бегут по его бокам и лапе, держащей тяжелый шар.

04.01.2002

Волны грядущего

На самом виду, чтобы все знали, чтобы ничего не оставалось скрыто, море билось в неприступную землю. Оно стучалось, оно рыдало, в изнеможении гладило берега – море просилось войти. Стихия неистово умоляла, но земля встречала ее всюю твердостью своих камней. Она отгородилась от волн мертвыми валунами, засыпала все двери к себе горами песка, заткнула уши свои мхами и водорослями. Земля казалась гордой, но на самом деле она боялась стихии – громады неподвижных утесов, строгость скал для нее были спокойнее. «Покой тверди – пребудет в веках», – гудели скалы; «Века пребывают в тверди земной», – подтверждало эхо; «Волны – хаос – вот он; вольность хронит остов жизни моей», – пела земля. Но море не переставало – оно продолжало биться в двери берегов – оно хотело помочь, ибо воды его текли издалека – оттуда, где уже произошло то, что грядет здесь.

2002 г.

* * *

Люди покрывают дорогу асфальтом, чтобы не видеть, как земля движется под их ногами.

20.07.1994

В ожидании своей второй даты *

«Что-то уже должно измениться, – наверняка где-то появился некий знак, метка, – он шел и невольно вглядывался в траву на газонах, в рекламные щиты, деревья, стены домов... – Может быть, эта трещина в бордюре – кажется, раньше я ее не видел? Или этот сучок, по всему видно, сломанный совсем недавно, прямо передо мной? А может быть, этот бордовый цветок, распустившийся сегодня утром?»

Он шел по раннему, но уже размо-
ренному под июльским солнцем горо-
ду. Он шел уверенно, чувствуя каждое
свое движение.

2005 г.

* * * *

Крылья без креста быстро склады-
ваются и не способны к настоящему
полету – только *в распятии* они всег-
да на взмахе!

08.05.1995

До Рассвета

Сколько бы ни было на небе туч, и
как бы они ни были огромны, всегда
среди них найдется окно, через кото-
рое каждый вечер сходят вниз ангелы.
Незаметно для большинства они каса-
ются Земли своими лучезарными силь-
ными крыльями, не давая ей забыть о

Высях и о том, что придет Утро; нет,
не только утро следующего дня, а утро
следующего века, другой эры, когда
высокие облака станут холмами Земли,
а ее долины вольются в бесконечную
лазурь. Ангелы ни с кем не говорят и
никому не помогают – так нужно, не
пришла пора. Но они смотрят, всё за-
поминают и... мечтают. Они мечтают
о том времени, когда смогут со всею
мощью расправить свои крылья так,
чтобы каждый их взмах был осязаем
от горизонта до горизонта, сшивая
воедино небо с землей и окрыляя всё
новую и новую душу.

2002 г.

На арене Вселенной

Миру предлагаются люди. На аре-
ну выходят всё новые и новые: силь-
ные и слабые, низкие и высокие, кра-
сивые и уродливые. Они показывают
свое лицо, идут по асфальту, карабка-
ются по камням, продираются через
дебри. Они думают и пишут, танцуют
и рисуют, торгуют и мастерят – кто,
что умеет. Всё для них разное, только
запах и звук арены один. Мир смотрит
на них и отвергает каждого – уходит
тот, уходит этот... Тот, кто только го-
товится, тоже уйдет – мир отвергнет
и его. Но однажды мир сделает свой
выбор. Будет ли это лучший – не ду-
маю, худший – да. Вот тогда с миром
окончится торг и он получит то, что
выбрал – смерть.

25.01.2002

* * *

Я не сочиняю и не пишу, я обращаюсь к тебе, брат мой!

Ты – сын Господа, ты призван любить и творить, ты призван быть богом, так не будь рабом.

10.09.1998

Комета

Никто этого не знал – никто не верил – никто не мог и не хотел поверить в это. Но она *знала* все.

Да и как можно было поверить, когда изо дня в день росли деревья, вытягивая молодые, но уже крепкие ветви, когда в листве копошились жуки, а вокруг благоухали цветущие травы, летнее солнце ласкало, и ветерок убаюкивал. «Первый ли год так?! А как иначе?»

Но она существовала, она уже была частью реальности и частью будущего. Она несла то, о чем никто не думал.

Полагая, что живут настоящим, все теперь жили прошлым, потому что они не брали в расчет ее – ту, которая скоро, вот-вот заявит о себе, заявит всем, заявит властно и однозначно. Отвратить это нельзя – она уже вписана в наши судьбы, она вписана в историю, вплетена в бытие. И потом, когда откроется лик грядущего и люди станут вспоминать нынешнее время, они скажут: «Были мы, была наша жизнь и была она –

огромная комета, несущаяся на нашу Землю».

22.06.1999

* * *

Размышляя о конце своей земной жизни, мы, как правило, представляем кровать или улицу, больницу или даже глубины реки, но во всех случаях жизнь постепенно уходит из этого тела – поднимается и улетает... А попробуйте представить атомную бомбу под животом и взрыв... Мгновение – огромный страшный свет – и нет сразу тела – и душа потому *везде*...

2005 г.

Гомункул?

Маленький человечек лежал в пробирке. Чтобы он не замерз, пробирку подогрели; чтобы он не задохнулся, подавали кислород, а чтобы не было скучно – перед стеклом ставили картинки: то фотографии городов, то пейзажи, то иллюстрации из художественных произведений, но никогда ничего не объясняли и ничего у него не спрашивали. Экспериментаторам был интересен сам факт его жизни. Причем они знали, что жизнь эта возможна только в данной пробирке: таковы созданные ими структуры. Иногда было жалко человечка в пробирке: «Ведь он, наверное, о чем-то думает...» – думали они; «Он что-то говорит и слушает...» – говорили они,

прислушиваясь; «А может и нет... конечно же нет, ведь мы его этому не учили». Иногда они часами могли наблюдать за тем, как он двигается, точнее: «совершает произвольные или вынужденные двигательные акты», и вздыхали: «Как же ему, должно быть, тесно...» Пробирку с человеком очень берегли, тем более, что эксперименты с ней были распланированы уже на три месяца вперед. Но однажды на крупной конференции, когда драгоценная пробирка была вынесена из помещения, сейчас трудно сказать для чего, произошло страшное, из ряда вон выходящее событие. Сверкнула непонятно откуда взявшаяся молния, и пробирка разбилась вдребезги! Но самое интересное то, что тут же все отчетливо услышали: «Я жив, я живу...» Правда, до сих пор участники той конференции спорят, когда это произошло: в момент разрушения пробирки или уже после.

20.07.2005

В стеклянной банке

Как мне надоел этот шкаф с пахнущими плесенью дверцами, эти баночки, колбочки, скрип петель, покрытых паутиной. Хотя, нет, от скрипа этих ржавых петель я бы сейчас не отказался – слишком давно они не скрипели – хоть какое-то разнообразие. Одна радость: стекла в дверцах прозрачные и почти чистые, а через них видно... Так, что же через них видно: желтые

столы и стулья с облезшим лаком, плакаты – некогда яркие, но теперь уже выцветшие... и главное – окно.

В окно временами светит луна, а качающиеся рядом деревья как будто хотят заслонить собою вид на улицу, на эти пустынные дворики, молчащие переулки. Да, на улице почему-то всегда пусто, пусто и темно, – это, наверное, потому, что я почти всегда смотрю туда ночью. Ночь окружает меня, и в кабинете, где стоит мой шкаф, тихо. Но днем всё по-другому: тут, наверняка, бывает много народа, и на улице всё, должно быть, оживает... движется... Как жалко, что днем мое сознание куда-то ускользает.

Я часто задумываюсь: зачем сижу в этой банке, каждый раз наблюдая одни и те же картины, одни и те же предметы. Порою я всем своим маленьким уродливым тельцем ощущаю, что мне надо ответить кому-то на какой-то вопрос, произнесенный очень далеко, но заданный мне, и я отвечаю на него «Да» или «Нет». Я отвечаю на него, одновременно понимая и не понимая, слыша и не слыша, однако, точно зная, как должен ответить. Тайна каждого ответа, каждого решения скрыта во мне *этом* и во мне *том – том*, которого я знаю плохо, а только чувствую, *том*, очевидно, в которого каждый день удаляется мое сознание.

Но я же ничего не могу сделать, я только отвечаю «Да» или «Нет» и продолжаю сидеть в своей стеклянной

банке, наблюдая, как в ночном полумраке качаются за окном деревья. И тем не менее иногда я испытываю необъяснимую тревогу, иногда стыд, а иногда почему-то удовлетворение и уверенность.

В моем распоряжении (если не считать протертых стульев и старых плакатов) только мысли... мысли да еще куча времени, тягучего и густого, какое бывает только ночью. Сколько мыслей уже передумано в этой маленькой морщинистой головке – и всё, похоже, впустую. Чем только мне ни представлялся мой старый скрипучий шкаф, моя «родная» банка, куда только ни выходили эти окна, но шкаф всё равно ни во что другое не превратился, а окна уже много лет так и выходят на пустынные улицы и холодные дворики. Неужели это навсегда?

Странно, пока я сейчас обо всем этом рассказывал, во мне возникло необъяснимое чувство радости: я снова услышал где-то далеко заданный мне вопрос – непонятный, но очень важный, судьбоносный... и я ответил «Да».

26.09.2001

Прививка *

– Слушай, налей-ка немного. Дождливая погода всегда навевала на меня скуку. Да еще эти плакаты... надоело. Одно и то же: «Придите на участок», «Сделайте прививку»...

Ну сколько можно? Уже месяц трезвонят об одном и том же. Кстати, ты не знаешь: прививка-то против чего? – Володя обернулся к сидящему за столом на вид еще молодому парню в вытянувшемся грязном свитере, тот мотнул головой (непонятно, то ли сверху вниз, то ли справа налево) и потянулся за бутылкой. – Ты знаешь, а ведь я так и не могу забыть тот день. Почему-то запомнилось всё: и самое-самое утро – когда только всходило солнце – и как мы завтракали... «Мы» – как странно теперь произносить это... Ну ты скоро там? чего возишься, наливай... Раньше я думал, что это вранье, когда говорят, что кажется будто близкие живы – так, мол, для самоуспокоения или для «красного словца», а теперь вот – нет. Порой посмотрю из окна на улицу, и на одну секунду мне вдруг покажется, что они идут, а потом всё исчезает как мираж... но чувство! Чувство остается... и я начинаю готовиться к их приходу... Представляешь?

Володя подошел к окну. Там виднелись яркие плакаты с молодежатыми юношами и девушками, словно глотающими призыв: «Ты сделал прививку?». Он поморщился и плюхнулся в старое ободранное кресло.

– А может, они действительно живы. Не зря ведь говорят... и пишут тоже. Помнишь, фильм был, как там его?.. – он опрокинул рюмку и снова поморщился. – Смотри, а Олежка совсем обмяк, ну-ка растормоши его...

Дышит? Дышит. Ну и черт с ним. Дурак – вся жизнь коту под хвост, теперь уж, наверное, не выкарабкается. Сколько раз ему говорили! Кто его заставляет пить? Мы-то – от жизни, жизнь такая, будь она неладна, а он... по глупости. Кстати, ты давно был у врача? Да нет, я не о прививке. Ты давно проверялся? Ну и что говорят? – ответа не последовало. – Ну, ты все равно не переживай. Как говорил мудрец: «И это пройдет». Уныние – смертный грех.

Воцарилось длительное молчание. Только за окном гремела музыка, как на Первомайские праздники, в перерывах которой из динамиков доносилось: «Все в медицинские пункты... Не забудьте сделать прививку... Скоро вы услышите то, что потрясет всех...»

– Точно, они живы! Не знаю, где, но живы... существуют... есть! В «раю», если хочешь (черт меня подери!). И я их обязательно увижу, скоро встречу с ними. А как же иначе? Нет, не подумай, я ничего не собираюсь предпринимать. Нельзя. Но я подожду. Главное, что я знаю это.

«Вас ждет чудо... Вы не поверите сказанному... Ровно в шесть слушайте радио и смотрите телевизор!» – опять донеслось из динамиков через приоткрытую форточку.

– Я забыл, ты сделал прививку? – опять молчание, – ах, ну конечно, как тут не сделаешь – они ведь ее заставляли делать чуть ли не с милицией...

«поголовная вакцинация», а от чего – не говорят, паразиты, всё, мол, узнаете в свое время. Ладно уж, что мне жалко, что ли. – Давай-ка еще...

Но голос его заглушило внезапно заговорившее радио: «Московское время восемнадцать часов. Слушайте важное сообщение. Наши ученые сделали величайшее в истории человечества открытие: найден мутаген, во много раз увеличивающий регенеративные функции организма. Теперь, практически при любом поражении организма, восстановительные процессы не только не позволят людям умереть, но и за считанные минуты восстановят повреждения. Сбылась мечта человечества. К сегодняшнему дню данным мутагеном вакцинировано все население. Это грандиозный подарок всем нам. Радуйтесь, бессмертные граждане. Ура!»

05.03.2002

* * *

Человек рождается на белый свет одновременно имеющим всё и неимущим, Божьим сыном и ничтожеством. Человек должен сотворить из себя человека, помня, что он уже бог!

30.05.1995

Выпал снег *

Стало совсем темно, хотя только восемь часов вечера. На небе ни звезд

дочки. В доме светятся окна, но мое окно почему-то не светится. Почему?.. Ах да... – этот камень. До дома всего пятьдесят метров, надо же такому случиться... Как неуютно дует ветер, и мне кажется, что холодно, «кажется». Это место вокруг мне очень хорошо знакомо, его видно из моего окна, и дерево это рядом я тоже видел, но не обращал на него внимания. Теперь на нем почти не осталось листьев, а те бурые, что еще так трепещутся на ветру, кажется, вот-вот улетят вместе с ветром далеко-далеко, и их больше никто никогда не увидит. Этот камень мне тоже знаком: я часто проходил мимо него с отцом... еще тогда. Тогда... Тогда мне никогда не было холодно, даже в такие ветреные дни. И как я мог забыть об этом камне?.. Нужно было остаться под любимым предлогом и не возвращаться так поздно домой, да еще в такую погоду; или не задерживаться. Зачем я задержался? Ведь я чувствовал... что-то чувствовал. А может быть, потому и задержался. Этот камень. Как я мог забыть о нем? Ни на улице, ни во дворе ни души. Наверное, сейчас пятнадцать минут девятого, и все сидят дома, пьют горячий чай или, отдыхая на диване, смотрят телевизор. Я бы тоже сейчас включил телевизор; просто так, неважно, что по нему показывают, просто включил бы и смотрел, грея о батарее руки, но... этот камень... Дует ветер, а трава подо мной, которая еще осталась, влажная.

Это даже уже и не трава – она пахнет чем-то прелым и одновременно холодным. Ветер. Что-то он надуется. Как это я сейчас подумал: «*подо мной*», и не заметил ничего странного. Действительно – «*подо мной*», потому что я лежу, лежу и не двигаюсь. Правда, некое подобие движения – его имитацию – создает ветер, колыхая полы куртки, забираясь под них и приподнимая на мне одежду. Это неспроста – здесь, должно быть, скрыт глубокий смысл: ветер хочет, чтобы я пошевелился... Нет, он говорит, что я двигаюсь, что неподвижность только кажущаяся... что ее вообще не может быть. Действительно: я смотрю, смотрю на себя, вокруг, на окна моей квартиры, смотрю на этот камень... я думаю, вспоминаю... я живу. Живу!

Я всегда знал, что будет именно так: я знал, что останусь, как и все вокруг. Более того, появилось нечто новое. Как смешно: завтра меня найдут здесь, будут о чем-то шептаться, переглядываться и жалеть, а я буду смотреть на них и знать, что все это неправда... Все это не правда – ложь!.. Они будут переглядываться, шептаться... Нет! Не хочу! Будут жалеть. Не хочу, чтобы меня жалели! Но я не смогу им ничего сказать, зная всю правду! А они увидят только ложь! Нужно, чтобы они ничего не увидели, чтобы к утру здесь было как и раньше. Я должен это куда-нибудь спрятать, оттащить в сторону, накрыть листьями (пока темно).

Толкать... Толкать не получается. Оттащить... тоже не получается: мои пальцы соскальзывают с рукава куртки, с воротника, и штанины от прикосновений дернулись еле заметно, как от слабого порыва воздуха. Что же мне делать? Я хочу, чтобы все знали, что я жив! Пусть думают только так, потому что это правда.

Идет какой-то человек, торопится домой. Только бы не заметил. Подходит ближе, его взгляд скользнул в мою сторону, и... не заметил. Слава Богу! Удаляется. Сейчас темно, а наступит утро и что тогда? Как кстати: невдалеке от меня небольшая канава, ее оставили после строительства, когда я еще учился в школе. Нужно туда... и потом чем-нибудь прикрыть, чтобы если и заметят, то не сразу. Но как? Нужно торопиться: я чувствую, что я тут только до конца ночи, а она уже скоро кончится. Дерево. Оно рядом со мной, и ветви почти касаются земли... Стоило мне подумать о дереве, и ветви качнулись. Сильный порыв ветра ударил по ветвям, и они коснулись моей куртки... Ударил еще и еще раз...

Дерево трещало. Страшные порывы не прекращались до тех пор, пока одна из ветвей крепко не зацепилась за пояс куртки. И вот ветер стих – дерево стало выпрямляться, увлекая за собой груз, приближая его к канаве. Осталось совсем немного: двадцать

сантиметров... десять... пять... еще чуть-чуть... Всё!

— — —

Наутро выпал пушистый глубокий снег, покрывший дорогу прекрасными сверкающими звездочками, упавшими не иначе – с самого неба.

18.01.1997

* * *

Зима, не желая, чтобы люди, заглядывая в окна, узнали ее ночные морозные тайны, покрывает стекла узорами изо льда.

12.01.1997

* * *

Порой я ощущаю, что всё вокруг оберегает меня: солнце, любя, согревает и радуется светом, деревья, будто древние великаны, охраняют покой... Я – в колыбели, большой колыбели, окружен заботой, вниманием, и каждая минута – на мое благо. Но в иные времена мир кажется мне враждебным: ветер, мороз, тяжелые камни и бревна хотят убить меня, как чужого, и никто не сможет мне помочь, даже если и захочет – я из-за какого-то страшного происшествия оказался почти недосягаем для добрых, любящих рук, оказался выброшен в страшную бездну холодного космоса. Или, может, всё вокруг мертво, слепо, и жизнь моя случайна, ничтожна, на-

прасна? – камни с ветром не *хотят* убить меня, не *замышляют* против меня зло, а просто убьют, раздавят, если я окажусь на их пути, заданном жесткими безразличными законами движения тел, я же вообще тут ни при чем, я просто буду раздавлен.

Нет, пусть все-таки верным окажется то, что живу я сейчас в большой и теплой *колыбели*, а могучие курчавые деревья пусть охраняют меня.

15.04.2000

Мельница

Медленный неприятный скрип, еще один – вращаются лопасти мельницы. Взор останавливается на вылинявших, измученных ветром полосках ткани, натянутых на деревянные рамы. А далеко-далеко виднеется чудесный горизонт – он залит солнцем, он зелен, он – моя мечта, мои грезы, мои стремления. Но вот опять наваливаются серые лопасти мельничного колеса – и того чудесного края почти не видно. Едва успеваешь рассмотреть краешек далекого леса и далекого берега, как грязные шторы все закрывают – день и ночь, день и ночь, но день на горизонте, и он недостижим, а ночь – вот она, рядом.

И порой думаешь: может, только эти поскрипывающие лопасти реальны, а того, залитого солнцем, вообще нет, оно – мои фантазии, навеянные

пасмурной погодой и медленно вращающейся мельницей.

Январь-февраль 2002 г.

* * *

Иногда какое-то слово вызывает в моей душе целую картину, а то и историю. Вот, например, когда мне говорят «Дао», что приблизительно означает «Путь», я вижу, как будто сверху – с высоты птичьего полета – домик посреди поля. Домик уже обветшал, но заботливые руки ремонтируют его. Рядом несколько реденьких кустов, на тропинке досточки, чтобы во время дождя можно было пройти. Место открытое, и издали видны плывущие облака. Этот дом знаком с людским трудом, с печалью и радостью, он знает детскую болезнь, и смерть тоже заворачивала сюда. А белые облака хорошо знают долгие-долгие взгляды, уносимые ветром вместе с ними вдаль. И над всем этим, так же, как несет свои воды река, несет время Дао.

06.03.2003

Льдинки и алмаз^{*}

(басня)

Льдинки посмеялись над алмазом: «Мы выросли за одну ночь и не менее красивы; тебе же тысячи лет, и ты до сих пор меньше нас!» Но когда пришла весна, все льдинки растаяли. Мо-

раль: что слишком быстро рождается,
быстро и умирает.

20.10.2008

Песок

Странное чувство возникает, когда я смотрю на песок или на то, что мне напоминает его, например, на мою большую желтоватую чашку. Почему? Может, потому, что песчинки как секунды, и они сыплются, сыплются, сыплются... Может, потому, что песок – символ земной бренности, а когда вспоминаешь об этом, непроизвольно начинаешь думать о вечном и о том, что многое отсюда тоже должно уйти в вечность. А иногда мне кажется, что образ песка, по крайней мере чего-то похожего, был запечатлен в памяти перед тем, как душа моя была перенесена сюда, – это некий элемент упоительного и печального пейзажа, печального потому, что вскорости мне необходимо было покинуть его. Или после этой жизни продолжение моих испытаний и восхождение будут проходить через песчаную дорогу, а сейчас меня готовят к этому, навевая образы из возможного будущего? Но, может быть, всё иначе: в детстве, в беззаботном детстве, я часто смотрел на песок – на речном берегу, на улице, по дороге домой, – и в этой беззаботности был доступен для прикосновения Божьего – Он давал знать о Себе, а я чувствовал это, хоть и не понимал.

09.02.2004

* * *

Бывает, я вдруг начинаю видеть себя – себя маленького, лет пяти-семи. Вот стоит жаркий, скорее всего, августовский день, мы с папой или мамой куда-то неторопливо идем по деревне – мы приехали погостить к бабушке. Зелень по-летнему густая, темная, но уже чувствуется усталость – истома, как предвестница осени. Удивительное сочетание лета и осени. Я смотрю на нас и уже знаю, что будет через много лет, что придется испытать, что я потеряю, не заметив, о чем буду жалеть – ведь я смотрю из *сегодняшнего*. Нет, более того, мне кажется, что в эти минуты я немного знаю и будущее тоже и смотрю на нас откуда-то из вечности. Я не верю, что настоящее, прошлое и будущее сосуществуют: время разворачивается, это – неостанавливающийся поток... но в тех странных образах они как-то спаиваются воедино... наверное, это и составляет меня, как, впрочем, каждого из нас. Эти мои видения всегда очень грустные... грустные, но светлые и при этом полны глубокой-глубокой и щемящей любви. Может, грусть по невозвратному, а свет... свет, наверное, от тихой и необъяснимой надежды. Я все-таки не полностью описал эти образы (если их вообще можно описать): что-то растворено в воздухе... Кажется, это – колокольный звон... Даже когда его не слышно, он окружает нас как воздух...

02.08.2005

* * *

Вот еще о чем мне бы хотелось сказать. Есть, например, художественные образы – то, что несет некое произведение искусства: картина, фильм, стихотворение и т.д., – а есть образы жизни, которые не сравнимы с первыми по своей глубине, многогранности и непостижимости какого-то онтологического порядка. Но у меня в душе часто возникают иные образы: моя «земная» память тут точно ни при чем, они не продукт моих фантазий и не переработка чужого творчества, а их глубина и непостижимость никак не меньше, даже, пожалуй, больше, чем у образов пережитого. Странные эти образы. Часто они не дают мне покоя, иногда я от них испытываю сладостное мучение, какое, наверное, испытывает беременная женщина от своего будущего ребенка, и всегда я их считаю очень большим своим богатством. Еще мне хочется хоть как-то описать их, тем более, что в большинстве случаев они связаны с какими-то конкретными реалиями, вот только реалии эти приобретают в них сверхценность – неоправданно большую значимость. Опишу несколько из «видимых» мной «картин» (только опишу, потому что не чувствующий этих образов человек в тексте увидит лишь перечисление деталей).

...Красивый (в основном, зеленый) деревянный дом, перед ним ровная, довольно пустынная улица. Август. Жарко. Невысокая травка. С двух сторон от окон дома – кусты с темно-красными большими цветами. Везде чувствуется покой и уют – уют, созданный руками старой доброй женщины. Да и вообще вся эта картина напоминает рисунок на теплой темной шали...

А вот совершенно другое: ...Городская улица. Похоже, осень: пасмурно, и в любую минуту может заморосить дождь. Какая-то железная конструкция из труб или уголков перед самыми моими глазами. Железо запотело от холода, и медленно стекают и падают собирающиеся капли. Я смотрю на эти холодные прозрачные бугорки и почему-то случайно за ними замечаю небо...

Или вот: ...Кровать. Розовое ватное одеяло. На нем разбросаны детские пластмассовые игрушки. Окно открыто (наверное, лето), а кругом светло-светло...

И совсем другое: ...Тропинка среди сочной африканской растительности. Слышатся крики незнакомых птиц и другие достаточно резкие звуки. Пробивающиеся сквозь густую листву лучи солнца падают на пробковый шлем. Кругом движение, переходящее в возню – от рассвета до заката и от заката до рассвета, да и сами закат и рассвет слились воедино, в одно движение. Но при этом чувствуется

что-то над всем – что-то постоянное и медленно плывущее, как пахнувший прелой травой зной...

Если покопаться в душе, можно отыскать и другие подобные образы. Как я и говорил, ничего необычного в их деталях нет. Правда, во всех них есть одна общая нотка – ко всем подмешана печаль – в основном, светлая, но всё же томящая. Я долго размышлял над моими странными «картинами», и вот каким мне представляется объяснение.

Все эти образы связаны с умиранием – с описанием окружающего в минуты смерти. Не могу сказать, память ли это конца моих прошлых жизней, или я воспринимаю (как антенна, как телепат) ощущения других – их опыт ухода. Сейчас более вероятным мне представляется второе. Эти картины – последнее из земной жизни, и за ними уже следует «иное». Таким образом, они как бы связываются с неземными образами и с таким важным шагом человека, как переход в иную жизнь. Поэтому, наверное, конкретные описанные мной детали приобрели для кого-то (а получается, что и для меня) колоссальную глубину и странную для них значимость.

10.08.2005

Ель и Осина * (басня)

Ель позавидовала Осине: «У тебя такие нежные, легкие листочки, а у

меня одни колючки!» Осина ответила ей: «Зато зимой ты стоишь в своей зеленой шубке, а я дрожу от холода». *Мораль:* не завидуй никому. У каждого свои трудности, свои горести и свои утешения.

20.10.200

Сказка о Козявочке, Ивовом Листике и реке

Эта река протекала совсем близко к дороге, но знали о ней немногие. Люди проходили мимо: бежали по своим неотложным делам, брели грустные и озабоченные чем-то или гуляли, улыбаясь и веселясь, – обычно вдвоем, – но все они очень бы удивились, если б свернули с дороги всего на несколько шагов и раздвинули плотно переплетенные ветви кустарника... Совершенно непонятно, как эта широкая река была так хорошо спрятана от посторонних глаз. Она медленно и лениво несла свои тяжелые мутные воды. Казалось, она почти останавливается на каждом повороте, а тихий шум гладких покатых волн становится похожим на дремотное дыхание. Глянцевая поверхность реки, обволакивающая дымка над ней успокаивали, навевая сон... Только перекошенные горбатые мосты с расщепленными бревнами и надломленные ветки стоящих у реки деревьев тихо-тихо говорили правду:

– Не верьте ей, – скрипел старый мост, – не засыпайте, уходите отсюда подальше... если можете.

– Посмотрите в ее бездонные глаза, не верьте ей, – шептали, покачиваясь, ветви, – река унесет вас!

После таких предупреждений становилось вокруг еще тише: все замирали, испугавшись, что их разговоры услышала река. Оцепенение кончалось, лишь когда становилось ясно, что ничего не случится. Не знаю, была ли жизнь в самой реке (это скрыто мутными водами), а рядом, особенно в погожий день, – то сядет пестрая бабочка, то застрекочет кузнечик, то травинки начнут наперебой рассказывать, что они прошлой ночью видели во сне; вот муравей тащит соломинку – всегда он в делах, – неподалеку уединились две молодые ромашки, а вот маленькая Козявочка (не могу сказать точнее, кем она была) прыгнула на Ивовый Листок.

– Сегодня у меня было столько дел, так устала, можно я на Вас отдохну? – спросила Козявочка, обращаясь к Ивовому Листу. – Я перебежала через лужайку, долго забиралась на сухой пенек, который неподалеку, а когда перепрыгивала дорогу, что-то очень большое и быстрое меня чуть не раздавило. Когда найду еще немного подходящей пыльцы, отправлюсь домой – я живу вон в тех кустах, посмотрите, отсюда видно их покачивающиеся вершинки.

– Разумеется, – ответил Листик, – отдохайте, сколько хотите. А Вы были когда-нибудь на той стороне реки? Иногда мне кажется, что там ничего нет... или вдруг почудятся огромные белые горы и бесконечные поля...

Действительно, так казалось из-за тумана. Густой туман часто опускался над рекой, и тогда другой берег исчезал, растворялся как облако, а сама река становилась бесконечной. Туман осторожно, но без волнения прикасался к реке. Говорили, что он ее слуга и один, кто может понимать и предвидеть все ее мысли и желания.

– Так Вы были на том берегу? – повторил Листик не расслышавшей его Козявочке, потому что она не сразу привыкла к его голосу.

– Нет, никогда, и никто из моих родственников тоже там не бывал. Через реку не перепрыгнуть, а те мосты, что неподалеку, не доходят и до середины реки. Я слышала: раньше мосты соединяли оба берега, по ним можно было перейти на ту сторону и в тот же день вернуться обратно, но это было очень давно. Однако я не жалею об этом, мне к реке даже подходить страшно. Моя бабушка такое мне рассказывала про нее... Ведь раньше наша семья жила здесь – недалеко от воды, но после тех давнишних событий все переселились к тем кустам. Обычно я делаю довольно большой крюк, чтобы быть подальше отсюда, но сегодня столько дел, столько дел... А как Вы тут живете, неужели не боитесь: река так близ-

ко, прямо под нами. Смотришь вниз – даже ножки холодеют.

– Да, я тут на ветке один, другие листики далеко, и мы не слышим друг друга. От этого мне бывает очень грустно и страшно... Но выбирать не приходится. А знаете, как порой близко подходят волны? – кажется, вот-вот дотронутся, аж дух захватывает. Особенно страшно ночью, когда в реке отражаются звезды. В эти минуты я будто совсем один, один в целом мире, один в бескрайнем звездном небе. Как хорошо, что Вы посетили меня. Вы могли бы рассказать те истории о реке, что слышали от своей бабушки?

– Конечно, но только не сейчас: у меня еще много дел, – сказала Козявочка, – в другой раз – обязательно.

– Вы завтра сможете прийти?

– Постараюсь, если день не будет таким же хлопотливым. Мне тоже было приятно поговорить, но теперь я должна торопиться.

Козявочка уже хотела было спрыгнуть с Ивового Листика, но Лист неожиданно сорвался и упал прямо в реку. Они поплыли... Через несколько секунд густой туман скрыл их из вида. Вокруг все живое замерло, а ветви кустов, что росли вдоль реки, еще плотней сплелись меж собой.

08.02.1997

Анатолий Шутый

ВТОРОЙ ШАГ

Мы на Земле делаем только первый шаг. А шаг второй – есть ли он и, если есть, то какой? Можем ли мы что-то сказать о нем? То, что путь человеческий не ограничивается только «одним шагом», у меня уже давно не вызывает сомнений. Представьте себе: был человек (со всеми своими чувствами и мыслями, со своей волей и памятью...), и вдруг *раз* – и нет его (ни чувств, ни мыслей, ни воли, ни памяти...). Трудно представить? Потому и трудно, что неправда. В *глубине души* мы всё *знаем*: и что будет, и как будет... Только наше сознание редко способно проникать в эти *глубины* – такова жизнь на Земле. И всё-таки о будущем что-то можно сказать, по крайней мере, о ближайшем. Ведь наше движение начинается *здесь*, и нам известны и направление, и скорость. *Там* оно продолжается, а потому не может быть совершенно иным. Первый шаг подготавливает шаг второй, второй – третий... Между мирами, в которых мы идем и в которых мы будем идти, нет пропасти, ведь едино Мироздание, и мы тоже едины.

«Второй шаг» – книга путешествий, возможно, только вымышленных, а возможно, и отчасти предстоящих. Так или иначе, *вторым шагом* мы уходим с Млечного Пути.

Анатолий Шутый

Сборник «Второй шаг» входил в первую редакцию книги «Дорогой НОСорога» (кроме помеченного звездочкой).

Фото на титульном листе А. Четвёркина

Я очнулся лежащим на дороге. Надо мной нависало могучее дерево, в метре справа, на обочине, кустилась трава, а слева был лес – взгляд тонул в его темноте. Встав и отряхнув одежду от пыли, я стал вспоминать: кто я, откуда и куда иду?

Это оказалось непросто. Всё вокруг было незнакомым, хотя и уже виденным где-то (может, во сне?). Ясно было одно: куда идти, то есть как следует идти, чтобы идти вперед. Это стало понятным, видимо, потому, что, когда я смотрел в противоположную сторону, память уплывала, ускользала в прошлое, мерцающее в голове отдельными образами. То же самое происходило, когда я смотрел вниз – будто бы очутился здесь, просочившись сквозь землю, но за плечами при этом имея пройденную часть дороги, той самой, на которой теперь стоял. Все воспоминания вдруг слились в сознании в один шаг – шаг длиной в путь и продолжительностью в целую жизнь, шаг трудный, но пройденный, а теперь я вроде бы как должен сделать следующий – второй – шаг.

Темные переулки и нескончаемые ступени – проходимые одинаково труд-

но, что вниз, что вверх – развалины и недостроенные стены... всё осталось позади. Осталось сзади ожидание зимнего холода и коченеющие руки, лед на окнах и ветер в щелях. Всё это вошло в тот огромный пройденный шаг. А что составит шаг второй? Что уже «написано», но еще «не прочитано», и что предстоит «написать» самому? Одно хорошо: кажется, нет холода (или пока нет). Хорошо, что не закончили ноги и готовы шагать. Хорошо, что под ногами дорога, и хорошо, что она протянулась вперед.

Дерево, нависающее над дорогой, внезапно заговорило: «Я уже не помню, сколько лет стою тут. У меня не получается скрыться от ветров вон за теми камнями – все попытки оказались напрасными. И уж тем более, не могу отправиться вдаль. Даль всегда манит меня лучами заката и восхода, она зовет доносящимися песнями просторов. Но я могу только представлять, что там, и во сне пытаюсь заглянуть за горизонт. Мне думается, что там нет ни обрывов, ни сыпучего песка, ни страшных созданий, которые иногда грызут меня... Никто не

рассказывал мне, что же там – вдали. Все проходят мимо или ненадолго останавливаются рядом, но никогда не возвращаются назад. Вот и ты собираешься уходить и тоже, наверное, не вернешься. Остайся, побудь со мной хотя бы еще минуту. Расскажи о себе, о своих друзьях, расскажи о том, где был и что видел. Не уходи, очень прошу тебя. Мне так одиноко стоять и смотреть вдаль. Ты знаешь, а ведь я догадываюсь, что даже из той дали никто не зовет меня и не манит лучами... Просто мне хочется так думать...» И по стволу дерева потекли капли, собираясь маленькими пыльными шариками у торчащих из земли, как будто напряженных, корней: «Смола», – решил бы прохожий.

Я пошел вперед, но дорога вдруг разделилась на множество других – узкие и широкие, каменистые и песчаные, они то запутывались и свивались, то завязывались в узел, а то расходились в разные стороны. Как большая змея одна из них обвила меня и потянула так сильно, что я еле устоял. Другая – приподнялась перед ногами, превратившись в ступени – нет, скорее, в уступы – столь они были велики. Третья как-то подползла под ботинки и покрылась льдом... Боже, что они вытворяли, будто взбесившись! Всё было похоже на бурлящую реку, даже море – море из разнородных дорог. Но так же быстро и неожиданно, как это произошло, все дороги замер-

ли и соединились в одну. Под ногами снова была обычная дорога – слегка пыльная, с мелкими камешками и ямками. Переждав на всякий случай пару минут, я все-таки двинулся вперед.

На одном из поворотов я увидел некое существо, которое шло в противоположную сторону, – похоже, возвращаясь. В руках (в пригоршне) оно держало глаза, веки были опущены, а крылья (ведь у него были большие красивые крылья) волочились сзади и в пыли на дороге оставляли за собой след. Я постарался остановить его и расспросить о том, что случилось, но в ответ услышал только одно: «Всё кончено». Что это означало? Я не услышал больше ни слова, но всё же не остановился, а только прибавил шаг. Впрочем, это «Всё кончено» крепко засело у меня в голове.

Думая об этой встрече, я не заметил, как предо мною возникло поле.

Поверхность поля играла и пучилась – земля волнообразно вздымалась, будто под ней перекачивались ядра. Но это были не ядра, а... головы. Да-да, человеческие головы: под землей быстро двигались люди, упираясь головами в поверхность. Там шел бой! Две огромные непобедимые армии терзали друг друга, хлестала кровь, всё содрогалось от звуков труб, которые в свою очередь заглушались криками то ли от боли, то ли от радости (а может, от радостной боли).

Ни одна из армий не отступала и ни одна не побеждала. Вовлеченные в битву уже не представляли себе другого. Они взлетали, поднятые взрывами, потом падали, вставали и взрывали других. Иногда в этой сваре они стреляли сами в себя и радовались, что в ответ на их выстрел текла «чья-то» кровь. Эта битва была такой же вечной, как и те цели, ради которых она велась, хотя многие из сражавшихся, не замечая того, бились то на одной, то на другой стороне. Две непобедимые армии дрались, раздирая друг друга зубами... Но всё это было там – под землей, а на поверхности лишь быстро и хаотично перекачивались бугры, появлялись и исчезали кочки.

Передо мной предстала мертвая земля. Куда ни помотришь – только ветер колышет засохшие листья, почему-то оставшиеся на серых ветвях деревьев. Над пустыми дорогами время от времени слышны жалобные стоны и всхлипывания. Но от кого они доносятся? Сжимающая сердце тоска овладела временем, и одиночество – единственное, что осталось на этой земле. Долго взором своим я плутал по улицам, по тропинкам, вдоль домов, по одичавшим аллеям и бывшим рощам, прежде чем мое внимание привлек некий холм. Он оказался горой тел всех людей, живших на Земле... После видение оборвалось и в голове возникло: «Эта картина будущего, возможного будущего:

это безвременно умершие вопиют к тебе, это их голос составил для тебя увиденное – они, тоскуя о своем незавершенном, печалются о будущем и предупреждают тебя».

Я вышел к двум рекам. Они текли в разные стороны. «Надо же, как на моей родине...» – прошептал я, но это прозвучало неожиданно громко. Близость их течений вызывала ощущение *круга* – круга движущейся воды.

Между реками стояло большое одинокое дерево с черным дуплом, в которое мог бы влезть даже высокий человек. Дупло притягивало к себе подобно магниту, потому что ветры дули в него. Ветви дерева сплетались в причудливые узоры и, если присмотреться, можно было разобрать в них слова любого из языков человечества, вещавшие: «Конец». Это конец всех дорог, конец всех мучений и исканий – читалось в ветвях. Чтобы отойти от дерева, нужно было идти против ветра, против желания, против мыслей, но на свет, так как со всех сторон дерево стояло в тени. Куда девались люди, входившие в дупло, никто не знает – оно всегда было пустым и темным. На ветвях висели небольшие лоскуты одежды, содрогавшиеся на воздухе, как умирающие тела. Листьев не было, и под деревом находились голые камни и приподнятые корни. Я никак не мог отойти – меня тащило к дуплу, и трудно сказать, чем бы все кончилось,

если бы я не отвернулся, – только отвернувшись от огромного корявого, точно костлявого, дерева, у меня хватило сил уйти прочь.

Удивительно, что и *здесь* бывают сновидения. Опишу один из своих снов, навеянных северным ветром. Я увидел человека.

Человек сидел на стуле, который стоял на Земле; и было видно, что Земля закругляется во все стороны (оттого что шарообразна). Стул стоял на ровной поверхности, но казалось, что он стоит на холме, а кругом простиралось огромное небо, холодное и светлое, – из-за чего оно ощущалось еще большим. Спина человека была прямой, она поднималась вверх, как каменная скала. Тяжелые руки лежали на коленях, но ног я уже почти не видел: они оказались слишком далеко, а белое небо не было совсем прозрачным. Ближе всего я находился к голове человека, только ее я видел наиболее отчетливо. Голова была огромна и напоминала мне Землю, на которой стоял стул; волосы росли из серой кожи, как дремучий лес: каждый волос – это огромное дерево, волосы выглядели черными только вблизи меня, а дальше, углубляясь в туман, они становились сизыми и совсем исчезали из вида. Человек не двигался, казалось, он даже не дышит, а если и дышит, то так медленно и глубоко, что я этого не замечал.

Где в это время находился я и откуда смотрел? Не знаю. Кто этот че-

ловек? Что он делал, что он делает, и что он будет делать? Он просто сидел на стуле и не двигался. Зачем он здесь появился такой огромный? – Рядом с ним не было места другому, но чувствовалось, что он не жалеет об этом. Я понял: он готовится к чему-то, и вот-вот что-то произойдет, а я застал только одно мгновение его жизни, но я не знал и до сих пор не знаю, кто он. Я не смог заглянуть в его глаза. А вдруг в них окажется только тьма?

Мне жарко. Жарко и скучно. Дым сигарет, освещенный ярким светом висящих высоко люстр, был похож на туман. Рядом стакан с прозрачной, слегка красноватой жидкостью. Невдалеке на полу в горшке стоит финиковая пальма, которая до того яркая и неестественно-зеленая, что кажется пластмассовой. И повсюду неторопливые, не обращающие друг на друга внимание люди. Шорох платьев, шептания, вздохи и неприятное женское хихиканье. Смесь богатой гостинной, борделя и некоего казенного дома, смесь неуютного с вековой вальяжностью. А главное чувство – безысходность. Ничего нельзя изменить, да и не хочется, остается только ждать. Чего? Конца. Все, и я в том числе, в большом и туманном зале, как та пальма, – вроде и живые, но искусственные. Мне холодно. Вот сейчас почему-то застыла кровь, какие-то мысли, упорно гонимые полусонным сознанием, заставляют дрожать. Глад-

кие стены отбрасывают матовый свет, а белого потолка почти не видно. У одной дамы вдруг началась тихая пьяная истерика – она упала на колени своего спутника, запрокинула голову и только напряженная шея вздрагивала от неслышных криков. Молодой человек заснул, сидя на кожаном диванчике, а снятая с правой ноги туфля валялась в метре от него. Справа обнимались несколько человек и при этом тянули друг друга за волосы. Но вот кто-то, проходя мимо моего столика, задел его – стакан опрокинулся и залил мне брюки. Мои полузакрытые глаза от неожиданности расширились, и я куда-то стал удаляться. Чем дальше – тем больше. Я уже мог смотреть на этот туманный зал со стороны, когда же он оказался достаточно далеко, и я целиком охватил его взором, стало видно, что он похож на туманный, светящийся гриб с расширяющейся книзу ножкой и клубящийся жаром сверху.

Явышел в песчаное море. Конечно, оно не было только песчаным, кое-где росли кустарники и даже бегали ящерицы, но всё здесь выросло и формировалось из песка и обращалось в конце жизни в песок. Я шел несколько часов, прежде чем понял, что иду не по поверхности, а по пояс в песке. Стоячие песчаные волны окружали меня, они замерли, словно от остановки времени. Я шел и вспоминал: детство, летний пляж, теплый закат солнца и медленное возвращение домой. Как здесь

всё отличалось, но зато вспоминать было невероятно легко – однообразное бесконечное поле песка не только не отвлекало, а даже наоборот «просило» образов, и те воскресали на нём во всех своих красках. Чудеса! Я думал, и песок входил в мысли, как вода входит в трюмы кораблей. Загадочные песчаные узоры сливались с воспоминаниями, привнося нечто новое – то ли чего вообще не было, то ли что я не замечал раньше, то ли новое восприятие воспоминаний. От мыслей меня, наконец, отвлекло удивительное открытие: оказалось, что я не иду по пояс в песке – я плыву по нему, а ниже пояса вообще ничего нет, только песок, будто я растворился как кусочек сахара. Когда и как это произошло: постепенно или же сразу, как только я вступил на безмолвное светло-желтоватое пространство? Но я постарался успокоиться и «идти» – если можно теперь так сказать – дальше, дальше, пусть даже мне покажется, что всё перевернулось и песчаное море обратилось небом, а внизу редкими островками лежат белые облака на голубом поле. Образы прожитого продолжали возникать среди этой песчаной бесконечности, более того: они стали появляться с увеличивающейся скоростью и уже начали мелькать, они уже не радовали и не разнообразили окружающую «пустоту», они сами стали походить на песчаные узоры и стали сливаться с ними. Я закружился и, не выдержав, упал головой в песчаный океан... Что

случилось дальше и сколько прошло времени, не знаю, но очнулся я лежащим на траве – на небольшом зеленом холмике, – и ноги омывал чистый, прозрачный ручей.

Однажды утром, когда я только проснулся, меня охватило два чувства: с одной стороны, очень хотелось идти, с другой – каждое движение казалось мучением, будто я не ходил целую вечность, ну по крайней мере, лет сто. Я лежал на холмике и медленно окидывал взглядом окружающее: по траве прыгал кузнечик, на кустах трепыхалась птица, а под пригорком, метрах в трех, протекал ручей. Я успокоился и закрыл глаза. Но стоило мне это сделать, как всё, казавшееся безразличным ко мне, вдруг изменилось и встрепенулось: птицы жалобно защебетали, кусты задрожали под усилившимся вмиг ветром, кузнечик прыгнул мне на лицо, а ручей плеснул и обрызгал грудь. Когда же я под этот поднявшийся гам вскочил на ноги, сам того не заметив, всё вокруг стало прежним. Так как я уже был на ногах, я смог перебороть страх и неуверенность и пошел дальше. Боли с муками не возникло. Я спустился с холма, пошел вдоль ручья, и через час совсем забыл о своих сомнениях.

Забравшись на возвышенность, я увидел рыцаря, который грустил, сидя на пне. Это было даже больше, чем грусть, – он казался подавленным.

– Что случилось? – спросил я.

– Вчера у меня съели ногу, – ответил рыцарь, – заснул на поляне, а нога оказалась в тени (какое непростительное с моей стороны легкомыслие!), и черные крысы отгрызли ее. Она была лучшая. Я ходил между холмами. Когда отдыхал, всегда опирался на нее, и никогда она не болела. Как же мне теперь ходить между холмами? Проклятые крысы! Я ведь хожу тут только восемьдесят лет, не пропуская ни дня. А тут на тебе – отгрызли ногу. Как думаешь, что делать?

От неожиданности у меня пропал дар речи.

– Правильно! Я же могу ползать. Что ж, буду между холмами понемногу ползать. Главное – изо дня в день, изо дня в день.

– А зачем? – наконец, собрался я с мыслями.

– Зачем? Ну как же... Есть холмы, между ними канавки и по ним нужно ходить... или ползать.

– Зачем?

– Зачем, зачем – я тебе уже ответил. Не мешай. Мало того, что отгрызли ногу, еще и с глупыми вопросами пристают. Иди отсюда.

Я ушел. Когда же оказался тут спустя три дня, рыцарь не ползал, а перекатывался между холмами, потому что крысы отгрызли ему руки.

Далеко в стороне от дороги стоял замок, но только прохожий считал его стоящим на отшибе, а в самом

замке думали иначе. Там были свои дороги, свои перекрестки, большие и малые площади, водоемы. Правда, дороги замка никуда не выходили из него и воды возвращались назад, подойдя к его стенам. Площади там были выложены большими отполированными квадратными плитами, которые звук шагов делали громким и каким-то холодным. Стены тоже были выложены квадратиками. Вообще, этот орнамент был здесь наиболее распространен. Вечность и искусственность – два достаточно противоречивых впечатления, не покидавшие созерцающих замок изнутри. Может, поэтому жить здесь многим не хотелось: стены домов давили своей древностью и отполированностью, звуки шагов оглушали резкостью и глубиной. И еще – в воздухе почему-то витал дух расчётливой политики, козней, заговоров... Видимо, много дипломатического ума повидал этот замок на своем веку. Интересным, однако, было то, что войти в его ворота можно было свободно, но вот войдя, обратного пути уже никто не находил, – дороги замка оказывались длинны, витиеваты и никогда не выходили из него. Впрочем, один путь покинуть его всё же существовал: можно было перелететь через его стены, а как это сделать, каждый должен был догадываться сам. Я смог, но о способе здесь следует умолчать.

Через несколько дней пути (если, конечно, тут есть «дни») деревья

расступились и открылась улица – улица большого, но провинциального города. Совершенно непонятно, как она здесь оказалась. Ехали машины (довольно старомодные); светофоры меняли свои огоньки; были разбиты газончики и цветники; вдоль деревянного непокрашенного забора, огораживающего стройку, шла женщина с детской коляской, в которой сидел розовощекий карапуз, по тротуару шла компания друзей, наверное, студентов; детишки ковырялись в песке и ловили муравьев; шли люди с сетками и сумками, заходили в магазинчики, стояли у киосков, некоторые о чем-то оживленно разговаривали друг с другом, иные просто шли и радовались солнечному дню раннего лета – время ощущалось по цветущей сирени, по молодым, еще не потемневшим листьям кустарников и деревьев, по голубизне и чистоте неба, еще не измученного солнечным зноем, а наслаждающегося долгожданними прямыми лучами.

Только я подумал: «Как неожиданно всё это здесь встретить», – как тут же в ответ услышал: «А ничего этого нет: нет машин, нет людей, нет женщины с коляской, нет веселящихся студентов и разговаривающих прохожих. Они – сон наяву. Тут есть только один, один настоящий человек. Он очень тоскует по своей прошлой жизни, которая запомнилась ему такой. Ты видишь образы из его памяти, ты даже можешь поговорить с ними – люди ответят тебе, как ни в чем не бывало, хоть их

и нет, – но если случайно подойдешь к нему самому, то ощутишь страшную тоску, граничащую с горем».

– А почему так вышло? – спросил я у неизвестного голоса.

– Он потерял там то, что не смог найти здесь.

– Как же долго тут будет этот островок из канувших в Лету домов и улиц?

– Пока он не найдет то, что потерял, но он не ищет, точнее, ищет не там – он бродит по этим несуществующим тротуарам и перекресткам, заглядывает в лица прохожих, которых нет, и прислушивается к их разговорам – эху далекого, но дорогого для него прошлого.

Я не мог больше находиться здесь – мне вдруг стало страшно и больно смотреть на идущих мимо, как будто бы живых, людей, и я отпрянул в сторону. Сразу же все исчезло, и я больше не видел ни женщины с коляской, ни резвящихся малышей, ни клумб, ни киосков.

Мне снова пришлось идти через заросли, которые, наверное, и не кончались. Когда ветки кустов цеплялись за одежду, казалось, что кто-то касается тебя, хочет остановить на минутку, чтобы спросить или рассказать что-то, поделиться с тобой своими печалью или... взглянуть в глаза.

Через некоторое время кустарник стал редеть, и я увидел два озера. Они были чисты, тихи и по форме слегка

вытянуты. Белый журавль укрывал их своими огромными крыльями, ветки ивы гладили или осторожно волновали воду. Вместе с теплом я ощутил глубину, я физически чувствовал ее как свет, как воздух. И тут мне вспомнился эпизод уже далекой прошлой жизни – той, что была за поверхностью Земли: миндалевидные глаза смотрели добро и строго. Они вроде бы не сочетались со вздернутым носиком, но тем не менее составляли удивительную гармонию – музыку высокую и глубокую. Глаза женщины смотрели на меня и одновременно не смотрели, это было нормально и ничего не означало точно так же, как ничего не означала близость ее тела. Я чувствовал ее тепло и даже слышал пульс – стук ее сердца, который был ровный, спокойный и входил в музыку глубины, исходящую от ее глаз... Я вспомнил всё это и то небольшое, что она сказала мне: «Один час не ешьте...» – да, она была зубным врачом... Какими странными казались мне *теперь* эти простые воспоминания – вроде бы ничего не несущие обыденные воспоминания прошлой жизни. И как же они были важны и глубоко *здесь, теперь!*

Я пришел издалека – оттуда, где восседают на ледяных вершинах, а горные ручьи изливаются из сердца и орошают сверкающие склоны. Я пришел оттуда, где умиротворяющий покой правит движением и тишина

выше звука, эта тишина подобно грому охватывает горы, сливаясь с небом. С твердыни, незыблемого камня, вечной опоры я шагнул на вращающиеся шестерни. Здесь скрежет от песчинок, попавших между зубьев, закладывает уши, здесь кружится и болит голова от вращения, здесь холодно от металла и жарко от трения. Я сошел на мертвые механизмы не для того, чтобы остановить их – это бесполезно, да и незачем. Но они затянули в себя моих близких. Они мнут и режут своими зубьями и с каждым оборотом затаскивают все новых. Они «требуют» новых жертв, а мертвым перечить бессмысленно. Так пусть и я окажусь в этом ряду, которому однажды будет положен предел, пусть и о мои кости затупятся железные зубья.

Так было написано на лежащем у дороги валуне (надписью вниз), который я случайно перевернул в поисках влаги.

Как-то раз, довольно устав, я прилестился около большого лопуха. Не знаю, много или мало прошло времени, как лопух все же заговорил своим кряхтящим голосом. А потом, после небольшой перепалки по поводу того, что я заслонил ему солнце, лопух рассказал мне историю о далеких временах – эту историю, оказывается, вытянули из земли его корни. Если коротко, он рассказал о прошлых хозяевах земного мира: всё было подвластно их воле, всё, при-

надлежащее миру, могло начать движение или, наоборот, остановиться по велению одного лишь их взгляда. Они жили в этом мире, а мир жил в них. Но произошла катастрофа: ангел-творец, который в союзе с силой Бога поднял их всех из небытия, возгордясь, слишком заигрался с будоражащей воображение кипящей бездной и был схвачен одним из ее *протуберанцев*. Ангел, конечно, не умер, а был отброшен бездной от Бога и потерял Божественную силу – он стал демоном. Для всех, рожденных им, тоже оказался закрыт канал Божественной благодати, ведь этот канал к творению мог проходить только через творца. Поэтому все они перестали быть хозяевами земного мира. Кто-то из них остался со своим черным господином, а кто-то сохранил верность Богу и, значит, свету внутри себя, надеясь, что их отец всё же избавится от поселившейся в его душе бездны. Однако власть над миром даже в таких случаях не исчезает мгновенно – всё требует времени – она угасает. Помните сказки о древнем волшебстве троллей, фей и других удивительных существ, которых давно уже никто не видел? Оказывается, это – последние отблески изначальной власти над земным миром бывших его хозяев; это остатки их возможностей управлять миром, ставшие столь слабыми к тому времени, как в него пришли люди. «Но кто же сейчас хозяин Вселенной?» – спросил я. Ответом

было: «Никто. Этот мир умер, а всё живое – не родное ему и потому приходит в него только на краткий срок и уходит обратно. Зачем? Наверное, Бог показывает мертвый мир, чтобы предостеречь от новых подобных трагедий, ведь когда-нибудь вместе с Богом и люди будут поднимать из небытия новые миры...» Это опять был один из моих снов, но лопух все-таки недовольно кряхтел рядом, покачивая своими репьями.

На краю одной из полян мне рассказали историю о железном коне.

Когда проходит железный конь, все травы на сотни метров от дороги сначала содрогаются, а потом погибают. Копыта его подобны наковальням, в ногах кружится вьюга, и страшные унылые голоса сопровождают его. Приближение железного коня ощущается за целый день, – солнце прячется в облаках, на дорогу находит тень и усиливается ветер. О его приближении узнают всего за день – нельзя далеко уйти, нельзя подготовиться. Он приходит и забирает тепло, которое осталось где-то на обочине, забирает свет, который не успел скрыться под листьями, обернувшись солнечным зайчиком. А время, что уносит с собою железный конь, почти невозможно потом вспомнить – оно падает как в колодезь, запутавшись в его седой сверкающей гриве. Порой можно услышать разговоры о том, что он проходил тут испокон веков, что это обязательное действие, но

всегда в таких речах слышится трудно скрываемая скорбь и неистребимая боль. Может, он не придет, может, он уйдет совсем или хотя бы свернет? Но нет, снова и снова он возвращается как огромный маятник вселенских часов. Вот уже качнулись травы и холодные вьюги начали свою песню, подгоняя железного коня.

Впереди стояло много женщин, девиц и старух. Они молча смотрели в одну сторону. Только негромкий гул ветра нарушал тишину. Если прислушаться, то можно было услышать два ветерка – они разговаривали друг с другом.

– Что эти женщины делают тут? – спросил один. – Может, встречают новую жизнь? Я слышал, они ближе всего стоят к тайне рождения.

– Нет, они провожают жизнь уходящую, хоть уже и не могут видеть ее, – отвечал другой. – Они хоронят. Наступило лето – время смерти.

– Лето, а не зима, ты не путаешь?

– Конечно, лето. Посмотри, как жарко, да еще тепло с только что ушедших стекает вниз – на стоящих тут.

– Или поднимается вверх.

– Бывает и так, но все равно это – лето. Здесь, у ворот, всегда лето.

– А я думал, это кладбище... Тут тяжело лететь – будто плывешь. Но почему никто из них не плачет?

– Знают, что всё равно их никто не услышит... да и незачем. Кроме того, слезы у них уже давно высохли, ис-

парились, просочились в небо вслед за уходящими.

– А когда они пойдут туда же?

– Никогда. Они навсегда останутся здесь и будут провожать всех проходящих мимо, ведь всё, что у них было живого, тоже уже ушло вместе с их слезами.

– Так что же мы видим?

– Мы видим только «Женщин», стоящих у гроба, а людей здесь нет. Ты это поймешь, когда вернешься назад, а пока полетели...

Голоса слились в тоскливом гудении, а потом смолкло всё, и только что стоявшие «Женщины» растворились в матовых от тумана лучах света.

Однажды дорога привела меня на местность, состоящую из множества небольших, поросших травами полянок, между которыми были какие-то канавки. Интересным оказалось то, что когда наступаешь на одну из полянок, она слегка оседает, когда же переходишь на другую – снова приподнимается. По всем сторонам пейзаж казался приблизительно одинаковым, и выбрать одно направление, один ориентир было достаточно трудно. Я сначала пошел прямо, потом свернул направо, потом свернул еще... и еще... Полянки одна за другой опускались под моим весом, встревоженные бабочки вспархивали с цветов, иногда поднималась пыль и осыпалась земля на вдавленные участки. Сколько минуло времени?

Может, один час, может, два, а может, и больше. Так или иначе, я все же добрался до окраины описанного места и взглянул назад. Теперь я стоял выше, чем в начале этого путешествия по полянкам, и поэтому смог охватить взглядом значительно больше. То, что я увидел, меня удивило и даже испугало: я только что шел по огромной клавиатуре с незнакомыми странными буквами из трав и низкого кустарника. Значит, когда я переходил с полянки на полянку, я последовательно нажимал на клавиши. Но какие слова, какие предложения составлялись при этом, и где они запечатлевались? А может, получилась просто абракадабра, ведь буквы нажимались случайно? Или не случайно – для чего-то же эта «клавиатура» здесь находится? Разгадать иероглифы, даже вспомнив каждый свой шаг, было невозможно. Да и что бы это дало, что бы это смогло изменить – *текст* всё равно уже был набран.

Можно ли по развалинам, по остаткам понять всю прелесть, всю мощь чего-то бывшего, угадать его предназначение, постичь историю, или же известным оказывается лишь итог, конец судьбы – крушение? Не знаю. Если только сами руины не говорят о себе – я имею в виду настоящую, слышимую речь. То, что повстречалось мне как-то, могло говорить хриплым, утробным голосом, без эмоций, на одной интонации.

Две большие колонны стояли метрах в пятидесяти друг от друга. Обшарпанные временем, источенные ветрами и дождями, они уже не стремились к облакам, как раньше, и были похожи на двух великанов, навсегда простившихся с молодостью и теперь ожидающих только своего конца, когда они наконец-то рухнут сначала на колени, а потом на спину. Но самым загадочным был каменный шар, лежащий между колоннами и почти их касающийся, – такова была его величина. Шар был углублен на треть в землю, но не потому, что время нанесло песка с глиной и зарыло его. Шар упал с большой высоты. Ведь раньше он зависал между колоннами.

Шар был знаком единства всех гиперборейцев и служил контролем этого единства: он мог находиться в парении, только если все люди могучего племени поддерживали его своими духовными силами. И они его держали. Они имели силу единства, и каждый мог, посмотрев на парящий шар, убедиться, что племя едино, что все с ним, а он со всеми. Эта сила была столь великой, что казалось, самоё жизнь можно питать ею, обходясь без Божественного Дыхания.

И вот шар стал стеною, не пускающей Благодать, – Она натыкалась на него подобно молнии, осыпала его искрами, но твердыня не сдавалась – все гиперборейцы делали шар неколебимым. Только все чаще стало казаться, что не они держат его, а он лежит на

их душах, прижимая людей к земле. Единство теперь лежало на единых.

Когда настала зима, подули холодные ветры – и шар качнулся. Несколько гиперборейцев, увидев это, испугались – они подумали, что в этом виноват кто-то из племени – кто-то расслабился. Через несколько минут об этом узнали все и стали обвинять друг друга, а потом драться, а потом...

Шар упал – пролилась кровь, много крови, море крови. И души были погребены под каменным шаром.

Почему мне встречается либо что-то разрушенное, либо что-то недостроенное? Вот опять на рассвете я вышел к каменной башне. Утреннее солнце заливало лужайки, на которых распускались великолепные благоухающие цветы. Раскидистые деревья готовы были любого принять под свою тень, хотя жарко еще не было. Час пробуждения царил во всем: и в тянущихся травинках, вздрагивающих от падения с них тяжелых капель росы, и в начавшемся копошении муравьев, и в свежем воздухе. Низкое пока что солнце слепило глаза – их хотелось закрыть и снова заснуть прямо под согревающими лучами. Во все это совершенно гармонично вписывалась высокая башня, построенная из больших желтоватых каменных блоков. Хоть и не было выбоин, и мох не рос на стенах, почему-то чувствовалось, что башня старая. Еще чувствовалось, что она хоть и старая, но недостро-

енная – лежавшее вокруг походило скорее на давным-давно оставленные строительные материалы, нежели на следы разрушений. У основания она слегка расширилась для устойчивости, а верхняя часть уходила аж за облака и таяла в солнечном свете. И назначение ее было непонятно. Я долго шел вдоль стены, прежде чем обнаружил ступени, ведущие наверх. По лестнице я поднимался удивительно легко и быстро, солнце то оказывалось впереди, то находилось сзади. Никого не было. Я начал что-то насвистывать себе под нос, шагая все выше и выше, и уже дошел почти до самого конца, как... Я вздрогнул от неожиданности – на самой вершине стоял человек. Он смотрел вдаль, обращаясь лицом к востоку.

Не оборачиваясь, человек поприветствовал меня. Язык его был мне неизвестен, но отчего-то понятен – древность, к которой удивительным образом был близок и я, оставляла печать на каждом слове. Мне же, для того чтобы и он понял меня, приходилось жестикулировать, показывать на предметы, чертить на стене рисунки. Из рассказа я понял, что он – один из строителей этой башни. Одни работники приносили камни, другие показывали чертежи, третьи готовили раствор, четвертые подгоняли друг к другу принесенные глыбы, а на его долю досталось укладывать камни. Башня росла все выше и выше. Солнце, радуясь, освещало и обогревало

ее. На стены садились птицы и тоже радовались. Но однажды никто не поднялся к моему собеседнику и не принес камень для новой кладки. Он посмотрел вниз – там была сумятица, его друзья в растерянности ходили из стороны в сторону. Люди перестали понимать друг друга. Это произошло не вдруг – непонимание накапливалось, потому что каждый, занимаясь своим делом, совсем не заботился о том, как его услышат. Но настал день (точнее, это было утро, такое же солнечное, как и теперь), когда люди стали точно глухие и немые – кто-то кричал и не получал ответа, кто-то уже плакал, кто-то пытался хоть как-то разобраться, что говорит его напарник и не мог. К вечеру все разошлись – ушли от недостроенной башни в разные стороны. Всё опустело и стихло. А мой странный собеседник остался на последней площадке, под которой проплывали кучевые белые облака. На мой вопрос, почему не ушел он, человек ответил, что хотел было уйти, но его остановили, сказав дожидаться того дня, когда снова все придут сюда и будут вместе с ним достраивать великую башню. «Кто же это сказал тебе?» – спросил я под конец. «Божий ангел», – ответил он.

Если выйти на восточный берег Большого залива и, встав лицом к закату, быстро обернуться, можно увидеть протянутые золотые нити. Это – тросы, держащие паруса Миро-

здания, ведь Мироздание не только могучее растущее Древо, но и Корабль – корабль, плывущий в неведомую новь, в небывалое будущее, он плывет к восходу. Вглядевшись, станет ясно: золотые нити останавливаются на тебе. Что это за нити – ни у кого не спрашивай, всё равно не ответят. Но между чем они натянуты? Они соединяют тебя: они исходят из самого раннего детства... и проходят сквозь время. Не оборви их, а то как же Мироздание будет без парусов!

Повествование перешло в шум морского залива, и я очнулся.

На огромном нагретом солнцем Нвалуне под отвесным прозрачным небом сидел ангел. Всё пространство представлялось небольшим – я бы сказал, на половину расстояния до горизонта во все стороны – и только вверх оно уходило в беспредельность – потому-то небо и казалось отвесным. Ангел не просто сидел – он был углублен в себя и рисовал. Как панораму он рисовал горы, леса и луга, берег (или большой реки, или моря)... Он рисовал прямо по воздуху, вечность растворяя в будущем, и эти краски были столь реальны, а растворитель столь нежен и подвижен, что картины оказывались похожими то ли на легенду, то ли на пророчество, то ли на детскую сказку, вылетевшую из дремы и просочившаяся в явь – вечно рождающуюся действительность. Я стоял непода-

леку. Я был изумлен и, захотев приглядеться к появляющимся пейзажам, шагнул вперед... но приблизиться к «картинам» не смог – а просто вошел в них... даже не вошел, меня понесло над всеми этими просторами... И возник путь, и появился горизонт, и нельзя было вернуться.

То был первый шаг – первый почти самостоятельный шаг в Мироздании. А теперь надо сделать второй – второй шаг по бесконечной дороге. «Но куда я должен идти?» – «На Восток». – «Зачем?» – «Приблизить время Восхода. На мгновение. На миг.» – «Всего только на один миг?» – «Это миг Мироздания – ему нет цены». – «Но Мироздание живет вечностью, что для него один только миг?» – «Да. Мироздание вечно, но жизнь – это сшитые нами мгновения, и один миг даже в одной жизни, если он только вырвется в Темноте из рук, может опрокинуть тысячелетия. А что может случиться в жизни целого мира! Вспомни тех, кого встречал по дороге. Поэтому пусть же быстрее и в этом уголке Мироздания настанет Восход. Быстрее хотя бы на миг». – «Но почему я один? Почему только на миг?» – «Ты не один. И скоро почувствуешь, что с той же целью вместе с тобой плечом к плечу, как в боевом походе, идут на Восток другие. Это войско – войско Грядущего Восхода...»

2002–2005 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга подходит к концу. Вот Вы и увидели *дорогу поэта, художника и солдата* – одну из дорог, даже только часть ее. А Вы не заметили, что некоторые *шаги* в ней были пропущены? Не заметили – хорошо. Заметили – тоже не беда. В Приложении в разделе «Курсивом» я покажу и их. Почему эти шаги были пропущены? Может быть, потому что я споткнулся на них, а может, потому что были они первыми и потому неловкими, – вот и не захотелось их показывать случайному читателю, который уж точно не дойдет до конца книги. Вам же я покажу всё, ведь без этих *шагов* я не смог бы пойти дальше.

Еще я не смог бы пойти дальше без многих, очень многих людей – и близких мне, и не очень. В раздел «Посвящения» помещены своего рода благодарности им, которые изначально были написаны как дарственные надписи (главным образом на книгу «Дорогой нОSoroga»).

Об истории же появления SMS-поэмы «Имя», составляющей третью часть Приложения, там Вы и сможете прочесть, зачем слишком далеко забегать вперед.

Анатолий Шутый

Фото на титульном листе А. Четвёркина

КУРСИВОМ

Анатолий Шутый

Песенка оптимиста

Смертный хаос – бог над природой всей:
Звезды гибнут, теряя свет.
По теории вероятностей
В бурном космосе жизни нет!

Волны бьют о борт, затыкая рты,
И нельзя избежать беды.
Шторм судьбы порвал паруса мечты,
А тебя окружают льды.

Мы латаем ткань и плывем под ней,
Но как мало осталось лет.
По теории вероятностей
Силы жить и бороться нет!

Произвол властей в маске истины
Там, где слышатся крики «Бей!»
Пеплом лучших дороги высланы
У подножья святых церквей.

Люди скрылись в гнусной игре ролей,
Тот, кто судит, не даст ответ.
По теории вероятностей
Веры в правду и совесть нет!

Мы не слышим в небе свинцовых пуль –
Пули газа не виден след.
Понимая всё, мы не сдвинем руль,
Но покой, может, мозга бред?!

Голод ждет народ на Земле своей,
Высь небес потеряла цвет.
По теории вероятностей
У людей шансов выжить нет!
09.07.1989

— — —
Всё корректно и беспристрастно:
Где должны быть нули – нули,
Выражение жизни ясно!
Только чуда вот не учли.
1989–2010

* * *

Когда пошли резервы в ход,
Но флагов финиша не видно,
За пот кровавый не обидно?
Ведь не созрел желанный плод,
А толпы гикают бесстыдно.

«Не надрывайся, подожди,
Не ставь себя на поруганье,
А то не избежать рыданья.
Подумай, что ждет впереди!» –
Сказал мудрец, узрев страданья.

«Ты столько сил труду отдал,
Но безразличен он народу.
Лишь тем он составляет оду,
Кто результатом пользу дал;
Ну, иногда за блеск и моду.

Не уповай в конце на крик.
Ты подготовь себе замену,
Один не бейся лбом о стену», –
Проговорил в конце старик,
Познавший поражение цену.

Лишь цель в глазах борца стоит.
Не внемлет мудрому совету,
Он верит брезжащему свету,
Что только для него горит,
И не подвластен он запрету.

А сердце наполняет стон,
И близок час трудов утраты;
Опустошенный от растраты,
Поставил все на карту он.
Бездарность ждет уже расплаты.

Но в нем рождается *огонь* –
То животворное начало,
Что верою в груди дышало,
В кулак от боли сжав ладонь,
Иссякнуть силам не давало!
30.08.1989

* * *

Когда в ходу уже резервы,
Друзей не видно и врагов, –
Спокойны мысли, прочны нервы
И нет теперь ненужных слов.
Август 1989 г.

Звезда

В грядущий день мы все спешим прийти,
С надеждой в нем желанное найти.
Желаем окончаний и начал:
Найти любовь, чтоб пульс в висках стучал,

Конца тупой бессмысленной вражды,
Огня идей, что топит сердца льды,
Идти вперед, не струсить, не свернуть,
В конце пути познать явлений суть.
По-новому желаем жизнь начать,
Стать волевым, на подлость не смолчать,
И быть собой – не слушать вой толпы,
Когда трещат империи столпы.
Стремясь понять великие умы,
Хотим учиться на ошибках мы.

Вот он, рассвет, – пылает и горит!
Затем зенит, и снова ночь стоит.
Сквозь смех и радость, боль и слёзы мук
На горизонте проступает круг.
Круги обычных слабостей, сует
Слагаются в круги бесцельных лет.
Они из прочной скользкой пелены
В круг бытия незримо вплетены.
Привычки лет, стереотип веков
Сковали жизнь кольцом стальных оков.

Всё происходит в мире вновь и вновь:
За убеждения снова льется кровь;
Подносят Совести в бокале яд,
Для счастья всех выстраивают в ряд;
Безвольных толп призыв «Распни! На крест!»
Потом был не длиннее – «Враг! Арест!»
Мир стар, и мысль об этом не нова –
Шекспира в памяти звучат слова:
«Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной».

И все ж бывают в жизни времена:
В глубинах, где ночует тишина,
Эфир густеет, замирает миг...
Когда звон неба заглушает крик,
Слетает время с кончиков часов,

Порвав витые цепи кандалов...
 Богам и черту вопреки тогда
 Рождается сверхновая звезда!
 27.09.1989

* * *

Яркий Свет впереди,
 В кровь и жилы войди,
 Без лучей твоих разум мой тлен.
 Дай мне силы на труд
 И верши строгий суд,
 Ты один мне, как бог, вожден!
 октябрь 1989 г.

*Комитету комсомола в связи
 со студенческими выборами*

Находчивость любых властей,
 Когда бушует вихрь страстей,
 Когда утерян прежний вес, –
 Вот, право, чудо из чудес!

Плакатом прежний лик прикрыв,
 Используя людской порыв,
 Чтоб недовольных ропот стих,
 Берут кого-нибудь из них,
 Подносят меч толпы слепой,
 Подняв над их же головой.

Победу празднует народ,
 Себе заткнувши кляпом рот!
 03.11.1989

* * *

Сократа вывод прав
 О нравственном законе:

Имея гордый нрав,
 Властители на троне
 И всякий, кто, устав,
 Покорен даже в стоне,
 И чтящие устав,
 Спасаясь в унисоне,
 И, голос надорвав,
 Кричащие на склоне ...

Всяк совести своей познал прикосновенье,
 И каждый испытал пред ней благоговенье.
 А кто не клялся подчиняться только ей?
 Закон же совести един для жизни всей.
 Известен каждому источник зла,
 Мешают лишь бугры судьбы узла.

Не терпим мы помех,
 Пугает шум арены,
 Неосторожный смех,
 Обманность пышной пены.
 Один скрывает грех,
 Другой вскрывает вены,
 А кто-то зол на всех,
 Разбившись раз о стены ...
 Как много в жизни вех
 Крушений и измены.

Добро вдруг тает в относительном растворе,
 В пустой полемике и философском споре,
 А зло и гадости скрываются на дне
 Пространных объяснений и вранье.
 Обманываем больше всех себя,
 И в глубине по прошлому скорбя.
 16.01.1990

* * *

Обетованная страна,
 Где сок и мед текут рекою,
 Ты кровью жаждущих полна,

Что поплатились головою
 За миф, который нес пророк,
 Но рай пронесся стороною,
 Остался только тяжкий рок.
 Идеи счастья и свободы
 Сулят успех в короткий срок,
 И опьяненные народы,
 Стремясь на свет мечты святой,
 Сметают всё как моря воды
 Бурлящей пеною густой.
 Идут сквозь муки и лишения –
 Приходят в страшный мир пустой.
 Что это – ада наважденья
 Иль обязательный конец,
 Когда вранье и извращенья
 Горячим помыслам сердце
 И ожиданью откровенья
 Возводят траурный венец?!
 Ведомый жаром озаренья
 К обратному концу придет,
 А вместо света мрак затмения
 На пепелище там найдет.
 Свою мечту в душе лелея,
 Где, как в земле той, только мед,
 В пути находим лишь каменья.
 Как ни ступить на горизонт,
 Не утолят вожделенья.
 Так лучше мы поставим зонт
 Неверия, сухого знания –
 Не будет жечь огонь высот,
 Не рухнут больше мифов зданья.
 Молве не исказить расчет.
 Не будет разочарованья!
 Но сердце уж не запоет.
 26.01.1990

Суета

Уж коль судить по жертвоприношенью,
 Нет божества сильнее суеты!
 Без перерыва по её веленью
 Подносят в дар заветные мечты –
 Беспечной пылкой юности цветы.
 На свете всё уничтожает время:
 От гор до чуть дрожащего листа;
 Творит оно же: в рост пускает семя,
 А время пожирает суета,
 В итоге остается пустота.
 В суетах видят воды океанов,
 Где существуют, точно острова,
 Великие дела, свершенье планов,
 Возникнув в них, как в массе вещества
 Возникла жизнь – вершина естества.
 Всё это – ложь, и суета бесплодна.
 Она – не быт, не быстрых улиц шум.
 Душа в ней развиваться не способна,
 Там не созреют чувства или ум,
 Не будет даже повода для дум.
 Считают, что она лишь хлопотлива,
 Что мелко кружево ее путей.
 Бывает – суета не суетлива,
 Бывает – составляет суть идей
 И даже цель конечную людей.
 Она как точный план, регламент действий –
 По полочкам разложена судьба.
 Влекущая в ней мощь парадных шествий –
 С течением мучительна борьба,
 Поток приятен только для раба.
 Разочарованным в себе и мире
 Становится спасеньем суета.
 Твердят, что мудрость жизни в их кумире,
 Кричат: «Иная ложна красота...
 Лишь этот путь есть к истине врата!»
 25.02.1990

Два крыла

Два крыла надо мною вольны,
А без них непосильна дорога,
В первом – малая часть сатаны,
У второго – частица от Бога.

Вечен спор, и борьба их остра –
Крылья хлещутся, бьются в размахе,
Но ударами режут ветра
И несут в окружающем мраке.

Пусть тот путь устремился вперед,
Угнетает меня раздвоенность –
Идеал цельной силы живет,
К единенью души зреет склонность.

Внемя лучшим порывам своим,
Я отбросил исчадие ада,
Чтобы жить по заветам святым,
Чтоб вела абсолютная правда.
Но в пути не хватило мне сил –
Точно тяжкие гири висели.
Я на месте впустую кружил,
Неспособный для выбранной цели.

Та дорога лишь тем по плечу,
Кто святой до последнего слова,
Кто сжигает себя как свечу
И пути не имеет другого.

Если груз непосильный взвалил,
Тебя тянет к порочному краю.
Я далек от духовных светил,
Падшим ангелом быть не желаю.

Дьявол, верный себе до конца,
Тоже может свершить «милость божью»,
Награждая шипами венца,
Правду высветив дикою ложью.

Только адский огонь не по мне:
Стынет кровь, стекленеют сосуды.
Зыбка правда, козь ложь на коне,
И сомнительна милость Иуды.

Мне ж – вести с той частицею зла
В своем сердце тяжелую битву,
Опираясь на оба крыла,
Вдаль лететь и стремиться к единству.
05.03.1990

* * *

Что день грядущий нам готовит?
Смотрю я с ужасом в него,
Но жить сейчас, конечно, стоит,
Хоть и горячее чело.
Май 1990 г.

* * *

Самоуверен род людской
И очень горд собою.
Царят беспечность и покой
Как за литой стеною.

Под нами скользкая тропа,
Но как на ровном тракте,
Несется пьяная толпа
В лихом слепом азарте.

«Венец природы» – человек,
Присвоив этот титул,
Себя за столь короткий век
На трон богов воздвигнул.

Взгляд человека – взгляд царька:
В нем «шевелится» жалость,
Пока лишь ленно, свысока
На чью-то смотрит слабость.

С трудом постигнувши азы,
Зовется всемогущим;
Решив подняться до звезды,
Стал сразу вездесущим.

Он нечестив, он гол, он слаб,
Барахтается в луже.
Своих пороков жалкий раб,
Он сам себе не нужен.

Развязки страшной ждет теперь...
Питаться б ему манной...
И в космос открывает дверь
Калиткой деревянной.
04.05.1990

* * *

Конечно же, ничтожна
Минута слабости, безвредно пронесясь,
Когда всю жизнь возможно
Прожить борясь.
... ..
12.05.1990

Ничтожна слабости минута,
Коль впереди года... года...
И ей не будет там приюта!
Ну, разве лишь одна минута...
А дальше мы ответим круто:
«Минута. Больше – никогда!»
07.02.2010

* * *

Всё сказано, и нет причин,
Чтоб оставаться здесь,
Погасло пламя у свечи,
А под свечою жечь.
 Ни злобы нет, ни доброты:
 Всё пусто и темно,
 Травую кажутся цветы,
 И желчию – вино.

Последней мысли слабый след
Растаял и забыт,
Лишь изредка какой-то бред
Чуть слышно зазвенит.

 И слабо веет холодок
 От рук и от лица.
Начала нет у этих строк,
Не будет и конца.
05.06.1990

* * *

Гордыня, дерзость
И «дар пророчества»
От одиночества.
Иль одиночество –
Гордыня, дерзость?..
11.12.1994

* * *

Так нужен ли кому-то этот труд –
Зачем испытывать самосожженье,
Когда тебе глазами всюду врут
И слушают с оттенком одолженья,
Когда любая цель – пустой мираж,
Лишь для того, чтоб побороть сомненья?
К концу всё явственней желаний блажь,
И ясно видно лживость оперенья.

Писать грядущим поколениям впрок
Свой взгляд иль даровать как откровенье?
Но этот час так смутен и далек,
И кто я, чтобы делать поученья.
Однако здесь уже кривляю душой,
Признаться трудно в том себе сверх меры,
Возможно, нету цели столь большой,
А те, что есть – такие же химеры.

Читать другим, внимая похвалу, –
 Не льстивую, а с искренней улыбкой, –
 Вопросы и не принявших хулу?..
 Но вижу равнодушие под накидкой.

Вы правы, только говорите вслух,
 Что сомнение, мол, без предела,
 Что сам-то я к другим бываю глух –
 Людей всегда свое волнует дело.

Всё так, в конечном счете, я один,
 Но, может, к лучшему, и мне так надо,
 Чтоб налегке спуститься до глубин,
 Идти, отбросив груз чужого взгляда.

Вот так в печалях радости растут,
 Буду теперь себе писать и Богу,
 А всё, что объяснить хотел я тут...
 Поймут и разберут пусть те, кто могут.
 17.07.1990

Путь к истине

Я должен паломником к истине стать
 И к ней лишь одной устремиться.
 Поверив в победу, однажды прорвать
 Жестокой природы границы.

Собрать воедино жар чувств и страстей
 Во всё прожигающий пламень,
 Чтоб вспыхнул лежащий на подступах к ней
 Томлений и лениности камень.

Не встало бы сердце в пути, затвердев,
 Нельзя захлебнуться в порыве –
 В огромной любви пусть рождается гнев
 И счастье в душевном надрыве.

К ней нужно идти наугад, в дымке сна,
 С железною мощью сознания,
 С желанием сразу добраться до дна
 И с волей отбросить желанья.

Дорога, что властно к себе призвала,
 Узка – появляется робость:
 С одной стороны там из догмы скала,
 С другой – из фантазии пропасть.

Но истину жаждущий Небом храним,
 И воздухом дышит он свежим.
 В конце путь окажется ровным, прямым,
 А луч станет светом безбрежным.

Бывает, что кто-то как перед стеной
 Вдруг встанет пред нею неожиданно,
 И, струсив, захочет пройти стороною,
 Но нет пути вбок, нет обратно.

От истины дар надо смело принять,
 Пусть в терниях он или в розах,
 Нести, никогда не желая понять,
 Что держишь ты – кубок иль посох.
 23.07.1990

Другу Юдину в день рождения

И мы романтикой дышали,
 Дух рыцарства горел и в нас,
 Но латы быстро обветшали,
 Их, позабыв, никто не спас.

Ты не играл, ты был гасконцем!
 У ветра странствий сил нашлось
 Через одежды правоборца
 И через сердце дуть насквозь.

Всерьез ты сочинял легенды
И стал от них неотделим.
Сражений пыл, триумф победы ...
Ты верил вымыслам своим.

Но не далек от них по духу.
Гвардейцев время, жаль, прошло.
Всё ж видно рыцарскую руку
И благородное чело.

Не знаю, всё ли то от Бога,
Но сам себя ваяешь ты.
До гения тебе немного:
Уже есть чудо простоты.

Что пожелать: удачи, знаний,
Иль счастья? Это всё обман.
Любви желаю и страданий,
Свет и огонь творящих ран.
15.11.1990

Наш мир

Страдания заполнили миры
От края и до края.
А где любви горячие пары,
Текущие из Рая?

Где свет, который льется от богов
По их всесильной воле? –
Я вижу под просторами покров
Из злобы и из боли.

Живем в течении враждебных рек,
И Солнца вспышки –
Звезды, что поклонялся человек, –
Болезнями здесь вышли!

Учили нас: добро – святой закон,
Любовь несут светила ... –
Из каждой клеточки я слышу стон,
Где угнетает сила.

И эту силу скоро подомнет,
Что примитивней, проще.
Так существует вечный хоровод
Распада, муки, порчи.

Он увлекает в свой круговорот
Всей мощью океанов;
Спасутся те, кто до вершин взойдет,
Но до вершин вулканов:

Нет у любви первопричин простых,
Нет у добра опоры –
Над бытием взметнулись пики их,
Как без подножья горы.

Так есть. И в этом нет ничьей вины.
Действительность сурова.
Ну а учения – как в детстве сны:
Мечтанья им основа.

Велик меж миром и мечтой разрыв, –
Как трещина Вселенной.
Жизнь не спасти нам, мир не изменив, –
От смерти неременной.
26.11.1990

* * *

В посеребренном океане
Мерцающих светил
Рожденный в воздухе и камне
Дух Жизни-ключ испил.
1993 г.

* * *

Учителем шел он к народам,
Так было указано Богом.
На голову сыпалась манна,
И небо гудело: «Осанна».

Он нес для людей просветленье,
От боли души избавленье.

Внимали учителю жадно

И громко кричали: «Осанна!»»

Кричали: «Спаси он явился,
Он всех осветит, кто родился,
Простит, если совесть попрана:
Любовь он несет нам. Осанна!

Молитесь же, грешное племя.

Приходит спасения время.

Как всем чистота долгожданна,

Святой непорочный! Осанна!

Тяжел только грех наш, Учитель,
Как встанем пред Богом, Спаситель?
Смыть словом его было б странно...
Спасение в жертве, Осанна!»»

И ринулись нищие толпы,

Сбивая и души, и стопы,

И рвали они его жадно,

Хоть сердце стонало: «Осанна».

29.01.1991

* * *

Хочу не улететь я навек – далеке прочь,
Хочу взлететь, подняться, чтоб мир любить,
чтоб мочь,

Чтоб видеть лучше, дальше,

Чтоб, песню спев без фальши,

Прозящему помочь,

Чтобы потом спуститься

И научить молиться

Того, кто хуже всех,
Отдать ему второе
Свое крыло живое
И с ним подняться вверх.

30.10.1993

* * *

Положены границы,
Предел определен
Плывущей веренице
Планет, миров, времен!

И заданы с начала

Все цели бытия.

Всё ясность увенчала...

Но где же в мире Я?

Живет и угасает

Всё на путях одних,

И смертный восклицает,

Нет мира лучше их!

Не знаю я, что свято,

А где властитель зла,

Но не хочу, чтоб чья-то

Меня рука вела.

Пускай подобно грому

С небес возникнет рать,

Я никогда другому

Не буду подпевать!

Не будет умиления

В незнающих глазах,

И вытеснят сомненья

Из головы мой страх.

Пусть в глушь зайду лесную,
Пусть буду в ней блуждать
И свежесть вековую
Без усталости вдыхать.

— — —

Когда ж я понял с болью,
Где Дух, где зло, где плоть,
Я прошептал: «Довольно.
Веди меня, Господь!»

03.06.1991 – 12.02.2010

Из прошлой жизни

Человек шел по пыльной дороге
В город славных и сильных вождей.
На плечах пузырились ожоги,
Позабывши прохладу дождей.

Размышления нес о вселенных,
Хоть не видел святого перста.
Шел он после часов незабвенных –
Коронации у креста.

Древних сказов там знали немало:
О зерне и про Страшный Суд,
И еще на слуху бывало:
«Лжепророки потом придут».

«Что нам скажут их лживые губы?
В нашем доме царит благодать,
В нашем городе звонкие трубы,
А куда нас они будут звать?»

Гармоничность святого завета
Чужестранец нарушит за час,
Вставив голос в симфонию света,
Что создал нам распятый Спас».

Зная твердо: «Он ложью историй
В радость жизни придет словно тать», –
Стали мир как большой лепрозорий
Прокаженные ограждать.

«Ты учить шел, хоть шел и устало;
Всем известна задача твоя,
Ведь своих здесь пророков немало:
Он, к примеру возьми, или я.

Сможешь грудь ты свою иль чужую
В доказательство слова рассечь?
Люди верят, когда им любую
Видно кровь, оросившую речь».

Человек говорил в изумленье:
«Я пришел только мысли сказать.
Не закон я несу, не ученье,
Не Божественную Благодать».

«Не нужны нам гортанные звуки!
Выполняй то, что ждут, вот кинжал».
«Уберите, прошу, с горла руки!.. –
Чужестранец молил горожан, –

Слаб я духом поссориться с вами
И ввязаться в бессмысленный бой.
Я пришел поделиться стихами,
Не смогу я покончить с собой...

Только как же прожить молчаливо,
Удалившись безропотно вон...
Что ж, судите, правители, живо!
Где то место... – последний мой "трон"!»

«Посмотрите, как мы были правы!
Не дождешься распятыя от нас».
Все смеялись: «Уйдешь ты без славы,
Вот плевки тебе будут как раз!»

«Если так, я сгорю на рассвете!
Черным дымом затынет восток».
Но на утро подул сильный ветер,
И был брошен несчастный в песок.

Он ушел, вдаль смотря равнодушно,
В новый город великих вождей.
Было жарко тогда, очень душно...
Долго ждали просторы дождей.
26.06.1991

* * *

Вы всё чего-то ждете от меня
И в нетерпенье мнетесь,
Потом поморщитесь, жалеючи, вина,
А после – отвернетесь.
Конечно, дар мой мал,
Но сразу меркой высшей
Вам всё уже отдал,
И я пред вами нищий.
18.12.1994

Демоны – сыну О.С.

Есть великие миры
За пределами земными.
Из своей гнилой норы
Их увидят лишь иные,
Ну а ты норой зажат,
Мы тебе глаза закроем –
Ни вперед и ни назад –
Душу адом успокоим.

Свет в глазах своих задуй,
Мы иссушим Божьи реки,
Из лучистых вырвем струй
Сердце доброе навеки.
Мы поможем онеметь
В крике удали беспечной,

Если ты поверил в смерть
Среди взрыва жизни вечной.
Скучен неба высший зов –
Смех в тебе уже клокочет,
Зов ты слышишь в лае псов.
Душу червь твою источит.
После скажешь: «Нет души,
Плотский пир – закон верховный».
Ты познаешь: люди – вши,
Их давить – твой жребий кровный;
Жизни мига нет живеи.

Если ж грудь без сердца стынет,
Искрами ее согрей –
Их ты раб и наш отныне.
Смейся с нами на лету.
Перед страстью всё поблекло.
Клячу старую – мечту,
Веру, правду
В пекло, в пекло.

Осень 1991 г.

* * *

Лицо дрожит
В цепи распада.
И вечный Жид
Дошел до ада.
Когда сердца
На вес карата,
Жизнь без венца.
Земля – non grata!
05.08.1999

* * *

Земля густым напоена
Напитком древнего брожения,
В его парах заключена
Загадка жизни и движенья.

Давно, – когда земную ось
Еще шатали звезд осколки, –
Ядро планетное зажглось,
Чтобы варить земные соки.

И дети Солнца нам помочь
Спустились, озаряя ночь!

Свет полился, поднялся прах
С камней как пыль со взятой книги,
И ожил в чистых небесах,
И осветился без вериги.

Исчезла тьма. Где боль?! Где смерть?!
Галактика цветов одела
К звездам несущуюся твердь!
Всё выше жизнь, и нет предела!
Но пустота осталась *вне*,
Вокруг иль спряталась на дне.

Ей нужен гладкий, ровный шар,
С начала дней ей всё мешало.
Тогда в божественный нектар
Она желчь смерти подмешала.
С тех пор мёд истины горчит,
Погибель же слывет усладой,
Без боя с болью дух почит,
Возмездие слилось с наградой.
А может, сок не изменен,
И не было иных времен?

Земля густым напоена
Напитком древнего брожения,
В его парах заключена
Загадка жизни и движенья.

30.07.1993

Пернатому (С.Ж.)

Не говори, что негу больше сил,
Что остывает даже сильный пыл,
Не говори, что сделаны дела,
Что не смогла пронзить металл игла –

Игла упрямых вдаль смотрящих глаз,
Металл – людских «обычностей» каркас.

Не забывай, что в мир явилось Зло,
И что людей сосет его нутро.

Послушай голос совести своей –
Она не знает вычурных речей –

Когда ее раздастся властный клич,
Забудь всё то, что разум смог постичь.

Не вместится в закрытый мир душа.
Нет истины в петле и у ножа.

Начало жизни есть, но нет ее финала,
А если есть конец, то было ли начало?!

26.11.1993

* * *

Не надо мне ни перца, ни горчицы –
Природной хватит остроты вполне.
По мне, достаточно клыков волчицы,
Достаточно укусов на спине.

Идти, твердят, нам нужно и по снегу,
Плоды себе срывая на бегу.

И, Боже упаси, улечься в негу!
А если я бежать уж не могу?

Как, говорят, прекрасно, если вечно
Душа противоречьями полна, –
В спокойствии она больна, увечна, –
Но у меня душа всего одна.

Одна, чтобы мечтанья воплотились,
Одна, чтоб дух нашел нетленных дом...

Во мне ж необъяснимо уместились
Иерусалим, Гоморра, Рим, Содом!

Теорию о важной роли беса
В развитии подымаи на «ура», –
Как жаль, что в объяснении прогресса
Там не осталось места для добра.

23.12.1993

Кожа

В пальцах щелкают ножницы –
Обрезается мост
Из натянутой кожицы.

Как мучителен рост!

В то, что будет, не верую.

Раскрошился скелет.

Лучше старую мерою

Мерить старый запрет.

Лучше старые вольности.

Я протиснусь в мешок.

Лучше прежние скорости ...

Боль ... Затмение ... Шок!

— — —

Жив я Волею Божию,

И пою уже гимн,

Не заметив, как кожейю

Я хлестнул по другим!

В облегченном кружении

Слаблю Имя Творца,

Позабыв отражение

В зеркалах подлеца!

Кожа вырастет новая,

Будут швы, будет грим,

И ударит дубовая

По другим, по другим!

О забвенье, сторании

Как о жизни молю.

Я прошу вас: заранее

Сбросьте кожу мою!

06.01.1994

О моей тьме

Света хочу, но еще прошу тьмы,
Ночи моей чтоб не видели вы,

Чтоб не заметили когти руки
И заостренные тенью клыки!
Тьмою для Тьмы поедалась чтоб Тьма!
Холод пускай заморозит зима!

16.09.1994

От имени Пернатого

Если мир мой окажется мал,

Я поставлю десятки зеркал.

Отражений чудных переливы

Неземные рождают приливы.

Иллюзорный загадочный мир,

Напоенный звучанием лир,

Повернулся своими глазами –

Голубыми, как лед, зеркалами.

Я люблю этих лиц череду:

Понимание в них я найду,

Что у каждого в мыслях – известно,

Не бывает ни скучно, ни тесно.

Вход в мой мир – многогранный алмаз –

Отражен сотни, тысячи раз!

Жаль, вам мнится картина иной:

К вам он черной стоит стороной.

11.01.1994

* * *

Ю.П.

Законы высшие строги,

Их указания суровы,

Пред ними ангелы наги,

Без них разрушатся основы,

Но требования нет первой:

«Свободу угнетать не смей!»

Навеки чтобы совместить

Заложенную неизбежность,

Порыв добра, призыв простить,

Любовь и жесткость, боль и нежность,

Те, кто звездами к звездам взмыл,
Раскрыли небо белых крыл.
 Когда в гармонии разлад
 Грозит разрушить Мирозданье,
 Или утрат охватит хлад,
 Иль ошибётся созиданье, –
 По крыльям молния пробьет,
 Но сохранится Небосвод!

Ты – человек, идешь, грозя
Упасть, шагнув неосторожно.
Они укажут, что нельзя.
Нельзя... Но если хочешь – можно.
Минует боль, растает зло –
Тебя подхватят на крыло.
 А я хотел бы к ним – в Зенит –
 Забыть гордыню, прихоть, нравы.
 Пусть волю Воля победит,
 Но, чтоб одно осталось право –
 Отдать другому пару крыл,
 Когда ему не хватит сил.

15.01.1994

* * *

Рождение...
Учение...
Парение...
Сомнение...
Забвение.

Терпение...
Радение...
Свершение...
Брожение...
Забвение.

Моление...
Видение...
Горение...
Затмение...
Забвение.

Спасение.
Веление...
Сражение...
Падение...
Забвение.

Рождение.

• • •

03.04.1994

* * *

Да обратятся в соль слезы мои,
Да обратится в кровь пот мой,
Да обратится в прах плоть моя, –
И восстану я из праха.

10.06.1998

* * *

М.В.

Стихии созданье – Морская Волна –
На берег вбежала.
Одна средь камней, как и в море, вольна,
Цветы освежала
И Солнце за руку брала,
И море с собою звала,
И даль ей казалась мала.

В пустыне блуждая, тогда я мечтал
Водою умыться,
Но, встретив нежданно ее, посчитал,
Что чудо лишь мнится,
Иль, может, поняв глубину,
Подумал, что я утону –
Уйду с головою в Волну.

Всё дальше она уходила в пески,
И суша всё суше,

Всё больше ей камни сжимали виски,
Дорога всё уже.
Остался ручей... ручеек...
И крови прозрачной глоток
Ушел под поникший листок.

Ушла. Навсегда?! Знать того не хочу,
Что нет больше Чуда! –
Ушла отдохнуть к облакам по лучу
И смотришь оттуда.
Вернись же... пусть в облаке грез...
Я образ с собой бы унес.
Приди... вместе с каплями слез!
02.02.1994

Пернатому

Мой друг, не вижу утешенья,
Чтобы тебя мне удержать, –
Ты выбрал время погребенья,
Познав, что должен был не знать.

И струны рвутся в натяженье,
А наша жизнь – удар в струну,
Уставшую от напряженья.
Простите эту ей вину.

Но песня... Песни онеменье,
И вечно белая тетрадь...
Как мне придумать утешенье,
Чтоб здесь живого удержать!
16.10.1994

О неразделенной любви

Опять ревешь, клейменный шут,
Преемник части Риголетто.
Ты, верно, позабыл о вето
На песни, что вдвоем поют.

И флейта ждет не этих губ –
Ужель века не научили?
Тебя, должно быть, мало били –
От жалости. Ты точно глуп!

Не нравится тебе рожок,
Так замени его трубою,
Пока она еще с тобою,
Пока ее не выбил шок.

Забрел ты не в свои края,
Где не дана тебе свобода,
Ты вспомни имя Квазимодо –
Всё встанет на круги своя.

Тебе счастливый жребий дал
Горбатое, но всё ж наследство –
Улыбку, как от боли средство,
Пусть тает в ней борьбы оскал.

— — —
Коснулось чудо, божество,
Вселенную вручив живую, –
Любовь. Ты ж требуешь вторую,
Не стоя даже и того.
18.06.1994

Заблевание любовью

М.В.

1

Как на библейского пророка
Спустилось небо к изголовью,
Непримиримо и жестоко
Меня залило тайной новью

И теплотой, и тихой лаской,
Необъяснимым всепрозреньем,
Уже забытой детской сказкой
И утешеньем, и прощеньем.

Я говорил и был услышан,
Душа открылась, сердце сжалось,
Я взглядом был до звезд возвышен ...
Всё сохранилось, всё осталось.

Осталось днем, но отдалилось,
И сердце в поисках металось.
Как солнце впереди светилась
Моя надежда. Всё осталось!

2

Еле слышный тихий посвист –
То ли дальний суховей,
То ли ранний соловей.
Неприметный слабый отсвет
Утра на снегах
И луны в глазах.

Нам начала не открыты
Силы древа,
Боли нерва.
К Солнцу взвиты, в ночь завиты
Жизни ленты
Кем-то, кем-то.

Каплей плоти станет вздох,
А зародыш будет бог;
Скажет просто:
«Ты несчастен или рад,
Не смотри теперь назад,
Слишком поздно!»

3

Что-то странное
Началось, непонятное,
Желанное, но неожиданное.
Только ли испытание
Или час это мой?
Счастье дает страдание,
Цель начинается бой
На дороге земной.

4

Кошмары, мозга брожение
Или болезненное воображение
Мне посылает вновь
Любовь.

5

Это только начало,
Чтоб Земля раскачала
Своим вращением дверцы
В сердце.

6

Нам говорят, на розовой планете
То жар, что камни плавятся, то лед.
Нет, там из роз прекрасный сад растет –
Похожему не быть нигде на свете.
Дорога для меня была недалеко,
И вот – принес тебе я алых три цветка.

7

Первое свидание –
В парке под дождем –
Сердца замирание,
Жжение огнем ...
Первое решение
И война с собой,
В мысли погружение,
Где я сам чужой.

Я – от яви отнятый –
Где-то у скамьи
Всё смотрю, непонятый,
На следы твои.

Знаю всё заранее,
Знаю, как снести
Это испытание.
Долго нам идти ...

Наш путь уходит за горизонт ...
31.07.1994

Страшный сон-1

Люди как куклы стоят,
 Он лишь один идет.
 Тлеющей жизни наряд
 Каждому даден в род.
 Полон спокойствия он,
 Близок, неотвратим.
 Люди пришли в загон –
 Каждый отмечен им.
 Он улыбается нам,
 И неприметна речь,
 Только останется шрам,
 Как он опустит меч.
 Призрак, герой, человек
 Прост, примитивен, как зло,
 Он порождает калек –
 Вот его ремесло.
 Но на убийство не скор:
 В голову, шею, грудь
 Как в древесину топор
 Нужно ему воткнуть.
 Он от тебя в трех шагах –
 Прячься за поворот!
 Я же пока на ногах –
 Мне выходить вперед!
 31.07.1994

Страшный сон-2

Не заметили сеть мы
 Притаившейся ведьмы –
 Мы шептались вдвоем;
 Но глаза-самолеты
 И зрачковые дзоты
 Опалили огнем.
 Жёлтой дочери Аида
 Не показывал вида,

Что ослаб, уж не тот.
 И тогда она ловко
 Семя ягоды волка
 Мне закинула в рот.

Я зерно отторженья
 Да в свое отраженьё
 Бросил – в озеро грез.
 И в родные истоки,
 И в чужие потоки
 Как корнями я врос!
 31.07.1994

Страшный сон-3

Хоронюсь от черта в мусорной куче,
 Как Иван на печке... пожалуй, круче.

Лечу в этой куче по свету плавно,
 Не догонит нечистый меня – и ладно.

Чистота, говорите, залог здоровья?
 Кто придумал такое, тот мне неровня.

Шелуха да очисток гнилых немного,
 Но прикроют они от копыт и рога.

А догонит дьявол и станет рыться,
 С грязью сольюсь – не учует рыльце.
 17.05.1997

Взрыв вовнутрь

Без воли, сомнения,
 Без слуха и зрения
 В пространстве нарыв,
 В секундах разрыв –
 Взрыв!

Собою прошедшее он обвиняет,
Собою грядущее он заслоняет,
Не знает борьбы, не силен и не слаб,
В себе он один, только собственных лап
Раб!

Почуя азарт неумный порыва,
Боиится он только такого же взрыва.
Остался последний отчаянный шаг –
Внутри взорвать выползающий мрак –
Рак!

17.09.1994

Не обо мне, но всё же...

Жизнь прожить – не поле перейти,
И не всем бывает то по силам.
Близкие... Судьба моя, прости.
Лезвие, ступай по скользким жилам.
Навсегда закончен долгий спор –
С рук на землю соскочили змейки.
Но увидел я: Судьба в упор
Смотрит, подойдя к моей скамейке.

«Ты не смог, а может, не хотел?!

Принял ты вопрос, но нет ответа!
Не наступит время новых дел,
Если песня чья-то недопета.
В яркий день не увидеть ни зги!..
Оправданий ряд безбожно ложен.
Так теперь и поле не смоги
Перейти. Постигни слово "Должен"!

Ты вначале должен встать с колен,
Должен добрести ты до порога,
Должен просто отойти от стен...
И поймешь: ты должен очень много.

А когда захочешь ты покой,
Или в безысходность верить станешь,
Стукнешься о мрамор головой,
Чтоб в себя прийти, и снова встанешь.

На простых примерах ты поймешь:
Должен человек всё то, что может!
Не бывает непосильных нош,
Но бывает то, что *день не прожит*.

Лезвием дорога на восход.
Не пройди тебе стезей иною.
Там душа вновь Имя обретет,
Преданное бритвою стальною.

За урок, как надлежит Служить,
Некого тебе бранить, пойми же:
Я и Голос, требующий жить, –
Это ты, но только много выше».

07.08.1994

Экстрасенсам разных мастей

Они сказали: порча в нас;
Они пришли лечить от порчи,
Они рассеивают сглаз,
Чтоб глаз смотрел ясней и зорче!

«Скорбящий» их «молельный вздох» –
На дух «учительская розга».
Остаток чистый – крохи крох –
Спасет «возделыватель мозга».

Наслал нам порчу яд друзей,
Родных и памяти излишней,
Ничтожных и больших идей...
Иную ж, видно, сам Всевышний.

Спасут сейчас и здесь, и всех!
От ламп блестят глаза нисшедших,
И руки воздевают вверх... –
Но *за умерших иль умерших?!*

26.08.1994

Одиночество

Тысяча лун – пустота,
Тысяча слов – немота,
Только одну не принять,
Только одно не понять.

Луны слились в полумрак ожидания,
Звуки упали в обрыв оправдания.
И над пустыней возникла тогда
Тенью плывущей на небе одна
Чья-то планета – Отчаянье,
И опустилось молчание.
22.10.1994

* * *

Назло красну лету
Пересечь бы Лету –
Реку чистую.
Лето здесь нещадно,
Ну а там прохладно –
Воды быстрые...
Лето 1996 г.

Эпиграмма на Д.Юдина

Не рифмуйте: Юдин, неподсуден –
Сам себе он вынес приговор –
Вечный суд... до разрушенья гор,
Вечный суд и праздников, и буден.

Скажем прямо: Дима добрый мальый,
С яблоком он разве не Ньютон!
В остальном – синьор, месье и дон!
А галантен как с киношной дамой!

Пусть уходит, кто не видит это!
И не здесь несет о Диме вздор!

Так что с тем судом был перебор,
Мальый – на бубнового валета.
05.11.1994

* * *

Д. Ю.

Божий сын, что на битву и царствие зван,
Божий сын отправляет чекушку в карман,
Где раскаянья с клятвами припасены
Для людей, для друзей, для себя, для жены.
Тупо смотрит глазами убитой свиньи,
Божий сын подбирает пожитки свои,
А лучи и сиянье отныне ничьи...
Брат Господень и мой, помолчи, помолчи.
14.01.1995

* * *

Д. Ю.

Однажды, джокера приняв за туз,
Сорвавши с истины кривую оболочку,
Увидел друг себя у ложа муз
И ту, единственную, строчку.
Строка... – финал комедий всех и драм!
Поднявши руки театрально,
Он передать ее пытался нам,
Но джокер кувыркнулся моментально,
И прозвучало несколько банально:
«Подайте мне сто грамм!»
05.03.1995

* * *

Если б кто хоть раз увидел скотство
Тел по снятье кожаных мешков:
Брюхо толстое, конечностей уродство,
Член разбухший, череп без мозгов –
Что не скрыть одеждой, простынями,
Что нагим встает перед богами

В немощи и тяжести бугров,
Что реально, хоть держи руками ...
Как бы стал ему понятен Ад,
Как хотел бы всё вернуть назад.
31.07.1995

* * *

М. В.

– Как делишки у Маришки?
– Подгорели все коврижки,
Косы дергают мальчишки,
В окна дует, как на вышке,
Мало денег на сберкнижке,
Боли сильные в лодыжке,
И в полу скребутся мышки.
Вот – делишки у Маришки:
То убытки, то излишки,
Днем затменье,
Ночью вспышки.
25.01.1995

* * *

Влюбленный будто на поверхности
Кипящей пламенем звезды,
В огне взрывающейся верности;
Лишь дым – завистников плоды.
Так пожалейте ж: он устал –
Сам на себе себя распял!
18.12.1994

* * *

Я никак не пойму суть явлений:
Это – высшая грань демонизма
Или к Богу крутые ступени,
Или в духе моем аневризма?
18.12.1994

Моё зло

1

Я ненавижу близких и далеких,
Простых и важных, сильных и убогих,
Я ненавижу тени и лучи,
Ни день, ни шум, ни тишину в ночи,
Хочу идти, терзая и губя... –
Я ненавижу одного себя!

2

Тверды шаги, преграды – ни одной,
Но я шагаю не своей ногой,
И не моя от кожи до костей
Рука творит в сиянии идей,
Рожденных под холодной звездой
Моей энергией, чужою головой.
31.12.1994

Зло

1

Эстетика порочности, ущерб,
Сверканье зла с бунтующих высот –
Призывный клич грядущих «аненербе».
О глупый и доверчивый народ!

Вглядитесь только раз в кривые скулы,
Рот перекошенный, гниющее чело,
В глаза стеклянные, пустое чрево куклы,
Запомните уродливое зло.

С огромной силой красные ладони
И пальцы толстые в перчатках из цепей.
Запомните листы железной брони,
Стянувшие клубки умерших змей.

Слиянье воли, мощи и распада,
Цементные полы – его тела,

А дух – из нечистой жижи, смрада.
Нет красоты, есть только ужас зла!

2

В бредовый час, в минуту ль просветленья
Я видел существо.
И было как затменьё отраженьё
В стекле лица его.

Его необозримая утроба
Вмещала только тлен;
Как черных две воронки глаза его
Затягивали в плен.

Ладони – чем-то на мои похожи,
Лишь кожа как кора –
Сжимали, точно нож, одно и то же –
Железные слова.

Холодные ступени вместо пальцев
И косы из цепей,
На бусах петли из дорог скитальцев,
Дыханье – сухойей.

Не из-за гор чужих, не издалёка
Оно ко мне пришло,
Оно всегда стояло у порога
И называлось – Зло.
23.01.1995

* * *

Клянемся всё то Господу, то Богу
В каких-то мелочах.
Дорогу мы уподобляем торгу,
Жонглируя в речах:

Свобода, долг, покой, аскеза, нега –
Вверх-вниз ножи, шары...

Но клятвы все от альфа до омега
Рождением даны.
30.01.1995

Маньяк

Не скажет липкий цементный пол,
Не выдадут трещины – стен сосуды,
Как вошел в человека столб,
Плазменный столб, чтобы стиснуть зубы.

Закрыта наглухо влажная дверь –
Ни воздух, ни свет не встревожат кожи.
Шагом свое расстояние отмерь,
Грязь скребется об пол и подошвы.

Одинокий гул –
Ядро какофонии –
Это твой разрывается горб,
Одинокий стул –
Центр мира агонии,
Смерть на стуле и плазменный столб.
30.11.1995

О наркоманах

Рука разжимается,
Ослабевшие веки
Сходятся створкой.
Чтобы не маяться,
Мутного марева
Человеки,
С жидкой подкоркой,
Падают замертво
Или «взлетают» –
Не знают.
Краски раскалываются на части:
Красный, желтый, зеленый.

Вне свободы, воли и власти
Сонный,
Завербованный. Кем?
Звук расколотый нем.
Только маски и лоск
Ласк,
Но уже слышит мозг
Лязг.
13.07.1996

На реферат по педагогике

Дверь из огня и из воды замók,
За дверью – небо, но туда едва ли
Один из мудрецов пройти бы смог,
Когда б он подбирал ключи из стали.
27.02.1995

* * *

Опоры из бетонных свай –
Всего лишь волоски от ворса,
Но их попробуй испытай,
И в них проснется прочность троса!
03.06.1995

* * *

От чуждых враждебных сфер
В мой мир врывается смерть
Огнем иных атмосфер,
Кующим живую твердь.
Врывается тучею страх.
И ночью мой день распорот,
Соленой росой на устах
Чужой оседает холод.
С водою отравла слилась –
Заварен туман опьяненья.

Низвергнулся мир мой в забвенье,
И Гость получает власть!
28.07.1995

* * *

Скрижали каменные, плиты ль пирамид
Так редко освежают письменами
Персты с огнем, с железными зубами.
Так редко с них нам время говорит.

Века используют обычно карандаш.
Остер графит, и рукописи колки,
Но взять их в наш багаж ... – конечно, блажь.
Всё остается на забаву стёрке!
11.07.1995

* * *

Ценители мои! без вас я не поэт,
Я – просто человек, один из поколения,
Стихи – мое молчанье, размышленье,
С бумаги созерцающие свет.
05.06.1995

* * *

Врезались молнии и множились зарницы,
Что аж глубины мира стали зримы, –
О цифрах споря, налегке, без амуниций,
На лавочке сидели херувимы.
Наверное, придется много хуже,
Когда предметом спора станут души.
24.07.2003

Моромины

Мне прописали моромины
В таблетках, красочных драже.
На койке и у гильотины,
С руки, на ручке и ноже

Их собирают лилипуты –
Уродцы быстрые, с вершок –
Хлопочут, лазают, найдут и
Бросают за спину в мешок.

Одни пить нужно в новолунье,
Другие на ночь, перед сном,
Еще есть, что при поцелуе
Глодают или за столом.

Их принимают от истомы,
От лени, неги и нитья,
От буйной праздности и дрёмы,
Их от чего-то пью и я.

К побочным действиям относят:
Упрямство, черствость, мрачный вид,
Но и от яблок ведь проносит –
Sic! Sine modus nihil fit¹.

16.08.1996

* * *

Так исчезает долго-жданный поезд,
Одних чужих оставив на вокзале,
Чертой конечной подчеркнувши повесть
Каких-то фантастических надежд,
А для того, чтоб не возникла брешь,

Летит мечта за ним туда, где ждали...

21.06.1996

* * *

– Отсыпь песок, стань, Время, зеркалами
И «завтра» отрази!
– Возьми песок, упрись в него рогами
И в неприменность зри:

Ты спустишься в пещеры к гному,
Взовьешься к Солнцу огневому,
Мир облетишь подобно грому
От неба до небес,
И не бывать другому.

– Возьми песок, стань, Время, зеркалами
И «завтра» отрази!

– Отсыпь песок, упрись в него рогами
И в неприменность зри:

Цветы и свет не будут ярче,
У ручки старые задачи,
Помягче стул, рука помягче,
Короче ночь, а день тем паче –
Другого не дано,
И не бывать иначе.

Январь 1997 г.

* * *

Семь тысяч дел и столько же идей,
Его догнать – оставьте и попытки:
Мужчина полон сил везде, ей-ей,
Едва ли кое-где их не в избытке.
Напористость – черта лица, как нос,
Цейтнотность – состояние досуга.
Однако где ж он? До работы кросс
Вот уж бежит, как в двадцать лет – упрugo.
Май 1997 г.

* * *

Д.И. Семенцову

Внимание! Не он студент,
Не перепутайте случайно,
Он просто среди бумажек тайно
Хранит на молодость патент.
Что рост иль сила, тут – харизма!
Тут, может, сам де Бержерак!
Он знает всё: и что, и как...
Владыка дам и магнетизма!

Май 2003 г.

¹ Так! Без меры ничего не бывает – лат.

* * *

(Размышления у окна, под которым
пристройка соседа, а раньше росли вишни)

Ах, если падать из окна,
То лучше бы на ветки вишни –
Пришла бы ангелов волна,
И отошел бы бес как лишний...

Но подо мной отныне крыша
(Пространство выгнулось дугой) –
И не успеет тот, кто свыше,
А ближе будет тот – другой.

11.07.2003

* * *

(От имени молодых мужиков, играющих
во что-то летними днями напролет)

Нам бы место – посидеть –
Наподобие стола,
И мы сможем жизнь терпеть
От утра и до утра.

Нам бы разовый стаканчик
И винца дешевого,
А потом открыть бы «кранчик»,
И мы скажем: «Здорово!»

15.07.2003

* * *

«Но как на свете без любви прожить?» –
Мысль не нова, куплет не свеж,
Ведь можно проще говорить:
«Не поваляешь – не поешь»!
25.01.1996

* * *

Дума –
Сумма –
Ссуда –

Судно –
Горшок.
25.01.1996

* * *

Пустите меня в свой круг,
Я тоже хочу кружить
Без первородных мук
И ни о чем не тужить.
Какая плотность кольца! –
Руки по швам – и только.
Какая яркость венца! –
То холодно мне, то больно.

Нет, здесь блестят очки –
Все в именной оправе –
Знать чтоб: когó – в толчки,
А кто находится вправо.
25.06.1996

* * *

Я ожидал похвал
И ликованья вал,
Надеялся, что встретят Там с громами.
Когда ж пришел Туда,
Молчание и «да-а-а...»
Скользнуло над священными рядами –
Шептались меж собой:
«Что делать, Боже мой,
С такими честными, но явными глупцами?»
19.06.1998

* * *

Моя Ака не рисует,
А колоду карт тасует.
Положила б, Ака, маски
Да взяла бы лучше краски,

В горьком они плаче
 Сохнут, не иначе,
 Съежились в комочек:
 Ни штрихов, ни точек.
 02.02.1996

* * *

Я верю: Бог меня спасет,
 И будет Свет, где буду – воин!
 Он и сейчас меня несет,
 Но жало жаром дух гнетет –
 Сейчас любви я не достоин.
 30.01.1999

* * *

В.Т. Кушникову

Его газетный журналист
 Назвал залитым кровью Барсом.
 Да, был он на руку нечист
 И в дележах стал, видно, асом...
 Но мать мою, не тратя слов,
 Подвез однажды из больницы...
 Порой ласкал дворовых псов...
 И, кстати, не любил лениться.
 Так, что еще о нем... Ну вот,
 Он рядом больше не пройдет.
 27.06.2003

Ответ Семенцову

Сказать приятно: «Всё пустое,
 И лучше было б всё *простое...*», –
 Коль душу греют жизни вехи.
 А если зачеркнуть успехи
 И жизнь без них начать сначала... –
 Одной рыбалки будет мало.
 10.07.2007

*Ответ Т. Мельник на поздравительное
 стихотворение (в честь дня
 рождения), присланное на E-mail*

Благодарю, стихи свежи, отменны
 И одарить способны сразу двух.
 Мои же все плоды, похоже, бренны –
 Жужжу как двадцать семь июльских мух.
 Поэтому стихи не откровенны,
 Ведь их никто не произнес мне вслух,
 А кинули на электронный ЯЩИК,
 Который дня рождения образчик.
 27.07.2007

Гимн городу

В краю, где две реки (Свияга с Волгой)
 Свои соединили берега,
 Поднялся город и через века
 Идёт вперёд своей дорогой гордой!

Наш дух высок и ставим цель не близко,
 Мы – дети все Ульяновска-Симбирска!

Принявши пост суровый, от заставы
 Ты вырос для людей в прекрасный дом.
 Ты укрепляешь верой и трудом
 И на земле, и в небе мощь державы!

Заводы, стройки, университеты...
 Мы воплотим отцовские заветы!

Родимый город, ты – России крепость.
 Поэтов дух, истории ветра
 В тебе живут. И не пройдёт пора
 Свершений всех, тебе хранящих верность!

Наш дух высок и ставим цель не близко,
 Мы все – сыны и дочери Симбирска!
 29.04.2008

ПОСВЯЩЕНИЯ

Анатолий Шутый

Зинаиде Сергеевне Гуновой

Голубиной стайке,
Уносящей тучи,
Новости и байки
Отдающей в куче,
Ветру на лужайке,
Оске, сказке, сайке
И везде хозяйке.

С.А. Афанасьеву

Бредущему рядом по миру земному
Учителю моему, Афанасьеву (Астроному).
Вот только судите не очень строго
Родившегося под созвездием Носорога.

В.В. Светухину

Идущему прямо к научной славе
Светухину Славе.

Т.А. Бельих

Той,
Для которой приветливость стала чертой,
Не знающей выражений хмурых и злых –
Татьяне Бельих.

Дмитрию Санникову

Соратнику по науке,
Брату по вере,
Не знал чтоб скуки,
Не закрывал к себе двери

И был приветливым к людям –
Ведь все Там будем.

В.М. Журавлёву

Решиться бы нам – ведь все странники –
И пойти сквозь Вселенной дрёму...
Но мы приверженцы нелинейной
динамики.

От А.М. Шутого В.М. Журавлёву.

О.Н. Гадомскому

Ушедшему в глубь поверхности,
Ступеней, границ, раздела
Мастеру в нашей брэнности,
Волшебнику твёрдого тела.

Игорю Кожемякину

Знать, тоже «носорогу» –
Заметно по шагам –
Компьютерному богу
И ангелу программ.

Игорю Золотовскому

Между газом и солитоном
Всякое дело летит с разгоном
И хочет сказать: «Выгорю!»
Золотовскому Игорю
От автора книги с поклоном.

Олегу Гекторову
 Впустившему в печень музы поэзии жало
 И потому давно уже пленнику идеала.

Бабушке и тете Зое Мавренковой
 На счастье (подковой)
 Или вместо пряника
 Зое Мавренковой
 От племянника.
 И бабушке
 (Ладушки?).

А.А. Семёнову
 Наша жизнь и так ведь мала,
 И для рефлексий есть зеркала,
 А для зеркал – камень ...
 Аминь!
 С наилучшими пожеланиями!

Д.И. Семенцову
 На дорогах, где рыщут бумажные клерки,
 Не только шефу – поводырю –
 Вот это – не требующее проверки –
 Дарю.

М.С. Явтушенко
 Белой леди быстрых ладей,
 Прекраснейшей производной кости Адамовой,
 Королеве будущих научных идей –
 Марине Сергевне, пока Адамовой.

Анатолию Михайловичу Орлову
 Уважаемому Орлову:
 И физику, и поэту, к слову,

С лучшей комбинацией имя-отчество
 От сотрудника словесного зодчества.

*С.В. Булярскому, давшему «паруса»
 автору книги*
 Чтобы уйти вперед к далеким странам,
 Даются Богом ветры с океаном,
 Но на земле не часты чудеса,
 И кто-то должен ставить паруса.

Светлане Елисейевой
 Мы очень похожи: ждем чистого света,
 А солнца с Востока – тем более,
 Поэтому имя – как слово Завета,
 Поэтому в память и книжица эта
 Светлане от Анатолия.

Татьяне Василевской
 Подобны ль мои чувства кораблю?
 По слову ангелов я в неге не парю.
 Но все же бродит дух среди «развалин».
 Вот потому-то книгу и дарю
 Одной из тех, от коих я избавлен.

Денису Чистякову
 Студенту со знаниями профессора,
 С кем автор разговаривал откуда-то снизу.
 Есть ли у тебя пята ахиллесова?
 С наилучшими пожеланиями Чистякову
 Денису.

Э.Т. Шипатову
 Не над нами шахматные законы!
 Не дающему место положению патову
 Эдуарду Трифоновичу Шипатову
 От Шутого книга стихов и поклоны.

Игорю Калинину от А.М. Безрогова

Здесь новые и мощные машины,
Без коих вам не одолеть вершины,
И старые восстанут, словно феникс –
На то есть «Электроника и Сервис».
Все мои бесконечные «я» –
Однорогие и безрогие –
Приветствуют тебя, говоря:
«Виват мастеру психологии!»

Татьяне Мельник

Бывают пары в узах брачных,
В местах, не дай мне, Боже, злчных,
На танцах, в цирке (в выкрутасах) ...
Бывают пары на пегасах.

Сергею Кочеткову

(барду и зубному технику),

делающему мою плоть всё более железной

Не смог бы я писать стихов
Без рук, мозгов и... без зубов.
Быстрей бы и другое стало
Во мне как зубы – из металла!

Леониду Чиркину

Наверное, когда-то мы с тобой
Бродили вместе по саванне влажной,
И за грехи под желтою звездой
Нам путь земной пройти сказали дважды.

Леониду Чиркину, патологоанатому

На Земле, среди искушений вечных,
Будь живее не только своих подопечных.

Леониду Чиркину

Себя (только малую толику),
Помня о краткости земного момента,
Своему, говорят, поклоннику
От будущего, возможно, клиента.

Сан Санычу Четвёркину

Листы разворачиваются из клубков
И кажется, что целый мир мне снится ...
От одной руки короля завитков,
От одной ручки квадратов принца.

Елене Фроловой

Хорошо, что все меняется
И, в конечном счете, к лучшему,
А что было, пусть читается –
Пригодится, может, существу.

Марии Каргиной

Себя в отрезке времени
Мы собираем крохами,
А кто-то встал над звеньями
Как мост между эпохами.

С.Д. Полякову

Не всякое среднее – золото:
«Плюс», «минус» – и «ноль» от тысяч:
Нет больше тепла и холода,
Ни пуха нет и ни молота,
И тряпкой искру не высечь.

Ансамблю «Светлицы»

Пусть даже ночь вам дарит блеск зарниц
И спектра солнца будет свет у лиц.

Юлии Захарчевой

Я помню, ты дружила с музами,
Причем, литературы всей,
Так дорожи такими узами,
Не забывай своих друзей.

*Пернатому
(Сергею Жирнову)*

Когда в пути порвались сухожилья
И наземь дух упал бумагой смятой,
Свои мне одолжил большие крылья
Один скиталец братии пернатой –
В страну за горизонтом, не робея,
Он шёл и шёл под именем Сергея.

Синягину

И кто б сказал о будущем моменте
(Сокрыты строчки жизни в толще тома)
Ученому, теперь при президенте,
А были ведь из одного мы дома.

М.Ю. Субиной

Пусть будет начало судьбы иной,
Никто на земле пусть не судит тебя,
Захочешь покоя – пусть будет покой,
Захочешь огня – пусть дадут огня.

*Игорю Коршунову, троюродному –
почти родному – брату*

Живи и хватит строиться,
Иначе всё обвалится!
Кто слишком много роется,
К себе не докопается.

Владимиру Ефимову

Если б нам да за столом
Всё послать куда подальше,
Сколько бы слетело фальши
И всего пошло б на слом!

Дмитрию Анатольевичу Юдину

В коллекции моей из тысяч книг
Затеряна, как минимум, одна.
Ищу ее, уж даже духом сник, –
Она с инициалами «Д.А.».

Рафису Рамазанову

Мой корабль, пещера, бастион
В окружении, недружественно голом,
Скорлупа до срока и мой трон –
Что иные называют домом.
Все это я от потолка до низа
Рукам доверил мастера Рафиса.

о. Николаю

Среди мирского грохота и лая
Вам слышать глас святого Николая.
Пусть он поможет духом воспарить,
Научит чудеса другим дарить.

Марине Василенко

Где нам бродить по Свету Белу,
Зачем *то с этим* и доколь?
Есть человек и путь, и роль...
Всё хорошо, всё будет к делу.

Александру Корневу

Чтоб слышал звук далеких барабанов
И исторических сражений гул,

Чтоб смастерил модели океанов,
Но только чтобы в них не утонул,
И общество не забывал чтоб наше,
Дарю се Корневу, в простонародье
Саше.

Татьяне Мельник

Дарю не томному Нарциссу,
Не Лилии, застывшей в позе,
Не тем, кто вьется по карнизу –
Дарю я книгу Белой Розе.

Г.Г. Коробельниковой

Где хочет, там и дышит Дух Святой,
А тени преломляет Неба призма,
Вот и растут цветы и под плитой,
И даже за оградой атеизма.

Е.В. Кувшинниковой

Есть рецепт: если где-то опять болит
Или что-нибудь со стихом,
Посиди у крестной – она напоит
Словом, будто бы молоком.

Сергею Казакову

Времени маятники как жернова
Перемальвают наши боли,
И эта печать, как и та, – не нова,
Только никак не пройдут мозоли.

Борису Блохину

Приручившему упругую струну
(Маленькой в его руках гитары),

Чтоб «знакомый» превратился в «старину»,
Чувства же к друзьям не стали стары,
Эта книга – Б.Б. Блохину.

Елене Токарчук

На время и вопросы бытия
Не нужно ждать какого-то ответа.
Зарницы загораются, звеня,
Вращаясь, нас баюкает планета ...
Лишь мысленно, дыханьем помолись –
Мы попросту еще не родились.

В.П. Бондиной

Здоровья изобарического,
Энергии, в голосе меди
Учившей шагать нас по этой тверди
Королеве Педагогического
И всегда настоящей леди.

Марии Шакун

За миллион восходов лун
Другой Цветаевой не станет.
Пусть так, но в Лету да не канет
Ни вихрь, ни жар, ни пенье струн,
Ведь будет первая Шакун!

Игорю Коршунову

Коршуну всяческих неотвратимых
инспекций,
Трогательному и отцу, и мужу,
Близкому мне от аккуратности до
коллекций,
Чтобы поддерживал старую дружбу.

Светлане Мавренковой

Минуя – по тоннелям – горы бедствий
И скудные поля долины в прозе,
Я начал путь на синем паровозе,
Который подарили в раннем детстве.

Татьяне Мавренковой

Любое слово будет здесь напрасным...
Шлю Тане книгу поездом я скорым –
Одной из тех, благодаря которым
Мы называем слабый пол прекрасным!

Ирине Родионовой

Пусть в доме будет чаще место розам!
Той, что в душе – горячая Кармен
И львица, только добрая, по звездам –
Дарю почти сестре своей – Ирэн.

*Евдокии Ивановне Одарченко,
первой моей учительнице*

Куда идем мы? К Солнцу понемножку.
Не трудно ли? Пока шаги легки –
Нам детство собирало рюкзаки
И снаряжало, будто понарошку.

А.Е. Потаниной

Давайте бросим взгляд наш с высоты
На этот мир, в истоке обреченный,
Пускай войдет он в монолит бетонный,
Пускай вратет в шумящие сады,
Пускай водой дрожит, о нем скорбя,
Тогда поднимем, может быть, себя.

Г.А. Углёвой

Чтобы от этой книги не долго было
до новой,
Дарю ее с благодарностью Г.А. Углёвой.

В. Д. Мироновой

Напрасно я штудировал странички –
Все справочники выбросить пора –
В них не нашел я формулы добра,
Открывшейся моей математичке.

Евгению Белянину

Стихи, стоящие на полке взаперти,
Что люди, закрывающие лица,
Им лучше в путешествие уйти...
Пусть хоть одна под звуки струн умчится.

Е. А. Яговкиной

Нести свой крест на гору – самому.
Вот шаг, еще... – и день, и новый прожит,
Ведь, слава Богу, так же, как Ему,
Встречаются в пути те, кто поможет.

Михаилу Чугунову

Не устроит тебя TV –
И этого будет мало.
Цветок с Олимпа давай сорви –
Где наша не пропадала.
Ведь даже в голосе чувствуешь силу,
А в фамилии слышишь вес!
Чтоб из друзей никогда не исчез,
Чугунову книгу дарю Михаилу.

Владимиру Петровичу Тюкину

Тому, кто у себя решил хранить
Юдоли мира лучшие сплетенья –
Коллекцию земного вдохновенья,
И дай ей Бог столетья пережить.
Надеюсь я, что в ней и эта книга,
Укрывшись, избежит атаки мига.

Леониду Гарустовичу – моему кузену

Не зайцы осторожные –
Мы на сто лет подкованы,
А в шаге мало сложного:
Не нужно прыгать в стороны,
Шарахаясь от должного.

Олегу Иванову

Через пятого знакомы
Люди шарика земного,
Все, любого сорта,
От Тайбея и до Порто
Или до Парижа.
Для меня предел завышен –
Я же знаю Иванова.

Владимиру Ефимову

Есть такой на вещи взгляд:
Факты форточкой проветрить
И улыбкою проверить
Мимоходом всё подряд –
Ослабеет мира власть:
Взгляд такой ему не в масть.

Игорю Коришину

Кирпичная кладка –
Орнамент классический,
Решенье порядка –
Шов изоромбический,
Уют по эскизу,
На вытяжке лампочки,
Окрашено снизу...
В прихожей есть тапочки.

*Ответ на критику книги
друга Санникова*

По-своёму всяк землю роет,
При том свое имеет мнение
И направление, и разгон,
Но только вот нигде не стоит –
Ни в слухе и ни в разуменье –
Себя держать за эталон.

Игорю Калинину

Познавшему дүши до печенок, до ребухи
И потому всюду гнущему свою линию,
Пред кем все начальники с чиновниками
мелкí –

Игорю Калинину.

В. П. Тюкину

К сожалению, пока
Из сонетов нет венка,
Хоть о землю шапкой.
Потому, не пряча фиги,
Высылаю (к первой книге)
Вам стихи охапкой.

Кому-то из компании Елены Токарчук
 Люблю из транспорта, прильнув плечом к
 оконцу,

Взирать на незнакомые края;
 И книгу дать мне, честно говоря,
 Приятнее, конечно, незнакомцу.

Елене Токарчук

Струят ключи из глубины – земные соки.
 Но все ли реки встретят океан?
 Не каждый будет призван, хоть и зван, –
 Не ошибиться, главное, в истоке.

Библиотеке Санкт-Петербурга

Нет, не в ответ писательскому зуду,
 А как подобье малого рожденья,
 Я шлю стихи – частицы слуха, зренья...
 В те города и годы, где не буду.

Библиотеке Санкт-Петербурга

Описывать ли мне в который раз зарю,
 Сколь чьи-то там шаги, как водится, легки?..
 Когда мне есть, о чем сказать, – я говорю,
 Когда мне есть, о чем молчать, – пишу стихи.

В библиотеку

Когда вырастет кокон, что в красном шелке,
 Пусть останется это на книжной полке.

Н.И. Яценко

Летать, писать, идти в моря и горы –
 Даются роли вспышками зари;
 Бывает, назначаются дублеры.

Приятно книгу, что ни говори,
 Дарить дублеру Сент-Экзюпери!

Л.К. Никитиной

Всё, что на свет идет из-под пера
 На мой листок, иметь должно до срока
 Со мной одну систему кровотока,
 И вот уже могу сказать: «Пора!»
 Я оживил слов и созвучий глину,
 Но как мне перерезать пуповину?
 Пускай же роды примут мастера.
 У каждого свои плоды растут,
 Но хочется, чтоб этот труд был нужен,
 И потому свое несу на суд
 Я мастеру сверкающих жемчужин.

Ольге Сидорович

Господь идет, Он здесь и там,
 Волна рождается шагами,
 Пространство всё к Его ногам... –
 И Вы не прячьтесь за стенами.

Сергею Мавренкову, моему кузену

Страна за окнами, не что-то,
 И в дом вхожу не как в нору!
 «Держава!» – крикнуть мне охота,
 Ведь наши люди есть и в ГРУ!

*Леониду Гарустовичу,
 моему беловежскому кузену*

Не хиппи ты и не монах,
 А вечно нечто третье.
 Таких и нет в моих местах,
 А в заповеданных лесах –
 Лишь особь на столетье!

Е.А. Яговкиной
Пускай стихи не скроют сути,
Ведь строчки – рельсы, а не прутья;
Они не бревна частокола,
Но как одежда – мысль не гола.
А всё постигнуть с чувством, с толком –
Что струйки разложить по полкам.

*Галине Грачёвой, представителю
различных организаций и обществ*

В краю, где ветры всех сторон,
А значит, вздохи неба близко,
Поэзии быть должен трон,
Столица, строк аэродром... –
Стихи – сознание Симбирска!

В библиотеку

Я здесь узнал, сколь образы бездонны,
И расходились рифмы, словно волны,
Я здесь вошел в поэзии фарватер.
Дарю библиотеке альма-матер!

Вячеславу Евдокимову

Из древних ты Афин пришел,
Пришел из Римского сената,
И новгородская палата
Тебе поставила бы стол,
А вот у нас, увы, пока
Не подошел к своей трибуне,
И тянутся годами будни
Философа и чудака.

Диме Горячеву от Толи Шутого

Что нам пространство – право, ерунда!
Останемся приятелями старыми,

Ведь были телефонов провода
Меж этажами в прошлые года,
Теперь же телефоны – между странами.

Галине Морозовой

Острой от глаз до волосика,
С жаром, струящим по фибрам,
Как будто родина – Корсика,
И говорящей верлибром
Или же хокку, но точно, не прозою –
Галине дарю Морозовой!

Супругам Гинжул

Из *нашего* что может быть на Шаре,
Небытия не знающего груз, –
Что не сгорит в космическом пожаре?
Пожалуй, нити человечьих уз.
Дарю я книгу их творящей паре.

Джемме Фёдоровне Ясоновой

Немало холода вокруг –
Живем мы как под инеем,
А нужно биться за досуг,
За каждый жест, за каждый звук
И жить не как влача недуг,
А с добрым теплым именем.

В.П. Тюкину, даря книгу «Имя»

Судьба ли скрыта в очертанье знака,
Иль роли случаем даются словно «лоты»:
Бывают гамлеты, бывают дон кихоты,
А я несу печать де Бержерака.

Динаре
 В руках ремень не сумки, а кочлана,
 И философию – мужскую цель –
 Поймает хоть за сто земель
 Динара, то есть нет, Диана.

Дарю се брату, может быть, по крови,
 А может, лишь в веках однофамильцу.
 Но так или иначе – все равно,
 Поклоны шлю другому Сирано.

Зубному врачу

Есть доктора, с кем трудно говорить:
 На нечленораздельное мычанье
 Мне отвечают свисты да рычанье,
 Что остается? Книжку подарить.

Н.К. Шутóй
 Во многих специальностях спецú,
 В беседе с кем поблекнет кто угодно,
 Кому лишь постепенность не к лицу
 (Пускай трепещут классики литфонда!),
 Той, что искриться может и в рутине, –
 Моей неподражаемой кухне!

Елене Токарчук

По отношению к стихам,
 Что к жизни – бытия мистерии,
 Все разновесы – сущий хлам:
 Сбоят оценки и критерии.

Н.И. Яценко
 Мы обрели бы свет иного зренья
 И разглядели множество планет,
 А принц одной нам дал бы свой совет,
 Когда б открылась память до рожденья.

А.Н. Нецветаеву

Мой город – мой соавтор снов, мечты ...
 Давала духу взлет его аллея,
 А я дарю стихи, чуть-чуть робея,
 Тому, кто создавал его черты.

Н.И. Яценко
 Не веря в говорящие цветы,
 Как и в реальность Маленького принца,
 Мы не покинем мира пустоты
 И не устанем за фантомы биться.

Марине, но не Евиной, а Адамовой

Прекрасным дочкам Евы я не брат.
 Которую из вас в душе б оставил,
 Не став потом печальней во сто крат?
 О женщины! я вам не адвокат!
 Всем, всем ... Но констатировать я рад:
 Бывают исключения из правил!

Н.И. Яценко
 У Маленького принца быть должны
 Не только жители, пусть маленькой,
 планеты,

Д.И. Семенцову

Да, мы открыли новую страницу,
 Но прошлое струится рифмой в слове ...

Но и солдаты – рыцари страны,
 Что принцу и доньине служат где-то.
 Один из них горел в огне войны,
 Другому, с кем знаком я, – книга эта.

*Раисе Ивановне Мальковой, вошедшей
в мое детство доброй учительницей*

Есть легче сновидений детства образ,
С пером от крыльев ангела он в паре,
Когда мы с ним, то даже при пожаре
Не потеряем с головы и волос:
Поднимемся как на воздушном шаре.

*Р.И. Мальковой, моей учительнице
по русскому языку и литературе*

По прошлому не зная ностальгии,
Желая поскорее новых дней,
Я сохраняю всё, что мне дарили,
И помню всех своих учителей.

*Игорю и Ирине Коршуновым от ...
Сирано*

Ищи поэзию в простом.
Чтоб суета не съела Дом,
И всё не подытожил холмик,
Писать не нужно многотомник –
Мечтай об этом и о том!

Ирине Богатыревой

В «глуши» мы Богом не забыты –
К стихам здесь каждый третий зван.
И Вы, вращаясь средь элиты
(Где всё столичные пииты),
Не забывайте симбирян!

А.И. Смирнову

Вы научили спору с целой ратью,
На собственные силы сделав ставки.

Но как такое подтвердить печатью?
Путь эта книга будет вместо справки!

Олегу Киселеву

Когда забудутся слова
И вечной сути булава
Разрушит наши категории,
Что вознесет в долины Горние,
Там рассказав про все века?
Наверно, музыки река.

А сборник, что держу в руке,
Дарю гребцу на той реке.

Борису Тюнькову

Справляемся или пусты
Журналов вахтенных листы –
Не плаванье, а сплав по свету.
Но всё же есть и я, и ты,
И будем строить мы мосты:
Пускай ничто не канет в Лету!

В.Н. Козлову

Когда профессия во взгляде,
Найти любого нет труда.
Нигде не скрыться, даже в Раде –
Настигнет и через года
Друзей всех соберет без слов
Наш старомайнский Козлов.

*Светлане Смирновой
от троюродного брата*

Все люди через пятого знакомы,
А родственник, наверно, каждый третий:
Во все края людей разносит ветер

И рек течение – таковы законы.
Истоков мало на счету веков,
И если вышел кто не из Египта
И не в Орде его зерно сокрыто,
То он наверняка из казаков!

Владимиру Кочеткову

Что есть великое? Не знаем:
Все перепутаны веса,
Ведь даже может ось Земная
Равняться спице колеса!

Владиславу Акатову, прокурору

Взирая на одну «изнанку»,
Не обобщай всё, между делом.
Пусть даже мир попал в болтанку,

Чадит углем, крошится мелом –
Везде есть свет на Свете белом.

*Сотрудникам ИД «Караван»:
Ольге Знахарчук, Галине Серовой,
Анастасии Гордок и Юлии Турутиной,
чью помощь в издании книги
«По циферблату...» трудно переоценить*

**Как можно сохранить плоды ума,
А после преумножить их, размножив,
Распространив повсюду, где возможно,
Автографом скрепленные тома?
Всем, кто не знает это, нужен план,
Азы же, словно дважды два, несложны:
Найди дорогу прямо в «КАРАВАН».**

Май 2006 г. – 26 июля 2010 г.

ИМЯ

Анатолий Шутый, Татьяна Мельник

(SMS-поэма)¹

Анатолий Шутый

17:00; 12.06.2006

Существо ли то живое
Раздвоилось пополам,
Или это сразу двое
Предстают в единстве нам?
(Гёте)

14:20; 13.06.2006

Как благозвучная цикада
Среди толпы людской летаешь.
С тобой кто надо и не надо,
А вот друзей своих не знаешь.

Татьяна Мельник

16:55; 13.06.2006

Себя скрывает только тот,
Кто честных игр не признает.
Друзья имен своих не прячут.
А Вы считаете иначе?

Анатолий

20:03; 13.06.2006

Прошли мы не одну уж милю –
Пора б друзей узнать по стилю!

Татьяна

20:19; 13.06.2006

Друзья? Враги? Не жду подсказки.
Вокруг меня одни лишь маски.
Пусть тайну мне раскрыть не сложно –
Оскорблена игрой и ложью.

Анатолий

20:32; 13.06.2006

Вот это гнев! Признаться, ново.
Зачем же, право, так сурово?
Раскрасим словно маски сутки –
Пусть будут и игра, и шутки!

Татьяна

22:47; 13.06.2006

Пусть скрыты имя, званье, суть,
Ну назовитесь как-нибудь.
Чтоб диалог мог продолжаться,
К Вам надо как-то обращаться.

Анатолий

13:34; 14.06.2006

Волнуя океан эфира,
Вы, кажется, хотели знать,
Кем я брожу по тропам мира,
Как, говоря короче, звать.

¹ Уважаемые читатели, не будьте слишком строги, ведь перед вами неизменный текст реальной SMS-переписки. Вышло так, что я отправил SMS Татьяне Мельник, не называя себя, она не узнала меня, т.к. номер телефона был новый, – началась переписка... – А.Ш.

Сейчас не помню, а давно
Под окнами прекрасной дамы
Иль, может, на страницах драмы
Меня назвали Сирано.

*Расскажем в скобках мы о Сирано:
Известный человек и образ, но
Его не помнят многие, что странно,
Ведь мы о нем читаем у Ростана.
Он был поэт, философ и солдат,
Но только с носом длинным, как у Данте,
И та, которой жизнь отдать бы рад,
Влюбилась как-то в молодого франта;
Ведь сочинял все письма за него
Для этой дамы втайне Сирано –
Писал стихи и отдавал другому...
Потом тот был убит, но, верный слову, –
О племя современное, поверьте –
Не выдал тайну Сирано до смерти.*

Татьяна

14:02; 14.06.2006
Когда б друзьями просто звались,
Вы так бы долго не скрывались,
Но Ваша речь полна огня,
Уж не влюбились ли в меня?

Анатолий

14:18; 14.06.2006
Сокрыты чувства вдалеке
И зыбки, словно горы пуха,
Идти приятней налегке
Что есть любовь? Томленье духа.

Татьяна

14:32; 14.06.2006
Я Вам, конечно, верю но...
Нет, все же Вы не Сирано.

Когда бы Сирано Вы звались,
То Вы любви бы не боялись.

Анатолий

17:39; 14.06.2006
Да, о печальном Сирано
Вы плохо знаете страницы.
Но это только лишь одно:
Ведь время вяжет, быстры спицы –
Узор не повторить рукой...
И я с тех пор уже другой.

17:54; 14.06.2006
А впрочем, много недосказок,
Чтоб дополненья взять из сказок.

Татьяна

17:55; 14.06.2006
Да, в наше время суеты и бед
Не модны плащ, дуэль, перчатка, шпага...
Был Сирано, а ныне кто? Поэт?
Романтик? Музыкант? Актер? Бродяга?

Анатолий

18:02; 14.06.2006
Ушел вопрос, что прежде задан:
Попали в точку – я разгадан.

Татьяна

18:33; 14.06.2006
Увы, я проиграла бой –
Назвать мне Ваше имя сложно,
Вы рядом не один такой...
Но важно ль имя? Имя ложно.
Я знаю тайну поважней
И Вам открыть ее не трушу,
Ведь сами Вы признались в ней –
Вы мне свою открыли душу.

Анатолий

18:41; 14.06.2006

Ее Вы знали много лет,
Ведь я Ваш друг... Молчу – обет.

20:00; 14.06.2006

Не чтоб увязнуть снова в споре
О нашем прошлом разговоре:
Раскрыл ли душу я – не знаю.
Она и море, и исток,
Напор, полет и бег по краю,
И только каплей – пара строк,
Но в этой капле как секрет:
Того, что перечислил, след.

Татьяна

06:45; 15.06.2006

Ломать мозги, носить в груди,
Искать разгадку – сущность Тани.
Но любопытство ль победит?
Иль жгучее желанье тайны?

Анатолий

11:19; 15.06.2006

Похожих, говорите, много
Стоит у Вашего порога...
Хочу одежду короля
И легионы полководца,
А то без них при свете солнца
Для Вас, увь, прозрачен я.

А вот в чем соль:

Вокруг Вас принцы,
Но, как не лгут парча и ситцы,
Вы – королева, я ж – король.

Смеяться мне бы, веселиться,
Закрывши за стихами лица,

Но что-то полнится печаль:
Меня Вы не узнали – жаль.
Мы странно перешли на «Вы»,
А, впрочем, снова Вы правы.

Татьяна

15:35; 15.06.2006

Все уже претендентов круг.
Мне кажется, почти что знаю.
Но снова сердце закрываю:
Прервется переписка вдруг?
Боюсь не разочарованья,
Боюсь, что тайна упорхнет
И вся загадочность уйдет
У этой сказки без названья.
И все же так я знать хочу,
Ну кто же Вы, мой друг печальный?
Подсказок много изначально...
Сдаюсь на милость палачу...

Анатолий

16:28; 15.06.2006

Давно в процессе переписки
Узнал я вдруг, себя вина,
Что мы далёки, хоть и близки –
Вы не узнаете меня,
Пусть даже имя прозвучит.
Ну что оно теперь дополнит,
Когда меня уже не помнят?
Оно всего десяток бит...
Нам нужно, видимо, присниться,
И сказка там еще продлится.

16:40; 15.06.2006

Не сочиняю, не юлю –
Когда придется мне признаться,
Готов под всем я подписаться –
Ничто не сменит суть мою.

Татьяна

17:02; 15.06.2006

Жестоко шутите со мною.
 Мне очень больно, я не скрою.
 Вам ран моих не перечесать.
 Хотите стать больною самой?
 Неужто делает Вам честь
 Насмешка колкая над дамой?

Анатолий

17:51; 15.06.2006

А Вы опять не постоянны:
 То «тайна», то «обман», то «боль»
 От «причиняемой мной раны» –
 Мне не известен Ваш пароль.
 Не узнаю я – вот здесь обида!
 Но я забыть ее готов
 И Вам, поверьте, не для вида
 Дарить еще сто тысяч слов.
 Оставляю только лишь одно.
 Да так ли важно уж оно?

Татьяна

18:49; 15.06.2006

Непостоянна? Да, конечно.
 Я женщина, и в этом соль.
 Я любопытна, не безгрешна...
 Но дальше я забыла роль...
 Так подскажите же, король.

Анатолий

19:07; 15.06.2006

Боюсь, мне Вас не уберечь
 От «правды» – серых будней взрыва.
 Правдива внутренняя речь,
 А правда будничная лжива.

Татьяна

07:54; 16.06.2006

Да, будней хмарь меня убьет:
 На счете денег слишком мало,
 Чтоб переписку продолжала.
 Король с недельку подождет,
 Пока смогу пополнить счет?

Анатолий

08:17; 16.06.2006

Мне жаль, что деньги я краду
 И нужно нам проститься раньше
 (Приятны мне свиданья наши) –
 Через неделю я уйду.

11:17; 16.06.2006

Пусть мало денег – много тем.
 Их получать ведь нет проблем?
 В разнообразье разговора,
 Но, верьте, не пустого вздора
 Скажу о Вас: Вы... не грешна –
 Чиста, сочувственна, наивна,
 Игрива, в глубине ж одна
 (Отнюдь не Ваша в том вина),
 Вы – тайно плачущая ива.
 Согласны, нет, тогда вот так:
 Вы парус, Вы же и маяк,
 Пустыне – море, морю – суша...
 Вы Таня, Танечка, Танюша...
 Вам мало дарят теплоты.
 Пускай приносят хоть цветы.

12:37; 16.06.2006

Как часто были Вы с другими.
 Так будет, знаю я, и дальше,
 Но сохранятся словно ИМЯ

Вот эти строчки – только наши ...
Я что-то говорю не то –
Не Дон Жуан я – Сирано.

Когда пройдет чудесный сон
И вместо звука телефона
Проявит голос глупый тон,
Что скажет (если скажет) донна?
Когда конец наступит тайне,
Что я скажу прекрасной даме?

Прощаюсь я – все дни не длинны.
Вы будьте радостны и милы
И, пробуя хинин судьбины
Иль жизни сладкое вино,
Вы вспоминайте Сирано

P.S.

Анатолий

12:40; 16.06.2006
Роман наш был, увы, не длинный,
Звони теперь хоть на мобильный!

Далее последовали разоблачения и объяснения.

Татьяна

12:54; 16.06.2006
О Сирано, о мой король!
Таланту шлю аплодисменты
И выражаю комплименты!
Сыграли гениально роль!

Анатолий

13:17; 16.06.2006
«Сыграл» – Вы истинная дама!
И очень скоры для обид...

«Прожи́л», душою образ свит,
И не солгал нигде ни грана!

Татьяна

16:01; 16.06.2006
Откуда вдруг опять печаль?
Мы тайну так раскрыть хотели.
И вот своей достигли цели.
Мой Сирано, а Вам не жаль?

Анатолий

18:07; 16.06.2006
Ну что еще печальней может стать,
Как мне с такою спутницей расстаться...

*Однако, уважаемые господа,
обратите внимание, точка
в заключительном SMS не вместились...*

Татьяна

09:42; 17.06.2006
О Сирано, не торопись,
Ведь жизнь она всего лишь жизнь.
И писем – мне не возражать! –
Пусть редких, все же буду ждать!

Анатолий

10:04; 17.06.2006
Жизнь не одна в объятых рук.
Еще скажу: «Вы знайте... верьте...»
А музыка моя вокруг.
Мои ж слова уносит ветер...

Татьяна

10:13; 17.06.2006
Сквозь сотни жизней суждено
Мне помнить Вас, мой Сирано...

Анатолий

10:19; 17.06.2006

Не буду с Вами долго спорить,
Но отчего же только помнить?!

P.P.S.

*Не все вошло в сие издание:
Потом бывали и посланья,
И разговоры не для всех...
Кто мог сказать об этом раньше?
Кто видит то, что будет дальше?
У древа жизни много вех.*

Анатолий

16:00; 24.06.2006

Без пряностей ничто не в радость,
И естество берет свое:
Когда во рту одна лишь сладость,
Охота выплюнуть ее!

А без нужды и слово киснет –
Поэзия не консервант.
Зачем же морщиться от писем.
Де Бержерака не возвысит
Быть сторожем... Есть вариант?

Покуда кровь моя свежа,
Меня зовет иная местность –
Я отправляюсь в неизвестность...
Мои поклоны, госпожа.

*Вот и простился Сирано
С прекрасной дамой... Как в кино.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6	«Мой уход в неизвестность не будет заметен...»	18
КВИНТА		«Огибающая валуны...»	18
<i>Анатолий Шутый</i>	7	«Не верьте моим слезам...»	19
Мой – особенный счёт	9	«Стихи – иначе не могу...»	19
Крест мой	11	«Синеокая моя Даль...»	19
Черта	11	А мы написаны на тысячах страницах	21
«Ночь уже фиолетовым цветом...»	12	Любимой	22
«Я отхожу от мира в Чистоту...»	12	«О светлая Господня Благодать...»	23
«Грядущее, поверьте, братья...»	13	«Три имени – три заглавья...»	23
«Полеты во сне...»	13	«Веки снежные...»	23
«Испаряется Земля в небеса...»	13	Бегущая по волнам	23
«В вечернем воздухе растворено вчера...»	13	«Будет как было вчера и давно...»	24
«Не вскрыты вены, и грудь цела...»	14	«Есть удивительный отказ у женщины иной...»	24
«Увидев свет впервые ...»	14	«Увы, смертельный принят яд...»	24
«Латы впору...»	14	«Под гнетом выросшего вала...»	24
Другу	14	«Тебя я увидел во снах...»	25
«Рука ведет по письмам...»	14	Глоток воды	25
«Уже не я – всё делает другой...»	15	«Стихи, учения, трактаты...»	25
«Пусть, превращая вены в корни ...»	15	«– А что сейчас там, за окном...»	26
«Вселенная покинула меня...»	15	«На ощупь, наугад в ночи я...»	26
«Я хотел бы рассказать...»	15	«Дорога в стороне от шумных трасс...» ...	26
«– Весельем комната полна...»	16	«Опадают лепестки...»	27
«Меня по мирам разнесет...»	16	«Не слетит <i>Жар-птица</i> – слово...»	27
«Я подаренный мир положил у окна...»	16	Баллада об Оловянном Солдатике	27
«Скажите, что я не король...»	16	«На Юпитере вспышки...»	28
«Притяженье – мать моего полета...»	17	«Мне бы сейчас устоять на ветру...»	29
«Когда б я знал, в чем был неправ...»	17	«Унесите боль мою, дайте мне снотворное...»	29
«Металлический вкус во рту...»	17		
«Не от удара, не от пореза...»	18		
«Мы поэты железного века...»	18		

«Никогда для меня ты не станешь чужой...»	29	«Вспыхнул воздух, пробитый	
«С глаз долой – из сердца вон...»	29	стрелой...»	45
По стихотворению Э. По «Ворон»	30	«Душно во чреве, иссякли соки...»	46
Свеча	31	Птицы феникс	46
Сестре Аке	31	Два библейских древа	47
«Я излечился от любви...»	32	«Нам не будет числа...»	47
«Кому-то волной...»	32	Колокол оглушающий	48
Бумажные двери	32	Бессмертие	48
Между тьмою и светом	33	«Затаили дыхание...»	48
Жизнь	35	«С вами успех...»	49
Тени	35	«Закованные в оголенность...»	49
Смерть	36	Купол	49
«На каждой указующей доске...»	36	Игра	49
К временам Антихриста	37	Им (демонам)–1	50
Крепость из человеческого тела	38	Им (демонам)–2	50
Рождение мира	38	Им (демонам)–3	51
Начало	40	«Объясните мне, как спины...»	51
«От мест, где духу не дерзнуть...»	40	«Не нужно ходить за сто верст...»	51
«Мир Грядущий – день без ночи...»	40	«Из-за дальних гор...»	51
«Ни горнило сраженья, ни		«Раскаленный жест...»	52
кратер вулкана...»	41	«Один бесенок хочет со мною	
«Жизнь больше жизни,		поладить...»	52
крыльев венец...»	41	Последний день	52
«Ночи светильник с воском из снов...»	41	О телевидении	53
«Радуйтесь, радуйтесь: наша взяла...»	42	«Разве может быть так: человек,	
«Решили расколоть орех...»	42	как пунктир...»	53
«Алогичность, неприменимость...»	42	«Я видел света полосу...»	53
Свет-1	43	«Небо большим кораблем...»	53
«Когда на Землю дверь...»	43	«Побряцаем доспехами...»	54
Знак вопроса		«На севере диком»	54
1. «Грива бешеного коня...»	43	«Перешедшая через "аминь"...»	54
2. «Лопнула бесконечность...»	43	Скитания не ведают дорог	55
«Пока мы говорить вольны...»	43	«Поймали и перевели стихи...»	57
«Кто шутил, смеялся, уж не вы ли...»	44	«– Скоморох на площади...»	57
«Перелетая до внешнего круга...»	44	«Горбатый карлик скривил рожицу...»	57
Посвящается войне	44	«На пиру у Сатаны...»	57
«Солнце свернулось в орбите Сатурна...»	44	«Растянулись губы маски...»	58
«Завтра у врат вылезает псом...»	45	О смутном времени	58

«Нищим странникам...»	58	«Ты все забудь и начинай сначала...» ...	69
«Человеком быть ...»	58	«От холода и ветра...»	70
«На опушке, на пустыре...»	59	«Бельмом на глазу туман...»	70
«Летит мое перышко...»	59	«День серым камнем упал...»	70
«Жизнь волоском зацепилась за землю...»	59	«В размытой и стертой реальности...» ...	70
СКИТАНИЯ (венки сонетов)	60	«Уплывают корабли...»	70
«Грусть, подобная октябрю...»	64	«Не спящим, когда спим мы, посвящается	71
«Мы оторваны от всего...»	64	«Между небом погасшим...»	71
Луна	64	Памяти Сони Унгер	72
«Пережиты пещеры подземелий...»	64	По кончине моей	72
«Из прошлой жизни...»	65	На смерть старика из соседнего дома	73
Соблазн	65	«Заскрипят колеса шестеренок...»	73
Волос	65	Мальчик	73
«Из живого спряденные нитки...»	66	«Мне даруются силы на время...»	74
Новолуние	66	До рождения	74
«Мне назначено свидание...»	66	Иная страна	74
«Продается любовь! Есть валюта своя...» ...	66	Вторая страна	
Театр		1. «Если подняться чуть выше...»	75
1. «В театре мы с вами, конечно, конечно...»	67	2. «Есть страна на облаках...»	75
2. «Театр заколдованный...»	67	«Я увидел в окне: фотографией город застыл...»	75
3. «Люди падали, рыдали...»	67	«Я отныне могу...»	76
4. «– Почему, горбун, играешь...»	67	«Падает снег – это Бог разрешает...»	76
5. «Я не играл, я нервы рвал...»	67	«У лесного деда...»	76
«Глаза ушли с лица...»	67	«Говорят, еще течет где-то...»	77
***		«Назло красну лету...»	77
1. «Никто не вызывает на дуэль...»	68	«Когда я рифмы вновь начну "ловить"...»	78
2. «Штиль на море – как паруснику плыть...»	68		
3. «Не надо больше мельниц волшебства...»	68	ВИСОКОСНЫЙ ГОД	
«Спор не окончен – все на месте оппоненты...»	68	<i>Анатолий Шутый</i>	79
Легенда о Парацельсе и пришедшем к нему молодом человеке		«Пришла весна, а кажется, что – осень...» ...	81
1. – На руках набухли вены	69	«Я оставлен строною, что прежде других...»	81
2. – Слишком долго губы девы	69	«Как древний алхимик весна...»	81
3. Двери хлопнувшей молчанье	69	«Жук на ветку залез...»	81
		«Будет сказка, Восход...»	81
		«Распахните шторы...»	81

«Самое трудное – постоянное, непрестанное...»	81	«Вы, чей дух в пороке стынет...»	87
«А в Долине Грёз...»	81	«Трава, кусты и дерева...»	87
«Не ожирей, сердце...»	82	«Конструктор – детская игра...»	87
«Ни мысли, ни чувства...»	82	«На любимой Родине...»	87
«Деревья за окном мне что-то говорят...» ..	82	«Каменные горы...»	87
«Выдвигаются планеты-полки...»	82	«В разгадке дьявольской отметки...»	87
«На земле среди прочих рождаются "дети"...»	82	«Доколе снова нам рождаться...»	87
«Что увидел я в желтом куске янтаря...» ..	83	«Лабиринты... кладка плит...»	88
«Люди проходят через земную жизнь...»	83	«В душе я слышу голоса...»	88
«За жалом следует яд...»	83	«Рук и ног все мышцы, стоп...»	88
«Даже в нашем тяжелом мире...»	83	«У кого – за годами...»	88
«Повсюду будит сон ростков...»	83	«Жизнь, до дна...»	88
«Дышит в затылок...»	83	«Когда случай, вторгаясь в судьбу...»	88
Страстная суббота	83	«Мне быстрый лук щита милей ...»	88
«Ни день, ни дата...»	84	«Мы все под сводом залы мрачной, гулкой...»	88
«Залил горько-сладкий жар...»	84	«Лук смастерю из собственных костей...» ..	89
О концлагере	84	«В деревьях задержалась печаль...»	89
Поле битвы	84	«Солнце августа несет лаской...»	89
Парад планет	84	«Ой вы, добры молодцы...»	89
«Катастрофы, смерчи...»	85	«Что ж такое мои сны...»	89
«Возьму я меч, возьму копьё...»	85	«Мотыльки и стрекозы...»	89
«Как тяжкий полог мой порок...»	85	«Пусть вверху играют лучики...»	90
«Война была...»	85	О котёнке	90
«Нам сказал Господь...»	85	Посвящается котенку, погибшему от зубов собаки	90
«Теплая кровушка...»	85	«Будь проклят этот хваленый мир...»	90
«Город за городом...»	86	«Наша жизнь – в океане остров...»	90
«Орлеанская дева, Георгий святой...»	86	«Когда не будет вдохновенья...»	90
«Может, в поле Франции...»	86	«Сдать можно свой пост...»	90
«Когда я буду уходить...»	86	«Где мой кол осиновый...»	90
«Нас ждут леса и сохнут без легенд...» ..	86	«Пусть быстрее придут наши сроки...»	91
«Почему забыло Солнце нас...»	86	«Все куда-то уезжают...»	91
По прочтении Дж. Лондона		«То не солнце поднялось...»	91
«Морской волк»	86	«Лучше всего одному...»	91
«В огне распада дух дрожит...»	87	«Атмосфера накаляется...»	91
Аке	87	«В хороводе потех...»	91
«Лягу на стол...»	87	«Уведи, когда я в золоте...»	91
		«Жизнь без стихов мне хуже сечи...»	91
		«Дьявол любит отходить...»	91

«Мои зеленые леса...».....	92	«Если уютно и если тепло...».....	100
«Сквозь горы, лес, моря, сквозь тьму и мглу...».....	92	«Взлет Безумия – свистом крылья...».....	100
«Есть коморка, хлеба корка...».....	92	«Ошибки ожидают роковой...».....	101
«Была бы эта ночь, как стёрка...».....	92	«Мозг как почва разрыхляется...».....	101
«Как ни темен путь земной...».....	92	«Отправляются пусть на покой...».....	101
«Где-то там, за горизонтом...».....	92	«Я не один – мы всюду будто травы...».....	101
«Нам бояться нечего...».....	93	«Сегодня это допустимо...».....	101
«Прошу я крыл, которым мира мало...».....	93	«Недавно я вдруг ощутил странный холод...».....	101
«Сплелись деревья, дремлет луг...».....	93	«Как жалко, что приходится бороться...».....	101
«Было две Германии...».....	93	Посвящается годовщине проживания в этой квартире.....	102
«Мне осталось пройти до горы...».....	93	«Пора штурмовать абсолютный пик...».....	102
«Для нас – судьбы сплетенный шар...».....	94	«Я думал, что повсюду рядом...».....	102
«Пока иду своей дорогой...».....	94	О современных лжепророках.....	102
«Я хочу быть железным...».....	94	О современных лжепророках.....	103
«Мне говорят: «Ты сделай имя...».....	94	Крысы.....	103
«У России потеряно детство...».....	94	Крысам.....	103
«Вы уверены в том, что деревья стоят...».....	94	«В фонарное зарево...».....	103
«Быстрее, быстрее на этот ров...».....	97	«День моего рождения еще не наступил...».....	103
«Ни жара бред, ни агония...».....	97	Странные воспоминания	
«День – длинней прочих...».....	97	1. «Грунтовая дорога у старых домов...».....	104
Ответ редактора провинциальной газеты	97	2. «Прислонился к дороге проезжей поселок...».....	104
«Что-то жизнь скучна и пресна...».....	97	3. «Домики добротные сложены уютно...».....	104
Вспоминая стихотворение Киплинга		«Вне дорог не остаться с Пегасом...».....	104
«Пыль».....	98	«Вся арифметика проста...».....	104
«Здесь будет лес, а не тротуары...».....	98	«Сон, оставь свои объятья...».....	105
«На Страшном Суде, – близ Огня и Рая...».....	98	«Простой невежда вовсе не прекрасен...».....	105
«Мы – бывшие, жившие в прошлых столетях...».....	98	«Все мои цели были сбиты...».....	105
«На далеких берегах...».....	98	Эпиграмма на Пернатого...».....	105
«Моя душа закована в металл...».....	99	Эпиграмма на Юдина...».....	105
«Он, оставшись один, был последним из племени...».....	99	«Семь футов нам под килем...».....	105
«Нет в жизни счастья, нет покоя...».....	99	«Я со стихов снимаю нимб...».....	106
«Стихи не надо нагружать...».....	99	«Каждый день я вновь стою на дне...».....	106
«Когда наступает срок...».....	100		
«Дитя моё, нам не грозят...».....	100		
«В этом месяце уже...».....	100		

Д. Ю. и иже с ним	106	«Считаете: рано пока что в гроб...».....	111
«На острове фей, куда путь нам не ведом...».....	106	«Всё оставлено пепелищем...».....	111
«Иди – впереди необъятна Синь...».....	107	«От звезд к младенцу идут сквозь годы...».....	111
«Одни на стихи прокричат: "Гордыня!"...».....	107	«Чтобы идти можно было в гору...»	111
«Господи! Жизнь непрестанно рыдает...»	107	«Строчка вытягивает стихотворенье...»..	111
«Мой гений – не украшеньё, вроде...» ...	107	«Не пугайтесь стихий разгула...»	111
«Бывает, что идет слепой...»	107	«В океане зарождается заря...»	112
«Летний сон. Растворяюся во всепроникающем...»	107	«О славных критиков полки...».....	112
«В день рожденья на времени сваренный эль...»	107	«Хорошо, когда жизнь – целое произведение...»	112
«Как жаль, затупился мой меч...»	108	«Да минуют стихотворения знаки...»	112
«Этот древний народ был веселым и дружным...»	108	«Подоконник залило утро...»	112
«Не мертвые мы, только и не живые...»..	108	«О чем поет шарманка: о будущем и дальнем...».....	112
Путь назад		«Кровь моя заражена...»	112
1. «Хватит по миру скитаться...»	108	«Я сижу на окне...»	113
2. «Кажется, нет преграды...».....	108	«Спор за меня ведется и со мной...».....	113
3. «На дороге тишь...».....	109	Конец Света	113
«Растянут у планера жгут...».....	109	Сон дьявола	113
«В жилах кровь, и она железная...».....	109	«Пустое сердце – пустые вены...»	113
«Когда будут рушиться наши дома...».....	109	«Уже темно, и ночь не может...»	113
«Голым в бой иду, в броне как будто...» ...	109	«Не бойтесь жить – других минут не будет...»	114
«Ко мне придут и слава, и успех...»	109	«Разметайте мой прах над лесом...»	114
«Где-то солнце другое, деревья не те...» ...	109	«Пойдем отсюда: это лжи...»	114
«Несказанная Сила в далеком пространстве...».....	109	«Всё играем мы в свои игры...»	114
«Под скалами, как осколок...».....	110	«Сразу дерево поддавалось...»	114
«Когда придет для этого пора...»	110	«Шелком на ветру шумит красный гаолян...»	115
«Странное чувство...»	110	«Смрад, которым воняют люди...»	115
«Когда бы знать: кто и когда уйдет...».....	110	«Снова в путь отправляют длинный...»	115
Погибшему моему «Обезьяньему» дереву	110	«Минотавр не повержен, сказания лгут...»	115
«Когда человечья Земля...».....	111	Посвящается гибели экипажа подводной лодки «Курск» (К 141)–1	115
«Влечу головою в Небо...»	111	Посвящается гибели экипажа подводной лодки «Курск» (К 141)–2	115
«Считаете: рано пока что в гроб...».....	111	«Где ждет нас главный бой с врагом...»	116

«Когда мне позволят Небесные Власти...».....	116	«Я слово не оставлю на потом...»	123
«Если придут бураны...»	116	«Ежедневно новую тему...»	123
«Если наш мир фатален...»	116	«Сосна грустна...»	123
«Может, скоро наступит Бой...».....	117	«Всё – прах...»	123
«Для жизни, для созидания...»	117	«Поле пусто, и цепь одна лишь...»	123
Посвящается пожару на телебашне и трагедии с подлодкой	117	«Порой хочу я постоянно...»	123
«Когда меня спросят, как в мире жил...»... 117	117	Город Третьей страны	124
Посвящается Останкинской башне	117	Три страны	124
«Сотни, тысячи, миллиарды...»	117	«И я, и ты, и всякий знает...».....	124
«Немощны, злы и голы...»	118	«Из парусов, что нам в дорогу дали...»... 124	124
«Мы скорее веков не заметим...»	118	«Сон: бесконечные ступени...»	125
«Строки мои, мои предложения...»	118	«Я всё могу, лишь стоит встать с постели...»	125
«Я не люблю учиться и читать...»	118	«Где хоть в броне, хоть в шубе будешь голым ...»	125
«Бой часов – это отзвук шага...»	118	«Оставим это поле...»	125
«День последний и на прощание...».....	118	«В постели хорошо под одеялом...»	125
«То – Весы, их великих чаш...».....	119	Посвящается Поэту	126
«Время встреч не настало пока...».....	119	«Веревка туго зачем-то свита...».....	126
«Год двухтысячный – "ноль, ноль"...»	119	«В траве под моим окном...».....	126
«Бес коварен – перстом его...»	119	«Моя забота есть работа...»	126
«Дорога к Солнцу – лезвие бритвы...».... 119	119	«Жизнь – чугунная батарея...»	126
«Пока пишу, пока сочиняю...»	119	Моей черепашке Мусе	126
«Время творчества...»	120	«Прикрою грудь плащом...».....	129
«Зима проходит, проходит лето...»	120	«Тяжело, и кому поплакаться...».....	129
«Мы – бывшие смертные...»	120	«Чувствую, что кричу...»	129
«Воздуха не хватает – иное сознание...»	120	«В октябре есть одна напасть...»	129
«В раннем детстве ко мне незнакомый старик...»	121	«Мир надвигался непостижимо...».....	129
«Не из рыцарских замков синьора и дона...».....	121	«Включите свет в домах...»	129
«Повсюду видятся перста...»	121	«Трудно, ползая, быть парящим...»	130
«Опять надеваю я старые лагты...»	121	«Время – золото...».....	130
Посвящается боксеру Али	122	«Сыро, зябко, трудно, плохо...»	130
Осенние всадники–1	122	«Те клубы, что по интересам...»	130
Осенние всадники–2	122	«Немного многое решает...».....	130
«Меж камнем и небом исчезли щели...»... 122	122	Лермонтову	130
«Звенит в ушах полета скорость...»	122	«Я думал: вымерз до основ...»	131
		«Где обещания и клятвы...».....	131
		* * *	
		1. «Легенды – нынешняя страсть...»..	131

2. «Пленит, волнует час начал...».....	131	«Где-то тепло...»	140
«Заснуть бы очень долгим сном...»	131	«Кочуем, ожидая утешенья...»	140
«На землю падает листва...»	131	«От души, что уже занялась...»	140
«Я говорил, что нет причин...»	131	«Не собирайте чемоданы...»	140
Предзимье	131	«Незнакомец был ликом бел...»	140
«Атакой совершился шаг...»	132	«Ненужное больше оружие...»	141
«Взгляните: на пустынном месте...»	132	«Я хочу найти цветок...»	141
«К чему нужна такая срочность...»	132	«Ничто его не тревожит...»	141
«Как мне собрать однажды всё...»	132	«Мне дана одна минута...»	141
«Не подсказывает нам опыт...»	132	«На холоде и на ветру...»	142
«Солдатики из олова – кусочки лишь металла...»	133	«Тихо, тайно, как змея...»	142
«Сидит задумавшийся ангел...»	133	«Неуверенны движенья...»	142
«Освободить своё нутро...»	133	Тени зимнего замка-1	142
«Всё это – не событий...»	133	«Хотите, короткий вам сон расскажу...» ..	142
«Как мне встречать рассвета час...»	133	«Безбрежье, камни, горы, тишь...»	143
«Кому под тучами седыми...»	134	«В гору пошли колеса...»	143
Рассказ первого солдата	134	Тени зимнего замка-2	143
Рассказ второго солдата	134	«До зари, до рассвета, – пока еще рано...»	143
Рассказ третьего солдата	135	«С миром с этим наедине...»	144
Рассказ четвертого солдата	135	«Первое предупрежденье...»	144
Рассказ пятого солдата	135	«Мотылька привлёк цветок...»	144
Рассказ шестого солдата	136	«Я забыл свою беду...»	144
Рассказ седьмого солдата	136	«Надо отправляться в бой...»	144
Рассказ о семи солдатах	137	По нэчке «Мудрец с учеником на черепахе»	145
«Ангел крылатый стоит у дверей...»	137	«Тихо за моей постелью...»	145
«Не воин я, пока «склерозом» болен...» .	137	«Помолчим, – сказал пустырь...»	145
«Шагом единорога...»	137	«Под водою, под сумрачным морем...»...	145
«Стояли ювелир, гончар...»	138	«Люблю воздушные свирепые порывы...»	146
«Города многовековые...»	138	«Я говорю входящим...»	146
«Борьба чудовищной воронкой...»	138	«Прямо с гор гренландских на метелях феи...»	146
«Сегодня мир осыпал снег...»	138	«Не время, а просто бестия...»	146
«На время поднятые маем...»	138	«Что-то сил мне не хватает...»	146
«Не привыкну никак к нашей долгой зиме...»	139	«Даже старое дупло...»	147
«Собирайтесь – нам наводятся мосты...»	139	«Я не слышу новых строк...»	147
«Ищем ключ от сундука...»	139	«Вроде бы всё в порядке...»	147
«На пути, ураганом расколотом...»	139		
«Приподнимаю цепи гор украдкой...»	139		

«Посекундно, помгновенно...»	147	«От благодатного сосца...»	154
«На тетрадке карандаш...»	147	«Соскользнувши с крыш...»	154
«День короткий, ночь длинна...»	148	«Галактика, та что для нас соседняя...»	154
«Только этот день спешит...».....	148	«Этот заросший от века лес...»	154
«Под зимней белой скорлупой...».....	148	«Прозрачные струи и белый кафель...».....	157
«Час несущийся одним...»	148	«Ворчит моя лампа – трещит	
«Среди пустынь безжизненно сухих...»....	148	недовольно...»	157
«На смерть Бессмертный к нам		«Философ, физик и поэт...»	157
спустился...».....	149	Автобиография	157
Посвящается М.В.Ш., умершей в час		«Стены у дома слабей дверей...»	158
сочинения стихотворения	149	«Куда же девается наш талант...».....	158
«Когда, ничем не дорожа...»	149	«Притворился мир большим...»	158
«Нечаянно я оказался однажды...»	149	«Утром, вечером или днем...»	158
«В ночь под самый Новый год...»	150	«Татьянин день – рождение кумиров...» ...	158
«К концу приближается год		«Ночью идущей и будущим днем...».....	158
высокосный...»	150	«Намечены события и роли...».....	159
«Когда за столы новогодние сев...»	150	«Я могу с собой играть...»	159
«Ну вот мы и прошли рубеж...».....	150	«Почему сегодня строгий лик...».....	159
«Далекой темной полосы...»	150	«Родился я затем, чтоб побеждать...»	159
«В груди взрывается аорта...»	151	«Для того, чтоб оказаться смелым...».....	159
«Неудержимые удары...»	151	«Не только ты, не только мы...».....	159
«Стоит только подойти мне к почерневшему		«Сердобольный мой сосед...»	160
окну...»	151	«От волнующих громов...».....	160
«Посети меня, Господь...»	151	«Неужели кончился запал...».....	160
«Год пришел – уже пробило...».....	151	«Был один еще недавно...»	160
«Забравшись в прихоти на крыши...».....	152	Посвящается погибшим в Индии	
«Как будто сделать без опоры...».....	152	при землетрясении	160
«Нам немного бы сладких яблок...»	152	Одинокий полк	160
«Отойти бы лучше с края...»	152	«Разыгралась метель...».....	161
«Вверх с огромного уступа...»	152	«Когда, предаваясь лени...»	161
«Мне сегодня дана Благодать...».....	153	«Помню фильм, где повторялся...».....	161
«Поклонюсь-ка я дому...»	153	«У нее недавно умер муж...».....	161
«Поднимают звезды луки...»	153	«Звезды большие и малые...»	161
«То ли днями, а то ли ночами...»	153	«Загудело подо мною, занялось...».....	162
«Не пойму я никак, днем живу		«На свету блестит песок...».....	162
или вечером...».....	153	«В землю сырую уходит носок...»	162
«Я немного поброжу...»	153	«Обронилось сердце – горе наяву...».....	162
«Забота терзает порой до дрожи...».....	153	«Близок хлад острога...».....	162
«Этот ветер, что бушует за стеной...»	154	«Буквы, строчки... – полотно...»	163

Наставники мои-1	163	«Земля под огнями стонет...»	170
Наставники мои-2	163	«Вчера я днем читал китайские стихи...» .	170
Наставники мои-3	163	«Я просто не понял, всего лишь	
«Одна гора покрыта лесом...»	164	не принят...»	170
«Белый замок стоит на высоком		«Мне говорили до рожденья...»	171
холме...»	164	«Погружения в глубины...»	171
Моей пальме	164	«Разговор, что ртуть...»	171
«Что сокрыто лицом...»	164	«Собирались ненадолго...»	171
«Пасмурно. С северо-запада дует...»	165	«Тороплю своих коней...»	171
«Распроститься я хотел бы...»	165	«Отражают солнце гроздь	
«Где ведется быстрым водам...»	165	винограда...»	172
Шутка об Акиной работе диспетчером.....	165	«Где вы, жители Романа...»	172
«На письменном столе покой шторма		«У духа с телом пульс различен...»	172
волнуют...»	166	«Разбилась Гармония – горы	
«Постою на вершине, окину		забвения...»	172
окрестность...»	166	«Побыстрее бы лето, чтобы	
«В поле смерч стоит столбом...»	166	всё исправилось...»	175
«Солнце над гладью морскою поет...»	166	«Неужели же вокруг...»	175
«Иду один я по царству черта...»	166	«Я себе наметил планы...»	175
«На воздушные крылья надену		«Я от чудища сна увернулся...»	175
броню...»	167	Посвящается ликвидации космической	
Сгоревшему соседу Геннадию по прозвищу		станции «Мир»	175
Крючок	167	«Продувает землю низом...»	176
«Молнии бьют и качают буи...»	167	«Ободрил меня теплом...»	176
«Меня провожали до самых ворот...»	167	«От пера отходят линии...»	176
«Снова с Ночью поединок...»	167	«Почему-то то и дело...»	176
29.02.2001, или «Летучие голландцы»	168	«Мельница рассыпала старой ведьмы	
«Полотна оторву, сколько надо,		бусы...»	177
от штор...»	168	«Дали время, дали прыть...»	177
«Дадут мне гномики из леса...»	168	«Дни, похоже, потеплели...»	177
«Пламя – газовой плиты...»	168	«Все полы белы и ровны...»	177
«Прислонилась тень чужая...»	169	«Брат апрель горяч и ловок...»	177
«Всё человечество что-то творит...»	169	«Это, видно, на роду...»	178
«Вчера я чуть не совершил ошибку...»	169	«Поезда и самолеты...»	178
«Ожидая холод...»	169	«Мы не знаем места клада...»	178
«Мы так хотим тепла...»	170	«Не вдохновение, а воля...»	178
«Стремленьем теперь океан будет		«Подпирают вихри двери...»	179
вспорот...»	170	«Стало холодно и жарко...»	179
«Все вчерашние заслуги...»	170	«Я хочу врага назвать врагом...»	179

«Из руки вырывается грива...».....	179	«Почему разодралась завеса...»	200
«Вход в страну чудес ища...»	180	«Не хватает ни веры, ни знаний...»	201
«Завтра мне не хватит духа...»	180	Свет-2	201
«Корни скоро укрепят...»	180	«Нет середины – только низ и верх...»....	201
«Это сок? Только капли сока...».....	180	На смерть Бродского	201
«Здесь судьбы решались под дикие вопли...».....	180	«Я глупо принял за награду...».....	201
«Лучше смерть, чем несвобода...».....	181	«Вы пробуете только на язык...».....	202
«Натравили псов цепных...».....	181	Яйцо.....	202
«Оглянулся – ну и что...».....	181	«Розою станет время-спираль...».....	203
«В прошлом великой, и в прошлом, реки...»	181	«Серый холод гранитных колонн...»	203
«Ослепляет ранний май...»	181	Камню во дворе	203
«Весна без холода не может...»	182	«Могучий Рим, развратный Рим...».....	203
«Мои стихи писал не я...»	182	«Режутся в глубине...»	203
		О том, что многие мои стихи близки по теме.....	204
		«Нет, не свободу я пою...»	204
		«Вселенную не выдержит гигант...»	204
		Бо-о-льшой человек	204
		«Не одевайтесь в нищету...».....	205
		«Придали боги...».....	205
		«Не гоните ворону: ее необычные речи...»	205
		«Ну что тебе до нас, огромная комета...»..	205
		«Гонка в вечность. Полет из последних мгновений...»	205
		«В тени аллеи...»	206
		«Небо для меня закрыло поры...».....	206
		«Груз оставь, забудь про ставки...»	206
		Моей дороги метры	207
		«Сброшу обувь с ног...»	209
		«Я умру для людей: улечусь из памяти...».....	209
		«Я захлопнул двери...».....	209
		«Под солнечным зайчиком лопнуло зернышко...».....	209
		«Руками облапаю Землю как деву...»	210
		«Крестный путь зарос тернием...»	210
		«Моя жизнь – непрерывная цепь операций...».....	210
ДОРОГОЙ НОСОРОГА			
<i>Анатолий Шутый</i>	183		
Мгновения – исток	185		
СНЫ (<i>мини-поэма из семи стихотворений</i>) ..	187		
«Кто-то смело за меня...».....	191		
Нечто	192		
Два случая.....	192		
«Прорвал тугую пелену...»	193		
«Нет, не философ я еще и не поэт...»	193		
Баллада о Тьме и Слепце.....	194		
Остров Пасхи.....	196		
Абсолютная защита.....	197		
«Когда корабль ваш...».....	198		
«Своих – не жаль...».....	198		
Бесы.....	198		
«Хвалу пою тебе, мой рок...»	198		
«Однажды сон мой воплотится...»	198		
«Из нежных фраз – отдельных лоскутов...»	199		
«Мы с тобой далеки...»	199		
«Я вновь на сто лет опоздал...»	199		
«Зачем тысячелетий долгий ход...»	200		
Песнь о Земле	200		

«По миру пошел повелитель День...»	210	Глобальная катастрофа	221
«Уж девять дней, как Зиму проводили...»	211	«Не признавая полумеры...»	221
«Убаюкала облако крона древесная...»	211	«Открыл окошко, лето чуя...»	222
«С весны начинаю заново...»	211	«Я один бы лег в постель...»	222
Смеющимся	211	«Мне, наверное, на рею пора...»	222
«Я боюсь перестать быть собой...»	211	«Я снова ангелом наказан...»	222
«Нет для грешного местечка...»	211	«Кругом песок, один песок...»	222
«Не карат опала...»	212	О.Н.Никольскому, погибшему в этот день подо льдом Волги	223
Американцам	212	«Я хотел бы для всех притвориться...»	223
После литературного семинара	213	«Я жил и в прошлые века...»	223
«Ну-ка, шут, подними же бубен...»	213	«Никогда не смогут бесы...»	223
«Не вложить...»	213	«Обрубиться до ствола...»	224
«Белый свет – тьма стрел...»	213	«Как трудно мне любить мой...»	224
«Свет бьет...»	214	«Почему так получилось...»	224
«В песок раскололся воздух...»	214	«Я мастерил себе машину...»	224
«В моем мозгу микроб шизофрении...»	214	«Мы рождены рубиться на ножах...»	225
«Холодно... и во сне, и в ванной...»	214	О кошке, поднесшей умирающего котенка к моим ногам	225
«На площади на городской...»	215	«В руках у Бога жизнь дрожит...»	225
Монолог бродячего актера ночью у костра	215	«Всё, что будет, – сбудется...»	225
«В стены тесного вертепа...»	215	«Барабан звенит...»	226
Мир темной силы	216	«Я не великим стану после...»	226
Магия	216	«Ни враг не страшен и ни рог...»	226
«Я снова посредине боли...»	216	«Окунувшись в роль...»	226
О запретных темах...»	217	Нашему клёнику и другим деревьям, которые росли до этого дня за нашим окном ...	227
«О Истина! как только для меня...»	217	«Без ноги старик...»	227
«Где познаётся истина...»	217	На смерть моего дяди Алика	227
Камень на перепутье	217	«Колосья созрели...»	227
«Я совсем не могу писать...»	218	На смерть моего дяди Кости и погибших в этот же день под цунами	227
«Ой да воины заморские, ой да люди чужеземия...»	218	«Около предгорий и с фонтаном рядом...»	228
Познай иные ветры	219	«Под белым небом...»	228
«Когда пишу стихи, – не прозу...»	221	«Потому, наверное, у нас...»	228
Голуби	221	«За горизонтом желтая земля...»	229
«Когда-то в крошечной ночи я увижу зарю...»	221	«Ищу глазами: что бы освежило...»	229
«Под Солнцем и под облаками...»	221	«Рассчитывая капли крови в жилах...»	229

«Я пишу и пишу, всё стремясь повторить...»	229	«Остаться ли мне на вершине...»	242
«Он помнит страстную субботу...»	229	Слова любви	242
«На ум почему-то приходит молитва...» ..	230	«Как боль от раненых ступней...»	242
«Я рад, что не всё так гладко...»	230	«Война. Ее пульсации отвесны...»	242
«Пусть не дойдут до нас снега...»	230	Елене Токарчук	243
На смерть бабушки (Любови Андреевны Мавренковой)	230	«Наверное, всё, что скажу, – старо...»	243
Симбирску-Ульяновску	230	«Не гонка – жизнь, не состязанье...»	243
В парке у часовни Андрея Блаженного ..	231	Анатолий	243
Черемуховое похолодание	231	«Как надоело жить и жить...»	244
Ex libris Маленького принца	231	«Его стезя была долга...»	244
«Мы судьбу о землю точим...»	231	«Я гудящие пожары...»	244
«Мне дан гербарий за оградой сада...» ..	231	«Залатавши куртку...»	244
«Как хорошо, что не пишу я дневников...»	232	«Я запрячу своё горячее...»	245
«Только без рук!»	232	«Одно Ему не развернуть...»	245
«Грех стучится в височную кость...»	232	«После скорби и усталости...»	245
«Нет в мире зла, есть только сон...»	232	«Бог мой! Мне нужна работа...»	245
«Божий Лик нами как-то был собран...» ..	233	«За шесть веков мы сочиним судьбу...» ..	245
«Кода судьба женщины висела на волоске...»	233	«Мои победы – крыл моих перо...»	246
Эмигранты	233	«Ни блаженства, ни высот...»	246
Фантомы	233	«Оставьте глупые поверья...»	246
«Опять, душа, тебе приятна "шуба"...» ..	234	«Я один на семь шагов...»	246
«Упал сосуд из хрусталя...»	234	«Отрывается дух от тела...»	247
«Король повержен – хохочите...»	234	«Мы ходили морем...»	247
Посвящается взорванным храмам Симбирска	234	«Разноцветные игрушки...»	247
«Сердцевина затвердела...»	235	Мой марш «Единого фронта»	248
«Всё то, что было днем освещено...»	235	«Не легли на тело раны...»	248
«Лет через сто, а может, раньше...»	235	«Мне реальность эта – миф...»	248
«Отраженье черно-белое...»	235	«Неужто в нашей смерти высший смысл...»	248
«Шар стальной окружила тоска...»	235	«Собираю себя по листам и столам...»	249
«Не в свою реальность влез...»	236	«Не потому путь подо мной волнист...» ..	249
ЗЕМНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ (венки сонетов)	236	«Недолог цвет, и скоро увяданье...»	249
Идущий сквозь восток	241	«Не вдаваясь в суть вопроса...»	249
«Я солдат своих направил...»	242	«Где-то есть пружина и не выйдет "против"...»	249
		«Я – дерево: пока был молодым...»	249
		«Всё как должно, но как-то так...»	250
		«Не затем, что хочу я чуда...»	250
		«Вот и время течет иначе...»	250

«Убегу от работы, и тонкие ветви кустов...».....	250	15. «Молно теперь я Бога о свиданье...»	256
«Я умер в два года на старой квартире...».....	251	16. «Господи Христе...»	256
«Мой мозг не нужен – всё коту под хвост...».....	251	Маме	256
Время.....	251	«Кто пойдет со мною дальше...»	256
«Наступил вечер...»	251	«Когда я весь омоюсь у ручья...»	258
«Из детства помню я тенистый парк...».....	251		
«Если были б только совы...»	252	СОДРУЖЕСТВО ПЕРА И КИСТИ	
Моей армии солдатиков.....	252	<i>Ака и Анатолий Шутые</i>	259
«Ни лет, ни дней, а сорок сороков...»	252	ЧТО ПОМНЮ	
«Накопился немалый опыт...».....	253	<i>Михаил и Анатолий Шутые</i>	275
«Не взбудоражить барабанам...».....	253	Из автобиографии Михаила	
«Среди неподвижных звезд...».....	253	Александровича Шутого	277
«Я был... Ну, в общем, не Наполеон...» ..	253	Память Михаил Шутый	279
«Многого нет, знать, не будет и смерти тоже...».....	254	Бог войны	
«Пусть был салют и та весна...»	254	<i>Михаил и Анатолий Шутые</i>	290
«Проститься не поздно и нам...»	254	ПЕРВЫЙ ШАГ	
ПАПЕ		<i>Анатолий Шутый</i>	303
1. «Любил ты, если снег метет кругом...»	254	У ВРЕМЕНИ НА БЕРЕГУ	
2. «Недавно я увидел сон...».....	254	<i>Анатолий Шутый</i>	321
3. «Борьба с болезнью, как война...».....	255	Шары-образы.....	323
4. «Одна жизнь, один дух, одно отчество...»	255	Сон.....	323
5. «Никто не мог так успокоить...»	255	«Небо зацепило Землю...»	324
6. «Хотел тебя укрыть крылом...»	255	Хаос	324
7. «Ты был, как плюшевый медведь...»	255	«Боль – обычное ощущение...».....	325
8. «В моей груди как будто факелы...»	255	Лев с тяжелым шаром.....	325
9. «Когда я буду, где ликует Правда...» ..	255	Волны грядущего	325
10. На поминках	255	«Люди покрывают дорогу...».....	325
11. «Чем я гордился не по праву...»	256	В ожидании своей второй даты	326
12. «Ты нам всего лишь помогал...» ..	256	«Крылья без креста...».....	326
13. «Пока кругом, что было при тебе...» ..	256	До Рассвета	326
14. «Всё Бытие с тобой переплелось...»	256	На арене Вселенной	326
		«Я не сочиняю...»	327
		Комета	327
		«Размышляя о конце...»	327
		Гомункул?.....	327
		В стеклянной банке.....	328
		Прививка.....	329

«Человек рождается...»	330	«В посеребренном океане...»	364
Выпал снег	330	«Учителем шел он к народам...»	365
«Зима, не желая...»	332	«Хочу не улететь я навек – далече прочь...»	365
«Порой я ощущаю, что всё вокруг...»	332	«Положены границы...»	365
Мельница	333	Из прошлой жизни	366
«Иногда какое-то слово...»	333	«Вы всё чего-то ждете от меня...»	367
Льдинки и алмаз (<i>басня</i>)	333	Демоны – сыну О.С.	367
Песок	334	«Лицо дрожит...»	367
«Бывает я вдруг начинаю видеть...»	334	«Земля густым напоена...»	367
«Вот еще о чем мне бы хотелось сказать...»	335	Пернатому (С.Ж.)	368
Ель и Осина (<i>басня</i>)	336	«Не надо мне ни перца, ни горчицы...»... Кожа	368
Сказка о Козявочке, Ивовом Листике и реке	336	О моей тьме	369
		От имени Пернатого	369
ВТОРОЙ ШАГ		«Законы высшие строги...»	369
<i>Анатолий Шутый</i>	339	«Рождение...»	370
ПРИЛОЖЕНИЕ	355	«Да обратятся в соль слезы мои...»	370
Курсивом <i>Анатолий Шутый</i>	357	«Стихии создание – Морская Волна...»... Пернатому	370
Песенка оптимиста	357	О неразделенной любви	371
«Когда пошли резервы в ход...»	357	Заболевание любовью	
«Когда в ходу уже резервы...»	358	1. «Как на библейского пророка...»	371
Звезда	358	2. «Еле слышный тихий посвист...»	372
«Яркий Свет впереди...»	359	3. «Что-то странное...»	372
Комитету комсомола в связи со студенческими выборами	359	4. «Кошмары, мозга брожение...»	372
«Сократа вывод прав...»	359	5. «Это только начало...»	372
«Обетованная страна...»	359	6. «Нам говорят, на розовой планете...» ..	372
Суета	360	7. «Первое свидание...»	372
Два крыла	361	Страшный сон–1	373
«Что день грядущий нам готовит...»	361	Страшный сон–2	373
«Самоуверен род людской...»	361	Страшный сон–3	373
«Конечно же ничтожна...»	362	Взрыв вовнутрь	373
«Всё сказано, и нет причин...»	362	Не обо мне, но всё же...	374
«Гордыня, дерзость...»	362	Экстрасенсам разных мастей	374
«Так нужен ли кому-то этот труд...»	362	Одиночество	375
Путь к истине	363	«На зло красну лету...»	375
Другу Юдину в день рождения	363	Эпиграмма на Д. Юдина	375
Наш мир	364	«Божий сын, что на битву и царствие зван...»	375

«Однажды, джокера приняв за туз...»	375	«Врезались молнии и множились зарницы...»	378
«Если б кто хоть раз увидел скотство...» ..	375	Моромины.....	378
«– Как делишки у Маришки?...».....	376	«Так исчезает долго-жданный поезд...»....	379
«Влюбленный будто на поверхности...»... 376		«– Отсыпь песок, стань, Время, зеркалами...»	379
«Я никак не пойму суть явлений...»	376	«Семь тысяч дел и столько же идей...»	379
Моё зло		«Внимание! Не он студент...».....	379
1. «Я ненавижу близких и далеких...»	376	«Ах, если падать из окна...»	380
2. «Тверды шаги – преграды ни одной...»	376	«Нам бы место – посидеть...»	380
Зло		«Но как на свете без любви прожить...» ...	380
1. «Эстетика порочности, ущерба...»..376		Дума.....	380
2. «В бредовый час, в минуту ль просветленья...».....	377	«Пустите меня в свой круг...»	380
«Клянемся всё то Господу, то Богу...»	377	«Я ожидал похвал...».....	380
Маньяк	377	«Моя Ака не рисует...».....	380
О наркоманах	377	«Я верю: Бог меня спасет...»	381
На реферат по педагогике.....	378	«Его газетный журналист...»	381
«Опоры из бетонных свай...»	378	Ответ Семенцову	381
«От чуждых враждебных сфер...»	378	Ответ Т. Мельник	381
«Скрижали каменные, плиты ль пирамид...»	378	Гимн городу	381
«Ценители мои! без вас я не поэт...»	378	Посвящения <i>Анатолий Шутый</i> ...	382
		Имя (SMS-поэма) <i>Анатолий Шутый,</i> <i>Татьяна Мельник</i>	394

АНАТОЛИЙ ШУТЫЙ
МИХАИЛ ШУТЫЙ
АКА ШУТАЯ

Художественно-публицистическое издание

По циферблату Млечного Пути

Сборник произведений

Ответственная за выпуск Г. Серова
Редактор О. Знахарчук
Редактор-корректор А. Гордок
Дизайнер-верстальщик Ю. Турутина

Издательский дом «Караван».
432071, г. Ульяновск, ул. Воробьева, д. 89.
Тел. (8422) 44-61-28, тел./факс 41-48-44.

Подписано в печать 27.07.2010
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Тираж 1100 экз. Заказ

Отпечатано с предоставленного электронного файла издательства
в типографии ГУП ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Мне: антитеза -
Земной покров.
Одет в железо
От куполов.

Роняют косо
Минуты град.
Стучат колеса
О циферблат.

Под ноги низом
Струится век.
Весь день пронизан
Забвеньем рек.

Дыханьем горько
Черты скользят,
Всплывают только
Следы на Взгляд

От изголовья
Ста сот годин
Строкой безмолвья
Со дна седин,

И путь наш - следом,
Он на Заре
Уже не ведом
Земной коре.

28.2.2006